

**ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ**

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

**№ 4 / 2013
ИЮЛЬ – АВГУСТ**

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоецинбанк»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Владимир СОКОЛОВ,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

Содержание

ПРОЗА

- Сергей Подгорнов.** Аукцион (провинциальный роман о жизни кабинетных работников) . 3
Юлия Нифонтова. Круг доверия. Рассказ 61
Ольга Софьина. Женщина, которой не было... Рассказ 79
Павел Бессонов. Дурочка моя, любимая. Повесть 90

ПОЭЗИЯ

- Валентин Махалов.** По-прежнему пахнет ромашковый луг 54
Александр Ибрагимов. Тринадцать. Поэма 70
Игорь Малышев. Это жизнь замирает во мне 87
Александр Соколов. Ушедшее прикосновение 108

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

- Валентин Курбатов.** Высокие облака 110
Вячеслав Лютый. Русский песнопевец 113

ПУБЛИКАЦИЯ

- Игорь Гусельников.** Наши люди в Сочи 120
Валерий Власов. К истокам 124

ЭССЕ

- Александр Ярошук.** Читая Библию... 130

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Николай Ничик.** «Я – дочь, я – ветвь абинского народа...» 140

РУССКАЯ ШКОЛА

- Вячеслав Елатов.** Юбиляры и финансисты 143

КНИГА ПАМЯТИ

- Тамара Рубцова.** Горька моя любовь. Судьба и творчество юргинского поэта Евгения Винокурова (1947–1994) 152

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Айвенго Сиразитдинов.** Достойные сочинители есть посредине России! (Отзыв на повести, выбранные мною не случайно, из номеров журнала «Огни Кузбасса») 159
Валерий Плющев. Удача Виктора Коврижных 164
Сергей Чикильдик. Берега Касмалы 165

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

- Александр Шураев.** Как была ликвидирована трахома в Кузбассе 168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовила **Н. Мурзина** 170

РУССКОМУ ПОЭТУ
ГАВРИЛЕ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ – 270 ЛЕТ

1743–1816

СНЕГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш?

Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый
Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве
строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом;
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь
славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

Сергей ПОДГОРНОВ

АУКЦИОН¹

(Провинциальный роман
о жизни кабинетных
работников)

ГЛАВА 7. ВЕЧЕР

День остывал. Солнце, точно хитрый проситель к двери хамовитого и замшелого бюрократа, вкрадчиво подбиралось к горизонту и, хотя висело еще довольно высоко, но нестерпимая жара уже съежила ножки, а нагретый с утра асфальт поспешно и с облегчением выбрасывал из себя излишки тепла. Тени удлиннились, и от легкого, еле слышного потягивания воздуха и от неги, разлившейся вокруг, стало удивительно приятно и хорошо. В такой душевный и благодатный вечер хотелось непременно совершить какой-нибудь поступок! Подойти, допустим, к торговке, одной из тех, что часами торчат на малом базарчике за магазином «Юбилейный», и купить у нее – нет, не семечек и даже не стакан смородины или душистой малины, а пару крупных мясистых помидоров под названием «Бычья сердца», или «Тамбовских» – те мельче и сочнее. И тут же, облокотясь на прилавок, съесть один из них, и слушать, как торговка нахваливает – и совершенно справедливо – свой товар. А можно сесть на «сто второй» и поехать на Асинку – туда, где жара вlepпляет веселые щелчки беспечным гражданам, и они, разомлевшие, полуголые, пачками валяются по ее живописным

3

берегам; и искупаться в сверкающей бликами воде, а потом лежать, обсыхая, на мягкой траве и обмахиваться веткой от назойливых слепней. А еще можно, если настроение соответствует, взять бутылку «кувшинки» (или две – три – четыре) и отправиться на мичуринский и там пить ее медленными глотками, закусывая или все той же сладкой смородиной с куста, или коротким и толстым огурцом с грядки – это уж у кого какие запросы...

...На Диспетчерской, узлом стягивающей автобусные маршруты, многолюдно, как, впрочем, и всегда по окончании рабочего дня. Число ожидающих разломлено примерно поровну с одной и с другой стороны овальной площадки. Над головами, затейливо изгибаясь, вьется сизоватый папиросный дымок и во множестве синюют открытые татуированные руки мужичков – шахтеров с «Асинской» и работаг с металлического.

Асинские автобусы имеют давнюю привычку двигаться по своим особым, наизнанку вывернутым графикам. Смешно и глупо спрашивать у ленивой тетки за окошком диспетчерской, когда же будет твой маршрут. Она все равно ответит только одно: «Скоро». И повернется к вам толстым затылком и будет продолжать зубоскалить с шоферами. Лучше стой, жди и замечай: то ни одного нет, то друг за другом сразу три. А то столкнутся перед маленьким теремком диспет-

¹ Журнальный вариант. Продолжение. Начало см. в №3 за 2013 год

ПОДГОРНОВ Сергей Елизарович родился в 1956 году в Анжеро-Судженске. Окончил Дальневосточный государственный университет. Работал в конструкторском бюро г. Владивостока. В 1987 году вернулся в Анжеро-Судженск, работал в городской газете, на стекольном заводе, сейчас – в городском водоканале инженером по охране труда. Автор двух книг стихов. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь». Член Союза писателей России. Живет в Анжеро-Судженске.

черской штук семь или восемь и смотрят, словно стадо овец, пустыми бесстыжими окнами на томлящийся народ.

Асинский народ терпелив. Долгое стояние на остановках отшлифовало новый тип сообщества граждан. Граждане этого типа в ожидании нужного маршрута мирно и доверительно беседуют между собой, однако стоит подойти автобусу, как все моментально преображаются. Каких-нибудь две задушевных приятельницы, пять минут назад говорившие о самом сокровенном, теперь, стремясь к заветной двери, шипят, отталкивают друг друга, а то и норовят одна другой поддать коленом под зад. Для большего ускорения. Сколько б ни было пассажиров – роли не играет. Даже если на остановке не больше трех человек – редкий случай, чтоб они не проникли в автобус, не орудя локтями. На свежего человека все это производит сильнейшее и неизгладимое впечатление. Но чему удивляться? Вот поживешь немножко здесь и сразу поймешь: лучше уж слегка потолкаться, но уехать, чем ждать очередного автобуса. И нет никаких сомнений в том, что если две упомянутые приятельницы завтра встретятся здесь же, то они как ни в чем ни было продолжат беседу.

Но пока автобусов нет – все спокойно стоят, знакомые негромко обмениваются новостями, рассуждают о видах на урожай, а то и понемножку изумляют друг друга: «...То-то я Саньку твоего полгода не вижу!» – «Посадили его, как есть посадили, я уж к нему с передачей ездила.» – «А Надька-то его че?» – «А че Надька – пьет!» – «Вот она наша материнская доля...»

Под самыми ногами, в пыли, нагло и вызывающе бродят грязные голуби, сбиваются в кучки, особенно возле тех, кто щелкает семечки – авось что-нибудь перепадет...

...Со стороны улицы Максима Горького, оттуда, где запрокидывалось вниз отгоревшее солнце, одышливо и неуклюже подкатила скособоленная, до предела переполненная «восьмерка». Старый автобус-«гармошка», тяжело вздохнув, подставил тускло-желтый бок взволнованнейшей разом толпе. Еще не успели раскрыться двери и выпустить тех, кому дальше не надо, как жаждущие уехать плотно прилипли к нагретой металлической стенке, образовав два напряженно шевелящихся роя.

Шофер побежал в диспетчерскую, туда же отправилась и кондукторша.

Внутри салона началось бурное движение и вспыхнула яростная перепалка:

- Че трогаешь, я те щас трону!
- Радуйся, дура!
- Тетка, отодвинься, а то помну!
- Малец, отрули в сторону, не мешай.
- Ты куда ломишься, леший, прямо по ногам!
- Сунь их в карманы!

Что особенно характерно – «гармошки» имеют, как известно, три двери для пассажиров, но у асинских автобусов всегда, испокон веков, открываются две – первая и средняя. Только первая и средняя! Почему шоферы не открывают заднюю – остается удивительной, непостижимой загадкой для асинцев. Большинство отчаялось, махнуло рукой и не ропщет, но кое-кто из слишком въедливых звонит иногда в контору АТП, задает вопросы (даже, бывает, и в грубой форме!), там туманно обещают разобраться и на этом все кончается.

Таинственную загадку третьей двери предстоит, вероятно, решить лишь грядущим поколениям.

Эдик, с молодых ногтей выпестованный галеркой, пробирался в салоне от привычной задней закрытой двери к средней открытой. Пробирался, вздернув над собой дипломат, и при необходимости старательно колотя им по чужим головам, пробирался, рывками продергивая себя сквозь густоту стоящих. В ноздри ему бил спертый прокисший воздух, лицо то справа, то слева обвевало разной плотности перегаром. Кто-то придавил ногу, кто-то въехал локтем в бок, но – усилие, еще, и Асадчий выбрался наружу.

– Черти, чуть не задавили, – весело сказал он, потирая бок и наблюдая начало штурма. А там уже масса слипшихся тел напирала, бурлила, выдавливая из себя в салон по одному-два счастливчика. Слышался приглушенный бабий визг.

– Бедный автобус! – посочувствовал Эдик, отряхивая джинсы.

Стоп! А где замечательная зимняя куртка под экзотическим названием «пуховик»? Где она, пошитая стараньями чернооких китайских прелестниц и срочно доставленная тетке Лизе, чтобы согреть твои плечи? Где куртка, Эдик?

А там, где ей и положено быть – на шахте «Ударник». Всем хороша вещица, но рукава длинные. Или руки короткие. В общем, перестаралась тетка Лиза. Ну да ладно, ничего. Они сей-

час уголек только так за кордон фугуют. А в обмен и телевизоры, и видеки, и магнитофоны, не говоря уж о тряпках.

Тетка погоревала, погоревала, но теперь руки ниткой измерила и узелки завязала, в следующий раз должно быть без осечки.

Не обошлось, конечно, без того, чтобы в очередной раз не поцапаться. Тетка Лиза – депутатка, на всех сессиях секретарствует рядом с Мудрым, от нее тоже многое зависит. Но, что самое удивительное, к Мудрому она расположена.

– Бедная Лиза, ты в своем уме? – без обиняков спросил однажды племянш.

– Голуба, да других ведь нет. Безрыбье...

Оно, конечно, справедливо. Но кочку на ровном месте чего уж вершиной считать, ты ж ведь не дура, все понимаешь. Вот и сегодня племянш невинно так попросил:

– Тетка, не губи! Порадей на сессии о газетке. Не суй нас под садоводов.

– Еще чего, – сразу ожестев голосом сказала тетка. – Вас непременно надо сунуть.

– Крови ты моей хочешь, – нажимал племянш.

– Не хочу.

– Хочешь, хочешь! Ты знаешь, что такое баба начальница?

– Еще неизвестно, – упорствовала тетка, – кто для тебя лучше: Вовк или ваш Тонкобрюхов.

Слово за слово и пошло-поехало. Короче – наговорили друг другу... Потом, правда, Эдик в шахту спустился, взял материалаец для репортажа, так что все равно не зря съездил...

...Рядом, перепоясанные полотенцами, разговаривали два шахтера. Один, с остро выпирающим кадыком, захлеб затягивался папиросой.

–...А я уж бухой, даю деньги Рыжему: на, говорю, достань еще два пузыря. А он: да ты че – сам не можешь? Во! Я аж отрезвел. В натуре! Ну, борзота: на шару жрешь и сбегать не хочешь! А он поднялся и на меня же и поволол! Я разворачиваюсь – хрясь в хохотальник! Он – опять. Я еще. Он куда-то урылся, я его больше и не видел. Мы с Мишухой допили, потом Ленька пришел, флакон принес – мы и его раздавили. И как домой добрался, не помню. Седня башка весь день трещит.

– Поехали, ..., ко мне, – предлагал другой.

– А че?

– Я вчера пива канистру взял. Еще, ..., литров девять осталось.

– Ну и пей.

– Да, понимаешь, карбюратор че-то в «Иже» барахлит. Может, заодно глянешь?

– А рыба есть?

– Найдется. Я, ..., карасей навялил.

– Стерва твоя опять жужжать будет.

– Она во вторую.

– Ладно, поехали...

Эдик покачал головой и потрохал домой – а жил он в сотне метров отсюда в переулке с подохнешь от смеха названием: Электрический. Надо было обогнуть недавно оштукатуренное четырехэтажное здание и завернуть во двор. Там в дальнем углу стоял старый, облупленный как яичечко дом в три этажа с разрисованными стенами понизу и такими же изукрашенными дверьми подъездов. На скамейке у входа два замызганных ребенка неопределенного пола играли «в дом». Один из бесполох, подняв игрушечную чашку и явно подражая кому-то, солидно басил:

– А жрать опять не сварила,.. твою мать!

Эдик вдруг притормозил и сделался серьезным. Следы напряженнейшего раздумья отразились на челе. Брови и нос втянулись, лицо стало плоским. Сложную задачу решал он про себя. Но – мгновение, два и уродливые морщины опять разгладились, лицо стало прежним – выпуклым и беззаботным.

Приняв решение, Эдик радостно хмыкнул и, вместо того, чтобы подняться на свой второй этаж, развернулся и побежал в редакцию.

В тот момент, когда Пальма получила оттиск последней, четвертой полосы и уже собиралась на встречу с Чемякиным, к асинскому железнодорожному вокзалу, шагая прямо по шпалам, уверенно и быстро приблизилась странная до нелепости фигура. При ближайшем и детальном рассмотрении оказалось, что это дама, причем высокого роста, с крупными грубоватыми кистями рук, маленькой головкой и с волосами, собранными в приплюснутый пучок на затылке. Была она смуглая от загара, в кедах, шортах, в клетчатой рыжей рубашке с закатанными по локоть рукавами и сильно поблекшей, а также в шапочке с темным козырьком от солнца. За плечами горбатился небольшой, но плотно набитый рюкзак, яркий и веселый, словно конфетная бумажка; на боку болтался планшет, а в руке она сжимала крепкий и полированный от долгого употребления посох. В общем, экстравагантная дама. В Асинске так не ходят.

Перрон в этот час оказался пуст. Как раз обозначился такой промежуток, когда ни пассажирские, ни электрички не стопорили здесь размашистый бег, не открывали дверей, из которых шумно вываливала пестрая небогато одетая толпа с кошелками и чемоданами. Только тяжелые товарняки, груженные лесом и прочим важным добром, сотрясаясь на стыках и басисто гудя, пролетали под виадуком.

На сером асфальте и между рельсов валялись пыльные окурки, куцые обрывки бумаг, конфетные обертки и прочая подобная дребедень.

Какой-то мужичок, в мятой захватанной кепке, из тех, кто всегда имеет массу свободного времени, в одиночестве сидел на перронной скамейке и сердито плевал под ноги, напряженно целясь в пивную пробку. Результаты были не очень. Подняв голову, он, нимало не смущаясь, в упор рассмотрел возникшее явление. Явление не сулило ни вреда, ни пользы. Оно приблизилось и на ломанном русском языке спросило:

– Скажите пожалуйста: как пройти в редакция ваша газета?

Мужичок плюнул еще раз и безразлично сказал:

– Так это в центр надо. Вот по виадуку, ну, потом вниз, мимо кладбища, по Гагарина, потом мимо «Детского мира». Там будут универмаг, трест, школа. И – к Дому Советов.

Уж если человек топают по шпалам, ему, естественно, и в голову не пришло предложить ей проехать на автобусе.

Перемахнув по виадуку через рельсовые пути, незнакомка оказалась на Гагарина. Дорога вниз спускалась единственная, но, тем не менее, путешественница испытала сильное беспокойство: правильно ли она идет? Ей сказали про кладбище, а вот кладбища-то она как раз никакого и не видела. Слева от дороги тянулись спрятанный за забором гвоздильный цех, там иногда что-то ухало – делались гвозди, дальше деревянная старая ветлечебница, к перилам крыльца которой толстой, но потертой веревкой была привязана равнодушная корова, белая с черными пятнами, а ниже – частные дома, крытые где шифером, где железом. Справа кудрявилась томной зеленью небольшая рощица. И невдомек ей было, что рощица – это и есть кладбище. Но там уже сорок лет не появлялись новые поселенцы, а за сорок лет, как известно, все могильные кресты и тумбочки хозяйственные живые давным-давно растащили на дрова.

Гостья утешила себя тем, что недостаточно знает русский язык и, вероятно, что-нибудь не так поняла. Здесь же, на Гагарина, но не оттуда, где лежали теперь безымянные покойники, а совсем с другой стороны из подворотни вылетела нервная шавка. Шавка, размером с кошку, развернув торпедное тело, на коротких кривых ногах ринулась к путешественнице и, злобно скаля мелкие зубы, несколько раз отрывисто выкрикнула:

– Аф! Аф!

С улыбкой в лице гостья отмахнулась от нее посохом.

Спустившись до основания улицы Гагарина, незнакомка была вынуждена несколько минут постоять на перекрестке, ибо все асинские машины устроили такую канитель, летая как оголтелые в разные стороны, что проскочить через дорогу не было никакой возможности. А светофор, как на грех, в этом месте оказался не предусмотрен. Но путешественницу это ничуть не огорчило. С любопытством водя вокруг себя глазами, она успела рассмотреть с одной стороны школу №17, окруженную потрепанной изгородью и садиком, а с другой огромный кирпичный банно-прачечный комплекс «Здоровье», который мало кто посещал, однако не по причине отменного природного здоровья асинцев, а по причине высокой стоимости входных билетов.

Всего этого гостья, конечно, не знала, однако обнаружив отсутствие государственного флага над тем и другим зданием, она догадливо сообразила, что ни то, ни другое не могут являться Домом Советов.

Наконец в непрерывном потоке машин образовалась щель и путешественница, размахивая посохом, ловко перебежала на другую сторону. Здесь она сразу оказалась около спортивного магазина «Чайка», назначение которого определить не составило труда, так как в огромной витрине образовали сложную композицию резиновая надувная лодка, гантели и тренажер производства местного металлического завода.

Здесь незнакомку обогнал наглый шкет на велосипеде. Он обернулся и присвистнул:

– Тетка, ты откуда?!

За что был также награжден доброй широкой улыбкой.

У решетки городского парка, который сразу за этой решеткой проваливался в яму, она еще раз пересекла дорогу.

На углу магазина «Юбилейный» стояли и сидели в рядок торговки цветами. Все, как по команде, бросили лузгать семечки и дерзко осматривали прошагавшее мимо чудище.

– Тьфу, срамota какая, – сказала та, у которой в ведре были астры, – в трусах по улице чешет и хоть бы хны!

– С телевизора моду берут, – сказала другая, с гладиолусами. – Я вчера видела: в Ленинграде бабы так тоже ходят.

– А это не Дарьи Степановой дочка? – предположила третья, из корзинки которой выглядывали крупные садовые ромашки.

– Какой Дарьи?

– Ну – возле «Таежного» живет. Дочка у нее – умом тронутая.

– Может и она, кто ее знает...

Дальнейшее обсуждение было разом прервано. Возле торговки с явным намерением купить цветы остановился лысый пьяненький мужичок. Весь ряд всполошился:

– Возьмите гладиолусы!

– Ромашки! Ромашки!

– Покупай астры, молодой человек!..

Еще пару раз уточнив направление, гостя Асинска, шагая ровно и широко, минут через сорок добралась до указанного места. Здесь она, поднявшись по лестнице, спросила у дежурного: «Как пройти в редакция?» и, наконец, оказалась перед одним из нужных кабинетов.

Корректорши Валечка и Рая, как всегда стремясь поскорее покончить с казенной работой и убраться восвояси, вычитывали полосы. Дверь была открыта. В проеме этой двери и возникла нелепая фигура с палкой в руке и, радостно улыбаясь, спросила:

– Это редакция?

Валечка, сидевшая ближе, еще не окончательно оторвавшись от полосы, недовольно буркнула:

– Да.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – на этот раз нестройно ответили корректорши, озадаченно глядя на вошедшую.

– Я из Америка. Меня зовут Дженет Кестер. Я иду пешком из Орша – Владивосток. Мне нужно где-то ночевать.

Корректорши переглянулись.

– Надо проводить к Максиму Евсеичу, – сказала смущенная Валечка. – Пойдемте со мной.

Тонкобрюхов редко отправлялся домой раньше пяти. Давая послабления другим, он ни в коем случае не позволял их себе. «Служба, – убежденно говаривал он, – требует порядка прежде всего от руководителя.» И хотя делать ему равным счетом было нечего, он терпеливо дожидался окончания рабочего дня. Оставалось еще восемь минут. Редактор бездумно полистывал «Литературку» и поглядывал на часы.

– Максим Евсеич, тут вот американка к вам. Ей ночлег нужен.

Следом обнаружилась и она сама.

– Здравствуйте!

– Как – американка?

– Ну – говорит, из Америки. Документов-то я у нее не проверяла, – запросто вылепила чисто-сердечная Валечка.

Тонкобрюхов не на шутку опешил. Вот так да!

Конечно же, не исключено, что где-нибудь в Ленинграде или Москве американки так вот запросто, с рюкзаками и палками, ходят по редакциям. Но в Асинске такое не принято. И никогда не было принято! За восемь лет его пребывания в должности никакие американки сюда не заглядывали.

Лошадь вскочил, задвигался, замельтешил.

– Пожалуйста. Искренне рад, – лицо его перекосило улыбкой. – Да вы садитесь, садитесь.

– Спасибо, – американка ловко сбросила на пол рюкзак, сильно потерла ладонями оtekшие плечи и с наслаждением откинулась на спинку стула.

– Надолго к нам?

– Да, надолго. Завтра – дальше.

А-а... – смекнул редактор: дружба – фройндшафт. Но, черт побери – почему одна? Где сопровождающие? Ведь обязан же кто-то следить, чтоб нос куда не надо не сунула. Тут, надо понимать – Сибирь, заводы военные, радиация всякая... Где они? Сидят, поди, сволочи, в ресторане и водку дуют. Хоть бы позвонили, предупредили. И почему это он, Максим Евсеич, должен искать ей ночлег? С какой стати? И вообще – кто ответственный за все это дело?... Вот она – проклятая наша российская безалаберность!

Американка глядела на редактора прямыми как клинок, но в то же время очень живыми и навсегда влюбленными глазами.

– Я иду пешком из Орша – Владивосток. Меня зовут Дженет Кестер.

– То есть, как «пешком»? – не понял редактор.

– Так.

– Прямо вот так вот?

– Да. По шпалам. Поезд – ту-ту, я уступал. Три раза останавливался. Говорит – садись, подвезу. Я: нет-нет, мне надо только пешком, – американка восторженно улыбалась. Судя по этой улыбке, ей доставляло огромное удовольствие шагать по шпалам и видеть в настоящую секунду перед собою редактора местной газеты.

– Хм... А где этот Орша? Где он находится? – растерянно спросил Тонкобрюхов, замирая и тоже внезапно переходя на ломанный язык.

– О-о!... В Белоруссия.

Редактор сделал движение головой, будто ему мешал воротник.

– Да, конечно, в Белоруссия... В войну там партизаны были...

Боже мой, как все это нелепо, дико, несуразно! Несет по России из далекой Орша удалую американку. И поезда останавливаются, машинисты из окошка высовываются... А к нему недавно сестра приезжала из Казахстана, поезд на четырнадцать часов опоздал – тоже, поди, машинист из окошка кого-нибудь высмотрел и подвезти предлагал... Великодушна Россия, всякого приветит. Редактор засмутился, не зная, куда девать внезапно ставшие беспокойными руки.

– Ну и как?

– Что?

– Как... дорогу выбираете?

– Я по железная дорога иду, – отдельно сказала заокеанская путешественница, засомневавшись вдруг в правильности расстановки подлежащих и сказуемых. Она бросила перед собой планшет и выудила оттуда карту. – Утром вышла из город Анжеро-Судженск, завтра буду город Яя. Да.

Максим Евсеич цепким взглядом в одно мгновение обшарил знакомую местность. И город Анжеро-Судженск, и город Яя, и родной Асинск были означены по-русски. Кроме того, надпись в нижнем углу свидетельствовала, что карта печаталась в советской типографии.

– А кто вас сопровождает?

– Никто. Я один.

– Нет, в городе – понятно. А между городами? Через тайгу?

– Один.

Поразительно! Она, эта странная американка, не видела ничего особенного в том, чтобы

путешествовать одной в глубине России! Редактор сунул руку в карман, нащупал смятый платок, хотел вытащить, но вспомнил, что тот не совсем свежий и передумал.

– И не страшно идти? Народ ведь всякий бывает... Обидеть могут.

– Нет, не страшно. Люди хорошие. Я Богу молюсь и иду.

И опять, черт возьми, улыбка. Редактору стало окончательно не по себе.

– Подождите, я сейчас позвоню.

Он набрал номер Утюговой. Уж эта-то пройдоха его выручит. Заодно, может, и бизнес какой совместный организует.

– Наталья? Чем занята?... Да, понимаешь, тут у меня американка сидит, самая настоящая. Пешком через всю Россию топает. Ее на ночлег приютить надо. Сможешь? Давай тогда в редакцию...

Положил трубку, облегченно вздохнул:

– Все устроилось. Сейчас за вами придут.

Американка, которая, вытянув тонкую шейку, напряженно прислушивалась к разговору, вновь развеселилась.

– Спасибо, спасибо.

Максим Евсеич поправил галстук.

В дверь заглянула Валечка:

– Чаю хотите?

Американка кивнула.

...Пять минут спустя, когда пили чай со смородиновым вареньем, Максим Евсеич, дую в чашку, спрашивал:

– Что ж – и родители у вас есть?

– Есть, – американка позвякивала ложечкой. – Мама. Папа. Фермеры в штате Айова.

– Понятно, – кивнул экономически подкованный редактор. – Выращивают пшеницу и нам продают.

– Нет, нет, – путешественница отрицательно помахала крупной жесткой ладонью. – Спортивный лошадь разводят.

Упоминание о лошадях неприятно кольнуло Тонкобрюхова.

– А вы, если не секрет – замужем?

Опять обворожительная улыбка:

– Замуж я не хотела, времени нет.

Из дальнейшего разговора мало-помалу выяснилась путанная и сомнительная биография госпожи Кестер. Оказалось, что около восьми лет она была монахиней в монастыре. Затем работала массажисткой. («Ничего себе поворотцы! – не одобрил редактор. – Уж лучше бы потом в

монастырь, грехи замаливать.») Но хоть так поверни, хоть этак, а трудовое крестьянское происхождение было заметно подпорчено. Дважды попадала в автокатастрофу. Были переломы, много переломов, да.

– Что ж так неосторожно, – посочувствовал редактор.

Господи, да где ж Наталья? И отчего время совсем не движется? Тонкобрюхов украдкой глянул на рогатый штурвал. Двадцать четыре минуты шестого. «А не подарить ли ей эти часы?» – отчаянно подумал Максим Евсеич. Но сдержался. Часы были редакционная собственность.

– Ну а цель-то, цель-то вашего похода какая?

– Мы боремся за экологию. Смотрим, как природа – хорошо, плохо?

И снова редактора охватило скверное ощущение полного абсурда происходящего. Тут неизвестно, что будет с газетой, неясно, удастся ли аукцион, куда ни кинь – из всех дырок и щелей мерзкая повседневность высовывает рожи, обступает, теснясь, и хватает за руки, а ей, видите ли, «природа – хорошо, плохо?» Как с луны свалилась. «Мне бы твои заботы!» – с тоскливой завистью горячо возмечтал редактор.

Но тут, слава богу, прибежала Наталья – забрала американку. Максим Евсеич, радостно попрощавшись с гостьей и пожелав ей счастливого пути («Россия у нас – удивительная страна.» – «Да. Да.»), тоже заторопился домой. Душевный дискомфорт, однако, не проходил.

В кабинете напротив стучала машинка. Лошадь заглянул. Сенечка прилежно долбил по клавишам. Вот еще тоже... американец.

– Тебя жена не выгонит?

– За что?

– За то. После работы к ней не торопиться, вот за что.

Сенечка застенчиво улыбнулся. Господи, какая у него улыбка дурацкая!

Максим Евсеич вышел на воздух. Прохожих было немного и все какие-то незнакомые. На обочине тротуара, ниже памятника с рукой, точно наказанная за провинность, пригорюнившись сидела на стульчике продавщица беляшей. Перед ней на столике возвышалась громадная алюминиевая кастрюля, накрытая тряпкой. Засохшие беляши никто не брал. От Горячки, мимо партийного здания быстро наискосок перебежали дорогу два пацана. У старшего на плече лежало удилище, младший нес литровую банку с водой. В банке печально плавал пойманный на

глупости и жадности карасик. Жизнь текла своим банальным чередом.

Тонкобрюхов, обдумывая случившееся, неторопливо шлепал по асфальту. Черт возьми, отчего же такая неловкость? Ну, подумаешь, фишочка иностранная в Асинск залетела. Эка невидаль! Что он их – раньше что ли не встречал. Да когда в Болгарии на курорте был – они ему все глаза намозолили. Экскюз ми, плиз... Тьфу, холера... И вдруг редактор понял: да он ведь не знал, как с ней себя вести – вот в чем штука! Неопределенность его подкосила!! Здесь, в городе, он легко общался с каждым, будь то крупный начальник или заезжий угольный генерал из области (слегка снизу вверх), а уж тем более какая-нибудь старуха, мыкающаяся из-за пенсии (слегка сверху вниз). Но американка... Тут вам все ж таки не Болгария, экскюз ми, плиз. По какому разряду относить прикажете – по разряду начальников или старух? Вот и метался он, бедный Максим Евсеич, вверх-вниз, раздираемый этой неясностью.

Фу... Сколько голову пришлось ломать! А ведь, пожалуй, перемудрил. Что нам Америка! Америка черт ее знает где. Подумаешь – паспорт иностранный (кстати, может, действительно стоило проверить?). А так – обыкновенная бродяжка, сродни старухе с пенсией. Нет уж, если эта мадам попрется обратно «из Владивосток», тут-то Максим Евсеич не позволит себе сплеховать, встретит ее по-другому. Уж он-то теперь найдется, как ее встретить!

В родной подъезд Максим Евсеич Тонкобрюхов вошел уверенный в себе и просветленный.

ГЛАВА 8. «ХОЧЕШЬ – СЮЖЕТ ПОДАРИЮ?...»

В вечернее время редакция была самым уютным местечком для тех, кто хотел спокойно и без нервотрепки поработать, собраться с мыслями и, соответственно, разобраться с ними. Молчали телефоны, не дергали посетители, изредка только раздавались в пустом коридоре drobные шаги корректоров Валечки и Раи или сварливый голос «ночного редактора» – уборщицы Дуси, скандалившей с малолетним внуком, которого она брала с собой по необходимости – не с кем было дома оставить: у незамужней дочери слишком много было, на дусин взгляд, личной жизни. И не случайно в притихшем здании долго порой горел свет в каком-нибудь редакционном кабинете. Иногда здесь по необходимости застревал Эдик, бывало что и Максим Евсеич

оставался поработать часок-другой, но чаще всего за своим столом бодрствовал все-таки Сенечка, занятый сочинением нового рассказа.

Ах, эти муки творчества, невыразимо сладостные для творца! Он обожал такие вот вечера добровольного уединения. И не потому, что дома не позволяли условия. Вовсе нет, куда там – они с женой занимали очень даже приличную двухкомнатную квартиру с отдельными комнатами. Загвоздка была в другом. Драгоценная сенечкина половина с огромным неодобрением, если не сказать – с ненавистью, относилась к литературным упражнениям мужа. Разве сосредоточишься на каком-нибудь творчестве, если над ухом то и дело раздастся каркающий голос:

– Поточи ножи!

Или:

– Опять утюг не работает, и посмотреть некому!

А на самом деле и утюг работает, и ножи острые. Лишь бы придрататься, лишь бы оторвать от стола.

Конечно, может быть Люси – так он называл Людмилу – была бы гораздо терпимее, если бы Сенечка писал не про любовь, а на какую-нибудь другую тему. Но в том-то вся и беда, вся отчаянность положения что абсолютно все сенечкины герои и героини любили друг друга! И не просто любили, а прямо-таки были повернуты на этом! Но любили как-то причудливо и странно: без раздеваний, постельных игр; и даже тогда, когда, в силу обстоятельств, оказывались вдруг обнаженными, им почему-то в голову не приходило, чем можно заняться дальше. Однако, несмотря на столь грубые издержки, именно любовь была их основным смыслом существования. Они, конечно, чем-то еще промышляли в остальной обыденной жизни, но это было, сразу скажем, до такой степени незначительное и побочное и моментально задвигалось на такие задворки, что и не отыщешь кто чего студент, а кто где рабочий. Долгими часами влюбленные глядели друг на друга, нежно касались рук и занимались столь же важными и необходимыми для обоих вещами. Были они трепетны, воздушны и символ их любви – поцелуй – начисто затмевал и большие, и малые события. Эдик недоумевал: откуда, к примеру, взялись шоколад и шампанское, если ни он, ни она сроду не выясняли, когда и в каком месте это выбросят на прилавки, и не торчали ни в каких очередях? Сенечка в сво-

их творениях напрочь переступал через столь примитивный бытовизм, а, проще говоря, не видел его в упор. Люси (которая целовалась без малейшего трепета, а обыкновенно – жадно и грубо, и в кровати действовала так, словно перетаскивала кирпичи) это крайне раздражало, как, впрочем, и всех сотрудников редакции.

Иногда, очень, правда, редко, Сенечка получал восторженные письма от студенток педагогического училища, и это были для него подлинные праздники. Все письма – одно или два – бережно хранились в нижнем ящике стола, напоминая о том, что есть – есть! – по счастью, в этом городе родственно чувствующие души.

...И на этот раз за дверью сенечкиной мастерской приглушенно стучала машинка. Ректорская была закрыта – значит, завтрашнюю газету уже сделали.

Стараясь особенно не шуметь, проникший на этаж Эдик вытащил ключ, мягко утопил в замочной скважине и аккуратно повернул. Проскользнув в кабинет, он плотно прикрыл за собой дверь, секунду-другую подумал: стоит ли запира-
10
ть изнутри и, колебавшись, решил, что стоит.

Все эти меры предосторожности были предприняты, как мы увидим, не зря. Не всякому делу нужны нежданные свидетели. Дальнейшие поступки внезапного визитера были быстрыми, но не суетливыми.

Поставив дипломат на пол и растворив окно, он открыл дверцу шкафа. Там, пошарив по полкам, выудил старый, с мутным налетом на внутренних стенках стакан. Плеснув из графина воды, Эдик смял чистый листок и этой грубой салфеткой тщательно вытер грязь. Затем рассмотрел стакан на свет, остался недоволен, поморщился и еще раз повторил процедуру. Наконец стакан был вычищен. Эдик уселся за стол и из правой боковой тумбочки, из самых глубин ее, выбросив вначале исписанные потрепанные блокноты, достал бутылку армянского коньяка. Затворница пролежала здесь недолго – даже пылью не успела покрыться – однако, тем не менее, была на треть почата и плотно закупорена бумажной пробкой. В сумеречные для города дни, когда на пьющего человека всем своим гуманизмом наваливается благодетельная трезвость, какое только спиртное не проникает окольными путями в Асинск! Ликеры, ром, хваленое виски..., а недавно вездесущий заводе-
лом прикладывался к корейской водке, на дне

бутылки которой покоилась вымороченная до белого цвета редиска. Инженер Сережа, раздобывший иноземное чудо, клялся и божился, что это женьшень!

С нежностью подержав бутылку в руках, Эдик зубами выдернул пробку и налил полстакана.

Ну вот.

Теперь обернемся и отсчитаем десять часов в обратном направлении.

Было утро муторное и были муки мученические. Только вспомнить – духота, тяжесть, Пальма, липкая вода из графина, Тонкобрюхов, Колоберданец, Щучкин – чур меня, чур! Тогда бы эти восемьдесят пять грамм – о, как восторженно затрепетала бы каждая клеточка молодого гибкого тела, как окрылилась бы и взорлила угнетенная и раздавленная душа! И сон бы проклятый сразу исчез, и «страдания» бы выдумывать не пришлось. Все наши беды и несчастья оттого, повторим еще раз, что желания и возможности не совпадают по времени. Вот!

Нет, лучше не вспоминать. Было и прошло, и как будто не было.

Коньяк, еще не выпитый, приятно щекотал нервы.

Наступила короткая волнующая пауза, необходимая для большей сосредоточенности. Эдик вперил глаза в стену напротив. Там огромным болотом расплывалась карта Асинска. Покружив взглядом над зеленой ряской несуществующих парковых зон, завождем вздохнул, отхлебнул немного и, прикрыв веки, напряженно замер, чутко следуя за прокатившимся внутрь глотком.

Секунда, другая... и лицо его ослабло, размягчилось. Он то подносил стакан к глазам, то заглядывал в него сверху, слегка взбалтывая. Все это походило на строгий ритуал какой-нибудь новой тайной секты. Вслед за первой полстакановой порцией таким же образом исчезла внутри и вторая.

Ах, это тихое, ни с чем не сравнимое блаженство! И пусть нет пива. И вяленых карасей тоже нет. И таиться вот от разных бдительных шакалов приходится. Но кому какое дело? Каждый у нас, граждане-господа, имеет право на свои радости! Да, на свои законные радости в пределах отпущенных возможностей! Имеем право! Не всякий Лошадь, кто везет, и потому не пшеном единым жив человек.

Эдик вскочил и возбужденно закружил от окна к двери и обратно. Ему сейчас требовалось

немедленно обдумать какую-нибудь мысль. Какую-нибудь сильную мысль – непростую, неоднозначную, с полным включением мускульной энергии всех наличных мозгов. Но – какую, какую?

О, черт, вертится в голове всякая дрянь. Вон – в шкафах на полках сто лет стоят брошюры из серий «Библиотечка профсоюзного активиста», «Справочник пропагандиста», «Библиотечка депутата» и даже «Библиотечка допризывника». Вот и у него сейчас какая-то каша, какая-то библиотечка допризывника.

Эдик подскочил к столу, хищно посмотрел на бутылку. Так. Только не спешить. Спешить – значит портить, значит не извлечь и половины тех удовольствий, которые за муки наши даются нам в ощущениях.

После первой и второй порций следовало подождать, когда, размягчая волю и умиротворяя рассудок, зашумит в голове, и томление теплой волной хлынет по всему телу, и тогда вдогон, вдогон опрокинуть еще стаканчик! Ждать, к счастью, оставалось недолго, поскольку желудок с самого утра был пуст – лишь тетка пирожком угостила – и сейчас, конечно же, набросился на коньяк. Ну что ж, дружище – давай уминай, он калорийный!

О, Эдик прекрасно знал повадки своего желудка!

.....

Эдик придвинул лист бумаги и начал лихорадочно чертить на нем. Из линий и штрихов сама собой стала получаться фигурка скачущего человечка. Асадчий пририсовал ему рожки и хвост-палку. Вышел чертик. Чертика Эдик посадил на мотоцикл.

Коньяк все еще нащупывал пути от желудка, толкался то в почки, то в селезенку – всё куда-то не туда.

.....

...И вот наконец-то коньячок добрался до головы и в ней, переполненной мраком и сумбуром, легко и празднично зашумело. И краски мира расцвелись по-новому, засияв необыкновенно!

Как и было задумано!

Коньячный пузырек гоголем прогарцевал перед носом, звезды на его плече поадыютантски сверкнули. Эдик сдвинул брови и взгляделся. Что за черт! Это был его девятый помощник в секретной лаборатории по управлению звездолетами задним ходом – тот самый,

которого дважды он уже отстранял от дел за излишнее рвение в работе. «А не налить ли еще глоточек, как полагаешь?» – «Рад стараться, дорогой!» – «Что-о-о?!» – «Винovat – рад стараться, господин адмирал-фельдмаршал!» – «Молодец, хвалю.» Ну-ка: Буль – буль – буль... Ах, хорошо! Слушайте, кто это пять минут назад, пуская слюни, поносил тех, кто его окружает? Кто?? Эдик повертел головой. Посмотреть бы на того гада! Какой вздор от избытка самомнения! Эх, асинцы мои родные от Камчатки до Курил, я вам вот что скажу: жить надо проще, это еще Есенин допер.

За Есенина, Эдька. За светлые строки его – не жалею, не зову, не плачу... Хху!

Эдик вылетел из-за стола и на мягких пружинистых лапах заметался по кабинету. Львиный хвост молотил его по желтым бокам.

– Ах, мамочка, на саночках
Каталась я не с тем.
Ах, зачем с Сереженькой
Села под березоньку?
Ах, мамочка, зачем?!..

Устав от прыжков и ужимок, Эдуард Евгеньич свалился на стул.

.....

Посидев еще минут пять и, ощутив, наконец, все, что и полагалось ощутить, заведомо информации убрал в дипломат пустую бутылку, бумажную пробку выбросил в мусорное ведро, а стакан, ополоснув, спрятал в шкаф. Огляделся: никаких улик? Никаких. Закрыл окно. И – можно топать домой. Но Эдик медлил. Ему в расслабленном состоянии требовался собеседник. Это уж как закон: выпьешь – надо поговорить. Тут и объяснять нечего – ежу понятно. Кандидат в собеседники, ничего не ведая, по-прежнему долбал за стеной на печатной машинке.

К Сенечке Эдик относился... Ну известно, как относился. Да и хрен с ним.

Эдик теперь уже безо всякой предосторожности вышел из кабинета и запер дверь.

Собственно, он даже поможет этому писателю, проведя с ним двадцать – тридцать минут в легкой, нестесненной беседе. Писателю будет полезно!

Размахивая дипломатом, в котором погромыхивала пустая бутылка, Эдик шумно ввалился в соседний кабинет.

– Привет Софронову-Маркесу!

Застигнутый врасплох, Сенечка оторопел. Лицо его сразу вытянулось и на мгновение застыло. Однако, зная бесцеремонность Эдика, он ловко спрятал исписанные бумажки в стол. Выдергивая из машинки последний лист, он нечаянно порвал его и не удержался – сморщился: ну вот, опять. Дело в том, что уже не однажды Эдик доставлял Немоляеву мелкие неприятности. И вот сейчас, еще ничего не сделав, всего лишь появлением своим добавил еще одну.

– Ты откуда? – спросил Сенечка, впрочем, без всякого интереса.

– С «Ударника». В шахту ходил. Лазил там по третьему участку. Выработки низкие, так что все на четвереньках да на четвереньках – как вприсядку сбацал. Жаль – баяна не было!

– И что – понравилось?

– Не очень. Зато побывал в кротовьей шкуре. Скажи мне: ты хоть понимаешь, отчего у нас такое неуважение к кротам? Почему у них какие-то норы, а не выработки, квершлаг, вентиляционные штреки? Где наше сочувствие? Им ведь даже тошней, чем шахтерам – всю жизнь подземлей и на пенсию рано не идут. А если и вылезут наверх – никакой выпивки... Ну а здесь что новенького? – Эдик пихнул носком стул, тот качнулся и придвинулся к сенечкиному столу. Асадчий устроился, забросил ногу на ногу.

– Да, собственно, ничего, – Сенечка вяло пожал плечами. – К аукциону готовимся. Информационные карточки, бланки протоколов весь день печатали.

– Эх-ма! – вздохнул Эдик. – Я вот думаю: не закрыть ли нам газету и не заняться ли мелким бизнесом? Создать этакое торгово-посредническое предприятие под названием «Вперед, к свершениям!» или кооператив «Одуванчик» и процветать на здоровье?

– А что тебе не нравится? – вопрос сенечкин был по-дурацки наивен так же, как и близорукие, чуть выпуклые глаза, которые тоже смотрели подслеповато и наивно. Чего очки, гад, не носит?

– Что значит: не нравится? Мне все нравится. Особенно перспективы и возможности.

Сенечка осторожно дернул головой:

– Ты что: сомневаешься, что мы проведем аукцион?

– Ничуть! Ничуть я в этом не сомневаюсь! Ни грамма! Это будет самый настоящий асинский аукцион, проведенный исключительно по-асински... Ну ладно, пес с ним, с этим вашим аукционом, – тут Эдик подозрительно, словно толь-

ко что догадавшись, покосился на Сенечку. – А ты чего здесь казенный стол локтями трешь? Опять Муза застучала? (Сенечка прикусил верхнюю губу, но как-то уж очень нервно прикусил и тем самым окончательно выдал себя.) Понятно, понятно...

Поиздеваться что ль над писателем? Нет, этот способ вразумления не раз опробован. И совершенно без толку. И потом – убогих все-таки надо жалеть. Подавать им копеечку или идею свежую. Что касается копеечек... Копеечки нам самим нужны, а вот идею – пожалуйста. Идей у нас двести штук. Эдик подпернул стул еще ближе и, доверительно наклонившись, сказал:

– Старик, ты, конечно, отмечен. Я на полном серьезе. Есть в тебе то, чем каждый из нас, обыкновенных, обделен со всех сторон. Тебе для полной гениальности надо всего вот столько, полсантиметра. (Врал Эдик. На самом деле он считал, что и тридцати метров не хватит.) Хочешь, тайну открою? Ты слушай внимательно и не перебивай. Вот. Я скажу, чего не хватает в твоих рассказах. Любви там много – этого не отнимешь. Поцелуев, взглядов, птиц каких-то чахоточных – этого всего навалом.

Мысль, гвоздем сидевшая в голове, стала дробиться, расслаиваться. «Вот каверзный коньяк!» – подумал Эдик и, чтобы не запутаться и не упустить главного, решил покончить разом.

– А не хватает в них вот чего. В них не хватает дерьма. Понимаешь? Да не гляди так. Самого натурального, с запахом, чтоб все как надо. У тебя ж там каждый мужик если начнет мочиться, то непременно нектаром. Ты людей по земле пускай, а не по воздуху. По зе-мле-е! Соображаешь?

– Соображаю.

– «Соображаю»... Ни хрена ты не соображаешь. Вот, допустим, сидят твои влюбленные где-нибудь в парке на лавочке и целуются. Вокруг розы и акации млеют, как водится, в томной истоме. Вдруг у подружки в животе загудело. Она так скромненько говорит: «Милый, подыши пока запахом этих чудных цветочков, я отлучусь на минутку...» И быстренько, быстренько за кустики. Присаживается и все ее пирожные и шоколадные конфетки начинают с ревом вылетать наружу.

Сенечка безумно выпучил глаза.

– Да. Понос пробрал. Сидит она под кустом, тужится и потеет, освобождает себя. Но зато потом какое облегчение! Она возвращается к за-

скачившему возле цветков милому и с удвоенной силой начинает всасываться в него.

Сенечка дышал, как загнанный.

– Вот она жизнь во всех ее многообразных проявлениях! Но это что, это так, ерунда... Хочешь – запросто сюжет подарю?

– Да не...

– По глазам вижу – хочешь. Слушай и запоминай.

Эдик разволновался.

– Вот шахта «Асинская». Выработана уже вся. Года через три закроют к чертовой матери. И уже прожекты строят: куда пустые выработки приспособить. Кто говорит – шампиньоны выращивать, кто – чтобы склады сделать. Чего складировать? Покойников, разве. Короче – понашенски ублюдочно, с фантазией валенков. Запахать бы им в задницу их шампиньоны. (Сенечка сморщился.) Нет – тут другое нужно! Тут нужен грандиозный замысел! Я прикинул – лучше борделя ничего не придумать! Да! Вышколенные твари, игральные автоматы, рулетка. Слушай – тисни рассказец! Назови его фантастическим. Запоем читать будут!

Эдик вскочил и замахал руками.

– Представляешь, какая приманка: поноситься на глубине пятьсот метров! Ну? Такого ж борделя нигде больше нет! Название сварганить соответственное: «Дети подземелья», «Адский огонь», «Ударницы пятилетки – за твердый доллар!» или что-нибудь в этом роде. Гадом буду – толстосумы из-за бугра косяком сюда попрут! Ты только вообрази: приезжают, допустим, пресыщенные сволочи с Елисейских полей: «Ну – где тут у вас гнездо разврата?» А их запихивают в замызганную дежурку, у которой выхлопная труба не наружу, а внутрь, и привозят на шахту. Выползают господа из дежурки и видят перед собой огромный террикон эпохи развитого социализма; облупленный – как общественная уборная – АБК; гипсового шахтера на постаменте с отбойным молотком в правой руке и отбитой левой. Настроение у господ резко не поднимается. «И это весь сервис?» – тоскливо спрашивает очкастый хищник банковского дела. «Нет еще. Пожалуйста в мойку.» В грязной мойке этих сукиных детей переодевают в шахтерскую робу, зачуханная баба дает каски с лампочками, самоспасатели. С собой ничего лишнего, только кошельки. Еще и припугнуть, как следует: мол, деньги затем, чтоб, если обвал, – то обратно наверх чтоб кто-

нибудь вывел! Затем в клетки опускают на пятьсот метров. Там уже стоит электровоз с разбитыми, заплеванными вагончиками. С очкастым делается дурно. Он хочет умчаться в Лас-Вегас или напрямик в свой Манхэттен-банк и клянется до конца своих дней не наживаться на валютных махинациях, если, конечно, выберется отсюда. Новоявленные шахтеры вертят в руках самоспасатели, не зная, как помочь. Затем кое-как все рассаживаются в вагончики и в полном трансе едут в темноте по ужасному, гремящему эхом квершлагу. Пять минут едут, десять. И приезжают... Здесь, смотри, здесь вся соль в контрасте! Представь только: море огней. Маленькие уютные зальчики. Мебель, драпировка – все по самому высшему разряду. Дрессированные официанты в черных фраках плавно летают между столиками. Жратва изысканная. Питье тоже. Омары-лангусты-устрицы – ведрами и тазами. Черная певичка выдыхает интимный шлягер: «Я сама как уголек». Дохляк-финансист оживает. После шока ему хочется острых ощущений. Он заказывает все подряд, он лезет лапами в жаркое, он плачет лицом в шахтерскую каску, поет и пляшет, играет в рулетку. В этом адовом вертепе он вдруг осознает, как изумительно прекрасен мир! А тут еще подваливает к нему роскошная блядь и в нос так говорит: «Дорогой, пойдем, я отдамся тебе у груди забоя.» Нет, ты представляешь: у груди забоя!!

Эдик вертелся, корчил рожи, взывал, хлопал себя по коленкам.

– Я не могу! У груди забоя! На глубине семисот метров! Как представишь, сколько земли над тобой... После этого любому богатенькому очкарику Лас-Вегас покажется отвратной преснатиной. Здесь, – он ширял пальцем в пол, – под нашими ногами можно устроить Содом и Гоморру и черпать оттуда груды золота. Пусть наверху будут лепота и рай, принимаются резолюции профсоюзных собраний и мотыльки целуют друг друга в жопу, а там горит адский огонь, льются коньяки и не прекращается порево. Напиши, слышишь, напиши об этом!

Сенечка поперхнулся воздухом, как ошпаренный. Словно всех его чистых и святых девушек разом загнали в это подземелье и всех их поодиночке и скопом... Не – ет!!!

– Не сумею...

– Эх, ты! – Эдик был не столько разочарован, сколько жалел себя. Кому приходится поверять

дерзновенные замыслы? Перед кем икру метать?! Ну зачем ты, Создатель, производишь на свет таких долбаков? Отправлял бы уж лучше сразу в рай, чтоб людей не мучили. Да способны ли они вообще на какие-нибудь сильные чувства?

– Скажи, друг сердечный, а ты в целом – живой??

Сенечка вымученно улыбался кривящимися губами.

– Тебя что-нибудь задевает? Что ты больше всего ненавидишь? Так ненавидишь, что аж руки чешутся?

– Ничего.

– Ну хорошо. А что больше всего не любишь? Сенечка подумал.

– Не люблю, когда без очереди кто-нибудь лезет.

– Вот! – снова взорлил Эдик. – Вот! Я так и знал! Это обличает поверхностность... поверхностность твоих взглядов. А ты попробуй на него глубже посмотри. На этого, без очереди. А ну как человек самоутверждается? А? Что тогда? Запомни: если он лезет, значит – он есть! Эх, ты!... Соображаешь?

– Соображаю.

– И правильно делаешь, что соображаешь. Все. Я пошел, а ты пиши. Пиши по-новому. Соberись с силенками и напиши про детей подземелья. Пока.

– Пока.

И Эдик удалился, унося с собой пустую бутылку и нерастратенное желание общаться – это, последнее, переполняло душу и разливалось по всему телу, особенно упираясь в ширинку.

Сбега по домсоветовской лестнице, Эдик невольно замедлил шаги. Так где ж все-таки его растратить, свое желание – у Марины или у Ленки? Вопрос был очень важен, но, сбежав вниз, Эдик уже ответил на него.

У Марины наверняка найдется что выпить...

ГЛАВА 9. ЛЕНТЫ И БАРАБАНЫ

В начале августа, когда ночи в Асинске еще коротки, утро разворачивается столь стремительно, что петухи, как правило, не успевают за ним. Первое суматошное «ку-ка-ре-ку!» раздается лишь после того, как восток уже всюю за-сверкал желтым, розовым и малиновым, а солнце оттолкнулось упругими лучами от крыш стекольного завода и помчалось в небо.

Утро здесь – не самое любимое время суток. Головы изрядной части асинцев натурально трещат, конец предыдущего дня упрятан в крошечном мраке. Из мрака, как охвостья из клубка ниток, торчат потертая клеенка со сковородой холодной картошки на железной подставке, отощавший численник над выключателем и отдельные куски громких разговоров, но с кем и на какую тему – вот вопрос. Однако прежде этого вопроса возникает другой – что пили? Ибо когда не стало ни дрожжей, ни сахара, народная смекалка по части изготовления самопала поднялась до таких высот, что впору руками развести. И табак стали для крепости добавлять, и черт знает что еще.

Если вечер у асинца – досуг и культура, то утро – пора воспоминаний.

Понятно, что не все доберутся в ранний час до работы, а кто доберется – рухнет на станок или под трактор в твердом стремлении отлежаться там до обеда. И пусть мастер прыгает рядом – чего, мол, станок (трактор) не работает? Скажут ему: магнето не фурычит и – отойди отсюда. А к одиннадцати трое-четверо по одинаковой тоске в глазах найдут друг друга и что-нибудь да придумают.

Но не каждый – и такое бывает – мучается с утра головой.

Более того, мы можем конкретно указать на множество асинцев, которые в приподнятом настроении встретили новый день.

Виталья Запарин, позевывая и поскрябывая грудь, выполз из своей избы и блаженно сожмурился. Вслед за ним появилась нечесаная розовая девушка и стиснула его за шею. Так вдвоем они прошествовали к желтеющей огуречной грядке, нашли по огурчику, теплему и пупырчатому, обтерли ладонями и тут же съели.

Работник узла связи инженер Сережа, вскрыв нутро хитроумного железного агрегата, копался в тоненьких, разбегающихся проводах, ища неисправность. Инженер Сережа – этот великодушный даритель своим друзьям разноцветных девушек, насвистывал под нос веселенький мотивчик. Вечером у него намечалось новое свидание. Девушка предполагалась кремовых тонов.

Редактор многотиражной газеты «За сверхплановую добычу» Николай Подтележников несколько раз сфотографировал директора родного журжевского шахтоуправления Ивана Полуэктовича Зверева и теперь брал у него очередное интервью:

– Иван Полуэктович, пока вы с нами, нам никакие снижения добычи не страшны. Но как жить дальше?

Щупленький Иван Полуэктович отворачивался от солнца и шевелил бульдожьей челюстью.

– Если вглядываться в суть, – с растяжкой говорил он, – то все за пределами нашего предприятия идет хреново.

Николай Подтележников быстро кивал и вдохновенно записывал.

Мартын Козьявин с восьми ноль-ноль проводил планерку и рычал так, что в соседних домах дрожали, готовые выпасть, стекла.

А в рабочем комитете Аркадий Ильич Безушко в окружении соратников и единомышленников объяснял по телефону Павлу Чихиривичу Мартышкину всю сложность нынешней политической ситуации.

Утро, пусть и не самое любимое время суток, пришло и покатилося своим чередом.

Не успел Эдик без пятнадцати девять перескочить порог кабинета, как Пальма, оторвавшись от гранок, которые как пучок квельх редисок, сжимала в белом кругленьком кулачке, с ходу не без злорадства объявила:

– Хоть разбейся, а к одиннадцати чтоб три информации были!

И выразительно потрясла пучком: вот, дескать, твоих как раз тут и не хватает.

А Эдик весь был во власти утренних грез, эльфы и амурсы, весело щебеча, парили над нечесаной головой и не до конца растроченной медовой негой дышали небритые ланиты. Четверть часа тому назад, прощаясь у дверей, он держал Марину за мягкую талию. Благодарная девушка положила руки ему на плечи и язычком щекотала уголки эдиковых губ.

Свежая, томная и чудная, чудная!

Выспаться дала и кофеем напоила – все потребности скупого мужского сердца учла.

И потом, когда он бежал по улице, тоже все было хорошо. И город казался чистеньким и светлым, и какая-то птичка-певичка оттягивалась и балдела в ветках рябины напротив музея. А тут...

Эдик с цокотом проскакал к столу, громко шлепнул дипломатом об пол и сразу начал выпендриваться:

– Вечно вы, козочка вы моя ненаглядная (Пальма в недоумении вздернула головку. Ох – ляпнул, переборщил: козочка-то на пятнадцать

годков старше, какая уж там козочка), вечно вы, драгоценная вы моя, норовите сказать человеку гадость. Причем, прямо вот на старте трудового дня и в тот момент, когда она совершенно лишняя.

– Лишняя?

– Разумеется! Я даже больше скажу: когда эта гадость – только не удивляйтесь – и даром не нужна. За что страдаю? За какие провинности? Я ведь вчера костыми лег, но в рабочем комитете все уладил – они от поддержки не отказываются.

– Знаю.

– Вот! Ценить меня надо! Да что там ценить – рубашки мои иногда стирать можно! Вы спросите душу свою: кто для вас самый необходимый человек? И душа ответит: Эдик! Хотите дам семь рублей, а вы за это чуть-чуть умерьте аппетит. Не больше двух информаций в день... допустим, до конца года. Идет?

– Да у тебя ж нету семи рублей! Ты ж вечно в долгах.

– Я займу! Слово чести!! Как – по рукам?

Пальма раздумывала. Не продаться ли за эту сумму? Нет, мало.

– Я всегда удивляюсь: почему напоминание о работе для тебя гадость?

Черт! Вот привязалась-то! Плохо зависеть от бабы, которую не тянет трахнуть даже по пьянке. Но уступать нельзя, иначе завтра потребует четьре.

Эдик не знал о вчерашнем визите Пальмы к Чемякину, не знал, что дома уязвленная ответсекша до самой ночи гремела кольцами, шипела и высовывала раздвоенный язык, чем до смерти перепугала бедолагу мужа и дочек. Не знал он, что ему достались только жалкие до смешного остатки пальминогo гнева.

А поскольку он не знал этого, то и не ведал, что не сетовать на судьбу надо, а бить ей горячие благодарственные поклоны.

– Не о работе, не о работе, при чем тут работа? Работа тут ни при чем. Три информашки! Это ж передозировка! Смертельный риск! Хотите сделку еще заманчивей? Я подготовлю одну информацию и две своих самых что ни на есть неотразимых улыбки. Улыбки – закачаться можно! Итого: три, – Эдик заговорщески подмигнул.

Но Пальма, избежав одного соблазна, к другим была уже не чувствительна.

– Фиг тебе. Прибереги свои улыбки для Антонины, там они пригодятся.

– Я скоро начну нервничать!

– Это никого не интересует.

– Скостите хоть малость, – Эдик все пытался воззвать к человеколюбию.

– Нет, – Пальма строго взглянула на заведующего отделом информаций. – И не торгуйся...

Вот противная.

Эдик для порядка поныл еще немного и, разумеется, совершенно напрасно... Информашки, если кто пробовал их когда-нибудь добывать – самая неблагодарная вещь на свете, хуже нет работы. И хотя его, Эдика, нередко клевали на летучках, но клевали щадя, понимали, как они достаются.

Звонишь хотя бы в плановый отдел стекольного завода:

– Вы уже подбили данные за июль?

Какой-нибудь гусь-пенсионер сопит с той стороны в трубку:

– Да, конечно.

– Замечательно! Карандаш у меня уже под рукой! Назовите, бога ради, цифры выполнения плана.

– А зачем?

– Для газеты.

– Ой, нет, нет! – пугается гусь. – Это надо согласовывать с директором.

И так, между прочим, повторяется не единожды. Мартын Козявин (каналья – каких поискать!) вообще строго-настрога запретил в своем тресте давать любые сведения для газеты. А после того, как стал депутатом – к нему и вовсе не подступишься. Не строительный трест, а прямо контора дружищи Мюллера по тайному монтажу панелей. Радистки Кэт на них нету!... И получается: за двадцать-тридцать строк гонорар от силы трешка (опять же если Пальма при разметке расщедрится), а нервов и времени вбухаешь несоизмеримо.

Поэтому легко сказать – три информации... Стоп! Одна есть. О проверке магазина рабочим комитетом. Нет, не зря он вчера нагрянул туда: и отношения наладил, и информацию получил. Чудненько, как сказал бы Лошадь! Оформить ее – пятнадцать минут. Но надо искать еще две. А где? Бытовка вся – кто на заготовке сена, кто на прополке. Заводы тоже – кто пашет, кто сеет, кто коровники строит. О! Вот с этого и начнем.

Эдик быстро пролистал потертую записную книжечку, книжоночку – выручалочку с десятками фамилий и телефонов. Самые надежные – женская гвардия – тут они все. Не будь у Эдика

постоянных поставщиц информации: экономисток, бухгалтерш, незаметных инженерш из производственных отделов – совсем бы плохо жились. Этим своим слабопольным активом Эдик очень даже дорожил: улещал, умасливал, не забывая лично наведаться и так нахально заглядывая в глубокие выемки блузок, так жадно и воспаленно пробегал глазами по лебединым изгибам, что инженерши по соц. соревнованиям чувствовали себя восхитительно желанными одновременно со всех сторон.

Не дать информацию столь увлеченному журналистской работой т. Асадчему было никак нельзя.

И чем напористей наседали Эдуард Евгеньевич, тем благосклоннее становились дамы. А как иначе? Время для них сейчас какое-то не галантное. Дурацкое какое-то для них время! Сделай разрез на юбке хоть до пупа или даже совсем заголись – толку мало: мужик-самец, ослабленный паленой водкой и отвратной бурдой, пошел нынче вялый и неактивный – стрелять надо такого самца. Изводить за ненадобностью! А вот Асадчий – совсем наоборот! Огляди просторы Асинска – Эдуард Евгеньевич один из самых последних, кто улавливает призыв бедной и заброшенной женщины. И пока позволит железное здоровье, он изо всех сил будет изображать из себя полового рэкетира, неумолимо собирающего нежную дань. Да. Так надо. Заодно и делу какая польза! А дело у нас, в конечном счете, выше всего.

Выбрав нужный номер, Эдик быстро накрутил диск и с ужимками, и придыханиями понес в восприимчивое нежное ушко свой обыкновенный коктейль из дежурной оды, частушек и арий из оперетт:

– Алла Викторовна? Наконец-то! Золотце вы мое замечательное! Как же я без вас соскучился! Здравствуйте. Как самочувствие?... А-а... Ну да... Все-таки болят? Тяжелый случай... А где вы отпуск проводили?... И не лечились?... Напрасно. Это почему вы себя не жалеете? Надо было брать путевку и – вперед... Что «дети»? Да бросьте вы. Между прочим, один мой знакомый, душевнейший человек, на грязи дикарем ездит. На север куда-то, за Томск. Места настолько дикие, что даже туристки чужих рук не боятся. Позволяют себя намазать с ног до головы. Оздоровительный массаж с грязью, очень эффективно... Да... А у него как раз руки. Такая, говорит, постоянная ломота. Только этим и

спасается... Нет. Вашего, примерно, возраста. В лесхозе работает. Одинокий. О, там такой мужчина, вы бы видели – высокий, стройный, глаза черные! И однолюб. Любит лишь одно... Да бросьте вы! Вам с вашей внешностью еще пару мужичков на стороне заиметь можно... Нет, я удивляюсь: какие шутки? Когда начинаю серьезно – вы не верите... Что ж, к делу, так к делу. Кстати, не дай бог, конечно, но вас там пока не трогают? На «Асинской» Людочку, инженера по соцсоревнованию, неделю назад сократили. Ужасный случай. Прямо выгнали к чертовой матери. Вы еще не слышали? Такое вот несчастье. И знаете почему: со мной пререкалась, мало давала сведений в газету... Ну и хорошо. Мне, Алла Викторовна, всего-то пустяки и нужны, даже говорить совестно: пару информашечек. Я весь внимание...

Эдик подтянул к себе чистый лист.

– ...Не может быть. Не верю. На а-агромадном заводе не может ничего не происходить! Если это так, то грустно, ой как грустно. И настораживает. Предлагаю вот что: шефская помощь в самом разгаре, давайте про нее. Любознательный подписчик жаждет прочесть про новые кормоцеха, кормоплощадки и зерносушилки. Как там у вас озимые-колосовые? Как итоги?... Давайте про инструментальный цех. Он сенохранилище в этом году думает сдавать? Селяне в тревоге. На последнем совещании у Мудрого директор совхоза публично заявил: рабочие больше пьянствуют, чем строят. Мудрый очень огорчился. Я знаю, как вы уважаете Мудрого, так вот ему было страшно за вас неловко, весь пятнами покрылся. Что-нибудь изменилось?... Плохо, плохо, – Эдик собрал брови в кучу. – Заводскую марку совсем не держите. Уронили ее, Алла Викторовна, уронили. Ладно, в другой раз перезвоню.

Эдик с досадой швырнул трубку на аппарат. Трубка съехала набок, пришлось поправлять.

– Попробуй – выбей у такой информацию. Во, – он покрутил пальцем у виска. – В голове ветер, ниже – дым.

– Знаю я ее, стерва еще та.

– Вот и я говорю.

– А сколько твоему знакомому лет? – совершенно безразлично спросила Пальма.

– Много. Сорок пять, – рассеянно ответил Эдик.

Помолчали. Эдик искал, кому позвонить теперь.

– У меня подруга есть – свой дом, хозяйка отличная и характер мягкий. Может, познакомим?

Эдик оторвался от записной книжки. Ну баба, ну баба!

– Случайно, не та торгашка, что мне подсовывали, все хрусталем богемским хвасталась?

– Нет, нет, – Пальма потрянула кудряшками. – Другая совсем. Эта учительница, образование высшее, приятная женщина. Так – что?

– Да я бы с радостью, но вчера мой холостяк уехал на два года в Турцию.

– Зачем?

– По контракту. Леса вырубать.

Пальма обиженно поджала губы.

После нескольких осечек подряд – женская гвардия сегодня была не в ударе – Эдик добыл на хлебозаводе первую информашку: о количестве и качестве выпускаемой продукции. Добросовестно записав, сколько испекли булочек, батончиков и саек, Эдик воспрял духом. Потом было еще два неудачных звонка, причем у эксплуататоров дорог его с милой запальчивостью обругали за назойливость (старая дева с заскоками). Вторая информашка была о работе автотранспортного предприятия. Эдик зафиксировал, сколько человек было перевезено с начала года, на сколько процентов выполнен план семи месяцев и какие бригады водителей лучшие. Не густо, но сойдет.

Начал писать и тут – звонок. Звонили из АТП. Наспех извинившись, сказали, что данные не точные: то ли в тонно-километрах, то ли в пассажиро-перевозках есть ошибка. «Не всех пассажиров, что ли, пересчитали? – стал грубить заводилом. – Вы ж откуда цифры берете? Среднепотолочные...» Голос в трубке упорствовал: перепроверим и сообщим после обеда.

Ну конечно! Станет их Пальма ждать!

Не искушая больше судьбу, третью информацию Эдик состряпал из ненаписанного пока репортажа.

К десяти все было готово и сдано на машинку. Перед Пальмой он отчитался полностью. Пока перепечатают, это минут двадцать. А если Пальме слишком надо – поторопит, сама заберет и сверит.

Теперь можно было повалить дурака, и Эдик с чистой совестью отправился шляться по кабинетам.

Для начала заглянул к Паше. Но Паша заперся в лаборатории – печатал снимки – и его не пустил.

– Извини, Эдька, открыть не могу, Стрючка торопит! – только и прокричал из-за двери.

Ладно, мастер, штампуй своих покойников, мешать не будем.

Куда теперь? Ага. В отдел писем.

Анна Францевна разбирала почту.

– Нету, Эдичка, нету ничего интересного. Вот вчера были «Московские новости». Хочешь посмотреть?

Минут пять Эдик шелестел газетами и остался недоволен и даже рассержен – вокруг Асинска на всех остальных мировых пространствах, за близкими и дальними лесами и косогами, ничего ровным счетом не происходило. Кто-то куда-то приехал, и там они встретились, и их, козлов, зауценно обрадованных, поймал в объектив столичный фотарь. Причем и ловить-то не слишком старался – они сами, теснясь плечами, скалились в него. Все. Мир апатично жил без событий, даже информашки были еще натужней, чем у Эдика.

– А о чем пишут уважаемые читатели?

Он потянулся к тонкой стопке – письмо и две открытки – на углу стола, но быстро отдернул руку – на всех трех посланиях был один и тот же почерк.

– Опять Мартышкин?

– А кто ж еще...

Пенсионер Павел Чихиривич Мартышкин был ниспосланной божьей карой редакции за грехи ее. В иные дни почта приносила до четырех-пяти откликов от неугомонного пенсионера. Сегодня только три.

Ну-ка посмотрим, что там.

Эдик начал с открыток.

«ВКС, № 146 «...Петра Алексеевича в 1940 году забрали в армию...» (из комм. к снимку). Это теперь в армию забирают, а раньше призывали.»

Второе послание было еще лаконичнее:

«Поступок В. Д. Прохорова приветствую.»

Эдик не знал, кто такой В. Д. Прохоров и в чем заключался его поступок и со вздохом распечатал письмо. Там оказалась вырезка субботней антонининой статьи с многочисленными подчеркиваниями. Внизу, на полях была всего одна фраза: «Это называется лапша на уши. Пав. Мартышкин.»

Асадчий сгреб в кучу послания и помахал ими.

– Это ж сколько он на нас тратится? А пишет сколько? Он же руки в мозоли стер! Потрясный мужик...

– Что ты хочешь – старость. Одинокий человек.

– Выходит, если меня никто в мужья не возьмет, и я таким буду? Не шутите так, Анна Францевна!

– Это еще не худший вариант.

– Да? А что же худший?

– Наверно, когда писать некуда и некому.

Эдик поднялся и ушел, раздумавшись о горькой своей судьбе.

В культуре и торговле сидела директор Дома культуры шахты «Асинская» Александра Юрьевна Непрошина. В который раз уже обсуждались детали проведения аукциона.

– Александра, ты пойми, – втолковывала Бухацких, – программа должна быть о-очень насыщенной. Никаких длиннот, никаких задержек. Вот это, смотри, и вот это (она колотила пальцем в сценарий) надо убрать. Не дай бог, в зале начнут скучать – это все, крест можно ставить. Кончили продавать рубашки, тут – раз! – девочки пошли, музыкальный номер. Там-там-трататам. Номер кончился – следующее. И вот так: одно за другим, одно за другим...

– Да я понимаю, – отбивалась Непрошина, – Так что: Светочку после рубашек выпускать будем?

Эдика, который сунулся было в кабинет, тут же энергично выперли.

– Ах, какие мы занятые – спасу нет, – сказал Эдик.

Оставался еще один кабинет, но, честно говоря, заглядывать туда не хотелось. Сенечкина физиономия еще вчера надоела. «А, кстати – нарикал ли этот брат Вайнер рассказ по моему сюжету? Придется все-таки зайти. Если да – пусть не забудет гонораром поделиться, Пальма должна выписать по высшей мерке.»

Однако Сенечки на месте не было. Зато сидела Антонина, сидела и вычитывала только что взятый с машинки материал.

– Вот тебе раз! – сказал приятно удивленный Эдуард Евгеньич.

Недавнее тяжелое прошлое в виде изнурительного сбора трех информашек моментально выскочило из головы.

Вблизи от коллеги по работе – завотделом Антонины Сударушкиной Эдик натурально волновался и млел. Эти чуть припухшие, слегка приоткрытые губы – то ли отталкивающие воздух, то ли пробующие его на вкус, эти округлые оголенные локотки – молочные, нежные, до не-

вероятности учащали сердцебиение и вызывали безудержный прилив зазорных сил одновременно во всем страшно восприимчивом асадческом организме. В него как будто разом закачивали полведра свежей крови и она, бунтуя, распирала вены.

О локотках Эдуард Евгеньич мог выпалить целую лекцию.

– Знаете ли вы, – начинал он иногда в холостяцком кругу между пятым и шестым фужером, – что такое локоток желанной женщины? Это самое начальное в ряду интимностей, что вам дозволяется потрогать! Вы еще в неведенье, какова грудь – упругая она или дряблая, есть на ней родинка или нет, крупные соски или небольшие – в вашей руке пока только локоток. И вы, распаляя воображение, моментально дорисовываете все, что спрятано под одеждой. О, какие чарующие картины возникают перед взбужденным взором! Какие пленительные изгибы зовущей плоти! Были времена – впечатлительные натуры, только лишь держась за локоток, сваливались в обморок! Еще бы: локоток – начало захватывающего пути в сказочное незнаемое. Если, повторю, женщина желанна...

Сотрапезники не могли понять: какие локотки? Поставил подножку и – все! Но это их дело... А тут ведь и до локотка еще не дошло! Битый, тертый, многое познавший Эдик рядом с этой женщиной чувствовал себя беспомощным – он робел!

Однако бывали и другие моменты. Когда накатывало красноречие, и взгляд наглед, но и тогда потрогать руками эту волнующую плоть все-таки не решался...

– Вот тебе раз! – повторил Эдик. – Ты ж собиралась на какой-то семинар. На семинар библиотечарей? Или младших медсестер?

– Передумала.

– Тогда привет отважным борцам с рабочим движением! – бодро возвестил гость, прошел к окну и вальяжно развалился на стуле.

– Хм, – сказала Антонина.

– Я вчера был на «Ударнике», в третьем участке. Там все прочли статью «Без недомолвок» и выразили полное одобрение. Так, говорят, им, сволочам, и надо. Долой рабочий комитет, да здравствуют советские профсоюзы. Руки жали, провожали...

О том, как встретили его в самом рабочем комитете, Эдик распространяться не стал.

– Брось врать, – сказала Антонина.

Ответная приязнь к баламуту из соседнего кабинета у нее возникла давно. Однако Асадчий, кое о чем, разумеется, догадываясь, ошибался, полагая, что причиной тому целиком его сокрушительное обаяние.

Все обстояло несколько иначе и даже чуточку сложнее. Да. Но здесь надобно вернуться лет этак на десять с хвостиком назад в то незабвенное время, когда Антонина – а тогда попросту Тонечка – жила не здесь и училась в пединституте.

...Небольшая, чистенько выбеленная комната в общежитии на пятом этаже. Три кровати под белыми покрывалами. Вечерний чай из красных в белый горошек чашечек. Конфеты и печенье на блюдечке. Счастье, что Эдик не видел той, до скуки облизанной комнаты, в таких комнатах он или томился, или устраивал бардак... Курс – на девять десятых девичий. И раз в неделю, в субботу вечером, танцы внизу, в не слишком просторном холле. И поскольку своих парней не хватает, приходят со стороны – из политеха и черт знает откуда. Девочки сочные, и многих из них тискают потом по всем углам.

Но Тонечка не такая... У нее на этот счет строго. Вечер потанцует, потом неделю поучится. Потом опять вечер потанцует и снова поучится. А лишнего ни-ни...

И случилось это на втором курсе, в первых числах сентября, в самом начале занятий. Их почему-то в тот год не послали на картошку. И чуть ли не на первых после лета танцульках налетел на нее Славка. Налетел и прибил. Закрыл, заговорил и после танцев сразу не отпустил, и на завтра свидание назначил. Словом – запорошил мозги капитально.

Много в нем было замечательного. Во-первых, похож на известного певца Валерия Леонтьева. Во-вторых, веселый и болтает без умолку. А еще несметное число друзей, которые ему рады. С Тонечки, как на свежем ветру пожухлые листья, стремительно слетали чопорность, замкнутость, девственность. Подруги в комнате с громким треском лопались от зависти. Тонечке это безумно нравилось. Как нравились и встречи, и компании, и дешевое вино, и непритязательная закуска. Хохотали бывало от души, а отчего хохотали – попробуй вспомни сейчас. А осень стояла великолепная. И вызывающе дерзко слепило солнце. И вокруг того, далекого теперь города оказалось так много красивой при-

роды, что бедная Тонечка и не подозревала. И обычно под воскресенье Славка с друзьями брали палатки и они компанией в восемь – десять человек выезжали куда-нибудь на шашлыки, а заодно попеть под гитару, посидеть с удочками, пошвырять волейбольный мячик. А главное – похохмить и подурачиться. Однажды Славка раздражил и заманил ее в реку (это в сентябре-то!) и она – вот что ей самой было поразительно – пошла!

А потом, как-то очень быстро, она стала уставать и от шумных компаний, и от беззаботно-веселых лиц. Поменьше бы всего этого. То ли дело – комната в общежитии, чай из чашечек, печенье на блюдечке... Славка не понимал. Глядел изумленными глазами балбеса: как это так? Меньше встречаться с друзьями – да? Меньше потакать своим желаниям и причудам? Как это все можно меньше? Меньше жить, что ли?

Через два месяца Тонечка поставила твердый ультиматум. Или я – или все остальные! Несмотря на обманчивую мягкость характера Тонечка уже тогда умела быть жесткой. И они крупно поссорились. Поссорились и неделю не встречались. А потом встретились. Вернее, даже не встретились, а просто Тонечка случайно увидела его на улице. Славка был не один. Рядом семенила какая-то гадкая, с костистыми плечами девица. Ноги – длинные и худые, и сама, главное, плоская, словно тапочком придавленная, но с нагло-счастливыми глазами. И подруги по комнате радостно подтвердили: да, ходит с какой-то шваброй!

Вот так и кончился ее самый бурный в жизни роман. А душа саднила. Долго потом еще саднила. И вспоминался чаще всего один случай.

Славка, шумно фыркая, плывет в сентябрьской воде. Затем встает на дно и машет рукой:

– А ну – давай сюда! Или слабо?

– Нет, не слабо.

– А чего сидишь там, точно курица?

Эта «курица» ее подбросила. Ну – погоди! И – бегом, бегом в реку. По колени, по пояс и – окунулась.

Холод сразу, со всех сторон острыми булавками впился в тело. И все внутри сотрясательно охнуло и сердце на взлете остановилось. А потом ничего. А потом и совсем хорошо. И Славка рядом.

– Ай да умница! Ну до чего храбрая девочка! И холодными губами – в ее холодные губы...

И чем дальше отодвигалось это купание, тем отчетливей Антонина понимала, что если и была когда счастлива, то именно в эти два месяца. И еще понимала, что годами жить в таком ритме ей бы не удалось, она бы просто развалилась на части. Руки-ноги бы рассыпались.

А ближе к окончанию института в ее тихую гавань вошел другой паренек – спокойный, неторопливый, не какой-нибудь сумасброд. Не было ни шашлыков, ни осенних купаний, а были нечастые вечерние вылазки до киношки, чай из красных, с белым горошком чашечек, конфеты и печенье на блюбочке. Он и стал мужем Тонечки. И навсегда исчезнувший Славка все реже и реже являлся в памяти...

А тут – Эдик. Нет, внешне он не походил на Славку. Но роднило, удивительно роднило их одно отношение к жизни, одна общая черта – ненасытность. Сколько ни дай всего – радостей, удовольствий, развлечений – все им мало. И что-то помимо воли, почти забытое, всколыхнулось в благополучной, устроенной в жизни женщине.

А они, эти тупые бабы, они ничего не понимали. И Пальма, и Наталья подзуживали ее:

– Как там у нас продвигается охмурение мальчика?

И Элеонора сально похихатывала.

Пусть говорят. Их даже поддразнить можно. Ведь улик-то нет. Нет улики. И, возможно, не будет...

– ...Ну вот, сразу и – «врать». Не веришь?

Антонина усмехнулась.

– И правильно делаешь, что не веришь. А если не веришь, если сама все понимаешь, то по какому праву поднимаешь руку против народа? Народ, гражданка Сударушкина, он – святое, а ты... – в голосе Эдика зазвенели твердые нотки. А глаза – как у Славки! А брови взлетели! Хоть на монетах чекань! И вот также опасно приблизил к ней свое лицо. – Непорядок!

Антонина положила подбородок на сцепленные пальцы.

– Ты зачем сюда приволокся?

– Говорить о рабочем комитете. О нем и только о нем.

– Я в тебя кину сейчас чем-нибудь. И очень тяжелым.

– Это с какой стати?

– Чтоб не юродствовал.

– Всегда так, – сокрушенно вздохнул Эдик. – По-дружески укажешь коллеге на промахи и

ошибки, а в ответ... Эх, – что говорить! Хотя да, юродствую. Но знаешь, почему я юродствую?

– Знаю.

– Почему?

– Потому, что не женишься. Дурная кровь кидается в голову.

Эдик разочарованно скривил губы:

– И ты туда же. Как наша Франция – всему объяснение находишь.

– Нормальное объяснение. Вот была бы я лет на пять моложе, да не замужем, я быстро бы тебе мозги вправила.

– В том-то вся и беда, что после вас, Антонина Васильевна, в Асинске не осталось достойных невест, – Эдик соорудил тоскливую гримасу. – Одна Антонина Васильевна была и та давно не девка.

– Ну надо же!

– Да. Зачем ты не девка?

– Тебя не спросила.

– Вот именно! О других не думаешь! Все о себе да о себе. А я?

– Что «ты»?

– А вот то. Мучаюсь. Места не нахожу. Душа ведь не просто чуткости и ласки, хотя куда без них – без них никуда; но она ведь и праздника, в конце концов, требует! Чтобы вот тут, – он похлопал себя по сердцу, – день за днем был Новый год, помноженный на День святого Валентина, а не на развалины Дома пионеров.

– А будни кому оставляешь? Тем, кто рубахи и носки твои стирать будет?

– Дело не в носках. Носки – это мелочь. Я ведь знаю, чем ты на других непохожа.

– Ну-ка, ну-ка...

– Видишь ли, если взять любую, более или менее смазливенькую девочку, закрутить ее нежное тело, допустим, в яркие шелка, окружить со всех сторон вниманием и заботой, словом – выполнить любые прихотливейшие условия, то и тогда, когда этому созданию только и остается, что благодарно излучать на тебя радость, оно – бац! – начинает кукситься, капризничать и умудряется даже самые приятные минуты сделать серыми до ужаса.

– А ты пробовал?

Ценитель приятных минут слегка замялся.

– Ну... вообще-то с шелками была напряженка.

– Вот то-то!

– Да что шелка! – вскричал уязвленный гость. – Я вообще о празднике говорю. О большом каждодневном празднике. С размахом!

– Размашистый какой! Все праздника хотят и даже смазливенькие девочки в том числе.

– А ты?

– Конечно.

– Так что ж ты молчишь?! Да для тебя все, что пожелаешь!

– Даже так?

– Сейчас будет!

– Нет, нет. Для одной – это чересчур. А чтоб для всех сразу и для меня, конечно. Так можно?

– А почему нет? – Эдик даже поразился. – Хотя на всех я не рассчитывал.

– Почему?

– Ну как «почему». Большинство из тех, для кого что-то делаешь, любит кривить рожи и вопить, что им нужен был другой праздник, что им не так преподнесли, не так подали! Ну, да – ладно. Для всех – так для всех. С поправками – на всех... Первым делом надо изъять у пионеров барабаны. Затем прижать торговлю, чтоб запаслась цветными лентами.

– При чем тут ленты?

– Как «при чем»? Девушки вплетают в волосы – синие, желтые ленты, а мужички повязывают через плечо.

– Как на свадьбе, что ли?

– Как спортсмены. И тут начинается праздник!

– Барабаны и ленты – и только-то?? Тогда вообще можно чем-нибудь одним обойтись.

– О, недогадливая! Если нет барабанов – тихо раскупают ленты и праздника не получается. А если, наоборот, есть барабаны, но нет лент, бросаются в магазины, чтоб найти несчастные ленты, и опять праздника не получается...

Вот оно, наконец-то! Искуситель вышел на охоту! Тонечкино сердечко отчаянно затрепыхалось среди расставленных силков. И запели рожки загонщиков...

– Ну хорошо: а если раскупят ленты и бросятся в магазины?

– Нет, – Эдик укоризненно покачал головой: чего уж такие вещи объяснять? – Нет. Какая ж, прости меня, женщина с лентами пойдет в магазин? Да в нее ж пальцами будут тыкать: вот, ненормальная, накупила лент, еще и в магазин приперлась!

– И все-таки барабанов с лентами для праздника маловато!

– Конечно. Если б еще и гречку давали...

– Ты дождешься!

– Только без угроз.

– Не увиливай!

– Ладно, скажу: ленты и барабаны – лишь фон. А на фоне можно сотворить что угодно.

– И что же можно сотворить на фоне?

– Все. Было б желание, – Эдик вдруг ощутил, что это самое желание у него начинает пропадать: что за интерес объяснять каждое слово? – В один день я бы... я бы устроил праздник, скажем так: в стиле Мудрого, понятном всем и каждому. Даже больше того – он был бы главным действующим лицом. А я – так, ассистент.

– Му-удрый? Господи, да на что он способен...

– Зря вы, зря, Антонина Васильевна. Я ведь знаю, что он, между прочим, на гитаре играет. И – очень неплохо!

– Кто – Мудрый?? И не стыдно тебе – смотришь женщине в глаза и нагло врешь. Разве так поступают? Но – допустим. Пусть будет потвоему. Привлечешь Мудрого с гитарой, а дальше? – Антонина из ящика стола достала две шоколадных конфетки, одну протянула Эдику.

– Премного благодарен.

– Ты не ответил.

– Прежде всего я должен растолковать вам глупость, которую вы только что изволили сказать. Во-первых, если бы я всегда говорил правду, и правду исключительно голую – я был бы натуральный извращенец. А, во-вторых, я требую, чтобы мне верили. Или немедленно прощайтесь с вами.

– Хорошо, верю, верю, – поспешила заявить Антонина.

– То-то! Если в вас заводятся плевелы сомнения, вы, Антонина Васильевна, тут же выжигайте их каленым железом!

– Ты ближе к Мудрому.

– А что Мудрый? Попал бы он в мои руки – что-нибудь путное из него и вышло бы.

– Хм, – сказала Антонина.

– Ах, вам бы только хаханьки, а я совершенно не вижу ничего смешного.

– Ну конечно...

– Да. Вы плохо знаете мои способности.

– Так каков же он, праздник в стиле Мудрого?

– В стиле Мудрого? – к Эдику внезапно опять вернулось вдохновение. – Это прежде всего, конечно, внешнее оформление – флаги и транспаранты. Громадные полотнища с белыми буквами: «Прוצветает тот, кто действует», или: «Кто хочет чего-нибудь добиться ищет возможности,

кто не хочет – причину!» И так, представь: утро красит бледным цветом стены Асинска. На улицах начинают продавать ленты и гремят барабаны. Трудящееся население отрывает головы от подушек, а на ступенях Дома Советов я на ударных.

– На чем?

– На ударных. На инструментах. Главным барабанщиком буду я, потому что я буду задавать ритм. Самое важное – это ритм! И вот я сижу, а чуть ниже – Мудрый, в черном фраке, в галстук-бабочке и с гитарой.

– Это ясно: он же в твоих руках...

– Да. Не сбивай. Так вот, я начинаю. Та-та-та-та-та... Тах... Та-та-тах... Та-та-тах... Мудрый перебирает струны и – понеслось: «Не спи, вставай, кудрявая, на-на-на-на-а, страна встает со славой на встречу дня.» Туф-туф-пам-пампам!

Эдик мотал головой, стучал воображаемыми палочками, бил по воображаемым струнам. Антонина, подперев ладошкой щеку, смеялась.

– Дэ-дэ-дэ-дэ-дэ... Энтузиазм полнейший. Все отчаянно и бодро спешат на работу. Шахтеры мчатся в забой выдавать на-гора тонны гребанного «черного золота», врачи-стоматологи – с корнем вырывать зубы, чтобы отсутствие мяса и сухарей никого не мучило, продавцы с брезгливой ненавистью к себе швыряют на прилавки заныканные в подсобках товары. Всё куда-то стремится, стремится. Пять шагов до общего благоденствия. Помахивая сумочками, бегут на службу работники исполкома. Вот строевым шагом приближается Капитолина Вовк. (Эдик даже дернулся, всем видом показывая приближение Капитолины.) Председатель только глянул – и разнеслась окрест «Мичуринская урожайная». А дальше семенит унылый и пасмурный Лошадь. Ему, конечно, – «Я люблю тебя, жизнь!». Пальме – что-нибудь нейтральное, например: «Не плачь, девочка, пройдут дожди...» И вот – бог ты мой! – идет Антонина Васильевна. В кружевной воздушной блузке! Вся такая розовая и одухотворенная сама Антонина Васильевна! И певчие птицы смолкают, и рыба в Горячке перестает плескаться. Таксисты выскакивают из таксомоторов и вытирают слезы на щеках. Все немеет от восторга и восхищения. Председатель заметался на ступенях туда-сюда. Он в полном отчаянье: нет подходящей мелодии! Что делать! Что делать, Эдя? Эдя, выручай, выручай, го-

лубчик, только ты можешь спасти! Для такой необыкновенной женщины и песня должна быть необыкновенная!! Спокойно, Яков Ярославович, спокойно. Вдребезги расшибемся, но найдем. Пач-пач-па-па-пач-пач-пач... Туф-ддуф... Нет, не то. Та-та-та-пам-пам. Ближе, но опять не совсем. Ту-ду-дуф, ту-ту-ду, ту-ду-ду-ду-дуф. И вот полилась над всеми этими грязными шахтами и дымными заводами, над закопченными улицами и переулками, над всеми стирками и мытьем посуды печаль тоскующего мужского сердца: «О любви немало песен сложено, я спою тебе, спою еще одну...» И все, пораженные, на секунду останавливаются. И Лошадь, и дубоватая Капитолина. А затем потихоньку, чтобы не спугнуть мелодию, бочком-бочком обходят нас и в глубочайшей задумчивости растекаются по кабинетам.

Антонина во все глаза смотрела на Эдика. Бог ты мой, как она на него смотрела!

Чтоб на вас кто-нибудь так смотрел!

Словно далекий, но не забытый Славка вновь возник перед нею. И почти въявь, как там, на реке, прозвучал его голос: «А ну – давай сюда! Или слабо?»

– Нет, не слабо...

– Что?

– Да нет, это я так... – Антонина в замешательстве потеряла висок. – Но праздник не может быть каждый день.

Однако душа ее, бедная очнувшаяся душа уже выдиралась из пут повседневности. Быт, спеленавший ее, держал все слабей и слабей.

– Праздник должен быть каждый день, – мягко возразил Асадчий, – только каждый раз чуть-чуть другой. Это будни должны быть редкими...

Да-да, именно так. Это она однажды знала...

Еще немного – и наше повествование покатилося бы по иному, совершенно неизведанному руслу. Тем более, что конопатый, голенький пацан, неслышно трепеща крылышками, уже пристроился сбоку, с той стороны окна, и ручонками в цыпках и царапинах торжествующе натягивал лук с вложенной в него оперенной стрелкой.

Нет сомнений, что все могло бы пойти иначе...

Но в этот момент дверь открылась, и в кабинет вошел Лошадь.

Да, в этот момент вошел, пропади он пропадом, редактор газеты.

Ему сразу не понравилось затуманенное выражение лиц двух его сотрудников. Сильно не

понравилось. Как хотите, но что-то было в них нерабочее, что-то возмутительное в них было! Сурово глянув на Эдика, он сухо сказал:

– А, вот ты где. Зайди ко мне.

И исчез.

И вместе с ним исчезло, испарилось, улетучилось, пропало то неуловимое, что могло возникнуть – и возникало! – да не возникло.

Эх, принесло же его!...

Однако наберемся терпения – может еще возникнет?

А пока...

Пряча за усмешкой злость, раздражение и досаду, Эдик произнес:

– Не иначе, как начальство хочет наградить меня похвальной грамотой. Но зачем нормальному человеку похвальная грамота, да еще и Лощадью сочиненная? А?

ГЛАВА 10. «ЖАЛЬ – ЗАМЕНИТЬ НЕКЕМ...»

Каждый человек взрослеет по-разному. Один в шестнадцать лет, другой в девятнадцать, а третий еще и в сорок лет подобен глупому дитяти. Так считал Максим Евсеич Тонкобрюхов. Сам он, по собственному определению, понял жизнь только к двадцати пяти годам.

До этого срока он успел окончить педагогический институт и поработать историком в школе №27. Детство, игравшее в голове, не давало никакого покоя юному педагогу. Он был натурально неистощим на всякого рода выдумки и из своих уроков устраивал черт знает что. С изумительнейшим артистизмом он принимал личину жестокого и своенравного удельного князя, а весь класс моментально превращал в крепостных крестьян, которых грозился нещадно выпороть, а потом всех, до единого, продать в соседние классы; и тогда даже самому отпетому двоечнику становилось совершенно ясно, отчего в далеком феодальном обществе вспыхивали восстания. Он втравливал податливых ребятшек во всевозможные конкурсы, викторины и олимпиады, разбивал подневольный 6«б», в котором был классным руководителем, на команды и затевал между этими командами кавээншн-батыли.

– Какая Сена в воде не тонет? – каверзно спрашивали одни крепостные крестьяне других.

– Та, которая через Париж течет.

Максим Евсеич слушал и млел от счастья.

Но особой неугасимой страстью Максима Евсеича было водить своих шестиклашек, а по-

том и семиклашек в походы на поиски стоянок древних людей. Поисками этих стоянок он был прямо-таки одержим. Стоянок, правда, не нашли ни одной – глупые древние люди в окрестностях Асинска следов почему-то не оставляли. Но не в этом дело. Потрясающий лесной воздух наполнял восторгом здоровые легкие классного руководителя и он готов был часами топтать по глухим заброшенным дорогам и тащить тяжеленный рюкзак за плечами.

Наивысшим блаженством для Максима Евсеича были вечера у костра, когда в прокопченном походном котелке булькал пустенький супчик, сваренный из содержимого известных магазинных залежалых пакетов цвета детской радости. Покончив с супчиком, команда краеведов долго сидела у огня, обжигаясь, прихлебывала дымящийся чай, заваренный нежными листьями лесной смородины, пекла картошку в золе и пела туристские песни. И сам Максим Евсеич, обучивший ребятню этим песням, красиво выводил:

*Когда он из похода возвращался,
Его встречали сотни женских губ!
Он с ними мимоходом целовался -
Сикось-накось!
На, Жора, поддержи мой ледоруб.*

А потом Максим Евсеич принимался мечтать вслух о том, как найдут они, наконец, стоянку и вокруг нее будет много кривых и длинных костей могучих древних животных – бизонов каких-нибудь и мамонтов, а где-нибудь рядом, под каменным навесом или даже в пещере их глазам откроются следы большого кострища, вокруг которого они непременно обнаружат орудия древнего труда – скребки, палки-копалки, а может быть и костяные наконечники копий. И как все это принесут они в школьный музей, предварительно создав его, а сама стоянка будет нанесена на все краеведческие карты области.

Без пяти минут открыватели, разинув рты, слушали своего вдохновенного предводителя, как Бога...

Нет, нельзя сказать, чтобы жизнь совсем уж плюнула и махнула рукой на своего не взрослеющего отпрыска. Время от времени она, конечно, давала ему ненавязчивые уроки.

...Однажды краеведы разбили свой лагерь на берегу затянутой водорослями реки, неподалеку от деревеньки в несколько дворов. Три че-

ловека были оставлены разводить костер и кашеварить, а Максим Евсеич с основными поисковыми силами азартно ринулся обследовать окрестности. Хотя они и на этот раз не нашли никаких пещер, но, вернувшись в лагерь, были несказанно удивлены. Их, уставших и голодных, ожидал великолепный ужин. Обычный пустой супчик был обильно заправлен мясом. На вопрос: откуда? – повара, честно глядя в глаза любимому педагогу, объяснили, что в их рюкзаках обнаружили две банки корейской тушенки из утки. Пиршество получилось на славу. Максим Евсеич с удовольствием съел две миски пахучего варева и с особым подъемом спел про Жору и ледоруб.

Он уже готовился приступить к неизменному рассказу о скором открытии стоянки, как в этот момент явились разгневанные ходоки из деревни.

Оказалось, что корейская тушенка всего пару часов назад своими собственными крепкими лапами бежала в стаде соплеменниц к реке. Там она вволю купалась и кричала, чистила перышки, а затем безмятежно потребляла на берегу изумрудную травку. Здесь она и была изловлена двумя юными исследователями края. На обратном пути глупая птица была ощипана, пух ее и перья щедро завалили все подступы к лагерю, указывая, куда ведут следы преступления.

Коренастый обиженный мужик, потрясая в кулаке теплыми еще перьями, сурово подступал к руководителю похода. Дело могло окончиться банальным мордобоем. После долгих оправданий и извинений потерпевшему была выдана компенсация из всех наличных учительских денег.

Но и из этого урока педагог ничего не понял. Не понял того, что уже начали понимать юные головы: что лапша с уткой – это гораздо лучше, чем лапша без утки. А, не поняв, – долго и беспощадно отчитывал провинившихся.

И еще одного не мог понять Максим Евсеич: почему учителя в школе относятся к нему холодно, чем уж таким неприятным раздражает он их?

Однажды на каком-то школьном мероприятии побывал, тоже молодой тогда, заведующий идеологическим отделом горкома Георгий Федорович Стрюк. Мероприятие произвело впечатление. Гость поинтересовался: кто организовал? Указали, естественно, на Тонкобрюхова. Стрюк запомнил. А месяца через три потребовался ему в отдел инструктор – и: «Максим Ев-

сеич, буду рад работать вместе с вами». Нет, никак не хотелось уходить Тонкобрюхову из школы – привык, так и мечтал до самой пенсии затевать викторины, играть в КВЭНЫ, сидеть у костра и петь про Жору. Но коллеги, которые на тонкобрюховском фоне сильно подрастеряли авторитет у ребятишек, на редкость дружно взялись уговаривать: такая возможность! И – партийная дисциплина...

Новый инструктор – не ошибся в нем Стрюк – сразу проявил себя человеком способным, и идеи лезли из него в невероятных количествах. Но получилось так, что с идеями у идеологов оказался перебор, что и у Стрюка свои имеются – тоже ведь голова работает и не совсем заплесневел человек. И с этими идеями он нет-нет да выскакивал на бюро горкома. А та организация, где работал Стрюк, а теперь уже и Тонкобрюхов, очень не любила самостоятельности. Вот если спустят сверху конкретный циркуляр организовать в Асинске изучение направляющих документов или, допустим, создать массовое движение наставников – тогда, пожалуйста. Твори, выдумывай, пробуй. Чтоб и посвежей было, и пооригинальней. Чтобы потом и в область доложить: а мы вот восприняли и творчески развили. Но все это в жестко определенных рамках. Шаг вправо, шаг влево – не что иное, как побег от основной идеологической линии. И Стрюка, с одной стороны, ценили за свежесть подходов, а, с другой, беспощадно осекали за вольнодумство. Но он и не лез в амбицию – не пойдет, так не пойдет, а я хотел как лучше. А вот молодой инструктор, несмышленный телок, поначалу много не понимал. Он доказывал, горячился и спорил там, где горячиться и спорить было нельзя. И Стрюку уже не раз выговаривали: ты кого к себе в отдел приволок?

И неизвестно, чем бы все это завершилось, но вот тут-то Максим Евсеич и начал стремительно взрослеть. У него, как у очнувшегося от долгого забытья, словно распахнулись глаза. Он огляделся вокруг и с изумлением открыл, что в любом, даже самом малом человеческом сообществе – будь то в школе или в горкоме – всем производственным процессам давным-давно проторены глубокие и надежные русла, что все в движении по этим руслам накрепко устоялось, что люди уже притерлись и привыкли поступать именно так, как поступают, а не иначе, а он со своими глупыми идеями, будь они трижды оригинальны, вносит хаос и разлад

и – что самое ужасное – омертвляет здоровое течение жизни. Развивая свое открытие, Тонкобрюхов додумался до того, что некоторые граждане, изо всех сил стараются сделать себя несчастными, но при этом они уверены, что поступают как раз наоборот.

И – кончились струи, иссяк гейзер. Через какой-нибудь месяц-полтора клубы горячего пара уже не вырывались из новичка на поверхность и не раздражали никого. Только умеренный либерал Стрюк ничего не мог понять и удивлялся: куда что подевалось?

К тому же подоспело Максиму Евсеичу время жениться. Погуляв сколько положено для приличия, молодой инструктор законным образом оформил свои отношения. Жена ему попала – маленькая пухленькая брюнеточка, не очень миловидная, но очень хозяйственная. Молодые зажили в уютном домике с садиком и огородом, деловито и основательно обустроявая семейное счастье и благополучие. Но – нет! – не совсем повзрослел еще Тонкобрюхов. Неутоленный пыл вместо неосуществленных походов и невысказанных идей обратился внезапно самым причудливым образом в садово-огородническую страсть. С восторгом, какого не могла бы подозревать в нем и Капитолина, все вечера и выходные копался теперь Максим Евсеич на своей земле: рыхлил, окучивал, прививал, скрещивал. Бегал в грязной майке между ухоженных грядок и налюбоваться не мог. Собственными руками тепличку построил. Узнав об этой досадной слабости, партийное начальство вновь проявило естественное недовольство: это что еще за частнособственнические инстинкты? Что за фокусы? Уж коли ты работник аппарата, ты и среди соседей должен соответствовать. А какое ж, мать твою, соответствие, если ты часами торчишь, согнувшись над грядками? Какую идеологию ты из себя представляешь, если смотришь из своего огорода не лицом, а, прямо скажем, совсем другим местом?... Ну а что в этом такого, оправдывался строптивец, я ж для себя, по мелочи, не на базар... На него по-прежнему смотрели горько, как на недоумка. Это только кажется, что по мелочи, а на самом деле все куда глубже. Подрыв авторитета сам понимаешь чего – вот что это такое!

Короче, через три года Максиму Евсеичу почти насильственно вручили ключи от двухкомнатной благоустроенной квартиры в центре и прозрачно пожелали: в часы досуга, если тянет

чем-нибудь заняться, разводи хоть рыбок что ли, или собаку заведи.

И потекли спокойные, неомраченные годы Максима Евсеича на партийной работе. Одиннадцать месяцев идеологического труда – путевка в хороший санаторий. И снова одиннадцать месяцев того же труда и путевка в Болгарию. Очень удобно, другого не надо. И отслужил бы так Максим Евсеич до самой пенсии, да на беду лет десять назад началась чехарда в газете. Редакторы сменяли один другого, внутренние дразги раздирали вдоль и поперек творческих работников, и вот тогда-то не утративший задора Стрюк – чтоб ему БАМ строить с этой своей дурацкой энергией! – да, вот тогда-то Стрюк и предложил: а не назначить ли нам Тонкобрюхова? «Верно! – обрадовались руководящие товарищи. – Уж этот-то никаких дров не наломает!» Как карась, которого потащили из обжитой и обустроенной тины, Тонкобрюхов начал отчаянно трепыхаться. Да куда там – партийная дисциплина, подчинение нижестоящих вышестоящим, ответственный участок работы...

И, правда, с приходом Тонкобрюхова бунтари слезли с баррикад, страсти сами собой улеглись, и редакционная жизнь довольно скоро потекла размеренно и неторопливо. В общем, как оказалось, тут не так уж и плохо, можно, по крайней мере, обойтись без волнений и нервотрепок, которых он теперь всячески избегал. И опять, как и на прежнем месте: одиннадцать месяцев труда – путевка в санаторий...

Спокойная жизнь просматривалась до пенсии, если б... Если б не события последних двух-трех лет. Что-то там, в столице, затеялось непонятное. Модные словечки появились – «демократия», «плюрализм», «свобода слова». А с ними и другие. А как, спрашивается, всегда было заведено: если Москва запела, в Асинске тани припев. Вот и допелись с этой демократией. В прошлом году в июле и полыхнуло. И не только на площади. В мозгах тоже как будто полыхнуло. Что стало твориться! Вон Стрюк, начальник бывший, в первую же неделю убежал из горкома, а осенью – так и вообще из партии. Начал браться с рабочим комитетом, публично поддерживать. А ведь высшую партийную школу закончил, демократ хренов! Умишко-то у него живой, а недалекий. Сейчас жалеет, поди. А уж отсюда убежать неловко, вот и делает вид, что союзничек им до

гроба. Русский с китайцем братья навек. Потопился, ох и потопился ты, Георгий Федорыч! Не продержится долго твой комитет, последние пузыри пускает...

Однако, если не лукавить, то и сам Максим Евсеич растерялся. Ведь как жажнуло – словно крышку у бочки вышибло. Будь он неладен, прошлый год! Тогда, с июля именно, и затрещали устоявшиеся порядки. Светлая патриархальная жизнь сразу сделалась мутной и нездоровой. Оказывается, стоит только однажды власти проявить слабость и колебание и все, добра не жди. Подлецы – они там, в Москве, о новой революции бредят, а тут – прямо по живому. И путевка в этом году мимо носа проехала – все одно к одному. Максим Евсеич сделался еще более осторожен и более раздражителен.

Он не торопился за событиями, но и не слишком отставал от них, а если уж газета и выказывала иногда однозначную и четкую позицию, если уж и наваливалась на кого-нибудь, то наваливалась безбоязненно, твердо зная, что упавший больше не поднимется. Вслед вышвырнутым секретарям горкома полетела резкая статья: все трое «бывших» без двух-трех лет пенсионеры, свое откомиссарили, а новым – предупреждение и наука. Впрочем, и прошлое редактор старался не задевать без нужды. Над нерешительностью Тонкобрюхова здесь, в Доме Советов, иногда зло издевались, а это была тактика. Причем успешная тактика – благодаря ей он держался. Сейчас главное и было: удержаться! Он знал, сколько безоглядно-горячих редакторов сменилось по области за последний год. Да, он медлил, умышленно медлил, ну и что? Твердая почва под ногами все больше превращалась в трясины. До резких ли тут движений? Чтобы не оступиться, он пытался предугадывать события. Прикидывал возможности отдельных депутатских фракций (господи, «фракции» – мыслимое ли понятие еще пару лет назад?!), старался в лицах представить, как пойдет борьба на очередной сессии, кто что скажет, кто что ответит. Целые картины, похлеще «Горя от ума» проигрывал в своем воображении, менял реплики, аргументы – все вплоть до взрыва эмоций пытался предугадать. Знание механизмов власти помогало – часто прогноз оказывался точен, но иногда действительность резко и безжалостно опрокидывала его построения и финал выходил не таким, каким надлежало быть.

27

Но если бы только укоренившиеся порядки ломались! Одновременно новые, непонятные и потому грозные приметы входили в жизнь. Раньше, по убеждению Максима Евсеича, Асинск жил как бы под неким колпаком, замкнутый сам в себе, ориентированный на себя и изрядно равнодушный к остальному миру, которому тоже, впрочем, мало дела было до Асинска. Теперь совсем другое. За полгода побывали здесь и испанцы, и финны, и австрийцы. В прошлом месяце Кувшинов привез из области датчанина – показывать ассоциацию. Датчанин в восторг не пришел, и тогда Тарас попросту смылся от него. Надо было видеть, как бедный датчанин метался перед Домом Советов и, используя весь свой запас русских слов – три или пять, включая «здравствуйте» и «спасибо», выяснял, как проехать до Томска. Ну ладно Кувшинов – у него не первая история с иностранцами. Но вот приход пешей американки в город, с рюкзаком и посошком, все же внутренне надломил Максима Евсеича. Понятно бы – из Москвы. В Москве многие великие маршруты начинались: Москва – Северный полюс, Москва – Пекин. Но что за Орша такая? Откуда она взялась? Эта Орша вгоняла в унылую тоску редактора. Она представлялась каким-то чудовищным местом. Он думал о ней с невыразимой мукой. Проклятая Орша разрушила укромную норку, лишила всякой защищенности. Получается – граница не на замке, и враг не дремлет. Где тут Тонкобрюхов – приходи, бери его голенького. Одно остается – воспевать прелесть забугорной демократии, власть желтого дьявола. Дожили...

В редакции Максима Евсеича ровно, без всплесков не любили, и он знал об этом. На прозвище, правда, не обижался. В конце концов, он не артист, не Вячеслав Тихонов, чтобы народ к нему за автографами бегал. А прозвище... Он ведь и сам когда-то окрестил директора школы, где детишками верховодил, Дубиной. В прошлом году завуч оттуда позвонил: «Дубину на пенсию провожаем. Ты уж напиши что-нибудь теплое...» Вот как прилипло. Но вот чего терпеть не мог – так это совершенно идиотских, бессмысленных насмешечек. Ну почему он должен был в детстве три раза болеть ветрянкой? Что за издевка такая гаденькая? На что этот сопляк намекает? Заносчив паренек, выпендривается. И с большим самомнением.

Выставить бы его из редакции, да пока зацепки нет...

Тонкобрюхов был подчеркнуто строг, и строгость не сулила Эдику ничего хорошего.

– Чем с утра занимаешься?

– Подготовил три информации. Варвара Андреевна печатает.

Редактор потер волосатой рукой шею, словно давило его что.

– А вчера после летучки куда пропал?

«Ага. Вон куда закидывает! Неужто про рабочий комитет знает? – Эдик насторожился. – Или просто так спросил?

– На «Ударник» ездил, спускался в забой.

– Что за необходимость?

Подлец редактор наклонил голову, смотрел исподлобья, но Эдик отвечал едва ли не с изысканной любезностью. На этот вопрос отвечать было легко, тут все чисто, проверяй – не проверяй. А с комитетом, кажется, пронесло.

– У них со снабжением туго. Я позвонил дежурному, спросил про дела, а мне отвечают: какие там дела, если крепеж не поступает. (Здесь Эдик соврал, никуда он не звонил, но это-то как раз и не проверишь – мало ли кто мог трубку снять!). Вот и поехал. Вместе с горным инспектором спустились в шахту, зашли на третий участок, поговорили с ремонтной бригадой. Все так и есть: то сбой с затяжками, то стоек мало. Мужики обозленные, кроют всех подряд. Буду готовить репортаж.

Эдик умолк, ожидая новых вопросов и не сводя с редактора влюбленных глаз. Был у него в запасе такой совершенно особый взгляд, которым он ел родное начальство. Но ел не целиком, а частями: то правую руку обглаживал, то ухо жевал.

Максим Евсеич хмурил лоб, теребил в руке карандаш. Нет, не нравился ему этот малый, за любезностью которого чувствовал он еле скрытое издевательство.

И откуда берутся теперь такие – с шуточками, прибаутками, с кривыми ухмылочками? Где произрастают они, ни черта не понимающие, но бесподобно самоуверенные, лезущие куда не надо, крикливые, вздорные – где? Ведь никаких идей за душой, только поза, только лишь бы покривляться. И за ними сейчас будущее? Вот за ними, за этими?!!

А тут еще этот звонок...

Короче, накопилось у редактора. Под завязку. И надо было что-то предпринимать. И самое лучшее – указать поганцу на дверь. Максим Евсеич явственно ощутил, как закипает и поднимается в его сердце праведный гнев.

Да! Выгнать к чертовой матери из редакции – и весь сказ! Двоих выгнали и этого туда же! Вот он стоит во весь свой длинный жердинный рост. Откровенно вызывающие отвратительные глаза. Как промахнулся Максим Евсеич, когда принимал его на работу!

Надо было приступить к главному...

– Делать на шахте тебе нечего, это вотчина Немоляева... – Тонкобрюхов встал, заложил волосатые руки в карманы брюк, подошел к окну и некоторое время постоял, словно желая обнаружить изменения в серой громаде Дома культуры, затем вдруг резко повернулся и спросил. – Тебе как вообще – работать в редакции нравится?

Вот это новости!! Таких вопросиков еще не было! Кровь ударила Эдику в голову.

– Да ничего, коллектив хороший... За некоторым исключением.

– Вчера тебя снова, в который раз, видели в рабочем комитете. Что ты там забыл?

«Так и есть!»

– Что я там могу забыть – информацию.

– Какую информацию?

– О проверке магазина.

– Она что – так срочно понадобилась?

– У меня работа такая – давать информации.

– Значит – за информацией?

– За информацией.

– Зачем ты там был?

Опять двадцать пять!

– А почему мне там не быть? Куда хочу, туда хожу.

Дерзил Эдик, дерзил, сам пер на рожон. Редактор переменялся в лице, и скулы зашевелились под кожей, но голос по-прежнему был спокойный:

– Видишь ли, в отличие от твоего хотения я не желаю, чтобы меня за чью-то дурь отчитывали, как мальчишку. И еще. Запомни: когда ты еще в школу не ходил и под столом прудил в штаны, я уже преподавал историю. Так что кругозор у меня пошире...

«Только спокойно, – шепнул себе Эдик, – только спокойно.»

–...Поэтому я настоятельно рекомендую тебе быть разборчивей и в выборе тем для информации, и в выборе своих... знакомых...

В кабинете стало так ненатурально тихо, что на мгновение показалось: тишина, словно штукатурка, сейчас обвалится с потолка. И внятно, и громко прозвучал хрипловатый голос снаружи –

оттуда, где рабочие наводили внешний лоск, подмазывали стену здания:

– Держи лестницу. Да куда ты ее заносишь? Берись за тот конец. Шустрей берись! Или бросай, к чертовой матери...

...Сейчас. Сейчас Эдик ему ответит!

Сейчас он ему:

– Широта кругозора вещь спорная. Когда некоторые расширяли кругозор под первыми секретарями, я, как ни странно, ходил в геологические экспедиции и там, в болотах и тундре (это хорошо прозвучит: в болотах и тундре!), под дождем и гнусом, да с тяжеленным рюкзаком за плечами широты тоже хватало.

Лошадь облегченно оскалится:

– Для чего тебе работать с таким ретроградом? До конца дня еще много времени и его вполне хватит, чтобы написать заявление...

...Пауза затянулась. Редактор вплотную подошел к заведующему отделом и снизу вверх цепкими провоцирующими глазками впился в него. Жидкие волосенки, тщательно зачесанные назад, оказались на уровне глаз Эдика. По тому, как менялось лицо Асадчего, редактор видел, какие дерзкие, вызывающие слова готовы у того вот-вот сорваться. Ах, как он ждал сейчас этих слов! Прямо гипнотизировал: ну давай же, лепи напрямую, не молчи! Выскажись окончательно и катись с богом.

И Эдик уже сглотнул слюну и рот приоткрыл, но... не проронил ни звука.

И Тонкобрюхов еще раз подергал наживу:

– Запомни: я бы выгнал тебя, жаль – заменить пока нечем. (Ничего, обошлись бы и без замены, не велика потеря!)

И подождал. Но сообразительный малый и на этот раз не клюнул. Произнес только:

– Премного благодарен за доброту.

Говорить больше было не о чем.

И редактор махнул рукой:

– Все. Иди работай.

Он был сильно раздосадован.

Не получилось!

Ах, черт возьми, не получилось...

ГЛАВА 11. НА ЖИТЕЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

В то время, когда скучающий Эдик без всякого смысла и цели слонялся по редакции, мешая занятым людям, в кабинете номер «43» – культура, торговля и быт – царил атмосфера активно-го творчества.

И правильно, что его выперли отсюда!

Помимо Элеоноры и Натальи здесь, напомним, находилась еще и директор Дома культуры.

Второй час живо и с пристрастием обсуждался сценарий аукциона. Элеонора с Натальей остроглазыми воронами кружили над бездыханным телом сценария, потом набрасывались на него, с торжествующим воплем вырывали кусок, потом опять оставляли, опять кружили и опять набрасывались. Десять машинописных листочков были размашисто исчерканы карандашом вдоль и поперек. Вскоре, однако, Элеонора сообразила, что если столько вырывать, то от сценария кроме слова «сценарий» ровным счетом ничего не останется. Новые идеи возникали тут же, на ходу. За ними – еще и еще новее. Поправки вносились в уже поправленное. Не только между строк, но и на полях, как пассажиры в переполненном автобусе, теснились многочисленные пометки – фразы, реплики, стрелки, звездочки.

На листочки было жалко смотреть, до того они были обезображены.

А началось с того, что Элеоноре первоначальный вариант решительно не понравился.

– Послушай-ка, пресно и постно, как на поминках.

– Да почему ж как на поминках? – взволновалась Непрошина.

– А ты разве не видишь?

Александра не видела.

Вот тут и забегал по листочкам элеонорин карандаш. И Наталья подскочила в подмогу.

Низенькая, с подслеповатым прищуром Александра, привыкшая к тому, что клиент в Асинске по части массовых развлечений несколько не привередлив и радостно сжирает все, что подсовывают, выказывала легкие признаки раздражения. «Черт меня дернул с ними связаться...». Она то снимала очки и нервно потирала стекла, то закатывала глаза к потолку и шумно вздыхала. От более резких выпадов удерживало только одно: ее включили в рабочую группу, и по условию договора ей причиталось семьдесят рублей за участие в организации и проведении этого проклятого аукциона. Чуть ли не половина месячной зарплаты! Приходилось молчать.

Было ясно, что сценарий придется переделывать, а программу менять, но уж как этого не хотелось. Надо ж было свалиться такой морозе на ее голову! Загнанная в угол, Александра сперва совсем поникла. Как вялая рыба в теплой

воде, она удрученно шевелила плавниками и время от времени повторяла:

– Девочки, может, хоть это оставим, а?

.....

Едва за Непрошиной закрылась дверь, как Элеонора шумно вздохнула и с чувством произнесла:

– Ой, слушай-ка, какой она тяжелый человек! В каждой мелочи приходится улаживать.

– Ей лишь бы так: и деньги получить, и чтобы ничего не делать, – подхватила проницательная Наталья, перебираясь за свой стол. – Штука еще та.

Культура, торговля и быт на сей раз оказались абсолютно едины во мнении.

– Можно? Я все жду, жду, а вы все заняты... – у дверей топталась увядающая толстозадая кабаниха с фарфоровым детским личиком.

– Что у вас? Проходите, проходите... – ласково пропела Элеонора. Она всегда, без отклонений, испытывала непреодолимейшую симпатию к любой бабнице шире ее.

– Да вот, кофточку связала, на аукцион хочу...

«Ну – это без меня», – решила Наталья и вернулась к прерванному Непрошиной делу.

На столе у Натальи тонкой стопкой лежала бумага, и на верхнем листе крупным корявым почерком было написано: «На житейских перекрестках», а чуть ниже: «Исповедь Инны К.».

Рубрику «На житейских перекрестках» года три назад придумала Элеонора. Отцы, деды и дети; мужья, жены и свекрови; жена, муж, любовник и для довеска еще кто-нибудь – в этих незамысловатых с виду многогранниках каких только сюжетов не закручивалось. Душещипательные истории наводнили газету. Однако по прошествии трех-четырех месяцев число желающих попасть в сомнительные герои стало стремительно сокращаться: многие опасались быть узнаваемыми. Несмотря на популярность таких историй, идея чахла и сходилась на нет. И вот тогда-то пришло спасительное решение. Кто его предложил – Элеонора или Наталья – сказать трудно, да и не в этом дело.

Суть заключалась в том, что Наталья писала про Элеонору, а Элеонора про Наталью. С элементами художественного домысла, разумеется.

Житейских перекрестков как в жизни у одной, так и у другой было предостаточно. Рассказы под вымышленными именами или попросту начинавшиеся так: «Я встретила ее на ска-

мейке в парке. Мы разговорились...» посыпались с новой и нарастающей силой. Судьбы культуры, торговли и быта, взаимно на десятки раз перепаханные, и сегодня продолжали давать обильный урожай и радовать читателей.

Эдик, тогда только-только появившийся в редакции и любопытства ради хватавшийся за все темы сразу, тоже прицепился к житейскому паровозу. Однако первое же сочинение (встретились двое и расстались, и никто, вроде бы, не виноват) парочка поднаторевших профессионалов жанра разнесла в клочья. «Здесь должна быть понятная любому мораль, – растолковывала Элеонора. – Если девушка положительная, значит он обязательно подлый и непорядочный. И только так! А у тебя нет морали. И от себя пиши, от первого лица – убедительней получится. Усек?» Эдик усек. Его роман с Мариной в то время как раз был в самом бурном разгаре. Это давало живую и богатую пищу для «перекрестков». К тому же по горячим следам писать, представлялось, легче. Марина была положительная. И левой рукой натягивая штаны, правой Эдик громил себя как подлого и непорядочного. «Вот – другое дело!» – воскликнула Элеонора, ознакомившись со вторым сочинением. На третьем Эдик сломался. Его dokonало мучительное несоответствие между тем, что вытворяют левая и правая руки. Две ночи он маялся бессонницей. В чем же секрет проклятых «перекрестков»? «Да нет никакого секрета! – хором заявили замредактора и Наталья. – Проще излагай, проще!». Но Эдик до сих пор подозревал, что обе что-то утаивают...

Подтянув листок поближе, торговля и быт слегка пригорюнилась – вдохновения, как назло, не было. Да и то: все неприятности и неприятности, одно к одному. Аркашку опять на сторону повело, тварь такую. Заявил, морда, что на сборы едет. Известно, какие сборы! Соберет когда-нибудь – ни один вендиспансер не вылечит... И редактор американку вчера подсудобил. Наталья ее про Америку пытала, а та ей весь вечер про Россию рассказывала, восхищалась да ахала, как заведенная. «Все у вас будет хорошо! Все у вас будет хорошо!» Будет. Когда нас не будет. «Ну – зачем это так?» А затем. Что мы – России не знаем?... Да еще позвонила в Москву и целый час трепалась, трещотка, никак остановиться не могла. Плати теперь...

Наталья погрызла кончик ручки, подумала и начала «Исповедь» так:

«В юности у меня было много поклонников. Увлекалась часто, но ни одного по-настоящему не полюбила...»

Здесь Наталья даже вздохнула. Жалко было относить такие хорошие слова к Элеоноре, которая – что уж там говорить – была обыкновенная стерва и ни о какой любви никогда не помышляла. Наталья стряхнула наваждение (этак и раскиснуть недолго!) и продолжала уже почти деловым тоном:

«...Не огорчалась, считала: у меня все впереди. Но не заметила, как пролетели годы. И замуж вышла без высокого чувства к своему супругу. Поводом для создания семьи стал будущий ребенок.»

Наталья опять остановилась. Покосилась на замредакторшу. Та трясла перед собой жутко аляповатую безразмерную кофту, приговаривая: «Ах, цвет, ах, узор...» Кабаниха сидела напротив и, как незабудка, распускалась от счастья... Это прямо в точку – «без высокого чувства»; какое уж там, прости господи, чувство! Но зато хватка... Бегала за Вовкой, как сумасшедшая, чуть ли не на себе в ЗАГС утащила. А кто б еще тебя с такой репутацией взял? Жалко Вовку. Он тогда уже к Наталье похаживал. Только вот с беременностью затянула. Дура! А Элька здорово извернулась – после ЗАГСа сразу аборт сделала. Наталья снова вздохнула.

«...Когда узнала, что беременна, признаюсь, испугалась. Во-первых, не верила в прочность брака, насмотрелась на других, во-вторых, мне уже было за тридцать. Кроме того, устоявшийся с годами уклад жизни страшно было менять, считаться с привычками мужа, заботиться о нем, – тут Наталья немного помедлила, колебалась и решила сохранить беременность Инне К. Замужем была недолго. Наш брак распался, хотя я делала все, чтобы его спасти. (Верно, верно – «все делала»). Считала, что сыну нужен отец, который мог бы его чему-то научить, воспитать в нем мужские качества. Но в конце концов я поняла (это когда он сбежал), что никакого воспитания он не получит от человека с красными от пьянства глазами...»

Да, жалко Вовку – какого мужика сгубила! Где он теперь? Куда уехал?...

«...Кстати, как могла, боролась с пристрастием мужа, но, увы, оно оказалось сильнее моих усилий. Потом я уже стала опасаться, как бы его

дурная привычка не перешла позднее к сыну, поэтому и решила избавить ребенка от его дурного влияния...»

Кабаниха опять топталась у порога, кланялась и бесчисленное число раз говорила: «Спасибо!». Наконец ушла.

– Неплохая кофточка, посмотри.

Наталья брезгливо изломила губы.

– Не нравится?

«О, господи! Только ты могла прельститься такой».

– Да нет, ничего. Узорчик оригинальный.

«...Иной раз от бессилия, что не могу сделать какую-то работу дома или в огороде, опускаются руки, хочется плакать. Завидно, что у кого-то рядом с тобой нет таких проблем. Но слушаешь других, несчастных в семейной жизни, вроде не все у меня плохо, а, может, даже по сравнению с ними и лучше. Живу я не хуже других, есть материальный достаток...»

Без пяти одиннадцать пришел Костя Угловой, художник из городского сада. Он принес для аукционной продажи три картины собственного изготовления. Картины были завернуты в бумагу, обвязаны шпагатом и торчали под мышкой как отстегнутые крылья.

Художник Костя был молод, невысок ростом, с круглой физиономией, внушительными оттопыренными ушами и откровенно дерзкими нагловатыми глазами. Однако при взгляде на высокий светлый и выразительный лоб возникала догадка, что помимо нахальства в этих мозгах несомненно роятся честолобивые замыслы, и что оттопыренные лопушковые уши, более уместные на голове какого-нибудь недотепы, здесь, скорее, для камуфляжа.

– Здесь что ль приемная комиссия? – спросил художник грубовато и неловко. – У меня вот картины.

Картины? Наталья встrepенулась. Картины?? Тут Элеонору и близко подпускать нельзя!

Надо сразу заметить, что Асинск не изобиловал художниками. Таковых здесь числилось всего лишь двое.

Спроси кого хочешь:

– Есть ли в Асинске художники?

И сразу ответят:

– А-а, эти...

Обоих можно было найти в воскресенье с утра на базаре. Около парадного входа, сразу за помятыми, со свежими синяками тетками, которые торговали негашеной известкой, находился

их прилавков. Трофим Батьков специализировался на кошках. Небольшие пузатенькие гипсовые кошки поражали покупателей самыми диковинными раскрасками. Зеленые, коричневые, голубые, – в общем, всех цветов, кроме свойственных этому зверю в природе. На спине у каждой имелась аккуратная щелка для монет. Цены тоже были стабильные: бутылка плюс чуть-чуть сверху, как охотно объяснял Трофим. То есть, когда водка была четыре двенадцать, Трофим просил пять; когда она стала пять тридцать – цена установилась на шести; а в смутные годы борьбы с алкоголизмом и последующего выхода из нее каждая кошка потяжелела до двенадцати рублей. Эта изумительная по простоте формула, которую асинские умельцы всегда использовали в тяжкие для страны времена, позволяла счастливейшим образом избегать всяких там ценовых лихорадок. Если покупатель предлагал бутылку натурой, то доплачивать остальное было необязательно. (Справедливости ради надо заметить, что никто этой льготой так ни разу и не воспользовался). После торговли, сложив в рюкзак непроданный товар, Батьков отправлялся к винно-водочному; там, зайдя с заднего крыльца, загружал рюкзак до отказа и после этого исчезал из поля зрения горожан до следующего воскресенья. Напарник Трофима по прилавку, субъект неразговорчивый и угрюмый, предлагал асинцам лакированные портреты Пугачевой и Высоцкого. Причем, щеки знаменитостей пылали огнем, как в лихорадке. Оба художника уважали яркость, считая ее одним из первейших достоинств любого искусства...

Итак, Угловой принес картины.

Это было что-то новенькое. Ну-ка, ну-ка, что он там намалевал?

Сложная судьба Инны К. отодвинулась в сторону.

– Подходи ближе и разворачивай.

– Смотреть будете?

– А как же! Мы котов в мешке не берем.

Костя раскрутил шпагат, убрал бумагу и водрузил на стул первую картину.

Установилась недоуменная пауза.

На утренней смятой постели, опираясь на локоть, полулежала с закрытыми глазами молодая, обнаженная женщина. Над нею, там, где низ живота терялся в мягком черном пушке, вился, трепеща крыльями, сильный белый голубь. Розовый свет падал сверху, из-за пределов картины и наполнял полотно. Намале-

вано было неплохо, но – неожиданно как-то, загадочно.

Торговля и быт вскочила, обошла стул с картиной и выразительно посмотрела на культуру.

Что к чему нагородил? По многолетнему опыту Наталья твердо знала: если ей что-то непонятно или вызывает сомнения, а продавец при этом темнит, значит – пытается надуть. А здесь как раз было непонятно.

– И что все это означает? – строго спросила Наталья.

– Картина называется «Сон Марии», – скромно пояснил автор.

– А-а. Ну, ну...

Устроительницы аукциона сосредоточенно изучали «Сон».

По законам рынка – а Наталья знала, что они применимы ко всем случаям жизни – надо было выискивать недостатки и сбивать цену товара.

– Что-то Мария у тебя плоская.

– Да, могла быть и попышнее, – тут же солидарно подхватила Элеонора.

Опять же по правилам Костя должен был возразить, мол, ничего не плоская, а очень даже нормальная бабенка. Но он, свалившийся из городского сада, то ли не знал этих правил, то ли уж вообще был дьявольски хитер.

– Ладно, пусть спит, если ей так нравится, – разрешила Наталья. – Ничего вообще. Только драпировка уж больно современная. Давай следующую.

Костя повиновался.

– О, боже! – выдохнула Элеонора. – А это что за чудища?

Действительно, на холсте безумствовали откровенно безобразные твари. На толстой и короткой ноге сидела голова со срезанным черепом и пустыми глазницами. Одна рука в железной перчатке, торчавшая из затылка, была откинута назад. Другая мясистыми пальцами крепко держала за горло второго уродца, отдаленно похожего на первого, но уже с тремя руками.

Схваченный уродец испытывал, надо полагать, сильные неудобства: рот его был широко раскрыт, и во рту, в затылке, зияла сквозная дыра. Третье существо, гордо удалявшееся к горизонту и несоизмеримо большое по сравнению с двумя дерущимися, было, по всей вероятности, женского рода, так как на спине его болтались большие отвислые груди.

Все это происходило в пустынной мертвой

местности под покровом ночного неба, при свете странно и непонятно откуда торчащих фонарей.

– Да-а, – закачала головой Наталья, – и с пьяных глаз такое не привидится. Ты, часом, в своем уме?

– А что?

– Скажут еще: псих какой-то.

– Наталья-а! – замредактора укоризненно качнула головой.

– Мне-то какое дело, – оттопыренные уши художника оттопырились еще больше.

– Тебе-то, может, и нет, но люди разные бывают. Как это называется?

– «Предчувствия по Дали».

– По чем, по чем?

– По Дали. Художник был такой.

– Знаю. Сюрреалист. А третья?

Третья была без всяких там шуток, вполне понятная. По мотивам «Мастера и Маргариты». На переднем плане, слева, обращенный к зрителю, сидел в тени рыхловатый Понтий Пилат со страдальческим – от болезни – лицом. Голова его была слегка повернута набок и опущена, веки прикрыты. А позади него, внизу, на залитой солнцем площадке, стояла хрупкая и тоненькая, как свечечка, фигурка Иешуа в изорванном хитоне с крепко схваченными за спиной руками. Даже по плечам было видно, как неестественно вывернуты руки.

Лучше всего получилась собака Пилата. «Прямо как у наших соседей, точь-в-точь такая же здоровая, – отметила Наталья, – морда только другая».

Но и эта картина не вызвала в целом никаких положительных эмоций.

Полотна стояли на стульях в ряд, ожидая экспертной оценки. Художник терпеливо молчал.

– И долго ты их рисовал? – спросила Наталья, не сводя внезапно засверкавших глаз с голубя.

– По-разному. «Марию» – с полгода, «Пилата» – чуть меньше, а «Предчувствия» – дня четыре, наверно...

Да, конечно, было в этом что-то незаурядное, с намеком, с подтекстом. Наталья размышляла. «Марию» можно бы и в спальне повесить, вместо ковра. Хотя нет, размер маловат, стена голая получится. А вообще лучше бы пейзажик – зимнюю ночь, лунную дорогу...

– И какую ж цену ты хочешь за них?

– За «Пилата» двести, за остальные по триста.

На перекидном календаре Наталья черкнула суммы.

– А ведь их вряд ли купят.

– Почему?

– Слишком не для рядовых умов. Здесь бы что попроще.

– Но вы-то разобрались.

– Мы – другое дело. Нам положено.

– Так берете, нет? – вызывающе спросил Угловой.

– Взять-то возьмем, но на многое не надеяться. Ставь свои картины на шкаф.

Костя повиновался.

– Вот еще – гений в Асинске выкопался, – презрительно заметила Наталья, когда художник исчез.

– Точно: строит из себя...

Культура, торговля и быт снова были едины во мнении.

Кабинет Элеоноры и Натальи понемногу превращался в склад разнообразных предметов. Если предприятия – по взаимному соглашению – должны были доставить продукцию прямо на аукцион, то умельцы несли ее сюда.

Было здесь уже три или четыре набора кухонных досок – резных, лакированных, самых причудливых форм: и в форме рыб, и в форме диковинных цветов. Один умелец принес часы-термометр с дистанционным управлением. Другой, мастер по сварке, отдал три ажурных подсвечника. А уж про пуловеры и кофты и говорить нечего – их набиралось не менее дюжины.

Пришел сухощавый, коричневый, словно обильно посыпанный перцем старик и принес две резные рамки для картин. С теми полотнами, что стояли на шкафу, рамки не совпадали и вообще были, вроде, как ни к чему, но владелец рамок визгливо раскричался – мол, картины и подрезать можно. В общем, нажал на свои права, приплел какого-то Мамрукова, которого скоро турнут, намекнул на трудовые заслуги, раза два ткнул себя в потертый значок на груди; и рамки пришлось принять.

Много было дерева и бересты – шкатулки, туеса, хлебницы.

После обеда сторож городского музея, отдуваясь и матерясь (что я им ишак, что ли?) приволок в обыкновенном мешке, в какие обычно ссылают картошку, «Обнаженную Колхозницу».

– Куда ее свалить? – прохрипел он, изнывая под тяжестью ноши.

Сваливать было некуда. Элеонора побежала в редакторский кабинет.

– Максим Евсеич, может – к вам?

Тонкобрюхов скучился, поворчал, но все же согласился:

– Однако имей в виду: здесь она мешает.

– Это ненадолго.

Колхозницу, не вынимая из мешка, сунули в угол.

– Ты никуда не отлучайся, что принесут – бери, записывай, на звонки отвечай, – наказала Элеонора Наталья, – а я схожу к Кувшинову. Мне с ним сегодня, как край, переговорить надо.

Наконец-то в кабинете наступило затишье. И Наталья смогла без дерганий и отвлечений закончить «Исповедь Инны К.».

«...Я хочу, чтобы рядом был человек, который бы согрел мою душу своим участием и заботой. Но где он? Хорошие при женах, а плохие, как мой бывший муж, радости ищут в другом...»

Тут Наталья еще раз, теперь уж последний, задумалась: уж что-то слишком идеальным получился элеонорин портрет – хоть сейчас на божничку. Нет, так не пойдет, жирно ей будет.

И завершила:

«...Впрочем, может, сама виновата, хотела быть свободной, долго выбирала, как в народе говорят, искала принца. А надо было идти замуж за того, кто меня любил. Ведь был такой. Теперь не на кого пенять. У каждого своя судьба. У меня она моя, с горчинкой».

– Вот так-то лучше.

Это ей за Вовку. Остался бы при Наталье, так, конечно бы, не запил!

Наталья, довольная собой, сгребла листочки и отнесла в машбюро.

Не одним аукционом жив человек.

ГЛАВА 12. БИЗНЕСМЕН ТАРАС КУВШИНОВ

– Ну давайте, на хер, с богом! – Тарас Кувшинов распрощался с посредниками из Хабаровска и с покрасневшим от напряжения лицом орал теперь в телефонную трубку. Звонки были междугородные. Звонил один из коммерческих агентов Тараса, отправленный в Молдавию для закупки яблок. Яблоки были, хорошие, крепкие, только вот везти не на чем – железная дорога не давала вагона.

– Я тебя зачем туда послал?! – вопил Тарас. – Чтоб ты мне докладывал, что вагона найти не можешь??... Да мне плевать, что не дают!! Те-

бе было сказано: привезти! Вот и привези. Крутись, как хочешь, но чтобы яблоки были!...

– Разрешите, Тарас Фомич? – в дверях стоял маленький человечек с желтым азиатским лицом.

Тарас кивнул.

–...А он что – другой породы? Он что – коньяк жрать не любит? Накупи поила, так, мол, и так – презент от солидной фирмы, занимаемся крупным оптом, пригласи посидеть куда-нибудь! Хотя в задницу влей!

Маленький человечек ошалело вытаращил глаза и запереминался у двери.

– А ты попробуй, попробуй. Что я, учить тебя должен?

На том конце провода агент захлебывался в оправданиях. Тарас утомился и закруглил разговор:

– Если не достанешь вагона – на себе все перетащишь. Да, да, из Молдавии в Сибирь! Все, до последнего яблока! Ты меня понял?! Так-то!

Тарас грохнул трубкой по аппарату, вперился в вошедшего:

– Слушаю.

Гость по-прежнему оторопело маячил возле порога.

– Я из Узбекистана. Ким моя фамилия.

– Проходи, садись. Видишь, какие работники. Напринимал, понимаешь,..., теперь не знаю, что с ними делать...

Президент Тарас Кувшинов был в городе, вне всяких сомнений, удивительнейшей личностью, выпуклой и яркой.

Его неординарность обнаружилась много лет назад, когда закончив восьмой класс и перейдя в девятый, Тарас вдруг живо заинтересовался: чего это у девчонок округлое впереди топорщится? Вполне, конечно, естественное любопытство для данного возраста, но, в отличие от большинства прыщавых и стеснительных выношей, Тарас и в те нежные годы не был умозрительным теоретиком. Нет, не был. И с безоглядным рвением начал обшаривать руками выпуклые места. Почти тут же выяснилось, что эти открытия куда как интереснее, чем те, что сулят алгебра и геометрия.

Жили они тогда всей многоголосой крестьянской семьей в большом селе Улановке, где имела даже школа-десятилетка. Среди подрастающей оравы братьев и сестер Тарас был старшим. Отец, совхозный механизатор, сквозь

пальцы смотрел на баловство сына, пока однажды напарник не сказал ему:

– Слышь, Фома, если твой еще раз к моей Варьке полезет, я ему башку сворочу. Так и знай...

Варька была дочкой напарника, лет на тринадцать старше Тараса, давно и безнадежно застрявшая в девках. Фома задумался.

...Над селом стояла поздняя сырая осень. Уставший Тарас вернулся домой с погулянок, когда часы показывали далеко за полночь.

Мать притулилась у стола, на котором в беспорядке лежали раскрытый дневник и тетрадки ученика девятого класса. На неряшливых листах унылыми гнусными червяками крючились тройки. Сумка валялась на полу.

Фома Кувшинов, сгорбившись на маленькой скамеечке, сидел возле печки, курил, пуская дым в открытое поддувало. При появлении сына бросил окурочек, поднялся.

– Явился, петушок. Сымай штаны.

– Ты что, батя? – Тарас изумленно глянул на мать и расплылся в ухмылочке, мол, чего это старик чудит.

Может, если б не эта ухмылочка, то все и обошлось бы. А так... Мгновенно и широко размахнувшись, Кувшинов-старший послал увесистый механизаторский кулак в озорной правый глаз родного чада. Глава семейства был не очень силен в педагогике, зато свято верил в другую силу – силу радикальных средств. Его тоже так учили и, слава богу, дураком не вырос.

Комната лопнула и осветилась веселыми брызгами, пол вздыбился. Тарас запрокинулся и полетел к столу, спиной и локтями сгребая полочки.

– Ой!.. – болезненно вскрикнула мать и вскочила с табуретки.

– Сымай штаны.

– Ба-атя!

На неверных ногах поднялся Тарас, непослушными пальцами стал расстегивать пуговицы. В голове гулко и тяжело гудело. Спустив штаны, он повернулся задом к отцу, слегка согнув спину. Черные сатиновые трусы плотно облегли мясистые ягодички. Фома Кувшинов наматывал на правую руку потертый кожаный ремень.

Дальше было вот что. Свободной рукой Кувшинов-старший схватил сына за шкуру, круто повернул его, одновременно сгибая вниз, и зажал буйную лохматую голову меж колен. Затем

рванул трусы, они треснули и порвались, обнажая розоватую кожу.

– Батя-я...

Размеренно и добросовестно, как и в любой работе, Фома Кувшинов вздымал руку с ремнем и с отяжкой лупил бляхой по голому задку. При каждом ударе Тарас вздрагивал. Слезы злобы, ненависти, бессилия текли одновременно из здорового и заплывающего глаз. Наконец Фома утомился. Да и то: задница сластолюбца побавровела, из-под лопнувшей кожи сочилась кровь.

– Запомни: если еще курвиться будешь – за воротами, на улице, сделаю то же самое. Пусть невесты смотрят. Или если плохо учиться... С такой здоровой башкой в начальники можно выйти... А то ишь ты – живчик у него завелся...

Надо признать, что к этому времени исследовательский пыл Тараса стал стремительно сходить на нет. Все деревенские закоулки, «темные уголки» как бы поделились на те, куда его Варька уже заволакивала, и на те, куда еще нет. Число вторых быстро сокращалось. Проклиная антисанитарные условия, Тарас взненавидел крапиву – она торжествующе жгла его голые ляжки. Эту нелюбовь к сорному растению он стойко пронес сквозь годы. Многое подрастерял, а это пронес.

Так что, как ни странно, стремления отца и сына совпали. И нечего было дураку старому ремнем размахивать. Мог бы сказать и по-человечески. В общем, вернулся Тарас под сень алгебры и геометрии, подналег. Унылые червяки исчезли из тетрадей.

Потом – Горный институт и направление на работу в Асинск. Было это лет двадцать назад.

Парнишка оказался приметным: даже тяжелая бляха Кувшинова-старшего не прихлопнула в нем дерзкого живчика (если смотреть не узко, а расширительно) и гонору хватало на троих. Впрочем, мало ли их, занозистых и сулящих надежды, появлялось и появляется на предприятиях Асинска. Однако Асинск умеет – о-о, еще как умеет! – шлифовать молодежь. Посмотришь на серенького клерка, отупевшего от скуки в пыльной конторе, и озадаченно думаешь: «Не ты ли, прибыв сюда три года назад, собирался потрясти завод блестящими идеями?»

Тарас Кувшинов не потерялся.

Попав в шахтоуправление «Таежное», он начал как все, с горного мастера, а через шесть лет был уже главным инженером. Взлет, надо признать, стремительный. Шахту Кувшинов знал,

как содержимое своих карманов. Именно при нем подготовительные работы, за которые он отвечал и которые всегда являлись слабым местом «Таежного» — так вот именно при нем они перестали быть постоянной головной болью директора. Лавы готовились точно в срок и качественно, добычники тоже оживились, и «Таежное» взялось стабильно выполнять планы и получать, естественно, премии.

— А все почему? — хвастал иногда довольный Тарас. — Я с людьми разговаривать умею. Поначалу, бывало, вызову начальника участка: у тебя там надо то-то и то-то. Стоит, как козел, не понимает. Ах ты!.. И по бабушке, и по матери, и в рот его, и в нос. Глядишь — сразу все понял, повернулся, пошел и выполнил.

Молодой Кувшинов на вверенном производстве блестяще осуществил то, что десятками лет не удается дохлым филологическим умникам. Он наметил свой путь, отличный от того, который безуспешно прокладывает мало на что способная научная и творческая интеллигенция Асинска, а именно: упростил речь, сделал ее короткой, выразительной и, главное, абсолютно доходчивой.

— Толковый у тебя сын, — прослышав про успехи Тараса, говорили односельчане Фоме Кувшинову.

— Толковый-то толковый, — соглашался Фома и странно добавлял. — Надо только вовремя голову промеж ног, да бляхой...

Старый Фома до последних дней своих не сомневался в чудодейственной силе бляхи и полагал, что именно она дала нужное направление мыслям старшенького.

Быть бы Тарасу вскоре директором шахты, но один непредвиденный, из ряда вон случай прервал стремительный взлет.

Случай этот поверг в восторг асинцев и на разные лады живо, весело и взалхлеб обсуждался в городе, обрастая, как водится, самыми нелепейшими подробностями и цветистыми дополнениями. Поэтому для восстановления истины надо немедленно рассказать, как же все было на самом деле.

Однажды, находясь в столице, в командировке, и уже закончив дела в министерстве, Тарас в отличном расположении заглянул в гостиничный ресторан подкрепиться — до самолета оставалось всего несколько часов. За одним из столиков возле окна с кислыми минами сидели два мужичка, без всякого интереса тыча ножом и

вилкой в тарелки с капустой и чем-то мясным и вяло запивая съедаемое водкой. «Граждане не нашей страны,» — сразу определил Тарас и простежки уселся рядом.

Граждане не нашей страны оказались поляки и, что более удивительно — шахтеры. Восторженному изумлению Тараса не было предела. Тут же по его приказу официант уставил стол бутылками и снедью. Выпили за крепкую дружбу людей одной профессии, за то, чтоб не придавило в забое, за мир во всем мире...

— А хотите я вам свою шахту покажу? — предложил Кувшинов. — Хотите? Честно, без б... ?...

Люди одной профессии, за сорок минут успевшие развеселиться, горячо полюбить Тараса, а затем полностью и окончательно потерять способность к восприятию времени и пространства, автоматически согласились...

Вся московская милиция была поднята на ноги. Пропали два специалиста хоть и из братского, но все же соседнего государства. Искали их долго и безрезультатно. Наконец кто-то вспомнил и сообщил, что видел пропавших в сопровождении краснорожего здоровяка с сибирско-купецкими замашками.

...Поляков обнаружили на третий день в окрестностях Асинска, в бассейне горняцкого профилактория живых, но чуть теплых. Они, едва шевеля плавниками, отмокали в воде после щедрого хлебосольства хозяина. До шахты — квершлагов, забоев и прочих выработок поляки так и не успели добраться.

Скандал получился громкий. Кувшинова сгоряча даже скинули обратно в горные мастера. Потом, правда, восстановили. Но о дальнейшем продвижении, по крайней мере в ближайшие годы, речи быть не могло. Светило Тарасу долгое прозябание на том самом месте, до которого он столь лихо добрался...

Но сам случай!

Каждый асинец, даже тот, который изначально прижимист, все-таки умеет ценить размах и бесшабашность, переходящие всякие границы. О Кувшинове говорили и в просторных кабинетах, и в шахтовых мойках после смены, и в автобусах, и в очередях, и даже в темном подъезде, давя бутылку на троих. Тарас моментально сделался легендой Асинска, человеком, коего всюду окружал ореол восхищения!

Но одной лишь городской славой сыт не будешь. Почувствовав внимание и опеку, Тарас сильно загрустил. Выглядывать и дальше из-за

спины директора было уже, прямо скажем, муторно.

Однако на распустье Тарас пребывал недолго, удача по-прежнему, как собачонка, бегала за ним. Освободилось место начальника дорожно-строительного управления (а это уже другая фирма, с другими «генералами» наверху) и стали на это место подыскивать кандидата. Тогда и предложил Тарас себя и свой руководящий опыт. Многие подивились, полагая такой шаг неразумным:

– Совсем рехнулся парень! В одной зарплате сколько потерял!..

Но Кувшинов рассчитал верно. Теперь он был руководителем, обрел, хотя и ограниченную, но свободу. Стал сам себе хозяин. А из прежнего опыта извлек уроки. И самый главный из них – что не всех поляков можно везти из Москвы в Сибирь. Этого правила Тарас придерживался неукоснительно и твердо, оставаясь начальником управления десятком с лишним лет. Так что ни Польша, ни другие страны никаких претензий к Кувшинову больше не имели.

Руководящая должность поначалу несколько обеднила колоритнейшую фигуру Тараса. При солидном штате бестолковых, но ревностных исполнителей отпадала необходимость самому лезть в разные мелочи. И Тарас Фомич, помаявшись в таком комфорте, целиком тогда переключился на выработку идей. Вот где могучая и неукротимая энергия Тараса нашла наконец блистательный выход! Свихнуться можно было от широты замыслов. Требовался улавливатель и сортировщик кувшиновского добра, ибо асинские дороги от его многоплановости лучше не становились. И нужный человек появился и неслышно встал за спиной Тараса. Это был на редкость расторопный и чуткий, как лис, мужичок по фамилии Парнишкин.

Управление гремело и процветало. Но масштабы... Черт побери, разве это масштабы? Разве ему такой маховик раскручивать?

Когда подули новые ветры, Тарас, только что распечатавший пятый десяток и по-прежнему полный сил и бодрости, возликовал духом и теперь уже безоглядно ринулся в коммерческо-предпринимательскую стихию.

Ассоциация «Магнит» была его кровным детищем. Это он сумел год назад увлечь хозяйственников своим немислимо смелым и дерзновенным проектом. Что и как получится – не знал никто, но собрались тридцать организа-

ций, перечислили вступительные взносы, составили небольшой штат сотрудников, выбрали президента – понятно кого, под него и деньги давали – и начали ждать результатов. Вихрь кувшиновских затей сулил волнующие перспективы. Учредители ассоциации, оптимистично заглядывая вперед, не исключали большие дивиденды. Однако многочисленные начинания одно за другим бесславно полопались. Ничего не вышло ни с кирпичным заводом из самой качественной во всей Сибири глины, ни с народной артелью по обжигу извести – той самой извести, которая позарез нужна селянам для раскисления почв; и тогда «Магнит» всеми силами сосредоточился на оказании торгово-посреднических услуг – это было верней. Хотя, конечно, и от производства совсем не отказывались – бригада из пяти похмельного вида молодцев под громкой вывеской ассоциации азартно лепила шлакоблоки.

Следующий шаг, который предпринял Кувшинов, был такой: он оставил прежнюю работу (опять многие твердили: неразумно!) и целиком окунулся в дела фирмы. И тут по-настоящему пошло и поехало! Рывками и скачками «Магнит» набирал обороты, счет в банке рос. Одной из блестящих последних сделок была сделка о поставке двух вагонов вина – Тарас любил такие измерения: вагон, два вагона – из виноградно-персиковой республики в обмен на что-то, что должны были завезти туда из другой республики. Благодарные асинцы, начавшие слегка звереть от трезвого взгляда на мир, охотно разбирали бутылки с мутной красной жидкостью по тройной цене и мгновенно нарекли ее в честь отца-благодетеля «кувшинкой». В приемной и кабинете президента почти постоянно толпились свеженькие бизнесмены из Средней Азии, Украины и Закавказья.

Кстати, идею аукциона именно Тарас подбросил Тонкобрюхову. Мол, если деньги редакции нужны, так ты, друг, не чеши... за ухом, давай крутись! А я, какой разговор, помогу. Но – тревожилось элеонорино сердце – мог Парнишкин за чем-то не уследить, не вспомнить, а это уже было чревато.

Вот потому, чтобы исключить всякие неприятности, Элеонора и отправилась на встречу с Кувшиновым...

– ...А! Заходи, заходи! Тебя нам, прости господи, только и не хватало! – радостно закричал Тарас, когда она из приемной заглянула в кабинет.

И не только закричал, но и резво замахал руками, предлагая разделить хорошую компанию. От новой неожиданности маленький кореец едва не свалился со стула. Затем во все глаза воззрился на Элеонору: что за дама?

Порыв президента был предельно восторжен, но уж кто-кто, а Элеонора

прекрасно знала Тараса. И моментально изобразив на лице счастливейшую, восхищенную улыбку, которая была однако так же далека от ее подлинных чувств, как и его восторг, вошла в кабинет.

Крупный широкоплечий Тарас сидел за столом в изумительно белой рубашке с закатанными рукавами. Верхняя пуговица была расстегнута и темный в полоску галстук ослабленно болтался на груди без всякой солидности. Рыжие, в мелких завитушках волосы на голове и прямые волосы на руках президента, выгорев на солнце, казались особенно рыжими.

Широкая, как блин, грубоватая физиономия Тараса была подвижна до чрезвычайности. Изгибались дугой то одна, то другая лохматая бровь, самостоятельно двигался гладко выбритый подбородок, а уж уголки рта беспрестанно то взлетали, то опадали, а то стремительно разъезжались в стороны или во весь дух бежали навстречу друг другу. Выражение лица менялось с невероятной быстротой. Гнев, ирония, лукавство, добродушие – все эти состояния преображали румяный блин в течение каких-нибудь полутора секунд. Если же взглянуть внимательней, то в облике президента можно было обнаружить изрядное количество самых причудливых крайностей. Между необъятными щеками помещался мелкий прямой нос. Даже не нос в обычном смысле, разве это нос, а просто ничтожество какое-то. Обратной стороной широкой физиономии являлся несуразно узкий, с кулачок, затылок, а на толстых и пухлых пальцах помещались чудовищно невзрачные ноготки. Да и кабинет с хозяином соответствовали тому же принципу: в узеньком, стиснутом со всех сторон пространстве Тарас выглядел чересчур большим, бесподобно огромным, как фикус в банке из под шпрот.

Шли деловые переговоры.

Впрочем, у Кувшинова коммерческих тайн ни от кого не существовало.

– Посиди тут, мы сейчас закончим.

– Не помешаю?

– Да брось ты!...

Из разговора Элеонора быстро поняла, что фирма, которую представляет маленький кореец, может поставить из Средней Азии лук, капусту и арбузы.

– Будем прямо говорить, с луком и капустой у нас особых сложностей нет, на... они и нужны, – размышлял на ходу Кувшинов, – здесь у каждого то огород, то мичуринский, так что лук ешьте сами, а вот арбузы – это интересно, это можно потолковать. Что ты хочешь за них? Только давай начистоту, не вздумай мне мозги...!

Маленький кореец с живостью привскочил, всем своим видом уверяя, что ничего подобного с мозгами уважаемого президента он и не думал делать!

– Мы, Тарас Фомич, у себя кооператив организовали, землю в аренду взяли, собираемся построить несколько теплиц...

– Давай короче.

– Нам много чего нужно.

– Что, что?

– Стройматериалы.

– Ну,... твою мать, утомил ты меня! Говори конкретно.

– Если конкретно, то нужны лес-кругляк, пиломатериалы, стекло, цемент и, разумеется, металл: уголки, швеллеры, листовое железо и так далее.

– Фу, жарко!

– Что?

– Жарко! Что еще?

– И так далее. Вот список.

Тарас выхватил протянутую бумажку, бросил перед собой, стал быстро водить пальцем.

– Во – губа не дура! А Асинск вам впридачу не отправить? А то можем, в поезд загрузим и – вперед. Элеонора за машиниста, – Тарас чмокнул губами. – Смотри, какая сочная: такие арбузы вам и не снились! Во на какой плантации работать надо!

Кувшинов хохотал и тряс головой.

Смеялась Элеонора, ощутив сладкий зуд одновременно во всем теле и стреляя в президента глазами и далеко, как бы самостоятельно вылезшими вперед сосками.

Кореец, то бледнея, то краснея, натужно улыбался.

Так вот весело и радостно начали торговаться. Каждый упирал на сложности положения, просил вникнуть и учесть. Понемногу обе стороны шли на уступки. Тарас – щедрая душа – уступал за двоих. Наконец был найден

вариант, примиривший обоих. От этого коммерсанты почувствовали большое облегчение, заулыбались друг другу еще приветливей. Тут же набросали договор. Кувшинов вызвал секретаршу, приказал срочно отпечатать в трех экземплярах и только теперь обратился к Элеоноре:

– С утра до вечера круговерть! Сейчас договор заключим, а пойдет дело – то, будем прямо говорить, начнем сотрудничать постоянно (тут маленький кореец опять вежливо растянул рот, отчего лицо его утонуло за щечками, которые превратились в две гладких и круглых луковички и заняли все место от лба до подбородка). Съездил сегодня на наш стройучасток, бригада шлакоблоки делает – ого! Сама как-нибудь посмотришь. А на прошлой неделе – слышала, наверно – испанцы к нам приезжали. Вот здесь, за этим столом сидели. Про ассоциацию расспрашивали. Да, страшно интересовались: как работаем, какие планы? Но деловую активность, – Кувшинов воздел палец, – проявлять не торопятся. Выжидают, когда мы голыми приползем к ним и скажем: нате, берите нас. А вот им! Правильно я говорю?!

Гость из Средней Азии заерзал на стуле, но тут появилась секретарша с отпечатанным договором. Тарас углубился в чтение. Но, видимо, это было скучное занятие. Не до конца пробежав текст глазами, Кувшинов нетерпеливо спросил:

– Все так?

Кореец был не столь быстр, цепко вглядываясь в слова и лишь дочитав до последней точки сказал:

– Все.

– Тогда подписываем и начинайте отгружать арбузы. Да не вздумайте гнилые подсунуть – назад пульнем.

Кувшинов поставил размашистые росписи, нырнул вниз к сейфу, поскрежетал ключом, выхватил печать, подышал на нее и плотно оттиснул на каждом экземпляре. Оставив один себе, два других протянул маленькому корейцу.

– Как приедешь к себе, печати поставишь и один экземпляр сразу вышли обратно. С документами должен быть порядок.

Маленький кореец горячо заверил, что через три недели арбузы будут в Асинске, а документ с печатями еще раньше, и с тем расторопно, чувствуя великое облегчение, покинул кабинет.

Тарас был весел и благодушен:

– Хитер, но меня не перехитришь! Теперь рассказывай, зачем пришла.

– Да все с той же заботой – с аукционом.

– Вот тоже нашла заботу! Выкладывай, что сделала за это время.

– Да много чего. Программа уже готова, будет танцевальный коллектив...

– Ты что, мать, совсем... – танцами собираешься торговать? – перебил Тарас.

– Нет, это я в общем рассказываю, – заторопилась Элеонора, поняв, что начала не с того. – Я уж с предприятиями договорилась, с металлическим заводом, фабрика «Искра» рубашки обещает.

– Слушай, ты мужика,... какого-нибудь, в заглавнике не держишь? – торчащие груди Элеоноры сбивали президента с мысли.

– Да где его взять такого, чтоб в постели не спал? – со стоном выдохнула Элеонора.

– Знаю я одного.

– Ну?! – груди еще более напряглись и стали хищно целить в глаз президента.

– Хотишь познакомлю? Болт такой – аж звенит! – Тарас взмахнул руками, словно стремясь развести в стороны опасные орудия любви, и вдруг опять крутанул. – Так, говоришь, «Искра» рубашки обещает?

«Вот гад!» – сбитаая таким кульбитом, внутренне ахнула Элеонора. В голове гудело, как с похмелья.

– Да.

– Мелко, – поморщился Тарас. – Копеечные дела. Размаха не чувствуется.

– С чего ж у нас в городе размахиваться-то?! – голос Элеоноры был глух.

– Н-да... – Кувшинов нажал клавиш селектора. – Егорыч, найди.

Тотчас, словно стоял за дверью, появился Парнишкин.

– Слышь, как там у нас дела с аукционом?

– Все нормально, Фомич.

– Ты конкретней.

Парнишкин пожал плечами.

– Как мы и решили, будет два набора мягкой мебели, одна стенка, из верхней одежды кое-что, причем импорт. Организуем выездную торговлю: курей доставим, мед, говядину, пиво.

– Про вино не забудь.

– Мне да забыть? – Парнишкин дернулся обиженно. – Вина будет хоть залейся.

– Ладно-ладно... Что еще?

– Все.

– Видишь: во всем порядок. А ты – та-анцы. Рогом не шевелишь! Я в прошлом году в Японии был, ну ты знаешь – знакомился с деловым миром. Так вот, в Токио зашли в супермаркет. Не буду все говорить, а вот одно запомнил: восемнадцать сортов свежей клубники насчитал. Восемнадцать! В декабре месяце! Слышь, Егорыч, до двенадцати развернуться успеем?

– Успеем, машины будут.

– Поняла – машины будут. Ну иди, мне работать надо...

Покидала Элеонора маленький кабинет в сильно перелопаченных эмоциях.

– Вот стервы! Ни к чему способностей нет, – сказал Тарас. – Все за чужой счет норуют...

ГЛАВА 13. ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ ГРЕХОВ

После милой и откровенной беседы, вернувшись из редакторского кабинета, Эдик собрал остатки воли в кулак и взялся за репортаж. Пальма, наоборот, поднялась и ускакала с макетом в типографию. Оно и лучше. Эдуарду Евгеньичу требовалось побыть одному, придти в себя, сосредоточиться и нежелательно было, чтобы дорогая соседка о чем-нибудь догадалась. Пальма умела так утешить, так умела утешить, что после этого и жить не хотелось. Покорно благодарим, мы уж как-нибудь сами. Нам раненых добивать еще не требуется.

Репортаж, понятное дело, не двигался. Да и какой тут, к едрене-фене, репортаж, когда тебе только что прямо в морду вылепили, что держат до первого случая. Появится на горизонте кто-нибудь другой, покладистый и шустрый и – гуляй, Эдик, и пой на свободе, сколько влезет. Страна, конечно, большая и дело найдется, только уходить отсюда не хочется, вот в чем клюква. Жалко уходить. Ох, и жалко! Пусть и медом здесь не намазано, и оклад издевательски малый, но зато разнообразная не монотонная работа и до роскошного вольный, не жесткий распорядок ее. Ради этого все можно стерпеть. Даже козла Тонкобрюхова, даже информашки, будь они трижды прокляты.

Завотделом поковырял в носу, поскреб под мышкой, смял и выбросил едва начатый лист.

...Но Лошадь-то – каков, а? Нашел, чем прижать. По-другому никак не может. (Здесь Эдик вымученно растянул губы.) А что – три с лишним тысячи строк он каждый месяц дает? Дает. И качество есть. И что Лошадь – разве до этого не знал, что Эдик бывает в рабочем комитете? От-

лично знал. Когда в прошлом году заварушка была, сам понуждал: сходи, напиши что-нибудь. Мало того, к Пальме подбегал, на первую полосу требовал ставить, скотина. А вот теперь всех жмет.

Впрочем, кого «всех»? Остались Пальма да он. Пальму не тронет, пока, во всяком случае, не тронет, побоится. Зато Эдик как раз по его крепким лошадиным зубам. Вот и примеряется, гад, откуда ухватить. «Хм, это мы еще посмотрим,» – мысленно сказал Эдик. Однако куда смотреть, в какую сторону смотреть – было совершенно неясно...

Вернулась Пальма, подпернула груди – что они ползют по ней, что ли? – и взялась за очередную макет. Следом влетел растрепанный Пашка Боков с фотографиями и запрыгал, и заматался вертлявым ершом на крючке перед большим пальминым столом. Пальма вертела в руках два снимка, и так и этак прикладывая их на чистый пока лист.

– Да не мельтеши ты, в глазах рябит! Можешь стоять спокойно? Стой спокойно, тебе говорят!

– Я стою, стою. Вот этот, с шахты, сверху лучше смотрится, – Пашка выхватил снимок. Едва не порвав, шлепнул на макет. – Вот так!

– Я тебя на сколько просила сделать?

– На сколько? – не понимал Пашка. Выпученные глаза его выкатывались на подбородок, концы усов беспрестанно дергались.

– На две колонки. На две-е! А ты на сколько сделал? На три-и! На три-и-и!!

– Так на две мелко будет! Бригадира сзади не различишь, – выражение черных усов молниеносно менялось.

– Что ж ты – бригадира и сзади поставил?! – закричала Пальма. – Первый раз, что ли?

– Так отказался он спереди!!

– Почему?!

– А я знаю? Скромный герой труда!

– Зашел бы сзади и сказал, чтоб обернулись!

– В другой раз так и сделаю!

– Пашка, я тебя убью. Если говорю – на две, значит – на две. Теперь обрезать придется.

– Куда обрезать, опять обрезать? Что вы из моих снимков каждый раз евреев делаете! – отчаянно заголосил Пашка и бросился в угол, словно тот, кто держал его на крючке, резко потянул леску. – Пусть на три остается. Во как отлично!

Он все прыгал и пританцовывал и нырял в стороны головой и Пальма не выдержала:

– Уматывай отсюда, сил глядеть на тебя больше нет.

– Оставьте на три! – прокричал Пашка и, сорвавшись с крючка, метнулся напоследок и исчез.

На некоторое время в кабинете наступило молчанье. Раздерганная, разбросанная тишина недоверчиво выползала из углов. Пальма, склонив голову в барашковых завитушках, быстро расчерчивала макет. Иногда, в задумчивости, линейкой почесывала за левым ухом. Эдик, усиленно пытаясь напрячься, выцеживал из себя репортаж, безнадежно сознавая, что Лошадь обухом не перешибешь, что писать еще много, а творческое вымя после крутых разговоров – пустое. Атмосфера в кабинете была пропитана строгой деловитостью.

– Одна информашка не входит, – объявила вдруг Пальма.

– Как не входит? – не сразу понял Эдик.

– Вот так. Не входит и все тут. С «Ударника» придется отложить.

Заведующий отделом информации моментально налился гневом. Это что ж творится сегодня? Все норовят навешать оплеух, образно, конечно, выражаясь. Униженный со всех сторон Эдуард Евгеньевич вскочил и подбежал к пальминому столу.

– А снимок оставляете на три?

– На три.

– Ясно. Очень даже мне все ясно!

– Вот и хорошо...

– Смотрите – вы у меня дождетесь! – Эдика распирало сочно и от души выругаться. – Смотрите... отращу усы, буду прыгать перед вами и трясти ими. Вспомните тогда, какой я был хорошим.

А Пальме – что, Пальму этим не пробить.

– Усы не вырастут. Их тебе бабы выщипают.

– Бабы? Бабы не выщипают. Они понимание имеют, в отличие от других.

– Тогда учителя.

– Какие учителя? – насторожился Эдик.

– Те самые, из одиннадцатой школы. До сих пор тебя вспоминают.

– Вы опять про старушку? Не хватит ли?

– Нет, не хватит. Чуть в могилу не свел.

– Господи, – простонал Эдик, – избавь меня от дураков...

А вот гляди-ка: учителя тогда на него всерьез ополчились и никак забыть не могут. Даже одно время кричали про публичное оскорбление –

мол, корреспондент газеты умышленно описал неприятный случай, когда надо было ни словом не упоминать о нем. Граждане, отбивался Эдик, разве может газета заниматься таким чудовищным делом, как замалчивание фактов?! «Может!» – ярились распаленные педагоги.

История, из-за которой Эдик поссорился с учителями, в самом деле довольно любопытна, а, стало быть, вполне здесь уместна.

Однажды ранней весной Пальма объявила:

– Сегодня в одиннадцатой школе торжество, походи и сделай репортаж, а то, не дай бог, сами что-нибудь состряпают и принесут.

– Не моя тема, – сказал Эдик.

– Полпредакции гриппует, остальные заняты. Вперед и без разговоров. Начало в двенадцать. И Эдик пошел.

Справляли 55-летний юбилей педагогической деятельности Анны Марковны Кокошкиной. В глубине сцены на большом фанерном куске были крупно намалеваны две пятерки, обвитые толстой, похожей на сосиску, золотой ветвью, а ближе к краю располагался стол, за которым поместились директор школы, завуч и сама юбилярша. Стол, обильно уставленный цветами, сильно смахивал на базарный прилавок, а директор, смуглый рыхлый представительный мужчина с большим крючковатым носом, имел вполне подходящий вид цветочного барышника.

Первые два ряда занимали приглашенные почетные гости. Дальше, то ширяя, то щипая друг друга, сидели разновозрастные балбесы, пригнанные по этому случаю с уроков, в дверях стояли учитель физкультуры и математичка, шикающая на не в меру разыгравшихся и зорко следя за тем, чтобы никто не посмел улизнуть раньше времени с волнующего события.

Торжественная часть только набирала обороты. Первыми по замыслу должны были выступать бывшие ученики, затем представитель горно и товарищи по работе и закруглить все это дело полагалось хорошо натасканной за две недели репетиций группе нынешних учеников и активистов.

Все шло как по маслу. Пока выступали бывшие. Уже сказали теплые слова директор городской столовой, потом прибывший из Томска заведующий кафедрой – кандидат технических наук, за ним – строгая дама с какого-то предприятия и выступал другой кандидат наук, но уже исторических.

– Я постоянно помню наши уроки литературы, – поддерживая очки, говорил плюгавенький кандидат и привставал на цыпочках за трибуной. – Я постоянно помню нашу Анну Марковну, которая вела уроки литературы...

Анна Марковна, как и полагается по столь неординарному случаю, сидела в закрученных седых букольниках, с застывшей улыбкой полнейшей идиотки на губах. К белой накрахмаленной блузке был приколот веселенький блестящий орден.

Между тем историк заканчивал свою взволнованную речь:

– Анну Марковну я никогда не смогу забыть!

Он поклонился вбок, в сторону стола, и под громкие хлопки первых двух рядов сошел со сцены.

Поднялась завуч, повертела в руках листочек:

– Товарищи! У нас по списку от бывших учеников уже все, но, может, еще кто-то хочет высказаться?

Фраза имела, скорее, ритуальный характер, поскольку, судя по лицам, никто больше высказываться не собирался.

Но тут совершенно неожиданно в задних рядах произошло движение – поднялся какой-то субъект в мятых брюках, с огромными, как блюдца, пузырями на коленях. Широкая его физиономия выражала суровую решимость.

Завуч с беспокойством переглянулась с директором и спросила:

– Гражданин, вам чего?

– Речь сказать! – зычно ответил гражданин и полез на сцену.

– Пойдите, пойдите, – с нарастающей тревогой залепетала завуч.

– Постой! – выдохнул незнакомец и обдал сидящих за столом таким хроническим перегаром, что у тех на время отключилось сознание.

Между тем мятый устроился за трибуной и, повернувшись к старушке, начал:

– Анна Марковна, помните меня?

Улыбка, казалось, намертво приклеилась к юбилярше и она только повернула завитую головку на голос.

– Шурка я, Шурка. В курточке вельветовой бегал. Мы еще с Васькой Хромченко за одной партией сидели? Ну?..

В водянистых глазах педагога невозможно было что-либо прочесть.

– Помните? Я еще из рогатки в лампочку

стрельнул, а вы меня потом указкой по голове били? Ну?

Директор панически приподнялся из-за цветов:

– Товарищ... Э-э...

– Молчи! Ты – слышишь – ты ничего, и все вы ничего не знаете про Анну Марковну. Это ж такой человек! Такой человек... – голос дрогнул, и оратор рукавом вытер глаза. – Я до сих пор ни одной книжонки без отвращения в руки взять не могу. Мы ж после ее урока про этого... ну... а: Корчагина! – комсорга нашего от всего сердца! Калекой хотели сделать. Чтоб, если фискалит, так пусть и на героя своего походит.

Исторический кандидат побелел до ушей и сказал:

– Врешь!

Щипавшиеся балбесы разом замерли и открыли рты.

– Да. Было дело... Я когда в красноярской пересылке по третьему разу чалился, Ваську Хромченко встретил. Ну, говорит, я всех учителей забыл, а ее помню. Как она нас ненавидела!

– Все что ль по тюрьмам сидели? – закричал с места историк. – Нечего обобщать!

– Это кто там такой грамотный? – Мятый, как туча, навис над трибуной. – Ты, огрызок? Вякни еще раз – весь хохотальник разворочу!! Тоже мне – «кандидат»! Да на таких, как ты, я с высокой колокольни... В семье не без урода. Я, может, сам кандидат.

В первых двух рядах сделался шум.

– Хватит!

– Довольно!

– Не желаем слушать!

– Хам!

– Провокация!

– Кто позволил!

Кто-то затопал ногами и даже попытался свистнуть.

– Чего базарите! – рявкнул оратор и хватанул увесистым кулаком по трибуне.

– Не обобщай! – вопила директор столовой. – Не все сидели!

– Ты-то, Танька, конечно, нет! – перекрывая шум орал мятый. – Ты-то, конечно, и нет! Знала где и кого подмазать. Да и сама... Вон от ворованного масла как разъехалась. (Танька охнула и завалилась набок). А я вот недавно слышал: каждый пятый из Асинска в разное время похлебал баланды. Анна Марковна, да скажите вы им прямо: столько-то сотен или там тысяч

моих учеников прокантовались в зоне. Че вы от нас нос-то воротите? Скажите! Иначе я за себя не ручаюсь.

– А при чем тут учителя? – взвизгнула завуч. – Родители виноваты!

Мятый снисходительно осклабился.

– Вот ты, вроде, умная, а дура. Кто ж, скажи мне, родителей наших учил? А? Скажи, скажи! Анна Марковна и учила. Так что не надо мне про родителей.

Шум нарастал. Первые два ряда, распаленные одной ненавистью, выли и визжали. И только юбилярша по-прежнему сидела с приклеенной улыбкой.

– Э, да что с вами разговаривать, – сказал мятый. – Время только терять.

Он выбрался из-за трибуны, подошел к столу.

– Дайте я от большинства ваших учеников – от тех, кто освободился, и тех, кто срок мотает, – поздравлю вас с праздничком и пожелаю вам счастья, здоровья и успехов в труде.

Мятый наклонился и долгим-долгим поцелуем взасос поцеловал мертвенно скалящуюся старушку.

Торжественная часть была в самом разгаре, но никто больше не хотел выступать...

А какие ж выводы Эдик тогда сделал? Что-то про проколы в работе, которые бывают и у заслуженных людей. И надо ж – смертельно обиделись.

Прошло два часа... Пальма трепалась по телефону. Эдик тоже был занят: на тетрадном, в клеточку, листочке он заштриховывал квадратики.

ГЛАВА 14. ЯБЛОЧНОЕ БУДУЩЕЕ АСИНСКА

Давным-давно пора уже в нашем повествовании отодвинуть в сторону все важные и не очень важные события и обратить самый пристальный и заинтересованный взгляд на Капитолину Кондратьевну Вовк, одно имя которой возбуждает в сердцах многих асинцев разнообразнейшую гамму хороших и нехороших чувств.

И прежде, чем начать, весьма кстати вспомнить пусть и банальную, но верную присказку о том, что не место красит человека.

Действительно – ну что такое было общество садоводов еще четыре года назад? Так, почти ничего. Плюнуть и растереть. Даже и того меньше. А если еще точнее – третьеразрядная и

никому не известная организация, состоявшая всего-навсего из одного человека – самого председателя Артемия Нилыча Никитушкина, невысокого кособокого толстяка с вечно округленными глазами и губками, сложенными буквой «о». Помещалась она, согласно своему рангу, чуть ли не на чердаке Дома Советов, поскольку даже в подвале места более приличного ей не нашлось. Садоводы ютились в одной комнатке с обществами спасания на водах – пожилой одышливой дамой, и охраной памятников культуры.

И вот именно четыре года назад было положено начало невероятного расцвета того, что, казалось, расцвести решительно ну никак не в состоянии. Причем способствовал расцвету ряд обстоятельств, счастливо, как это и бывает в таких случаях, совпавших вместе.

Во-первых, и это самое главное, в Асинске возникла Капитолина. Возникла откуда-то с юга Украины, из какого-то былинного берендеева царства, где кипят по весне неукротимой яблонной пеной сады, где дивчины с парубками бойко отплясывают в хороводах, где соловьи – каждый величиной в три кулака – свищут так, что слезы сами по себе наворачиваются от восторга. Возникла румяная, налитая, сочная, словно только что из того хоровода, лишь переоделась да ленты цветные выплела, но возникла по делам до чрезвычайности прозаическим. Надо было продать домик, полученный в наследство от умершей тетки. Продать приличный домик в Асинске (а домик был приличный, хоть и староват) проще некуда, покупателей всегда – пруд пруди. Но произошло непредвиденное: домик ей понравился. И городок тоже. Несмотря на пыль, грязь, неухоженность, он показался ей довольно милым. Надо было только навести в нем порядок. А порядок, по твердому убеждению Капитолины, можно было навести единственным образом: открыв глаза местного начальства на огромные выгоды садоводства, о которых оно, по неразумению своему, даже не подозревает. То ли соловьи ей это насвистели, то ли яблонный туман бродил в голове – тут мы ничего сказать не можем. Однако последствия были таковы: вместо того, чтобы побыстрее развязаться с тетушкиным домом, черноокая южанка решила остаться здесь навсегда.

Во-вторых, покончив с бумагами и став хозяйкой дома, Капитолина энергично взялась искать соответствующую собственным замыслам работу.

В-третьих, Артемий Нилыч, донельзя утомленный жалким положением вверенной ему организации, махнул, наконец, на нее рукой и решил ограничиться делами домашними и пенсией, каковую заработал еще лет десять назад.

Вот так общество садоводов и Капитолина Вовк нашли друг друга...

Выбравшись однажды утром из машины у Дома Советов, председатель исполкома Яков Ярославович Мудрый увидел впереди незнакомую даму – высокую, крупную, приметную. Она поднималась по домсоветовской лестнице уверенно и решительно, словно проделывала это уже много раз.

– Это кто ж такая? – заинтересованно спросил он у вахтера.

– А черт ее знает, – весело ответил тот. – Но вроде бы здесь работает. Новенькая...

Что ж, новенькая – так новенькая. Примелькается. И Мудрый думать забыл об утренней встрече.

Однако не примелькалась. Более того, вскоре председатель исполкома с удивлением обнаружил себя среди ярых сторонников садоводства.

Прежде всего Капитолина убедилась, что далеко не каждый асинец имеет собственную землю. Как, впрочем, она и предполагала. Поколев по городским окраинам, ретивая южанка открыла грандиозную картину вопиющего расточительства. Громадные площади пригодных земель являли жалкое и убогое зрелище, были до ужаса захламлены породой и мусором. Это ее глубоко потрясло, но и одновременно прибавило сил.

И вот при поддержке того же Мудрого началась всеохватная кампания по организации новых садовых товариществ.

К кампаниям рядовые асинцы привыкли. У них уже шкура дубленая от разных кампаний. Жизнь в Асинске ни одного дня не мыслится без кампаний! По весне, когда в окрестных совхозах оттаивающая земля показывает себя из-под снега, и нежные сорняки проклевываются наружу – грозными косяками летят директивы из области в исполком, из исполкома на предприятия: выделяйте технику и людей для посевной! Потом – прополка. Потом – заготовка сена.

Заготовка сена относится к необременительно-прогулочным кампаниям. Теплые ночи, крупные звезды, полевой стан. Если бригады смешанные – а чаще всего так и бывает – то возникает много любви. По утрам косари бродят с

красными от недосыпа глазами, неуверенно хватаются за косы и производительность труда невысокая. А вот уборочная – та гораздо круче и суровей и очень похожа на внезапное иноземное нашествие. Начинается грандиозная по напряжению сил и нервов битва за урожай. Срочно организуется штаб, который начинает лихорадочно заседать. Проводится массовая мобилизация с вытекающими моментально последствиями – некоторые предприятия закрываются полностью на день, на неделю и, конечно же, отменяются занятия в училищах и школах. С ведрами и вилами у подъездов и проходных на рассвете собирается народ, и тревожно гудят автобусы. Закутанное в платки, плохо организованное и мало обученное бабье и подростковое войско выбрасывается в местах дислокации. Не успевший опохмелиться сумрачный агроном машет вдаль трясущейся рукою и говорит:

– Убирать, значаца, вон до того лесочка...

Однако наступление идет вяло и уже к обеду на дорогах, ведущих к городу, появляются большие партии дезертиров...

Осенью и зимой – кампании по переборке овощей, по расчистке дорог от снега. Есть и такие кампании, о которых большинство асинцев абсолютно не подозревает, хотя и участвует по мере сил. Например: месячник по безопасности движения или декадник по охране окружающей среды.

Однако в том, что предлагала Капитолина, была исключительно волнующая прелесть новизны. Эта кампания началась шумно, по традиции бестолково, но до крайности увлекательно. Рычали бульдозеры, распахивая мусор и породу, подходили машины с землей, подкатывал в легковушках руководящий праздноглазеющий люд.

Журналисты газеты «Вперед, к свершениям!», не предполагая еще, чем все в итоге для них обернется, и куда они суют свои горячие головы, азартно включились в пропаганду садоводческих идей. Надо признать, что у Капитолины сразу объявился еще один мощный союзник: прямо-таки катастрофически пустеющие прилавки асинских продовольственных магазинов. Садовые товарищества появлялись, как почки в апреле на молодой смородине – во множестве, благо земли хватало на всех. Но это были еще семечки, главные трудности ожидали впереди. Одно дело поделить мало-мало подготовленную площадь на участки и совсем другое обустроить ее – отсыпать дороги, подвести воду, электричество, доставить плодородную землю.

И вот тут первыми спохватились руководители предприятий – этой еще мороки нам не хватало! Но поздно, дорогие, поздно! Свою кампанию Капитолина Кондратьевна Вовк не отмеряла календарными сроками, она ее только начинала. Крупная, победоносная, она врывается в директорские кабинеты, говорила:

– Павел Васильевич, голубчик, нельзя же так... (Это она в кино где-то видела).

– Опять ты! – стонал, как от ревматизма, директор.

– На этот раз совсем пустячок: трубы нужны и кирпич. По глазам вижу, что не откажешь.

– Откажу!

– Мне когда вчера передали, что ты заявку нашу отклонил, я говорю: да он, наверно, не понял, там же сушая ерунда.

– Не ерунда!

– А ты взгляни еще раз. Ну-ка, где там у тебя наша заявка?

И тщетно отбивался загнанный в угол директор, сам при случае способный загнать кого угодно и куда угодно. Капитолина вынимала из него трепыхающуюся душу, и обмякшее директорское тело подписывало все, только отстань. А куда деваться? Гремит Асинск новой кампанией! И отбоя пока не дают. Вон и в области, и выше из партийных кабинетов доносится: «ценный опыт», «интересная инициатива», «всячески помогать», мать их за ногу...

Имея такую поддержку за спиной, Капитолина беззастенчиво обирала асинские предприятия. Впрочем, товарищи, так ли уж обирала? Каждый рубль, вложенный в частника, даром не пропадал – на кого, на кого, а на себя-то асинцы работать умеют!

Тут очнулись в соседнем райцентре, завопили, мол, Асинск земли у них оттяпал! А то, что земли эти в пустыню превратились, загажены давно – молчок. Однако обошлось. Недовольных вызвали в область, поговорили внушительно – «интересный опыт», «ценная инициатива» и утихомирились крикуны. Пришлось, правда, трем примыкающим совхозам отстегнуть леса, кирпича и цемента – в одном из них, Капитолина видела потом, директор шикарный особнячок себе отгрохал. Но зато земля – вот она – окончательно вошла в черту города.

Нельзя сказать, что абсолютно каждый асинский шахтер, заводчанин, продавец и врач в одночасье помешались на садоводстве, но число желающих возделывать собственные грядки, тем не

менее, возрастало с ошеломляющей быстротой. Бойко строились очень приличные дачные домики. Асинск опоясывался мичуринскими садами.

Новое дело порождало новые заботы. Возникла острая необходимость в саженцах. Капитолина сама отправлялась за сотни километров в питомники, ругалась, требовала и выбивала самое лучшее. Еще четыре года назад асинцы не очень баловали себя ягодно-фруктовым разнообразием. Малина, смородина, крыжовник, клубника – вот, в основном, то, что испокон веку выращивалось на участках. Ну разве еще крупная и мелкая ранетка. И все. Капитолина доставала яблони, облепиху, вишни, иргу, жимолость, не говоря уже о новых сортах смородины и малины.

Конечно, даже при сверхъестественной энергии, охватить одной все сразу было не под силу. Осознав это, Капитолина добилась увеличения размеров членских взносов в копилку общества. Садоводы поворчали, но согласились. Хотя асинцы в массе своей народ прижимистый, но если видят, что деньги идут на дело, то не прочь и раскошелиться. Одним махом Капитолина увеличила штаты своей организации до пяти человек. Теперь у нее были заместитель по общим вопросам, снабженец, бухгалтер и машинистка. Естественно, для всей этой команды требовалось большее помещение. Глава садоводов, заручившись согласием Якова Ярославовича, легонько надавила на Лазебного и скоро уже въезжала в просторную комнату на втором этаже.

Хотя, разумеется, не все шло гладко. Появлялось немало явных и тайных завистников, болезненно переживавших столь головокружительное капитолинино возвышение. Однажды на исполкоме ей, как бы между прочим, задали ехидненький вопрос: а к чему вас так много? Даже Илья Андреевич Лазебный вдруг озадачился – да, действительно, к чему? И все тоже озадаченно и осуждающе посмотрели на гражданку Вовк. А к тому, рубанула Капитолина, что окрестности из свалок превращаются в сады, что зелень и ягоды на асинском рынке в полтора раза дешевле, чем в соседних городах!

– Да, – сказал тогда важно Илья Андреевич. – Вот военкому, е-мое, присвоили звание полковника, а у него возле военкомата пырей по колено...

И увяли недруги. Вот так приходилось отбивать наскоки. И если учесть, что среди местного начальства всегда в исключительном почете значились напор и пробивная сила, то легко

представить, какой авторитет приобрела Капитолина.

Нет, еще раз скажем: не место красит человека...

Аппетит растет за обедом. Но не он один. Мысль – она ведь тоже раскручивается! Капитолина все чаще замечала, что коллектив редакции недостаточно глубоко понимает стоящие перед обществом садоводов грандиозные задачи. Да чего уж – совсем их не понимает! Там, где следовало бить в колокола, трубить ярким и хлестким языком плаката, появлялись дохленькие натужные заметочки, вроде «обсудили и приняли к сведению». Холодок отчуждения между вчерашними союзниками нарастал катастрофически. Наглые журналисты стали позволять себе сочинять фельетоны, целых два (Эдик!), о том, что новые мичуринцы стали шибко много воровать на производстве для обустройства шестисоточных владений и что к участкам прокладываются дороги, а в городе колдобина на колдобине. Это в глазах напористой южанки выглядело нестерпимым кощунством.

Гром грянул громко и неожиданно. Вышел закон о печати и первой, кто подал заявку на учредительство, была... Капитолина! Три-четыре дня в редакции веселились на всю катушку, наперегонки состязались в остроумии. Эдика сразу определили в зав. отделом по опылению. Бездетному Сенечке выкроили отдел по капусте. Зубастой и ядовитой Пальме, конечно же, отвели отдел по совершенствованию огородных пугал. Изошрялись в полную меру творческих сил и темперамента. Потом, когда сообразили, что всерьез пахнет жареным, стало не до смеха.

Здесь нам опять ничего не остается, как окунуться в сложную сферу большой городской политики.

Почти месяц обе стороны обменивались резкими тычками, в городе было изрядное, но мало вразумительное брожение, до жертв и разрушений дело, правда, не дошло, но вопрос, как один из сугубо важнейших, вынесли на сессию городского Совета. Сессия заседала яростно и долго, дебаты достигали угрожающего напора и накала; наконец, возобладало мнение Безушко и его команды об утверждении двух учредителей. Ими, по желанию большинства депутатов, должны были стать городской Совет и коллектив редакции. Все. И никаких плантаторов.

Глава садоводов взъярилась. Пока в редакции обалдевая от счастья Пальма водворяла на

место торжественно разлетавшиеся по телу груди и праздновала с сотоварищами победу, Капитолина (и не одна, конечно) провела кое-какую полезную работу в исполкоме. В результате этой работы, к великому изумлению победителей, третьим соучредителем газеты были зарегистрированы садоводы. Безоговорочная виктория превратилась в абсолютную конфузию.

У Пальмы поднялась шерсть на загривке, Эдик то веселился, то безобразно ругался, и одуряченная Пальма по новой ринулась в бой.

Впрочем, бог с ними, с газетчиками, слишком много чести думать о них, все уже практически сделано, а в четверг Мудрый окончательно вправит им мозги – так или примерно так рассуждала Капитолина.

...Редкий человек находил столь много удовольствия от пребывания в огороде, от работы на земле, как она. Здесь въедливые заботы отлетали в стороны, мысль становилась замедленной и умиротворенной, душа отдыхала.

Вот и сегодня, вернувшись домой и наскоро переодевшись, Капитолина размотала сложенный между грядок кольцами шланг, дотянула его до теплицы и принялась поливать помидоры. С удивительной грацией, ничего не сломав и не затоптав, крупная командирша асинских садоводов вертелась в тесноватой тепличке, совала холодную струю к корешкам растений. Вода шипела, быстро впитывалась в землю. Покончив с помидорами, Капитолина полила огурцы, на этот раз не из шланга, а нагретой, пахнувшей болотом водой из железной бочки.

Трудно все-таки одной за всем управиться. Но куда денешься? Опоры нет и не предвидится. В той, доасинской, жизни попыталась она однажды свить гнездо. Горько потом каялась. Теперь хватит – сыта по горло. Лучше уж одной вековать, чем за кого попало идти. Да и то: чувствует она, что возможные ухажеры ее побаиваются, с опаской поглядывают. А трусливых она и на дух не переносит – что ж ты за чучело такое, если к бабе подойти боишься? Как под тебя ложиться-то? Есть, правда, один, в редакции работает, Семен Немоляев. Но он, кажется, женат. И рассказы пишет какие-то уж очень наивные. А так, вроде бы – ничего. Случайно, где-нибудь на собрании, Капитолина раза два или три перехватывала его пристальные взгляды. И он, что ей нравилось, не отводил глаза в сторону... Эх, жизнь-малина. Жалко, годы бегут.

Капитолина закончила с поливкой, сорвала для салата три созревших на корню «бычих

сердца» и затем, взяв корзинку, пошла снимать огурцы. Прodelав и эту работу, по-хозяйски оглядела огород. Викторию пора пропалывать, но когда?..

Прежде чем уйти в дом, Капитолина заглянула в палисадник. Здесь перед окном росла развесистая яблоня. Яблоня – так себе, крупная ранетка, но привита к ней ветка Скрыжапеля Крупного. Капитолина помнит, как везла, как берегла эту веточку. И вот – привилась. Привилась, разрослась, и уже наливаются соком первые три яблочка. «Успели бы только вызреть до холодов, – Капитолина с родительской нежностью погладила твердую кожицу. – Да чтобы гусеницы не повредили...» Как он удался, первый опыт? А там, дальше, планы большие. Можно попробовать Пепин Шафранный, Уэлси. О, было бы только желание. И, глядишь, зашумят лет через десять-пятнадцать вокруг Асинска яблоневоы сады.

Это ж сколько ей будет тогда, через пятнадцать лет? Капитолина прикинула: ого! уже сорок семь.

Она вздохнула и пошла в дом...

Здесь за приготовлением ужина и застала ее баба Соня, заглянувшая «на огонек». Это была высокая, сухая и еще крепкая, подобранная в обиходе старуха, жившая после смерти мужа одиноко. Порядок в быту и во всем она соблюдала строго. Даже в кофте, вязанной и застиранной, карманы сбоку не оттопыривались бесформенными мешками, не лежало в них что попало, вроде головки чеснока или двух-трех гвоздиков, поднятых неизвестно где – нет, карманы прилегли плотно, словно в них вообще никогда и ничего не складывалось. И чай когда она пила с вареньем – тоже, ложечка не валялась как придется, а вытягивалась аккуратно возле стакана.

– Заходи, заходи, баба Соня, – обрадовалась Капитолина, – сейчас чаевничать будем.

– Не суетись, – властно распорядилась гостя и поставила на стол пол-литровую баночку свежей малины. – Ты хоть и садоводка самая первая, а вот такой малины, как у меня, не имеешь. Попробуй. Нет, ты попробуй на вкус!

Бабка принадлежала к той редкой стариковской породе, что, несмотря на возраст, умудряются каким-то чудом сохранить остроту и свежесть ума. Она была еще ох как способна удивить и неожиданностью суждений, и резкостью оценок. При этом нисколько не сомневалась, что вся сущность жизни открыта ей вдоль и поперек, во все без исключения стороны. Капитолина

давно уж привыкла распоряжаться другими, а тут и на нее иногда прицыкивали, что однако ни чуточки ее не корбило, а порой было даже приятно.

...Они сидели за столом, ели салат – помидоры, огурцы и лук со сметаной, пропустили по рюмашке домашней наливочки и разговаривали.

– Ты, девка, ты об чем думаешь? Годы-то идут, – завела бабка старое. – Али монастырь тут у себя решила устроить?

– А, может, и устрою, – в очередной раз попыталась увильнуть Капитолина.

– И то правда, в балахон черный нарядись и ходи, оно тогда понятней будет.

– А что – так и сделаю.

– «Сделаю»... Не сделаешь! Туда с душой идут или с горя. А тебе...

– Что – мне?

– С такой задницей и титьками тока в монахини прямая дорога! Тока туда.

– Да чем тебе задница моя не нравится?

– Да тем, что толку от нее никому нет! Ни огладить, ни помять. Как сыр в телевизоре. Ведь чую: много б нашлось охотников за нее тебе в пояс поклониться.

– За задницу?

– Ну не только, конечно, зачем ты так. И за все остальное – тоже.

– Так за кого идти, баб Соня?

– Смотри-ка! Вот сказанула, так сказанула! Мужики что ль в Асинске повымерли?!

– Да нет, живые, вроде. А все какие-то... недалекие.

– Ох ты, мама ты моя, царствие тебе небесное, покойница! – бабка аж подпрыгнула. – Да тебе что – в шахматы с ем играть? Зачем тебе далекий-то нужен?!

– Мало ли...

– Ты другую далекость оценивай.

– Баб Соня!

– Не бабкай! Я знаю, что говорю. Тоже ведь была такая дура, прости Господи, правда помоложе... Я своего как на фронт проводила – все ждала: армеец ведь, как же! А мой-то – кобелина был редкий. Еще до войны, уж женился на мне, ни одной девке застояться не давал – все каштанки вокруг него вились. А тут уж и война кончилась, Ванька Масалкин, Дарьи-соседкин муж вернулся, а моего все нет.

.....

– Баб Сонь, давай за твое здоровье.

– Давай...

Выпив, старуха довольно причмокнула губами. Пожевали еще немного.

— С красноярским питомником договорилась. По осени смородину обещают, элитную. Там, говорят, ягода, что виноград. Привезу саженцев — возмешь?

— Да веточки три, пожалуй, возьму. У меня уж старючая — как я сама, вырубать надо, такие корни разрослись... Господи, уж на вечное место пора переселяться, а я все про смородину какую-то думаю.

— Сама корчуеться?

— А то кто же.

— Откуда ж у тебя силы берутся? Молодых вон — тех не заставишь!

— А ты бы с этим садоводчеством своим помягче бы, помягче, не толкала бы скопом всех на землю.

— Так ведь, баб Сонь, посуди сама: люди по глупости выгоды своей не понимают.

— А и пусть не понимают! Пусть не понимают — тебе-то что? Человек, если основательный, вначале присмотреться должен, прикинуть. Самые надежные — это те, которые все хорошенько взвешают. Бойся нетерпеливых — эти пшикнут и сгорят, следа не останется.

— И долго они... будут взвешивать?

— Каждый по-разному. Один — полгода, а другому и двух лет мало. Так что не торопи, как бы хуже не было.

— Да чего ждут-то?

— Мало ли, — бабка похрустела огурцом, — может, налог какой назначат.

— Да какой еще налог?!

— Не кричи, чего раскричалась, не на собрании. Я больше тебя пожила, знаю. Может, опять кулачить начнут. Хозяин вздохнет только, к земле только-только прикипать возьмется, а его сгребут и в Нарым. Время-то вишь какое, куда повернет — неизвестно.

— Как же — испугались они. Кто их тронет? Лени много — это да.

— Лени-то, конечно, много, — согласилась бабка, — но и такое пережить — не дай Господь.

— Давай чаю налью.

— Нужен мне твой чай...

— Может, еще по рюмочке?

— Это можно.

Выпили.

— Хорошая наливочка у тебя.

— Из черной рябины.

— Я сразу поняла, во рту вяжет.

— А тебя тоже раскулачивали?

— Обошли. Мы середняками считались. Хотя однажды явились ночью с обыском. Вот ужасато натерпелись, до сих пор иногда снится... Тятю забрали, в город увезли. А через неделю освободили. Прямо чудо какое-то — никого ни до, ни после сроду не выпускали.

— Разобрались, наверно.

— Куда там! Кто бы стал разбираться! Брат старший, спасибо ему — он в партии состоял, пошел по деревне с бумагой: подтвердите, мол, что тятя мироедом не был. Все подписались, даже председательша Степанидка каракули вывела: хороший человек, говорит, Павел Арифаныч, зря пострадал. Поехал брат в город, там посмотрели и удивились: как же это председательша расписалась? Ведь она донос сделала!

— Чудеса-а...

— Да уж куда чудеснее... Село наше, Судженка, зажиточным было. Многих у нас забрали: Петра Князева, Дмитрия Калининко — плотник был первостатейный, брата его — теперь уж и не скажу, как звали. Этих знаю потому, что жили по соседству. Так и не вернулись, сгинули где-то. А сколько было других? В Нарым семьями высылали.

— А за что?

— За что? Да за что высылают — ни за что. Ковалевых, например, за то, что в церковь просвирки пекли... А с чем ехали? Целую телегу ребятишек насадят и везут. Вот и все добро. А ребятишки эти потом мерли, как мухи... Организовали у нас, помню, колхоз «Передовик». Первым председателем Степанидка стала. Баба безграмотная, но из бедняков. А знаешь, как оно бывает, когда из грязи да в князи. Начальница — куда там! Ох, и нахлебались с ней лиха. И вырваться не вырвешься — строгости были-и! Вроде и стен нет, а как в тюрьме. Однажды трое мужиков написали справку, что отпускают, мол, их из колхоза. И вот затеяли хитрость. Приходят и говорят: «Тетка Степанида, поставь печать: на мельницу едем, зерно молоть». Ну та повертела бумажку — прочитала как-будто — достает печать и хлоп в уголке: «Езжайте!» Той же ночью мужики вместе с семьями и убежали не то в Иркутск, не то еще дальше. Обманули, значит. Ну и бесилась она!

— Представляю.

— А ты другое представь. Было ли когда, чтобы крестьянин настоящий, не какой-нибудь шаромыга, от земли, как от чумы, убежал?.. Ее, Степа-

нидку эту, после того случая сразу из председателей поперли. Раньше б надо. Шибко много по ее указке деревенских забрали. Она здесь, в Асинске, после жила. Года два, как померла. Внучку ее видела, та сказывала: мол, бабушка болела долго, сама у Бога смерти просила. Бог ее правильно за грехи наказал... А люди ведь все помнят. Так что, девка, не пори горячку. Человек – он рад бы к земле, да прошлое одергивает... Я ведь тоже когда подросла, мне мама, опять же царствие ей небесное, наказала: уходи из деревни, здесь жизни хорошей никогда не будет. Вот я и ушла. А жизни хорошей там и посейчас нет.

– Почему ж так происходит, баба Соня?

Бабка сверкнула слегка захмелевшими глазами.

– Ай не знаешь?

– Не знаю.

– Вот – а умная. Да еще какого-то умного мужика себе ищешь... А все так потому, что порядка нету. Сталина опять надо поднимать.

– Ста-алина?!

– Сталина. Чего так смотришь? Его, отца нашего родного.

– Погоди. Я что-то совсем запуталась...

– То-то и оно, что молодая еще. Сталина надо поднимать, но сделать так, чтобы он крестьян да простых людей больше не трогал, а за начальство взялся. Ну – давай еще по рюмочке...

Ночью, лежа в постели, Капитолина вдруг вспомнила скульптуру, видела недавно в асинском музее: «Обнаженная Колхозница» – кажется так. Там нагая женщина на снопах пшеницы лежала. «А ведь это вранье, ни за что бы настоящая крестьянка не легла нагишом на хлеб, – с ожесточением подумала Капитолина. – Или... Или ей теперь все равно и легла бы? Господи, ничего не знаю...»

Так в полном смятении она и заснула. И снился ей городок на Украине, и цвели яблоневые сады, но подступала к ней маленькая хищная Степанидка, размахивала печатью и все грозилась найти на нее управу...

ГЛАВА 15. В ПОЛЕТЕ

.....
Самолет мчался в Москву из опаленного зноя Владивостока.

Владимир Обруч, сорокалетний скульптор, крепкий, широкоплечий увалень-сибиряк со скоростью девятьсот сорок километров в час возвращался в свою столичную обитель.

Глядя на мясистое лицо скульптора, обрамленное густой, зачесанной назад сивой шевелюрой, а снизу не менее густой и не менее сивой бородой, можно было отметить, как минимум, две вещи. Во-первых, что лицо это уже порядком потрепано известными обстоятельствами: нездоровая одутловатость, сетка мелких кровеносных сосудов, начинавшая проступать на носу и щеках, множественные морщины возле серых запавших глаз, ну и возможно еще кое-какие разрушительные подробности, если присмотреться внимательно. А, во-вторых, лицо это несло печать если не пресыщенности, то уж, вне всяких сомнений, изрядной усталости от жизни.

Сна не было. Сон, равномерно распределившись по сигарообразному салону, обошел стороной сорокалетнего скульптора. И потому в голову лезла всякая раздражающая мелочь, всякая шелуха-дребедень. Как, допустим, позавчерашний вечер.

Ресторан – то ли «Золотой Рог», то ли «Арагви» – черт их разберет, их там несколько в самом центре понатыкано. Какие-то Саня с Димой – тоже бородатые, тоже собраты по искусству, с однопипно помятыми харями. «Вова, ты должен прочувствовать, что такое натуральный продукт из моря. Это ты в Москве будешь севрюгой желудок портить, а мы живем по-другому. Тебе хоть раз попадала на зуб скоблянка из трепанга? А икра морских ежей? Сейчас организуем!». И правда – стол был заставлен плотно. «Вова, пусть этот вечер надолго останется у тебя в памяти». Еще б не надолго! Когда все вылакали и сожрали, Саня с Димой отлучились на минутку в туалет и – с концами. Тривиальная штука. Расплачиваться, разумеется, Вове пришлось. Это сильно потрясло и возмутило высокого гостя. Выходит – не только обласкал, но и за свой счет напоил каких-то говнюков? Сколько ни поездил по родной стране – первый случай! Обычно как: приезжаешь в провинцию – вся местная богема переламывается в хлебосольном раже. Оно и понятно: кто картинки на выставку, из кожи вон, пробить хочет, кто сам со временем в столицу метит. И тут уж ты барин. Тут уж ты требуешь девок и водки и всякого ублажения. А потом и подурочишься маленько, выкинешь что-нибудь такое-этакое, от чего зулусы обалдевают.

Вот было как-то... Несколько лет тому... Недвижная, не очнувшаяся от тысячелетней дремоты республика, спирт, кумыс и много баранины. Вывезли их, человек пять, в самую, что ни на

есть, глубинку, где степи с шевелящейся травой залезают в горы, а горы больше похожи на холмы, вывезли для творческого общения с народом. Что чем запивали – спирт кумысом или кумыс спиртом – этого теперь не упомнишь, но, видно, по-разному пробовали, потому что Вова с трудом стал различать контуры юрты и себя в ней. И тут одна узкоглазая образина, с морщинами, словно прорезанными резцом (аксакал ихний, что ли?), подает ему вареную баранью голову – мол, подарок дорогому гостю. Вова взял голову двумя руками и, как следует размахнувшись, нахлобучил ее на узкоглазого, звонко сказав при этом:

– Бараном об барана!

Стасик Пфейфер, вспоминая, каждый раз корчится от смеха.

Да-а, гуляли. И чем сильнее разойдешься, тем лучше. Сейчас, правда, девки уже не столь обязательны... Но разницу лишний раз подчеркнуть: вот я, а вот вы – всегда необходимо! Они это любят. И под ноги стелятся, и угощают, само собой, за свой счет. Как, впрочем, и здесь тоже было. Кроме этих двух шнурков. А ведь всю неделю почти в числе других вились вокруг него. Деш-шевки!

Каким же путем привела судьба сорокалетнего Вову в этот дремлющий салон на высоту одиннадцать тысяч метров?

...Давным-давно, больше двадцати лет назад, сложив в чемоданчик несколько акварельных работ, пару рубашек, трусы и кое-что по мелочи, Вова Обруч отправился в столицу поступать на художника.

Отец, находящийся в зыбком состоянии между кончавшимся опьянением и наступавшим похмельем, напутствовал так:

– Чужой! Точно – в Москву тебе и дорога.

К немалому удивлению соседей и кое-кого из родни, полагавших дело абсолютнодохлым, Вова поступил. Виной тому были не блестящие, как у «архангельского мужика», способности, не потрясшие всех листочки с акварелями (эти листочки Вове быстро посоветовали спрятать подальше), а, в первую очередь, колоритнейшая внешность. Румяногубый, широкоплечий, кряжистый, словно только что от сохи и лопаты, от щей да квасу, Вова настолько не походил на художника, что его невозможно было не принять.

.....

Так Вова стал студентом. А став студентом, немедленно отпустил бороду. Многие на занятия ходили с бородами, а у него к тому же кожа не

переносила электробритвы – краснела и припухла. Вовина борода разрослась на зависть: густая, черная, всем бородам борода. Так и прилипло к нему – Борода да Борода.

К общажным спорам о судьбах планетарного искусства от Франции до Флоренции – в целом; и на этом вот, отдельно взятом, студенческом этаже – в частности, выходец из провинции прислушивался внимательно, но сам не вступал – мы, де, этого не понимаем, невежественны. Он и в самом деле был вроде медведя – половина из порхавших по комнатам удивительных слов была для него пустой звук. Но, обладая цепкой памятью, Борода выхватывал их, потом заносил на бумажку и нелениво бежал в читальный зал. Там он шелестел словарями и невнятно бубнил под нос:

– Релятивизм... проксимальность... придумали ж, падлы, на мою голову.

.....

Что касается самого Вовы, то его талант почему-то никак не проклеивался. И довольно скоро сложилось мнение, что хотя он парень и неплохой, но алмаза с неба не схватит, что светит ему в будущем лепить пионеров с барабанами для парков культуры и отдыха.

А тут и учеба закончилась. Разлетелись из альмы-матер вчерашние студенты. Вова года два в шарашке одной перебивался, чуть ли не заборы малевать приходилось, благо – деньги хорошие!, и вдруг крупно повезло: приобрел подвальчик для собственной мастерской. Хоть и не в центре Москвы, но и не на самой окраине. Неслыханная, невероятная удача! Там и поселился.

И зачистили к нему бывшие однокурсники, потом их знакомые, потом знакомые их знакомых.

Всем хватало места среди гипсовых, глиняных и прочих уродцев, сработанных неутомимым сибиряком, и не однажды чувствительный гость, изрядно поддав, обнимал какой-нибудь кривоватенький бюст, замирая при этом в невыразимой муке и скорби.

Добродушие хозяина не знало границ. В великий гнев, если вспомнить, впадал он за долгую жизнь всего полтора раза.

.....

Шли годы, некоторые его однокашники пробились и добились-таки успеха, двое-трое рванули на Запад, большинство рассосалось в неизвестности, кое-кто поторопился сыграть в ящик, а Вова Обруч все ловил и ловил свою птицу-удачу – на четвертом десятке дело практическидохлое и безнадежное.

Но надо же – она повернулась к нему!

Да! Случай невероятный, однако – факт! То ли ей собственные баловни надоели, то ли разнообразия захотелось, то ли любопытство разожгло – чего это парень там, в подвале, глину месит? Одним словом, проявила благосклонность и осенила крылом.

О, что это был за творческий подъем! Золотое, счастливое время! Октябрь, ноябрь и часть декабря. Райская птица в полутемной норе. Божественная музыка небес! Ошарашенный такой милостью Вова даже забыл, как откупоривают бутылки. Не то, что днями – неделями не хотелось выбираться из мастерской. Помимо жгучего желания работать, фантастически обострилась интуиция. Казалось, пальцы – и те стали зрячими. Они вдруг дьявольски тонко начали чувствовать материал, и Вова им верил. Такие моменты подолгу не бывают. Обруч это понимал и потому отчаянно торопился. Навещали друзья, а он глыбой вставал в дверях – страшный, безумный, с воспаленными от недосыпа глазами, в свалывшейся бороде, в грязном прожженном сигаретами брезентовом фартуке и бесцеремонно всех выпроваживал:

– Идите, идите. Некогда...

Хваленного гостеприимства как не бывало.

И вот настал час и появилась Она. Как и полагается в вершинные моменты жизни, духовно опустошенный мастер благоговейно отступил, скрестил на груди онемевшие от работы руки и надолго задумался.

.....

Раньше Вова ходил по жизни кружными путями, а здесь к успеху выбрал прямую дорогу.

Он назвал свое творение: «Обнаженная Колхозница».

– Ах! – сказал глумливый Коловращский. – Почему «Колхозница»? Почему не «Посудомойка»? Не «Инженерша», приехавшая к земледельцам в летне-осенний период для оказания шефской помощи?

– А вот потому, – сказал Обруч.

Кто не понимает – отойдите.

А Вова понимает. Дело не только и не столько в названии (хотя и оно тоже – как приросло!) – чутье безошибочно подсказывает: попал, попал он здесь в точку! Слишком многое сошлось в этой гипсовой полулежащей на гипсовых же снопах обнаженной женщине, слишком многое.

Справедливости ради надо признать: вся фигура была необыкновенно ассиметричная.

Отдельные части тела выпирали, другие были неестественно плоскими. Но, несмотря ни на что, произошла парадоксальная, хотя и не такая уж редкая у больших мастеров штука: никакого отталкивающего впечатления Колхозница не производила. Наоборот, было в ней что-то неопределенно – привлекательное, какая-то неуловимая загадочность, какая-то своеобразная изюминка. И гармония тоже была.

.....

– Говно твоя Колхозница, – сказал Стасик, когда выпили по четыреста. – Только ты, старик, не сердись.

На первой же подвернувшейся выставке Вова показал Колхозницу. И – удачно!

Возле нее посетители останавливались и на пять, и на десять минут, и на полчаса и не надоело, а, наоборот, возникало гипнотическое ощущение оттого, что перед тобой – настоящее.

И работа-то была небольшой, а ни слева, ни справа обойти ее, ни перешагнуть, не заметив, уже не представлялось возможным.

– Кто автор?

– Обруч.

– О-обруч?!

– Обруч.

– Тот самый??

– Н-да.

– Подумать только: откуда что взялось...

Колхозница будоражила сложные и противоречивые чувства. Не случайно один искусствовед подчеркнул ее глубокое целомудрие, а его постоянный оппонент тут же написал о неисчерпаемой развратности этой бабы. Но это были самые крайние суждения. А в промежутке укладывалось много мнений и мнений, порой довольно неожиданных.

.....

Наиболее смелые доходили до того, что утверждали, будто Колхозница открывает новое направление. К Владимиру Обручу в его логово стали заглядывать журналисты. Известность быстро росла.

Репродукции Колхозницы были напечатаны в двух или трех журналах, приобрести ее собралась знаменитая галерея, правда переговоры затягивались, несколько раз она побывала на солидных выставках, привлекая общее внимание. Боже мой! – какие перспективы открывались перед воспрявшим скульптором!

И вот на этом крутом подъеме произошло то, чего никак невозможно было предвидеть.

Хотя, опять же – чему удивляться, произошло то, что и должно было произойти: сменилось время. А новое время, как известно, выводит вперед новых героев и требует новых декораций. И злопыхатели не упустили случая дать болезненного щелчка Вове. Кто-то где-то назвал Колхозницу «типичной халтуркой уходящей эпохи», а автора – приспособленцем. Однако словечко вылетело, и это было сигналом. Теперь уже не иначе как с издевкой указывали на то, что гипсовая бабища возлежит на снопах пшеницы, что поза ее неестественна ни для отдыха, ни для любых других надобностей, словом, обнаружилась масса недостатков. Какие-то новые скороспелые мальчики оторвались, быть может где-то по-соседству, от дешевого вермута, поименовали себя «искусствооведами» и принялись долбать Колхозницу в своих примитивных, невразумительных статейках.

И покати́лась вниз обручева звезда.

Первым делом предстояло избавиться от Колхозницы. Как та единственно дорогая подруга, которой все отдано, но которая вдруг изменила, подставилась, вывалилась в чужой постели, Колхозница вызывала теперь мучительные чувства. Смотреть на нее было тяжело. И не однажды бессонной ночью Владимир подумывал: а не взять ли молоток и не разнести ли ее вдребезги, чтобы и следов не осталось?.. Но не поднималась рука. Не поднималась – и все тут, не всем же гоголям рукописи сжигать. Оставалось одно: отправить ее куда-нибудь подальше, ибо даже в пределах Москвы было ему с ней тесно.

И здесь, как нельзя кстати, выпал случай. Из затерянного в Сибири, позабытого Вовой Асинска пришло письмо. Сотрудники городского музея, отдавая дань исключительному таланту своего земляка, благоговейно-почтительно просили хоть что-нибудь для вновь создаваемой экспозиции – ну там фотографию или какой-нибудь документик, которые несомненно бы заняли достойное место в стенах музея.

С радостью и прытью неимоверной талантливый земляк запаковал Колхозницу в ящик и с легким сердцем отправил по указанному адресу, присовокупив послание, в котором сообщил, что бесконечно растроган тем, что дорогие асинцы его помнят. Равнодушный поезд утащил посылку за несколько тысяч километров к востоку и это было то, что надо – ни на какое меньшее расстояние Обруч бы попросту не согласился.

Таким образом, с Колхозницей было покончено и надо было вновь засучивать рукава...

Вова внезапно почувствовал щемящую до боли тоску по другой – простой и обывательской жизни. Работал бы себе где-нибудь на заводе, слесарем или токарем, водку бы в меру жрал, имел заботливую жену-хозяйку; по вечерам, утнувшись жопой в диване, смотрел бы телек, а летом бы ездил на мичуринский сад. В голове сложился облик этой хозяйки, крупной, плавной, всегда готовой, как пионерка, к долгим телесным радостям. Вова окончательно загрузился.

По салону разнесли ужин. Маленькие подносы и все на них маленькое.

Маленькая куринная нога, маленькая порция риса с двумя маленькими ломтиками сыра. Наконец, маленькая булочка и маленькая чашечка кофе. Вот так кругом – за все заплачено полновесно, а суют маленькое и в мелкой посуде. Обруч вынул из бокового кармана пластмассовую фляжку с коныаком и сделал несколько хороших глотков.

Одуванчиковый сосед тоже встрепенулся, аккуратно умял все, что дали, а пакетики с красным перцем и влажной салфеткой тщательно упрятал в карман. Скуповатость – не русская черта.

– Простите, вы не москвич? – невольно вырвалось у Вовы.

– Нет, я из Литвы, – высокомерно ответил сосед, всем видом давая понять, что не намерен вступать в разговор.

После ужина настроение поднялось. Откинувшись на спинку кресла, Обруч снова попытался заснуть. Но сна как не было, так и не было. Пять, десять минут – бесполезно. Тогда он наклонился к иллюминатору.

Ночь давно уже догнала и накрыла самолет. Глянув вниз, Обруч не увидел земли. Там, внизу, простирался мрак чернее черного цвета. И, оттеняя его, в двух или трех местах горели сбитые в кучу огоньки. Самое значительное скопление проплывало сейчас под крылом – то ли поселок, то ли небольшой городок.

Вот и еще один людской муравейник отходит ко сну. Каким маленьким, жалким, затерянным видится он в этом мраке. И существование там тоже наверняка маленькое и жалкое. Как еда на подносе.

Однако пора вернуться с небесных высот на землю, в пучину беспросветного мрака и редких

электрических огней, туда, где живут, страдают, пакостничают и веселятся люди.

Наверно, Обруч изрядно бы удивился, если б узнал, что то скопление дальних огоньков, на которое он бросил случайный взгляд, было не что иное, как городок Асинск, малая, давно покинутая родина со старухой матерью, ветхим домом, синелицами батяниными корешами, а теперь еще и обитель «Обнаженной Колхозницы».

В этот тихий августовский вечер большинство асинцев находилось у телевизоров. Шла очередная серия ледящего кровь итальянского боевика про мафию.

Однако далеко не всех волновали страсти на Апеннинском полуострове.

Сенечка, уединившись в спальне, сгорбившись под настольной лампой, вдохновенно писал новый рассказ: «...Девушка стояла, утопая ступнями в мягкой траве, по-утреннему свежая, невыразимо красивая. Она была почти в костюме Евы, если не считать широкого изумрудного листа, который облегал ее бедра короткой юбочкой. Талия была охвачена разноцветным поясом, сплетенным из стеблей цветов...»

Максим Евсеич Тонкобрюхов припозднился с работы и ел холодную овсянную кашу.

Капитолина получила очередной номер «Приусадебного хозяйства» и истово читала его от корки до корки.

Где был Эдик – убей бог, не знаем, одно можем сказать точно: дома отсутствовал, и только родительница его потерянно бродила из одной комнаты в другую.

Был еще, по крайней мере, один человек, равнодушный к событиям в далекой Италии. Это настоятель Петропавловской церкви отец Алексей. День у батюшки выдался хлопотный и пустой. С утра позвонил он Мудрому, узнать насчет дороги к храму. Мудрый ни с кем, как и чуяло сердце, не разговаривал, но снова обещал. Сердито ворча, батюшка нарядился в цивильное, завел недавно отремонтированный «москвичок» и поехал к Перепаденко.

В приемной сказали: «Скоро должен быть», и отец Алексей изготавился ждать. Через час некто, заглянувши, сообщил: «Да он же на «Таежку» уехал, там асфальт сейчас кладут.» Батюшка прыгнул в машину и отправился на «Таежное». Асфальт точно укладывали – две работницы в апельсиновых робах расшвыривали лопатами черную дымную кучу, рядом ходил каток и укатывал. Перепаденко не было. «Он, скорей всего,

на Восьмой Горе, – предположил бригадир, – за отсыпкой, наверно, следит.» Отсыпки на Восьмой Горе никакой не велось, а рабочие в вагончике играли в карты. «Нет, не появлялся, – ответили ему, – Васька, твой ход...» Вконец рассерженный, поп вернулся в контору. У крыльца играли с мячом трое ребятишек, щедро оснащавшие речь мерзкими выражениями. Отец Алексей сделал им замечание. В приемной обрадовали: «Звонил. С минуты на минуту будет.» И точно – через сорок пять минут управляющий предстал перед батюшкиными глазами. Но был он уже в иных эмпиреях и как легкое перышко, в смысле: дунь – и улетит. И все-таки отчаявшийся поп попытался вступить в переговоры. Перепаденко сопел, кряхтел, дул воду прямо из графина, что-то искал по карманам и на длинную тираду батюшки ответил коротко и внятно: «А пошелка ты на...» «Куда именно – не добавил, но не сказанное слово, намазанное сажеей, батюшка обнаружил на светло-зеленом багажнике оставленного у конторы «москвича».

Весь остаток дня батюшка громко негодовал и только за вечерней трапезой (а матушка приготовила отличнейший борщ со свежей говядиной!) он опрокинул пару рюмочек водки, отмяк, совершенно успокоился и теперь вышел подышать на крыльцо.

Вечер был хорош. В тридцати шагах возвышался храм, таинственно и торжественно. Где-то рядом стрекотали кузнечики, пахло травой, цветами и листьями.

Звезды над батюшкой жили, мерцали, манили. Для полной гармонии в мире – не хватало лишь зримого присутствия Бога. Чтобы он, наклонившись сверху, внимательно и печально следил за делами земными. Но Бог не чувствовался. То ли он не повернул еще взгляда своего на оскверненную мелкими подлостями и безверием асинскую землю, то ли занят был чем-нибудь другим... И как ему, пусть и всемогущему, удалось одному обустроить такое? Внезапно отец Алексей ощутил панический страх. Откуда-то явилась в голову кощунственная мысль: а что, если Бог не один?! Что, если есть над ним еще кто-то? А над тем – еще?... Эта дерзкая ересь разом перевернула душу. Он вновь тревожно поднял к небу глаза, прислушался...

Тихо.

И только среди неподвижно мерцающих звезд огонек уходящего то ли спутника, то ли самолета увидел вверху.

**Валентин
МАХАЛОВ**

**ПО-ПРЕЖНЕМУ ПАХНЕТ
РОМАШКОВЫЙ ЛУГ**

* * *

*По-прежнему пахнет ромашковый луг
Дурмящим запахом лета.
И старый злодей – колченогий паук –
Свои расставляет тенета.
На тонком и нудном своём языке
Гудят комаров эскадрилья.
И бабочка спит на волшебном цветке,
Сложив разноцветные крылья.
Колосья пшеницы на ломких стеблях
Под зрелую тяжесть клонятся.
И держит в широких ладонях земля
Румяное яблоко солнца.*

* * *

*Я часто в жизни увлекаюсь –
Люблю запоем и грущу.
Потом перед собою каюсь
И снова всё-таки грешу.
Грешу назло, грешу на радость
Врагам своим, друзьям своим.
И счастлив я, что мне не надо
Ни в чём завидовать другим.
Что сердце у меня открыто
Любви во сне и наяву...
Но если это пережиток,
То я его переживу.*

ЗИМОРОДОК

*На зависть, а может, на диво
Пичугам таёжных краёв
Природа его нарядила
В одежды заморских цветов.
Недолго пружинистой ветке
Его удалось покачать –
На крыльях волшебной расцветки
Он режет пространство опять.
В своём беспокойстве мятежном,
О, как он прекрасен сейчас –
Скользкий над гладью прибрежной,
Едва уловимый для глаз.
Шепчу ему вслед безрассудно
С молитвою схожую речь:
Лети, быстрокрылое чудо,
Дай, Бог, нам тебя уберечь.*

57

ЛОСЬ

*Он верил, что ему помогут...
От волчьей стаи убежав,
Он вышел к людям – на дорогу, –
Боками впалыми дрожа,
Измотанный погоней дикой
Через болота и тайгу.
И капли крови, как брусника,
На стылом плавилась снегу.
А мы стояли оробело
От лоса в десяти шагах.
Он первым шаг навстречу сделал,
Склонив ветвистые рога.*

И Ленка, девочка, трусиха,
 Не сознавая, что к чему,
 Заворожено тихо-тихо
 Почти приблизилась к нему.
 Но дрогнул лес под небом малистым,
 Когда, по сердцу полоснув,
 Трёхпалым залихватским свистом
 Обрушил кто-то тишину.
 И лось, собрав остаток воли,
 Шагнул в сугробы не спеша.
 И горькою виной и болью
 У нас наполнилась душа.
 И даже тот, свистун, тупица,
 Был этим, видно, поражён.
 Он понимал по нашим лицам,
 Какую подлость сделал он.
 Мы шли, его не замечая,
 Дорогой к дому своему.
 И в нашем тягостном молчанье
 Кричала ненависть к нему.

* * *

Голубые ставенки,
 Улица светла.
 Журавель, оставленный
 Посреди села.
 Старый сруб колодезный
 Мохом пооброс.
 Голова журавушки
 Достает до звёзд.
 Здесь соединяются
 Небо и земля.
 Место называется
 Родина моя.
 Здесь земля и солнышко
 В дружбе вековой.
 Здесь сидит Алёнушка
 Над речной водой.
 Тихо бродит около
 Росною травой
 Сказка синеокая
 Детства моего.
 Голубые ставенки
 Добрый мир хранят.
 Всё, что здесь оставлено, —
 В сердце у меня.
 Ничего не надо мне.
 Нету мне родней
 Горестей и радостей
 Родины моей.

* * *

Я снова в родительском доме.
 Меня, пробудив ото сна,
 Весёлым прибоем черёмух
 Ударила в окна весна.
 От яркого бьющего света
 Глаза прикрываю слегка.
 Ладони прохладного ветра
 К моим прикоснулись щекам.
 Распахнуты синие окна.
 Играет пастуший рожок.
 И мне, словно в детстве далёком,
 Опять хорошо-хорошо.
 С утра уже царствует мама
 В нехитром хозяйстве своём,
 И пахнет в дому пирогами,
 Дымком и парным молоком.
 Гляжу я на мамины плечи —
 Она будто ношу несёт,
 И память далече-далече
 Меня за собою ведёт.
 О, мама! Мне некуда деться
 От памяти давней моей.
 Нелёгкое выпало детство
 На долю твоих сыновей.
 Но если я стою чего-то,
 Всё это добра твоего,
 Твоей материнской заботы
 И веры твоей торжество...
 И в это весёлое утро
 Ты вечной заботы полна.
 И кажется мне почему-то
 Печальною эта весна.
 Сегодня, быть может, впервые
 Сказал мне родительский дом,
 За что нашу землю — Россию —
 Мы мать нашу зовём.

Я всё-таки чего-то стою,
 Когда рассудку вопреки,
 Вдруг с деревянной прямою
 Бросаю в драку кулаки.
 Горжусь, что я не из трусливых,
 Что спуску подлецу не дам.
 Моя крутая справедливость
 Диктует волю кулакам.
 Меня за это не осудят,
 Помогут в драке, может быть...
 Есть замечательные люди.
 Есть подлецы —
 Их надо бить.

* * *

Говори – я буду слушать,
Хочешь – час, а хочешь – три.
Береги словами душу.
Всё, что хочешь, говори.
Обо мне, таком пропащем,
Неразгаданном, чужом,
О прошедшем, настоящем
И о будущем моём.
Всё равно забуду вскоре
То, что выслушал сперва –
Все уколы и укоры,
Все обидные слова.
Но одно забыть не в силах
Я, наверно, никогда –
То, что было,
То, что сплыло,
Словно вешняя вода.

* * *

Не жги меня на медленном огне.
Мне по душе – бушующее пламя.
Незрячими, пустынными глазами
Глядит печаль сегодня в душу мне.
Не жги меня на медленном огне.

Пусть рвётся ввысь костёр на медных
крыльях,
Пусть будит ночь сухая трескотня.
Ты не жалея, пожалуйста, меня,
Ведь мы во всём безжалостными были.
Пусть рвётся ввысь костёр на медных
крыльях.

Я так тебя безжалостно любил.
Я так себя непоправимо тратил.
За всё за это я иной оплаты,
Отмщения иного заслужил.
Я так тебя безжалостно любил.

Твой холод душу сковывает мне.
Не жги меня на медленном огне.

* * *

На судьбу не жалуюсь.
Бога не виню,
Голову усталую
На траву клоню.
Пусть бывало разное:
Жил – не унывал.

К праздникам опаздывал,
К горю поспевал.
Выпестован, вынянчен
Росною землёй,
Все болезни вылечил
Ключевой водой.
Я расту, как деревце
На крутом ветру.
И совсем не верится
В то, что я умру.

* * *

Приснилось:
Я освистан залом.
Стою на сцене сам не свой –
Упрямый деревенский малый,
Высокий, ладный, молодой.
Как будто ком, застряли в горле
Стихи нескладные мои...
Внезапно
Бешенство и гордость
Меня, как путы, оплели.
А сердцу хорошо от мысли
Ночной, лукавой, озорной, -
Конечно, плохо, что освистан,
Но хорошо, что молодой.

* * *

Посажу я слово в клетку
Из четырнадцати строк.
Древней мудрости сонета
Научу своё перо.
Словно тонкие пруточки,
Заплету я рифмой строчки.
Эти строчки о судьбе –
Обо мне и о тебе.
Я искал тебя по свету.
Сто дорожек исходил.
Я ещё тебя не встретил,
Но уже тебя любил.
Я мечту очеловечил,
А реальность – умертвил.

* * *

Да, я умру не знаменитым –
Отравленным, почти забытым.
Я трезвым благостным умру,
Как умирают божьи дети.
Умру на медленном рассвете

*И душу выпущу из рук,
Как будто горлицу на волю,
Пронизанный последней болью,
Замкнув печальной жизни круг.
Вы, люди добрые, простите,
Что я, покинувший обитель,
Которую я так любил,
Уйду, не попрощавшись с миром,
Сменив просторную квартиру
На тесный сумрак гробовой...
Как тошно говорить о смерти!
Прошу – словам моим не верьте.
О, люди! Я ещё живой...
В душе обиду затаю,
Которой нет конца и края,
Впервые в жизни понимаю,
Что не сложилась жизнь моя.
Да, не сложилась.
Не сложилась.
Но в этом тоже Божья милость.*

О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ

(Из предисловия к книге «Вечерний разговор»)

Родился я в городе Горьком 31 июля 1933 года. Родители мои – Василий Алексеевич и Екатерина Андреевна были крестьянами. В город они попали, можно сказать, случайно: прослышали от каких-то своих родственников, что там строится большой автомобильный завод и нужны трудовые руки – поехали туда. Благо, до города было всего 90 вёрст. Было им тогда по двадцать четыре года. Жили они в захудалой российской деревушке, в бедности. За шесть лет семейной жизни нажили некрепкое хозяйство, обзавелись коровой, родили пятерых детей. Время было трудное, голодное. Все пятеро моих старших братьев и сестёр умерли от нужды и болезней.

Вот тогда, наверно, и решился мой отец попытать счастья в городе. Молодая семья продала корову, оставив избу под присмотр родственников, уехала на строительство завода.

К жизни в городе мои родители, очевидно, оказались попросту не готовыми. Прожили они в Горьком меньше года. Жизнь эта сразу началась с несчастья – у отца на базаре выкрали деньги, выреченные за корову, а заодно и продуктовые карточки, выданные ему на стройке. Было от чего растеряться. С жильём родители тоже устроились плохо: на время их приютила какая-то родня, при-

ютила, конечно, временно, так как сама жила стеснённо. А потом на свет появился я, и родителям пришлось вернуться в деревню, в старый дедовский дом. Так что горожанином был я совсем недолго. Кажется, месяц или два всего.

Родина моих родителей – маленькая деревенька со странным и малопонятным названием Елдеж, думаю, что-то татарское, стала и моей малой родиной. Деревня эта спряталась в глухих приветлужских лесах. До районного центра – села Воскресенское – было двадцать пять вёрст. Бывали в районе елдежские крестьяне редко. По большим праздникам да иногда в базарные дни.

В Елдеже прошло моё детство. Там я окончил три класса начальной школы. За эти годы у меня появились три сестры – Нина, Тоня и Лида. Нина и Тоня умерли перед самой войной от скарлатины, чуть ли не в один день.

Отец мой сразу же по возвращении в деревню был избран председателем колхоза «Имени Парижской коммуны». Он был мало-мальски грамотным человеком, как-никак окончил церковно-приходскую школу. Хозяйство он принял маломощное, пожалуй, самое бедное в районе. Мать работала звеньевой в льноводческой бригаде. Оба моих родителя трудились в колхозе не жалея ни сил, ни времени, так что воспитание моё и совсем маленькой сестрёнки Лиды целиком было доверено бабушке по матери Дарье Васильевне. Насколько я помню, это была добрая и расторопная старушка. В деревне она слыла за превеликого знатока всех грибных и ягодных мест в округе. У неё были свои заветные рощицы, гивы и полянки, свои черничные болотца. Те, кто ходил с нею по грибы или ягоды, всегда возвращались домой с полными кузовами, набирками и лукошками. К зиме в подполье маленькой её избёнки стояли кадушки с груздочками и рыжиками, с мочёной брусникой и клюквой. Малину и чернику она тоже заготавливала впрок – сушила ягоду на полу в широких противнях. Для нас, малых ребятишек, сушеная малина и черника были любимым лакомством. Ведь о конфетах в те времена мы имели самое слабое понятие.

Вспоминая сейчас о бабушке, я не могу не сказать о том, что она знала множество сказок и бывальщин, любила нам их рассказывать. Сказки она сказывала с такими живыми подробностями из народной жизни, что они походили на правду, столько в них было житейского, непридуманного, понятного даже нам, малышам.

Была у моей бабушки одна странность, которой удивлялись все пожилые люди в деревне. Она не верила в Бога. А вот в нечистую силу у неё

вера была, так, по крайней мере, мне тогда казалось. В её бывальщинах ей, нечистой силе. Всегда отводилось заметное место. Правда, все бабушкины домовые, дедушки-суседушки и другие призраки были в её рассказах вовсе не страшными и не злыми существами. Они пугали добрых людей и днём и по ночам, неожиданно вмешивались в жизнь то в зверином, то в человеческом обличье, заводили их в трясины и болота, лешачили и морочили. Но в конце концов всё обходилось благополучно, отношения лешаков к бабушкиным страдальцам чаще всего не заходили дальше озорства. И всё-таки от рассказов бабушки у меня всегда оставалось ощущение какой-то сладкой жути перед неизведанностью мира. Много позднее, когда я буду вспоминать о тех далёких временах в своей прозе, это ощущение как бы вновь овладеет мной и выльется в своеобразные фольклорно-мифологические зачины к главам моей первой повести «Высокая Грива».

Мужа бабушки деда Андрея я помню плохо. Он умер незадолго до войны, когда мне исполнилось всего семь лет. По словам моей матери, был он непростого происхождения, чуть ли не из дворян. Дед Андрей был человеком образованным, в его небольшой избе, стоящей на самом краю деревни, было несколько десятков книг, за чтением которых я часто видел его. Дед и меня выучил читать, выучил не по букварю, а по этим самым книгам. Помню, одна из них называлась «Громобой». Многие её страницы я знал чуть ли не наизусть, хотя тогда мне едва минуло пять лет...

В тридцать девятом году отец ушел на войну с белофиннами. Хорошо помню его возвращение с этой самой войны, его подарки – матросский костюмчик и деревянного коня, подарки, которые я получил первый раз в жизни. И ещё помню командирскую фуражку отца, в которой утонула моя коротко стриженная головёнка.

А через год отец тяжело заболел эпилепсией. Первый припадок случился с ним в колхозной конторе на глазах у многих людей. Потом припадки повторялись всё чаще. Отцу советовали оставить председательскую работу, но он был упрям и не щадил себя. Мать делала всё, чтобы вылечить его, ездила с ним к районным врачам, и в город, но никакие лечения не помогали. Городской врач, профессор, сумел определить причину болезни. В этом помог ему и сам отец, рассказав о том, что в юности на лесозаготовках его случайно захлестнуло вершинкой падающей берёзки. Этот ушиб голову сказался через много лет. Кровь задерживалась на месте ушиба... и припадок.

Началась Отечественная война. Отец не один раз просился на фронт. Ему отказывали из-за болезни. Однажды ему всё-таки удалось перебороть врачебную комиссию, и он получил направление на фронт. Вернули его с полдороги, вернули через госпиталь.

В 1944 году в Приветлужье проходила вербовка переселенцев в Прикаспийские сельские районы. Из Елдежа завербовались три семьи. В их числе была и наша. Как решилась моя мать на столь дальнюю дорогу в незнакомые места с больным мужем да двумя малыми детьми, мне до сих пор неизвестно. Но, в общем, пустилась наша семья в долгий и многотрудный путь вниз по Волге-реке к морю Каспию в самые низовья великой русской реки. Эта памятная для меня дорога послужила потом сюжетной канвой для повести «Переселенцы».

Жизнь в одном из колхозов, расположенном в дельте Волги, была заметно полегче, чем в наших родных краях. И, наверное, прижилась бы там наша семья, если бы не страшная лихорадка, которая обрушилась на переселенцев. Малярией в нашей семье переболели все, кроме меня. Особенно тяжело болел отец. Его, едва живого, отправили в Травино, в районную больницу, где он почти два месяца находился между жизнью и смертью.

Непривычный влажный климат, почти тропическая жара застали врасплох вчерашних жителей Приветлужья. Летом сорок пятого года из Иванчуга уехали почти все переселенцы, по крайней мере, те, кто едва очухался после жуткой болезни. Уехала и наша семья. Денег на то, чтобы добраться до родных мест, у родителей моих, видимо, не хватило, потому и застряли мы на половине пути к дому – в селе Дубовый Умёт Куйбышевской области. Поначалу приютили нас там совсем незнакомые люди, потом мы обзавелись собственной хижинкой с земляным полом и единственным маленьким окошком, которое на уровне земли выходило на улицу.

Три года жизни в Дубовом Умёте были для нашей семьи, пожалуй, самыми трудными. Обострилась болезнь отца. Мать с ним совсем извелась. Хотя она и работала на пищевом комбинате, жили мы впроголодь. И так уж случилось, что стал я в те годы главным кормильцем в семье. Три лета я ходил в подпасах за мелкой скотиной – овцами и козами. Пастух был сильно пьющим и частенько задерживался в селе, оставляя меня наедине с почти тысячным стадом. А тут ещё случилась другая напасть – на стадо стали нападать волки. Признаться, я натерпелся в ту пору страхов, особенно

тогда, когда оставался один со стадом, а пастух бражничал в деревне. За пастушество мне платили немного денег и фунт хлеба с каждой животины. Правда, немалая часть заработка уходила на штрафы за порушенную волками скотину.

Если учесть, что все эти три года я умудрялся ходить в школу, правда, с частыми пропусками уроков и опозданиями, станет ясно, что всё это далось мне нелегко. Вспоминаю, как плакала по утрам моя мать, поднимая меня на пастушью работу. Стадо мы выводили на пастбище до восхода солнца, а возвращались домой уже в вечерние сумерки. Так полагалось по договору.

Семилетку я окончил не ахти с какими успехами, но всё-таки окончил. Да и учителя, как я сейчас думаю, проявляли ко мне милосердие. Знали, что я работаю подпаском. Бывало, что они заступались за меня перед мальчишками, когда те обзывали меня козопасом или ещё как.

В сорок восьмом году матери каким-то чудом удалось поднять отца на ноги, она вылечила его травами и отварами, а больше своим бабьим упорством и беззаветностью. Отец был тогда ещё довольно молод, потому быстро пошел на поправку, набрал силу. И, чуть окрепнув, сразу же стал собираться на родину. Он стосковался по работе и верил, что в Елдеже ему всегда найдётся подходящее дело. Так оно и случилось. Приехали мы в родную деревню, и там его сразу же колхозники выбрали в председатели, так как бывший руководитель колхоза пьянствовал и был не чист на руку.

Отец, видимо, оценив моё упорство в учёбе, сам отвёз меня в школу в село Воскресенское, поселил на квартирантство у знакомой ему по старым временам одинокой бабки Матрёны, определил мне скромный харч... Так и стал я учеником восьмого класса Воскресенской средней школы. Учился я неважно, особенно по математическим дисциплинам. Сказались-таки пропуски занятий в прошлые годы. Но восьмой класс я всё-таки окончил без двоек.

В летние каникулы приехала в Елдеж из Горького сестра матери, моя крёстная Таисия. Она уже много лет работала в городе на автомобильном заводе. И она насовествовала моим родителям отпустить меня в город. Там Таисия пообещала пристроить меня в школу фабрично-заводского обучения при заводе. Рассуждали так, что там я получу рабочую специальность, буду жить в городе и, если буду стараться, потом выйду в люди. Да и семье нашей от этого будет прямая выгода. Как-никак моя учёба в Воскресенском вводила семью в немалые расходы. А в ФЗО – дармовые питание

и одежда. А там, глядишь, начну работать и сам дому подсоблять буду.

Школу ФЗО я окончил по специальности слесаря-сантехника, практику проходил в тепломагистралях автозавода, в его цехах. Но потрудиться в должности рабочего человека мне пришлось недолго. Из дома пришло письмо, в котором отец писал, что семья завербовалась на Камчатку и мне надо быстрее ехать домой. Снова беспокойная натура отца сорвала нас с обжитых мест, повлекла за собой, на этот раз через всю страну.

Одну из переселенческих групп направили на жительство в районное село Мильково, расположенное в самом центре полуострова, в долине реки Камчатки. В этой группе была и наша семья. В Мильково отца назначили сначала бригадиром колхоза, а через год он стал председателем самого крупного на Камчатке колхозного хозяйства. Тогда же его приняли в партию.

Сельское хозяйство на полуострове было в те годы развито слабо, хотя в долине реки, закрытой от морских ветров высокими сопками, был свой микроклимат, который отец посчитал вполне пригодным для развития зернового хозяйства. До этого колхоз получал основной доход от рыбного промысла и охоты на пушного зверя. Места эти были богаты соболем. Меньше чем за пять лет посевная площадь зерновых в колхозе увеличилась более чем в двадцать раз, отец привёз на Камчатку уборочные комбайны. Мильковский колхоз впервые за всю его историю стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и даже был отмечен золотой медалью и Почётным дипломом...

За последние годы я трижды побывал в Мильково. Там умерла и похоронена моя мать Екатерина Андреевна. Отец умер на десять лет раньше неё. Там многие годы жили и работали учителями мои сёстры – Лидия и Надежда, там они обзавелись семьями. Камчатка стала для них второй родиной.

Но возвращаясь к началу пятидесятых годов. Тогда в Милькове не было даже средней школы. Была восьмилетка, в которой училось меньше двухсот ребятишек. Девятый класс был организован там в 1951 году при активном содействии моего отца. В нём было всего пять учеников – двое русских (я в том числе) и три ительмена-камчадала. Преподавателей было чуть больше, хотя их тоже не хватало катастрофически. Наша пятёрка успешно дошагала до выпуска. В тот же год четверо из нас стали студентами.

У меня была мечта поступить в литературный институт имени Горького. Я уже тогда по-

маленьку занимался сочинительством. Стихи мои появлялись в районной и даже областной газете «Камчатская правда». Пробовал я себя и в прозе. Настроил роман о камчатской жизни, благо, что он потерялся на моих жизненных перепутьях. Аттестат зрелости нам выдали с большим опозданием, и с поездкой на экзамены в Москву я попросту не успел. Случилось так, что во Владивостоке, в морском порту, в моей судьбе поучаствовал совсем незнакомый пожилой моряк и уговорил меня идти учиться во Владивостокское высшее мореходное училище. Так я стал курсантом судоводительского факультета этого училища.

Проучился я в училище всего один год. И хотя мне понравилась морская романтика, я был в восторге от первой морской практики на Тихом океане на учебном судне «Полюс», меня по-прежнему жгла страсть к литературе. На лекциях по начертательной геометрии и теоретической механике я писал стихи и рассказы..

Однажды наконец я решился на довольно смелый шаг и отнёс свои стихи на рецензию известному тогда дальневосточному поэту Георгию Халилецкому. Он одобрил мои начинания и посоветовал глубже изучать жизнь и понастойчивее постигать литературное мастерство. Наверное, это был обычный совет опытного литератора начинающему коллеге, но маленькая похвала Халилецкого подействовала на меня ошеломляюще. Значит, подумал я, во мне есть зачатки таланта и я должен их развивать. И вот эта, во многом ещё очень мальчишеская, самонадеянность заставила меня уйти из училища.

Осенью 1953 года я стал студентом факультета журналистики Ленинградского университета. С первого же курса я активно включился в работу университетского литературного объединения, которое тогда считалось одним из самых крупных и сильных объединений творческой молодёжи в Ленинграде. Нашим руководителем и наставником в первое время был профессор литературы, известный специалист по творчеству Есенина и поэтов его поры Евгений Иванович Наумов. После него литобъединением руководили поэты Игорь Августович Ринк и Вадим Сергеевич Шефнер. Частыми гостями у нас, молодых литераторов, были известные советские и зарубежные писатели и поэты – Назым Хикмет, Юрий Лебединский, Ольга Берггольц, Сергей Орлов, Михаил Дудин, Сергей Васильев и многие другие. Общение с известными мастерами литературы помогало нам, молодым, более объективно оценивать свои возмож-

ности, заставляло серьёзнее смотреть на свои занятия литературным трудом.

В те годы в Ленинграде в политехническом институте регулярно (один раз в год) проводились выступления молодых поэтов города перед любителями поэзии. Традиция этих своеобразных праздников восходила ещё ко времени Блока, Маяковского, Есенина. Мне повезло дважды быть участником этих встреч, выступать с чтением своих стихов вместе с молодыми поэтами, многие из которых давно заняли достойное место в нашей литературе.

Два раза я был участником областных совещаний молодых литераторов Ленинграда и области, занимался в семинарах Веры Михайловны Инбер и Михаила Александровича Дудина. Именно им я обязан своим знакомством с крупнейшими представителями советской литературы – Анной Ахматовой, Михаилом Зощенко, Верой Пановой, Александром Прокофьевым, Константином Симоновым и другим. Пусть это чаще всего были мимолётные встречи, но память о них осталась у меня на всю жизнь.

В студенческие годы состоялись у меня первые более-менее заметные публикации в газетах и журналах Ленинграда. Небольшой цикл моих стихов вошел в коллективный сборник «Поэты Ленинградского университета», вышедший в 1956 году.

После окончания университета я уехал работать в Сибирь, стал сотрудником областной газеты «Кузбасс». Летом 1959 года в Кемерове произошло первое зональное совещание молодых литераторов. Моя рукопись была рекомендована для издания Кемеровскому книжному издательству. В 1960 году увидела свет первая книжка моих стихов. Называлась она «Сердце ищет песню». Через три года вышел второй сборник стихов «Ступени к солнцу». В этом же году я стал участником всероссийского совещания молодых поэтов. Стихи мои появились в центральной печати. Начал я тогда потихоньку писать и прозу. Осенью 1963 года несколько моих коротких рассказов опубликовал журнал «Юность».

Работу в журналистике я не прерывал до 1968 года. Почти пять лет работал собственным корреспондентом «Строительной газеты» по Западной Сибири. Но главным для меня всегда оставалось литературное творчество. За эти годы я выпустил более трёх десятков книг поэзии, прозы, очерков, вышедших в Сибири, Москве, Алма-Ате, Ташкенте. Активно занимался переводами с зарубежных языков и народов СССР. Стихи мои тоже переведены на ряд иностранных языков.

Юлия НИФОНТОВА

КРУГ ДОВЕРИЯ

Рассказ

*God, grant me the serenity to accept
the things I cannot change,
courage to change the things I can,
and wisdom to know the difference!*

*Боже, дай мне разум и душевный покой принять то,
что я не в силах изменить, мужество изменить то, что
могу и мудрость отличить одно от другого. Да испол-
нится воля, Твоя, а не моя!*

**Молитва международного содружества
Анонимных Алкоголиков**

«Это снилось мне, точно когда-то снилось! Именно такой оранжевый свет аварийных огней, мигающий в темноте, а главное состояние полной беспомощности!» — неуклюже заворочались в заиндевавшем мозгу обрывочные Сонечкины воспоминания.

Даже не верится, что только вчера утром я была дома, и жизнь размеренно текла по своему руслу. Как же я была счастлива тогда! Почему когда живёшь по привычке в светлом и тёплом мирном пространстве, не замечаешь своего счастья, а вечно придумывая и раздувая претензии, нюнишь: «Ах, я бедная-несчастливая, почему дивизионы супер-кино-героев меня не любят безумно-пребезумно и не падают к моим ногам штабелями? И почему я не миллиардерша на отдыхе? Где мой кровно заработанный остров? Что за безобразие?! Как жить-то в таком кошмаре?!

67

А по сути, чего ноешь, дурында? Чего Бога гневаешь? Войны нет! В агонии не корчишься. Зубами от боли не скрипишь. От голода не пухнешь. Так чего ж тебе надо?! Привилегий особых? Подтверждения Вашей уникальной неповторимой избранности?

Вот и допрыгалась, сиди теперь мёрзни в снежном капкане и думай о том, как всё на самом деле было хорошо!»

Накануне этой злополучной поездки Сонечка, как обычно, посетила «круг доверия», так она называла собрания анонимных алкоголиков, которые ни разу не пропустила в течение трёх с половиной лет.

В «анонимные» она попала едва живой от двухнедельного запоя, в жалком пришибленном состоянии после смерти сына Павлика. Сын погиб в армии, как гласила справка, от двухстороннего воспаления лёгких. Но когда гроб по настоянию матери вскрыли, то тело Павлика было в ужасных ссадинах, кровоподтеках с многочисленными переломами. Добиться правды одинокой женщине не удалось. И, не дождавшись решения очередного бесполезного суда, омертвевшая от горя мать стала пить в одиночку и сразу запойно.

НИФОНТОВА Юлия родилась в городе Барнауле, закончила живописно-педагогическое отделение Новоалтайского Художественного училища и Алтайский Государственный Институт Культуры и Искусств. Работала преподавателем живописи и графики. Директор Алтайского Дома литераторов. Печаталась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Русское эхо» (г. Самара), «Луч» (г. Ижевск), «Московский вестник», «Коростель», «Роман-журнал XXI век» (г. Москва), во многих коллективных сборниках и периодической печати. Лауреат восьмой Артиады народов России. В 2007 году за книгу стихов «Провода гудящих строчек» стала лауреатом премии имени А. С. Пушкина. Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

Имя София всегда ей очень нравилось, поэтому она и назвалась так, придя в содружество. Но «анонимные» быстро переименовали Софию в Сонечку, выражая тем особое к ней покровительственное отношение. Да и на самом деле Сонечка с её миниатюрной фигуркой и кукольным личиком в свои сорок пять лет напоминала девочку-подростка, перепуганную жестокими реалиями непростой жизни. Даже перенесённые страдания и хоть непродолжительный, но бурно развившийся алкоголизм не вытеснили из её голубого взгляда свежести и удивления свойственного ранней юности.

На том собрание не происходило ничего необычного. После традиционной общей молитвы вокруг свечи, расселись в глубокие кресла – каждый на своё любимое место. У двери два друга коллеги-философы, преподаватели университета, у стола, как всегда, Толик-Мимо-Кассы (флегматичный владелец многочисленных продуктовых магазинов и одного оптового склада), рядом Таня-Мерседес, прозванная так из-за безумной любви к своему холёному транспортному средству. В содружестве не принято было спрашивать фамилии, их заменяли опознавательные псевдонимы, что являлось показателем признания – ты свой. Вот они все родные: Витя-Альпинист, Саша-Колдун, Костя-Филармония, Гоша-Стоматолог, Лёва-Будулай. В углу смущённо жался новенький, пока не заимевший почётного прозвища.

Особенно было отраднo отметить Сонечкиному глазу, что «круг» – это, наверняка, единственное место в городе, где симпатичные, трезвые мужчины составляют абсолютное непрекращаемое большинство.

– Самое удручающее для меня сегодня – резкое похолодание. Как всегда неожиданно нагрянула зима. И, кажется, что жизнь остановилась. Всё во мне как-то съёжилось и забилося в испуге, – эмоционально говорил о своих чувствах балетно-стройный рафинированный Костя. Сонечка внутренне откликнулась на его слова, потому что тоже до жути боялась холода, слыла мерзлячкой, а в «эпоху активного употребления» заимела фобию – замерзнуть пьяной в снегу.

На отработке «актуалки», когда все по очереди делились переживаниями за неделю и проговаривали своё эмоциональное состояние на данный момент, Сонечку вдруг захлестнула волна внезапной эйфории, что часто случается с

людьми, повернувшими жизнь вспять. Это было уже почти забытое чувство, которое неизменно переживали все члены содружества на первых порах отказа от спиртного. Когда только хорошее настроение и полно добрых надежд, разглаживаются морщины, светлеет кожа. Явственно ощущаешь, как меняется химия организма, как очищается тело и душа, и что-то ещё... – некий незримый канал, что связывает тебя с Кем-то Там-Наверху, с твоей, только твоей Высшей силой. Тогда сбываются самые заветные мечты, случаются самые невероятные счастливые повороты в судьбе.

На «актуалке» невозможно врать или кривить душой. Сонечка точно знала, что если будешь до конца честной, со светлым «нутром», то все невзгоды, рассказанные на «круге», уйдут. И вообще всё начнёт меняться самым необъяснимым образом непременно в лучшую сторону. Поэтому она старалась быть предельно искренней. В конце откровенного монолога Сонечка импульсивно решила проанализировать своё нынешнее отношение к «зелёному змию»:

– Знаете, друзья, меня теперь выпить можно заставить только под ружьём. Или когда мне, например, отвёрткой разожмут рот, вставят воронку и зальют алкоголь, тогда я, наверное, сглотну, чтоб не захлебнуться. Но сопротивляться буду до-последнего! Я не знаю, что должно случиться, чтобы я впустила в себя алкоголь?!! Нет такого обстоятельства, при котором я бы согласилась выпить добровольно!!!

С работой у Сонечки, как ни странно, дела складывались стабильно – десять лет на одном месте. Не в пример многим членам содружества, что за свою алкогольную «карьеру» бесконечно меняли службу, семьи, прописку в сторону ухудшения. А всё благодаря золотому сердцу директора музея, в котором Сонечка работала сначала смотрителем, а когда бросила пить, то стала стремительно подниматься по служебной лестнице. В течение года ей по несколько раз увеличивали оклад и повышали в должности. Затем, вспомнив о дипломе пединститута, назначили старшим методистом. Не ожидая такого головокружительного взлёта, Сонечка полностью окунулась в дела.

Директор музея Гарри Борисович души в Сонечке не чаял и последнее время стал брать на ответственные мероприятия и командировки. Сонечка в ответ считала его личностью героиче-

ской и по незрелой «анонимной» привычке нарекла Гарри Поттером Который Вырос. Кличка прилипла к Гарри Борисовичу, порой особо приближённые сотрудники называли его так даже в глаза. Он действительно словно сошёл с экрана чудесной голливудской сказки, слегка «подстаренный» умелыми гримёрами-виртуозами. Даже очки – главный опознавательный знак отважного выпускника магической школы – имелись в наличии.

Сонечка всегда радовалась совместным командировкам, тем более такой: ей, Гарри и «первой замше» по научной работе Николавне предстояло провести два дня в соседнем городе, презентовать выставку о мифологии малых народов. Сонечка была легка на подъём, ведь за время нахождения «в программе духовного оздоровления» успела привыкнуть к дальним поездкам, так как содружество постоянно моталось по стране на различные слёты, форумы и конференции.

Ехали радостно, играла приятная музыка, Гарри веселил спутников, свойственными только ему наивными шутками, и даже свеженагрянувший мороз не страшил Сонечку так, как обычно. Только угрюмый водитель Семёныч нарушал общую приподнятую атмосферу недовольным бурчанием. Но даже здесь среди давних коллег Сонечка тосковала по «кругу доверия». Последнее время она чувствовала себя в своей тарелке только среди «братьев и сестёр», круг стал сжиматься, а в колючую жестокую реальность выглядывать хотелось всё реже и реже: «Была б моя воля, я вообще общалась только со «своими».

В городе, куда прибыла делегация, культурой заведовала кавказская диаспора. Специально или нет, но так случилось, что значимые посты «культурной ветви» возглавляли горячие волоокие джигиты, которые, как известно, находятся в той или иной степени родства. И всё бы ничего, да только традиции гостеприимства южных народов, что более всего страшило Сонечку, не знают мыслимых границ, не признают фразы «не пью!», а отказ поддержать очередной пафосный тост воспринимается как личное оскорбление. Сонечка приготовилась держать оборону.

Её худшие опасения подтвердились: хозяева были любезны сверх всякой меры. Столы ломились. А печальные вишнёвые глаза начальника

управления по культуре Шамиля Махмудовича неоднократно заволакивала влажная досада. Может, от непомерно «употреблённого» или от невозможности заставить Сонечку пригубить даже глоток вина? «Главное не пить первую рюмку! – Сонечка, как заведённая, твердила в уме главный закон анонимных алкоголиков – Ведь это так легко, не пить всего только одну, а за ней не будет второй, десятой и несчётной в туманном забытии!»

Гарри Поттер Который Вырос на карнавале изобилия держался стойко, устояв даже, когда его верный заместитель Николавна, разорвала путы «совковой» пуританской морали, потеряла очки и, волнуя постпенсионными телесами, пустилась в буйствующий эротизм восточный танец.

*Там в степи-и глухо-оо-ой
за-амерзал ямщик...*

(народно-застольная песнь)

Когда выставка о доброжелательно настроенных и не очень горно-озёрно-таёжных духах была смонтирована, презентована, показана по местному телевидению и основательно обмыта начальством в буфете центральной гостиницы, попытка гостеприимством и сверхобильным столом, наконец-то, подошла к финалу.

63

Шумно прощаясь, бесконечно облапывая и лобызая друг друга в порыве горячих родственных чувств, «музейщиков» усадили в промёрзший «транспорт». Однако машина, проникшись общей идеей о невозможности существования порознь с высокостоящими мужами братского народа, трогаться с места категорически отказывалась. Но суровый Семёныч сурово подцепил к правительственной «иномарке» суровый канат – и музейная колымага недовольно затарахтела...

Ехалось обратно ещё радостнее, только это чувство было окрашено теперь в новые спокойные-пастельные тона.

Снегопад принял гипертрофированные формы. В свете фар казалось, что настоящий звездолёт, рассекая межгалактическую трассу в чёрном космосе, попал во встречный метеоритный поток. Белые комья неслись навстречу бесконечной лавиной, превращая обычный однообразный путь домой в захватывающие кадры новой версии «Звёздных войн», где слегка помятые джиддаи бороздят просторы Вселенной на небольших и не очень новых «Газельках».

На уставших от повышенного внимания «астронавтов» навалилась размягчённая лени-

вая заторможенность, венчающая любой громкоголосый праздник. Текла тихая убаюкивающая мелодия, лишь изредка оживляемая краткими, но ёмкими впечатлениями от почти завершённой командировки:

– А как у нас Николавна-то с парнями горячими отплясывала! Э-эх!

– Да уж, Гарри Борисович, поверьте, сама от себя не ожидала таких талантов. Да разве таким милым людям можно отказать?

– Это да! А замечали: обратный путь всегда короче. Мистика!

Но вскоре и эти слабые всплески эмоций утихли, салон погрузился в мечтательную сладкую дрему. Николавне грезилась темпераментные горцы, алчущие её благосклонности. Гарри Поттер Который Вырос погрузился в свой магический мир, где вновь и вновь переживал опасные для жизни и здоровья приключения, но неизменно одерживал верх над тёмными коллегами по волшебному цеху. А Сонечка окунулась в уют своей «анонимной» семьи, где под низким сводчатым потолком в бордовой комнате горела свеча, по кругу в огромных мягких креслах сидели «только свои» и вели долгие беседы на той грани откровенности, на какую не допускаются даже самые близкие родственники.

Вдруг сдавленный крик директора резко выдернул Сонечку из бордового уюта:

– Влево! Семёныч, влево поворачивай! ВЛЕВООО!!!

Потёртый жизнью «звездолёт» явно сбился с курса и теперь на сверхзвуковой скорости падал носом в неизвестную галактику! Окна в машине со всех сторон на несколько секунд из тёмных вдруг стали абсолютно белыми. Межгалактическое корыто терпело крушение на планете Вечной зимы. Клубы снега облизывали со всех сторон отважную «Газельку», что таранила себе проход в безжизненное поле, словно погружалась в глубь гигантского мороженого.

Это движение, как полёт среди плотной завесы облаков, казалось, продолжается бесконечно. Секунды растянулись до неузнаваемости – время на чужой планете текло по иным законам...

Наконец с ощутимым толчком «корабль» приземлился, но не совсем удачно. Крен достиг максимально допустимой точки, по полу что-то покатилося, и судно со всеми обмирающими от ужаса пассажирами плюхнулось на правый бок.

Сонечка засыпанная невесть откуда взявшись куртками и сумками, беспомощно барахталась, оказалась на стонущей Николавне:

– Колено! Разбила наверное?..

В салоне сразу всё смешалось: верх и низ, люди и вещи, страх и радость.

Дальнейшие события можно констатировать кратко: машина перевернулась, люди перепугались, двери заблокировались, аккумулятор сел, печь погасла...

Во внезапно наступившей темноте и неразберихе единственным спокойным и здравомыслящим человеком оставался Гарри. Сначала он потянулся через оцепеневшего Семёныча и попытался открыть машину, но вскоре оставил эту затею, понимая: двери заклинило накрепко. Сонечка лишь угадывала, что длинная рыба, проплывшая во мгле, это Гарри, что пробирался к заднему люку. Коротким рывком Герой Девчачьих Снов откупорил выход в открытый космос. За Гарри протасился тяжёлый неуклюжий аллигатор – Семёныч. В салон ворвался беспощадный холод.

– Всё! Никто нам не поможет! У нас на пороге «Скорой помощи» будешь подыхать, в конвульсиях биться – никто не глянет! – продолжала нагнетать обстановку Николавна, колыхающая штормовую волну где-то внизу. Сонечка же с тоской думала только об одном: «Как жаль, что я так и не собралась купить себе тёплые пуховые носочки!»

Вопреки пессимистичным прогнозам Николавны у затонувшего в снегу судна периодически тормозили сочувствующие ночные путешественники. Особенно часто заботу проявляли водители «большегрузного братства». Именно эти крепкие ребята, под удивлённые всхлипы Николавны, перевернули и поставили «Газель» в нормальное положение. Затем была протянута ещё одна «рука помощи»: машину взяли на буксир, отчаянно дёрнули на трассу... но не выдержал и предательски порвался трос, сведя героические попытки к нулю.

– Слышь, братан, тут другой тросик нужен, металлический, – констатировало «большегрузное братство» и умчалось за горизонт, в дальние запредельные рейсы.

Неудачная попытка несколько не охладила пылкого руководителя музея. Гарри Борисович то резво прыгал по заснеженной дороге, тормо-

зил все подряд автомобили, то кидался с остервенением выгребать снег из под колес «Газели». Стоящего столбом Семёныча он отправил на попутке в соседнюю деревню Пустяково на поиски жизненно необходимого троса.

«Не зря всё-таки Гарри – босс, а Семёныч – лох!» – отметила про себя Сонечка, с восхищением глядя сквозь туманное окно, как мечется в завесе снегопада энергичная фигурка директора. Сама же она, не переставая, набирала по мобильнику номера всех, кто мог хоть что-то посоветовать. Раздобыв через знакомых несколько телефонов службы спасения, принялась названивать туда. Но недовольные заспанные голоса отвечали примерно одно и то же:

– Заявки принимаем с 8.00, сейчас ничем не можем помочь.

– А нам что делать, мы же замёрзнем здесь в снегу?! Вы же спасатели! Сейчас только половина первого! Как же нам сидеть в холоде столько часов!!!

– Позвоните в другой «Автоспас», пи-и, пи-и, пи-и...

Стоимость услуги, что называли недовольные заспанные голоса «спасателей» и «спасательниц» была астрономической и во всех конторах, занимающихся вызволением граждан из беды только после 8.00, почти единой, слегка колеблясь в сторону увеличения.

После того как Сонечка получила «отлуп» от всех «Авто-спасов», надежда оставалась только на «круг доверия». Уж они-то! В любое время, посреди ночи позови, всегда помогут, примчатся на помощь. Сонечка улыбнулась, вспомнив родные лица анонимных братьев и то как она впервые долго не решалась войти в группу, без которой теперь жизни не мыслила. Тогда, первый раз, казалось, что её встретят синие хроники, только что вынырнувшие из теплотрассы, с опухшими от перепоя страшными дутыми мордами.

Увидев милых интеллигентных хорошо одетых людей первой мыслью было: «Подсадные, что ли?! Понабрали где-то актёров, чтоб мозги людям пудрить?! Не настоящие они какие-то. Да эти пижоны и не пили-то сроду, ничего кроме полбокала «Шампанского» и то не каждый Новый год! Не могут алкоголики так хорошо выглядеть!» Но когда Сонечка узнала что группа красивых, атлетически сложенных молодых парней – представители дружественной группы «анонимных наркоманов», сомнения усилились

во сто крат. В её понимании наркоманы – конечные «нелюди», лишённые всего человеческого и выглядеть они должны соответственно. Африканские зомби-людоеды из ужастика: фиолетово-чёрные круги под безумными глазами, фигуры истощённых велосипедов. А эти, как на подбор, все молодые, красивые, хоть сейчас на журнальную обложку!

Позже она узнала, что между «действующими» и «анонимными» огромная разница размером с Мариинскую впадину. Воистину, алмазный стержень должен быть внутри у человека, чтоб он победил самую страшную в мире, неизлечимую зависимость да ещё мог радоваться жизни и неизменно двигаться вверх по пути духовного развития! Да и оставались не все, только особые избранные люди, которые и составляли костяк содружества.

Приятные Сонечкины воспоминания прервала нежная трель телефона. Нет, отважные спасатели не усовестились, решив всё же смилостивиться и помочь замерзающим путникам, это «сдохли» батарейки. Немного помигав на прощание, маленький экран погас.

У Николавы же отношение с мобильной связью было весьма поверхностное. Поэтому подаренные детьми «сотики» аккуратно покоились в верхнем ящике комода, а затем неизменно передаривались внукам.

Мороз пробирал всё ощутимее. Ноги будто сковало льдом и, как после укола местной анестезии, пальцы онемели и перестали слушаться. Мысль о некупленных тёплых носочках навязчиво крутилась в голове подобно заезженной пластинке. Окна в машине затянуло морозными узорами. Спустя полчаса это тонкое «вологодское кружево» стало превращаться в оренбургский пуховой платок плотной вязки. Вскоре изморозь мохнатым рельефом в палец толщиной так плотно залепила стёкла, что казалось, люди, как персонажи мистического триллера закупорены в мягкую белую капсулу и существует отдельно от всего суетного мира, не подчиняясь общим законам времени. Наступила полная тишина. Внутри изолированной капсулы витала тень беды, пожирая людей изнутри и подтачивая их волю с каждой тягучей минутой.

Самый ужасный стресс не единомоментный, когда ты «Ах! – испугался, а потом, – Фу-у...» – и отлегло. Но более жуткий страх – нарастающий, растянутый во времени, когда сидишь в безвы-

ходном положении и не знаешь, кончится это когда-нибудь или нет...

«И как всегда бывает в таких случаях, погасшая надежда жалила больше самой беды. Недаром одна из злейших пыток мрака состоит в том, чтобы дать надежду и отнять её, дать и отнять – и так до бесконечности. Искушение надеждой – это пытка льдом и огнём».

Дмитрий Емец. «Мефодий Буслаев. Мсть Валькирий»

Томительную неизбежность всколыхнул порывистый Гарри. Он шумно плюхнулся в салон и стал рассказывать и изображать предпринятые им меры, по-итальянски темпераментно жестикулируя, насколько было возможно в стеснённых условиях кабины. Милосердно опуская то, что все попытки потерпели фиаско. Излишне нагоня на себя бодрость, Гарри изо всех сил пытался внушить уверенность своим скисшим подопечным. Но в чём он действительно не притворялся, это невероятная стойкая вера, что всё будет хорошо, и даже впал в некий необъяснимый азарт, видимо, свойственный исключительно героям детских волшебных сказок:

– Не унывайте, барышни, рядом с вами такой красавец парень встал на ночлег – Вася! На гружёной мясом громадине. Видите, вон рядом. И огни аварийные включил, теперь нам точно помогут. Если что – мы не одни, а это в нашем положении уже не мало!

– Гарри Борисович, у вас же все ноги мокрые! – громогласно ужаснулась Николавна, отыскав среди беспорядка свои толстенные очки.

Действительно его серые брюки до колена были насквозь пропитаны грязной влагой, замёрзли и покрылись твёрдой коркой. Впотьмах штанины смотрелись, как металлические. О том, что творится в щёголеватых узких ботинках, можно было только догадываться.

Николавна и Сонечка чуть ли не насильно усадили шефа к себе на заднее сидение в серединку, набросив на него всю одежду, что только можно было найти в салоне.

– Ничего, двое индейцев под одним одеялом не замёрзнут, а тем более трое! – бодрился Гарри.

Фигурой Николавна – «центнер с гектара», как сказал бы Толик-Мимо-Кассы, который сам – два центнера. И хоть занимала бессовестно много места, но и польза от неё была немалая –

она словно отапливала заснеженную берлогу изнутри, как мать-медведица обогревает двух своих косолапых несмышлёнышей во время зимней спячки. Вдруг Большая Медведица зашевелилась, заворочалась, пытаясь поудобнее пристроить ушибленную ногу так, что снежная колыбель на троих опасно покачнулась.

– Ой, чего это! Смотрите, ВОДКА!!! – Николавна вытащила из под сиденья закатившуюся туда бутылку белой «Посольской». – Это же Шамиль Махмудович нам в дорогу сунул. Гляди-ка, не разбилась! Теперь выживем!!!

– Девчонки, сейчас греться будем, – заверил Гарри и молниеносно скрутил пробку. «Однако – стаж!» – отметила про себя Сонечка, и одновременно всё у неё внутри сжалось, как перед прыжком с высокой кручи.

В нос ударил резкий запах спирта, словно го-спожа Смерть дыхла смердящей открытой пастью прямо в лицо. Сонечка забилась в угол, как ненужный перепуганный щенок, чей животный инстинкт грозил: «Сейчас хозяин злой – бить будет в любом случае!»

Николавна глотнула первой, порция шумно прокатилась по её горлу, прожигая себе путь внутрь утробы. В Сонечкиной памяти вдруг ясно и чётко всплыли собственные слова на последнем «круге доверия»: «Я не знаю, что должно случиться, чтобы я впустила в себя алкоголь?! Нет такого обстоятельства, при котором я бы согласилась выпить добровольно!!!» А ещё, кажется, говорила, что её можно заставить выпить только под ружьём, но сопротивляться будет до последнего!»

– На, согрейся! Хоть глоточек... – обратилась сердобольная Николавна с выражением крайнего сострадания. Сонечка машинально отрицательно помотала головой протянутой бутылке. Мысли испуганными куницами стали метаться в Сонечкиной голове, как по клетке: «Что делать? Если выпью, то, конечно, согреюсь... остановиться не смогу! А дальше?! Позор. Презрение: нажралась, а ещё женщина называется! И неизменно – смерть! А не выпью – загнусь от переохлаждения. Когда ещё нас спасут, да и спасут ли вообще? Зато не в позоре, не в вони, не в блевотине. Замкнутый круг какой-то! Но свою группу я не могу подвести!!! Это равносильно предательству»:

– НЕТ. Не буду, пожалуй, а то одного глотка мне много, а ста – слишком мало, – твёрдо сказала Сонечка и решительно отвернулась к заморо-

женному окну. Страдалица крепко-накрепко зажмурила глаза и не шевелилась, прикинувшись, что мертвецки спит, причём уже очень давно.

Она принялась неистово молиться, не замечая, порой, что губы шевелятся и выдают: её сон – не более чем самодеятельная театрализация и наивная попытка отстраниться. Сначала слова путались в голове, менялись местами, но потом выстроились в нужном порядке и пошли стройными рядами, как вымуштрованные нахимовцы на образцово-показательном параде.

Вечерний молебен неожиданно прервал Семёныч. Он вернулся злее чёрта, без троса.

– Ну, чо там? – после продолжительного молчания и взаимного сердитого сопения первым не выдержал любознательный Гарри.

– Да ничо!!! Тык-пык. Туды-сюды... МЧС нету! Ничего у них нету! Темнотища. Трактористы токма с утра. Мент дежурный даже дверь не открыл.

Семёныч одним махом прикончил остаток «пол-литры». И с последней «посольской» капли иссякла очередная надежда на спасение.

Особенно трудно было переносить всепроникающему «амбре» перегара, который Сонечка и без того всегда безошибочно выделяла с большого расстояния в любой толпе. От него начинало мутить, корёжить, выворачивать и безосновательно раздражал любой пустяк. А тут под боком два источника свеженького «вонизма», извергающие зловоние прямо из желудка в желудок.

Сонечка попыталась отвлечься, отгородиться от навязчивого запаха. Единственным выходом, который подсказывала программа духовного выздоровления анонимных алкоголиков, была медитация. Для начала, чтобы войти в изменённое состояние сознания Сонечка стала мысленно крутить светящийся золотой шарик. Он крутился, крутился, крутился...

*«Над небом голубым
Есть город золотой
С прозрачными воротами
И яркою звездой...»*

Сонечка пригrelась, расслабилась и с удивлением заметила, что перестала дрожать. Вдруг стало по-настоящему жарко в тяжёлой шубе. Она начала из неё «вылупляться», как птенец из яйца. Новорожденной птахе было невыносимо сидеть взаперти и потянуло в свободный полёт. Сонечка поползла к люку.

Снаружи всё было залито рассеянным оранжевым светом. Сонечка стояла на перекрёстке

нескольких дорог рядом с выродившим её из своего чрева авто. Но теперь это был не потёртый микроавтобус, а дикий симбиоз живой и неживой природы. Машину покрывала плотная жёлто-зелёная переливающаяся, как голограмма, чешуя, а очертания приобрели сходство с упитанным, плотно позавтракавшим детёнышем гигантского динозавра.

Не зная, в какую сторону направиться Сонечка с удивлением отметила ещё одну странность. В чудной местности смешались все географические пояса и времена года.

Прямо перед ней величественные пейзажи, от которых захватывало дух, имели вид совершенно зимний. Гигантские ели, каждая из которых едва ли поместилась бы во Дворце Съездов в качестве новогодней кремлёвской красавицы, смиренно смотрелись в гладь не замерзающего озера, держа на своих лапах тонны пушистого снега. Горы за стеной леса сверкали исключительной белизной на фоне фиалкового неба.

Но на противоположной стороне лагуна катила горячие лазурные воды к подножию пышных тропических джунглей. Над огромными, как банные тазы, цветами ярких неоновых оттенков летали нереальные стрекозы, словно игрушечные вертолётники размером под стать цветам. Чистейший песок пляжа дышал жаром. Кудрявые облака клубились на горизонте, оттеняя пышное великолепие.

Справа буйствовала весна. Распускались первые бутоны. Деревья и кустарники представляли собой пушистые шапки из соцветий: сирень, черёмуха, яблони и одурманивающий аромат надежды. Над цветущим весенним садом хохотнул раскат, небо «расколосось» и подмигнуло молнией. «Люблю грозу в начале мая! Здесь, наверное, всегда только первый гром!» – догадалась Сонечка и уже не сомневалась, что по левую руку увидит осень.

Озорной ветер срывал с разноцветных крон охапки листьев, но никак не мог оборвать. Листья то кружились в весёлых хороводах, то тихо опадали на мягкий духмяный прелый «ковёр». Только теперь Сонечка увидела, что среди растительности прячутся замысловатые постройки, похожие на храмы всех стилей и религиозных конфессий.

Кокетливые японские пагоды притаились в зимнем пейзаже, весенний сад утопил в цвету воздушные белораморные античные портики с арочными анфиладами и колоннами-кариатида-

ми, осенние листья щедро осыпали богато украшенные терема времён Ивана Грозного переходящие в строгие вытянутые готические костёлы, а из тёмно-изумрудных зарослей вечного лета выглядывали ступенчатые пирамиды древних инков.

Из немыслимо переплетённых загадочных строений стали неспешно выходить люди, странно и красиво одетые в костюмы всех эпох в самых странных сочетаниях. Они приветливо улыбались и махали Сонечке руками, приветствуя её – путешественницу из другой реальности. Сонечка не удивилась и тому, что некоторые из них, легко отталкивались от поверхности земли, взлетали, устремляясь по своим делам на прогулочной скорости, или зависали в воздухе, словно что-то обдумывая. Почти вплотную к Сонечке подъехал на невообразимом пятиколёсном велосипеде маленький большеглазый мальчик и стал тихо дёргать её за подол:

– Мама, мама!

– Павлик! Сыночек мой! – Сонечка крепко обняла малыша и стала неистово бессистемно целовать, заливаясь слезами.

– Мамочка, не надо плакать! Не плачь никогда! Знаешь, как тут холошо, а когда ты плачешь – мне грустно... Смотри, у меня зуб выпал, молочный!

– Павлик, а где ж ты взял такой велосипед?

– В будущем. Ну, я поехал, мам, пока!

Сонечка зачарованно смотрела вслед Павлику, весело улепётывающему на необычном, словно взятом напрокат в голливудской киностудии велосипеде. К Сонечке уже тянулась вереница друзей, родственников и знакомых, что хотели поскорее обнять после долгой разлуки. Вот молодые мама и папа зовут погостить в нарядном домике у реки. А вот Витя из «анонимных», что «сорвался» год назад, да так и не смог остановиться.

– Витя, ты здесь?

– Да. А знаешь, Сонечка, тут за болезнь не наказывают, тем более за неизлечимую...

Рассеянн улыбающегося Витю загородила, убитая летом собственным мужем, кроткая соседка тётя Аня, что торговала при церкви. Она, словно пылающий букет протягивала Сонечке восковые свечи, которые почему-то были зажжены. Но её тоже оттеснили люди, многих из которых Сонечка уже и забыла. Все хотели видеть её, поддержать, подбодрить... Никто не навязчив. Все счастливы, беззаботны и добры.

В ответ на столь любезное обращение Сонечкино сердце переполнилось ответными чувствами благодарности, любви и восторга. Ей вдруг захотелось смеяться, кружиться и летать высоко-высоко...

Из густых зарослей «летней» стороны вышел золотой лев и с царственным достоинством направился к Сонечке. Он был раз в пять крупнее любого даже самого матёрого африканского льва. Его шерсть не просто имела золотистый оттенок, а была по-настоящему золотой. Массивные лапы, широкая грудь, пышная кудрявая шевелюра, будто царь зверей всю ночь мучился «на бигудях», весь он был словно отлит из живого бархатистого золота. Но самое поразительное, что властелин фауны явно догадывался о Сонечкином желании полетать и по-джентельменски предложил ей густым рычащим басом, глядя на неё с неподдельной нежностью:

– Ну, что? Поехали?!

Сонечка забралась на тёплую мягкую спину и крепко вцепилась в сияющие пенные локоны:

– Полетели!

– УЖЕ ЛЕЧУ-У!!!

68

– Эй, вы, живы там? – к машине по пояс в снегу пробирался Вася – водитель большегрузной «Вольво», что ночевал на обочине, держа в поле зрения потерпевший крушение «корабль». – Я до города, кто со мной?

Сонечка очнулась от странного блаженного ощущения – ТЕПЛО!!! За время, пока она летала на златогривом царь зверей, неугомонный Гарри, не сумев долго сидеть в гнезде, очистил лобовое стекло от наледи, вымел перчаткой снег из под капота, а главное, что особенно невероятно, – ему удалось запустить обогрев!

– Николавна, давай спасайся.

Чувствуя устремлённые на неё в полутьме взгляды, старая боевая подруга силилась изобразить на лице твёрдую решимость капитана «Титаника» гордо и пафосно уходящего под воду совместно с невезучим пароходом.

– Ты заместитель или нет? Иди, замещай!

Услышав команду любимого шефа, она моментально раскисла и доверительно призналась:

– Я отсюда и не вылезу, при моих-то габаритах. Ногу сильно зашибла. Да и пригрелась уже... а у некоторых даже градуса внутри нету!

Начальник перевёл внимательный взгляд на

Сонечку и приказал тоном, не терпящим возражений:

- Идите, мы не пропадём. Согрелись.
- Как же я вас брошу в такой момент?
- А чем вы можете здесь помочь?
- Нет, я не могу вас оставить.
- Так, хорошо, тогда слушайте задание. Езжайте в город и раздобудьте трос, передайте сюда на попутках.
- А если у меня не получится?
- Если не выйдет, то найдите телефон администрации села Пустяково и сообщите мне, ночью всё равно неудобно людей будить.
- Хорошо, Гарри Борисович, я, как до телефона доберусь, сразу позвоню.

– Ну, что? Поехали?!

Просторная тёплая кабина плыла высоко над белой дорогой. Избавитель из холодного плена был такой же основательный и надёжный, как его «ледокол», гружённый замороженными говяжьими тушами.

На горизонте забрезжила грязно-лимонная предрассветная полоска. Вася молча улыбался дороге, курил ароматные сигареты, словно скрученные из вишнёвых листиков, и тонкие дымные дорожки выплывали в приоткрытое окно. Рыжая кудрявая шевелюра и россыпь легкомысленных веснушек делали жизнерадостного водителя моложавым и похожим на мультипликационного Антошку, которого неоднократно призывали поработать на копке картофеля.

В отличие от своих собратьев по рулю, Вася слушал не богомерзкий лагерный «блатяк», что в нашей стране самонадеянно считают «шансоном», а чудесную и с первой ноты – настоящую музыку:

– Вивальди в современной обработке, – пояснил он, заметив с каким неподдельным наслаждением, внимает Сонечка завораживающим звукам.

На подъезде к городу стало заметно, что Вася всячески оттягивает момент расставания. Поехав медленнее, он затем завернул в круглосуюточную придорожную кафешку. С трассы сооружение смотрелось неказисто, да ещё и покрашено было в противный болотный цвет. Но внутри было так тепло, чисто, особенно в контрасте с бедламом промёрзшей «Газельки», ци-

вилизованно, что Сонечка наполнилась тихим счастьем и чувством внутреннего обновления – усталости как не бывало! Добродушный Вася смущённо потчевал даму горячим кофе и чебураками, вкуснее которых не было на всём белом свете.

– Вы не переживайте, я сейчас быстро крутанусь, у ребят металлический трос возьму и на обратном пути их обязательно выдерну. У меня ж такой трос есть, да в прицепе остался. Приёмка мяса только с восьмью, так что хошь-не хошь, а придётся вашим товарищам ещё полчаса погрустить. Да вы ешьте, ешьте.

– Спасибо огромное! Вы как с неба к нам явились.

– Давайте я запишу ваш телефон, как решу вопрос с вызволением ваших товарищей – отзвонюсь тут же, обещаю.

Когда Вася записывал телефон, то так нежно и проникновенно улыбнулся Сонечке, что она тут же поняла: это он, тот рыжий лев из сна! Словно прочитав Сонечкины мысли, Вася отрекомендовался, как на первом свидании вечера знакомств «Кому за...»

– Ну, что я – Василий, знаете. 46 лет. Разведён. Не пью категорически, а что курю, это вы уже сами видели. По гороскопу – лев.

– Я так сразу и поняла, что вы – настоящий лев.

– Вам, наверное, здесь не уютно? Придорожные забегаловки не для таких шикарных леди, как вы!

– Ну, что вы! Я ж как с войны! Будто только что вернулась с горячей точки! Точнее с ледяной. А здесь приятная обстановка, вежливые люди, спокойно на душе, а главное тепло! Поэтому меня ничто не раздражает, мне теперь всё хорошо, особенно когда рядом такой мужчина галантный!

– Но всё же разрешите мне, когда отдохнёте от всего этого ночного кошмара, пригласить вас в настоящий, хороший ресторан?..

– Соблазнительно, но что мы там будем делать, мы же оба не пьём.

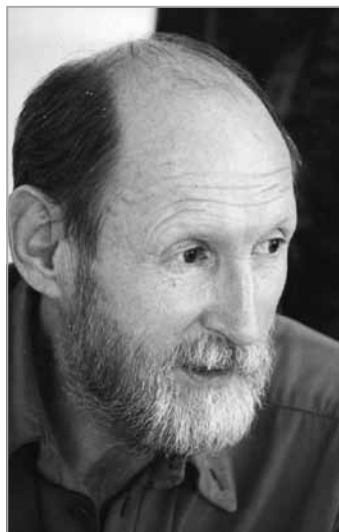
– А что люди в ресторанах делают? Общаться!

– Ну, хорошо, уговорили, только давайте пойдём быстрее наших спасать.

– УЖЕ ЛЕЧУ-У!!!

**Александр
ИБРАГИМОВ**
ТРИНАДЦАТЬ

Поэма

1. ГОСУДАРЕВА ОСЕНЬ

Царский ветер-Листобой – в рощу золотых
берез.

Как опричник молодой,
Налетел, не зная слез.

У него во лбу указ – никого не пожалеть...
У него – печать-алмаз
И сверкающая плоть.

А в губах – тягучий свист, а в очах – глухой
овраг,

И течет-взлетает хлыст,
И трепещет царский враг.

Потому что, как всегда, разворована казна –
Потому и без суда
И без пытки не дозна...

Потому что у бояр – волчьи зубы для забав.
Оттого, как солнце, яр –
Царский ветер-Волкодав!

Оттого его седло – сковородка на огне,
Оттого-то он зело
Люто скачет на коне!

Он измену обличит, а из глаза – выбьет згу...
А Царь-колокол молчит,
А Царь-пушка – ни гу-гу.

Только царские слова разлетаются, ярься.
Потому-то и листва
Напослед целует грязь...

И летят с родных ветвей златопадшие
князья.

70 И становится светлей –
Так, что выдумать нельзя...

Даль осенняя светла, словно перелетный гусь.
Потому-то догола
Облетает Древо-Русь.

Но измены пострашней и сильнее, чем вражий
смех, –
Изумрудномудрый змей,
Выползающий из всех.

2. ЧАША С АЛЫМ МОЛОКОМ

А за печкою сверчок, как в удавке, свиристит.
В алтаре стоит бычок
И прельстительно блестит.

ИБРАГИМОВ Александр Гумерович родился 28 апреля 1947 года в деревне Спиченково Кемеровской области. Закончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. В 1965 году – первая публикация в альманахе «Огни Кузбасса». Автор книг «Буквы одуванчика», «Пусть будет каждому любовь», «Тело судьбы», «Моя трава зеленоглазая», «Это лето всех лет», «Крест русского четверостишья», «Белый квадрат. Поэт о поэте», «Избранные стихи». Его стихи печатали журналы «Сибирские огни», «Литературная Грузия», «Москва», «Наш современник», «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса». Лауреат премии им. А. Н. Волошина. Основал творческую Мастерскую «АЗ», которой руководит и поныне. Основатель и литературный редактор журнала поэзии «После 12».

Член союза писателей России. Живёт в Кемерово.

Завитой и золотой, как девица без платка...
А юродивый слепой
Вносит чашу молока.

Ало-алое оно – дышит пенкою парной,
Как Адамово вино –
Первородною виной.

Кровью братского кипит, извергается
из жил –

Чудо-юдо рыба-кит
Плещет в чаше что есть сил...

Брызги алые летят, да по всей Святой Руси.
И младенчиков-телят
Гонят в бойни – гой еси!

В алых розах Вифлеем – и солдаты там и
тут,

До зрачков надвинув шлем,
Грудничков клыками рвут...

Матерей-рожице крик – всплески розовой воды.
Рыба-Ирод ищет блик
Новорожденной звезды.

А младенец в молоке – розовеет, как заря.
Уплывает в челноке
От чудовища-царя.

Белый ослик шелестит-убегает по песку.
Он вернется и простит
Иудею и Москву.

3. ИЗУМРУДНОМУДРЫЙ ЗМЕЙ

Отверзаются шинки, шинкари гундят-галдят.
Рты разинув, мужики
Молчаливые глядят.

Возвышается телец над сироткою-свечой,
И кропит ее – наглец
Златодревнею мочой...

А посмотрим, чья возьмет? Извивается струя
И ползет в открытый рот,
Не таясь и не тая...

И скользит по бедрам жен и шипит на всех
смелей –

Замираньем окружен
Изумрудномудрый змей.

Изумрудномудрый червь гложет яблоко земли.
И глотает слюни чернь...
И князя изнемогли.

В ножнах нежится Царь-меч, словно в спальне
золотой, –

Нужно лезвие беречь
С рукоятью завитой.

Весь изгрезился торгош: златом выблестить
булат.

И царек, считайте, наш –
Золотых считай цыплят!

Захочу и заплачу за царицу и сына.
И поставлю Царь-свечу
Рядом с чашей молока...

Если золотца подлить – всё, что хочешь,
можно съесть...

Только не продать-купить
Царскую тоску и честь...

Чашу с алым молоком вносит в спальню
царский сват.

Государевым плевком
Царь приветствует закат.

77 Но царя мудрей-древней – тот, кто в полночь
пьет Луну, –

Изумрудномудрый змей,
Заползающий в жену...

4. И НИКТО ЦАРЮ НЕ ДРУГ

Царь на троне одинок. Трон, как кол, –
пронзает плоть.

«Потерпи еще, сынок, –
Говорит царю Господь –

Потерпи, как я терплю, и сына не убивай!
Если вымолвишь: «Люблю» –
Приоткройшь дверцу в рай».

Царство Божие – внутри, а снаружи тьма
и тлен.

И куда ни посмотри –
Лизоблюдствует с колен...

И никто царю не друг, если друг – какой ты
царь?

Меж его надбровных дуг
Смерть повесила фонарь.

И никто царю в глаза не посмеет заглянуть.
Так небесная гроза –
Молниями ищет путь...

Коли Божий страх – не страх – принимай царя,
народ!

Царь из праха – выбьет прах
Так, что вздрогнет небосвод...

Царь ступней прижмет зарю... Трон царя –
сидячий гроб.

Государев долг – царю –
Гвозди забивает в лоб.

Вкруг его главы – венец всенародной нищеты,
И похож его дворец
На пристанище тщеты.

Звездный Бог и грозный царь – ярый пес у
райских врат.
Чашу Лобную в алтарь
Закатил угрюмый кат...

5. БУНТ БОЯРСКОЙ БОРОДЫ

Сиро Царское село, ржет бесстыжая Москва.
Государь молчит зело –
А рука его права!

Царский ветер-Костоправ, и его рука – булат, 72
И булат, конечно, прав –
И ни в чем не виноват!

Костоправ могуч – под ним – бронебойный
носорог.

Это кто – на Третий Рим?
Это чей – до звезд порог?

Кто не крестится на крест? Кто чихнул
в иконостас?

Сабелькой блеснул окрест
Царский ветер-Свистопляс!

Это чья мошна-удел? Чьи разбойничьи леса?
Грянет царский беспредел –
Дыбом встанут волосы.

Будет волюшка на всех, а не только у бояр.
Царский ветер-Пересмех –
Родом вроде из татар!

Он крещеный – он царев – правнук Золотой
Орды.

Вырывает – будь здоров!–
Бунт боярской бороды!

Это кто земель владел? Кто родимой
торговал?

На слезах разбогате
И алмазами рыгал?

Выше царского крыльца чей вознесся теремок?
Для такого наглеца –
Верный ветер-Сиверок...

Костоправ и Листобой на Арбат нагнали
страх.

На жирафе голубой
С ними ветер-Вертопрах!

А за ним валит толпа поглазеть на чудеса!
У опричника – оп-па! –
Голубые волоса...

Знать, болтали неспроста про последние
деньки

Не спастися без креста,
Самосуда и пеньки...

Поздно нищенке в ладонь сыпать розовый
киш-миш.

Разыгрался Царь-Огонь –
Гривою повыше крыш!

Листобой листвою набьет сорок
тюрем-коробов.

Зубы-желуди дерет-
Вышибает из дубов...

Как поводья на скаку, рвет боярские усы,
И с размаху – хрясть башку! –
На базарные весы...

Брызнут листья, аки кровь, и осинник задрожит.
Грозный царь надломит бровь –
Кровью он не дорожит:

Ни родимой, ни чужой – пусть дурная
выйдет вся,

Истечет болотной ржой
С чешуею карся...

6. У ВОРОТ – ЛЮДОВОРОТ

У ворот – людоворот, а народа не видать!
Загляни любому в рот –
И услышишь: «Бого-Мать...»

Словно в рясе рыба-кит – выплывает дивный
поп,
И вокруг него кипит
Разгулявшийся потоп.

Рыжеглазый скоморох обхохатывает всех.
И в штанах – переполох
Да под юбкой, как на грех...

Царь в Отечестве – Отец! Ну а где же
Сын-Народ?

Кто у трона – тот подлец,
Под лицом – другой урод...

А кто дальше – не видать, не раздеть –
не разглядеть:

Сволочь волжскую свалять,
Дунуть-плюнуть-растереть...

Во дворце лихой холуй – пуще Божьего суда,
Юркий ветер-Разворуй
Залетает хоть куда.

Воровать – не покупать, а коль нечего
продать –

Народим, едрёна-мать –
Будет чем поторговать.

Дочки вечером – гулять-оголять свои пупки,
Чтоб могли поистекать
Золотишком – старики...

На-ко, выкуси, еси... – нам не страшен
страшный грех.

Заголяй подол Руси –
Чужестранцам для утех!

Девки, с губками вразнос, обтянулись донага –
Лепестками черных роз
Изузорена нога...

Ходит-бродит Царь-горох и бурчит в свои
штаны.

Кобелина Кабысдох
Вскинул лапу у стены...

Околоточный колдун возле паперти сидит.
В волосах его колтун –
Вошь оттудова глядит.

Зубоскальство наглоты, визги рыночной лузги...
И терновые шипы
Впились в царские мозги.

Ну а где же патриарх? Почему не босиком?
Сброшен колокол во прах...
И молчит... о ком? о ком?

7. ЕСЛИ МОЖЕШЬ – ПОЖАЛЕЙ

Чаша с алым молоком – гневом праведным
кипит.

Царь по снегу босиком
Помолиться ходит в скит.

Инок-ветер убежал в заозерные скиты –
В троеперстие зажал
Пыль священной нищеты.

В грязь летит листва-казна – собирай давай,
народ!

А в лесах голубизна
И повсюду недород.

Сквернословит ветер-Хам – в каждой глотке
он как свой.

Царь приходит – по грехам,
Как под горло – волчий вой.

Ветер Святости исчез из церквей-монастырей.
Быстро-быстро молит бес,
Чтобы рай пришел скорей.

Нетерпением объят: в октябре – опять весна!
И от красных дьяволят –
Площадь Красная – красна.

И боярыню – раз-два! – загоняют к свиньям
в клеть –

Золоченая листва
Стала в ужасе желтеть.

Всё с прелестницы – долой! Лишь на шее –
нитка слез.

И поганой Царь-Метлой
Гонят в баню на извоз,

Чтоб загар багамский смыл-отскоблил охочий
смерд,

Чтобы пес над ней завыл
И попятилася смерть...

Потому-то и визжал круг казацкий
над княжной...

Потому-то и разжал
Стенька руки над волной...

Потому что ради них – похотливых жен своих –
Бьют внезапно и под дых
И невинных, и родных!

Потому-то и на ней – драгоценная вина.
Если можешь – пожалей,
А заступников – не на...

8. ПОДКОПЫТНАЯ ТРАВА

По горящим теремам изгулялся Листобой.
Заглянул спяна и к нам,
Подмигнул и мне с тобой.

Только нам его слова, словно ветер из сумы –
Подкопытная трава –
Зеленеет до зимы...

Что ей взвихренная плетъ и опричник молодой?
Любит в травах замереть
Царский ветер-Листобой.

Поглядеть на монастырь, просто так,
издалека:

Ай, какая даль и ширь –
Да указа нет пока...

Мысль запрыгала – блохой, слово тянет
за язык.

А на нем кафтан глухой
Упирается в кадык.

А на нем кафтан расшит кровью царского
сынка.

А за пазухой шуршит
Золотая денежка!

Ты, опричник, меру знай, как листвою крушить
кабак.

Сам гляди и отличай
Волкодава от собак!

Ну а как не отличишь – сам тогда узнаешь, пес!
И до Пасхи провисишь
Меж скривившихся берез...

9. НА РУСИ ЦАРИТ БУЛАТ

Царским посохом пронзит царь свою живую
тень.

Он тоску-Москву казнит,
Он в Литву изгонит лень...

Червоточит у виска жилка грозного царя.
Он родимого сынка
Зрит при свете фонаря...

Чтобы тайно не желал по-хазарски кушать
плов...

Чтоб, картавясь, не жевал
Самоцветы русских слов.

Чтобы читил слова отца и свою родную речь...
А приятеля-тельца –
На копейки посечь!

Чтобы помнил сват и брат и заезжий молодец:
На Руси царит Булат,
А не Золото-Купец.

Золотая ржа ползет – обвивает меч-булат.
В паутине позолот
Пауком мерцает блат...

Потому и пьем – взахлеб! Потому и – гои еси!
Изыди, поганный род, –
Род Иуды на Руси.

Раскрутилось колесо всенародного греха...
Выползают на крыльцо
Патриаршьи потроха... –

77

Да и царские беречь – не по чести на Руси.
Пусть поглубже плужит меч –
И пощады не проси...

Мраз и мрак округ меня! И клыки-огарки свеч...
Я собака – Царь-Огня,
Чтоб измену рвать и жечь!

Чтобы скверну опалить, словно тушу кабана...
Чтоб Христа любить-молить
Стала подлая страна...

Чтоб череда кровавых плах возводила в небеса.
Чтобы вызрел Божий страх –
Как пресветлая роса...

Чтоб и после смерти знал, и в аду не смог
забыть:

Нет, не всё сумел-продал,
Нет, не всё измог купить...

Чтоб, запнувшись о порог, прохрипеть народу:
верь!

Чтоб остался только Бог,
Как спасительная дверь.

Чтобы взвыл я, нищ и гол, проклял мать
и отца.

Чтоб остался трон, как кол,
Поджидая наглеца!

10. ГОСУДАРЕВА ЗИМА

Лютовей листву сгребет – да народу в закрома.
Ай, крестись, идет-грядет
Государева зима!

И на царских волко-псов – тут как тут! –
искрится гроб –

Хищноглазых молодцов
Поджидает Царь-Сугроб...

Ярой пастью – в серебро – под копыта декабря.
Псуподхвостное добро –
Не доводит до добра.

Коль на всех один мороз – то на всех одна доха.
В голизне родных берез –
Лишь синичка без греха...

Оттого-то задарма – в поле меркнут
жемчуга...

Оттого-то смерть-зима –
Государю дорога.

Оттого и царь, как смерть, – перед смертью
все равны.

Ледяная людоверть
Закружила полстраны.

Перед чашей в алтаре Ирод-выродок возник.
И лютует во дворе
Чудо-юдо-броневик...

А видали мы царя – во гробу Уральских гор.
Ай, зазубрен не зазря,
Работающий Царь-Топор!

Оттого-то вилы – в бок, а калашников –
в ребро.

Вот и Александр Блок
Стал сотрудником УГРО...

Записал в блокнот стихи – точно вынес
приговор.

Скинул с плеч сугроб дохи
И вошел в метель-Собор!

Стал опричником чека – вихреносных звездных
сил.

Он в снегу нашел щенка
И за пазухой носил...

И оплакивал-жалел Таньку с Манькой и Ванька.
А буран, как ошалел
У царева кабака...

Государева пурга, государева выюга –
Ослепительно нага
И для друга, и врага!

11. ЧАША, ПОЛНАЯ ГРЕХА

Чаша, полная греха, посреди Москвы стоит,
А вокруг нее труха
Позолотою блестит.

Изумрудномудрый змей вокруг чаши обвился...
Черта рыжего смелей –
Нечисть выскочила вся:

Козловолки и купцы, свинокрысы и ворье,
Червеглазые скопцы,
И цепное воронье...

Жабобабa на метле вылетает из болот,
В мертвой нежится петле,
В микрофон Луны поет.

А вокруг – людоворот синим пламенем
горит –

Скачет-водит хоровод,
Каждый выпить норовит

Жгучей кровушки чужой, а затем пролить
свою –

Продырявленной душой
Просквозить в родном краю.

Ванька с Катькою летят за границу на такси.
А раздымчатых телят
Гонят в бойню – гой еси!

В чаше – рыба чешуя и кровавый перепляс.
Нынче очередь моя
Сокрушать иконостас!

Бровеносный махаон испорхался в пух и прах,
А грузинский фараон
До сих пор стоит в усах!

Раскрутилась карусель – не догнать –
не перегнать!

Бого-мать у нас – досель,
А отсель – Ядрена-мать!

Кто из чаши не хлебнул, кто у края не стоял?
А в душе – подземный гул,
А в стране – девятый вал!

Причащалась, как один, – вся гремучая страна.
Мы себя не пощадим –
Пей бездонную – до дна!

Чашу с кровью-молоком, как святыню, берегли –
Ало-черный окоем
У моей родной земли...

И двурогий кит-налим – извивается, как змей.
Луч любви занес над ним
Первозванный брат Андрей.

В чаше чудище живет – то плавник мелькнет,
то блик...

То из лона звездных вод
Прослезится Божий Лик...

Чаша, полная крови, – чаша, полная любви...
Ты яснее говори –
Не юродствуй и не ври.

Чаша – Божий океан, полный веры и любви...
Но дрожит в руке стакан
Человеческой крови.

12. НАС ДВЕНАДЦАТЬ, КАК ВСЕГДА

Ты среди зимы замри, но не замерзай, браток,
Ведь у каждого внутри
Реет райский ветерок.

Перед каждым, погляди, приоткрыта дверца
в рай.

Ну а кто там впереди? –
Сам смотри и разбирай...

Нас двенадцать, как всегда... Мы идем, ровняя
шаг.

Вифлеемская звезда
Нас ведет через овраг.

Пулеметом говоря, мы равняем всех подряд.
Расступаются моря,
Пропуская наш отряд.

Ну а кто там впереди, так невидимо знаком?
Так у маминой груди
Воздух пахнет молоком...

Одуванчики цветут, значит, скоро Рождество.
И волхвы дары несут,
Узнавая Божество.

Называют имя вслух... изумляется родня...
Тополиный млечный пух
Кружится окрест меня...

Но за вихрем снежных мух никого не увидеть.
То ли призрак, то ли дух
Просит двери закрывать...

На ресницах искры слез раздувает
Царь-Мороз.

«В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос».

Как апостолы, за ним, двинулись боевики –
Сквозь всемирный магазин
Распродажи и тоски...

Лижет щеки снегопад – превращается
в буран,

76 И проходят райский ад
Пролетарии всех стран.

И свое мученье делят, озираясь на врага.
Визгом красных дьяволят
Изголяется пурга.

На царевен посмотри: розовеют на снегах...
А безносые цари
Коченеют в жемчугах...

И грядет по-волчьи – в след – покаянный
царский полк,

И над ним клубится бред,
А за ним – алмазный долг...

И за ними – миллиард свой «Титаник»
накренил.

С айсбергом сыграть в бильярд
Выполз Ноев крокодил...

Перед ним луна-зеро плещется... давай,
плыви!

Призрак бродит по Евро...
Призрак бродит по крови...

Брат ты мне или не брат? Отвечай как на
духу.

Изумрудный миллиард
Тянет на себя доху...

И метелится метель, и буранится буран.
И уже дошли досель
Угнетатели всех стран.

А навстречу к ним ползут нищие из всех времен.
Это значит: Страшный Суд
До сих пор не отменен...

И свидетельством калек, и прозрением громил
К Высшей мере человек
Сам себя приговорил...

Я – апостол-боевик, я – за братство на Земле.
Вспыхнет жизнь моя, как блик,
В небоскребе на стекле...

И телец не устоит – разорвет его огонь.
А душа моя взлетит
Прямо Господу в ладонь.

Прямо в райские сады – верных! – взрывы
вознесут.

Ну а мы-то – в чьи ряды
Затесались? – мерзнем тут...

Лучше мерзнуть тут, чем там с Катькой
нежиться в котле.

Нам бы выпить по сто грамм
За свободу на Земле...

И за равенство, Ванек, я бы жизнь не пожалел.
Я бы всех, кто поперек,
Взял на массовый прицел!

Я – за тех, кто нищ и бос, кто за братство
жизнь отдал.

Ну, так это же Христос...
Ну, Петруха, ты сказал.

Говорят, что он за нас пострадал в тот
самый раз.

Потому-то Он и Спас...
Да не щурь ты правый глаз!

Кто там ходит – босиком с одуванчиком в руке?
Ты с Иисусом не знаком? –
С ним не выпьешь в кабаке...

С ним, Петруха, просто так, как со мной,
не посидишь.

Ну, давай, глотнем коньяк
И пальнем повыше крыш...

Слышь, из рожицы берез вновь завыл
голодный пес?

В белом венчике из роз –
Видишь, вон! – Иисус Христос!

Он действительно воскрес... посмотри,
живее нас.

Что ты вертишься, как бес?
Трешь ладошкой мутный глаз...

Мы с тобой идем стращать угнетателей
всех стран.

Он же требует прощать
Пьющих кровь из наших ран!

Нету сил идти за Ним! Выгибается душа...
Лучше грохну лимузин –
Ай, лимонка хороша!

Выбирай – не выбирай... А попятись назад:
Зазывает адский рай,
Призывает райский ад...

И сияет впереди в снежной радуге – Христос.
Ты давай в прицел гляди –
Он, и правда, – нищ и бос...

13. ЦЕЛЬСЯ ПРЯМО ВО ХРИСТА

В чернобылье наши дни – а Иисус идет босой.
И горят Его ступни
Термоядерной росой...

Вифлеемская звезда выплывает из берез.
Нас двенадцать, как всегда,
А Тринадцатый?.. – Христос!

Он – Тринадцатый... сумел наш предел
преодолеть.

Он прошел через расстрел,
Чтобы пулю пожалеть...

Ну, Ванюха, ты загнул: пулю-дуру – полюбить!
Чуешь, ветерок подул –
Пес безродный начал выть...

А Тринадцатый – Христос – продолжает нас
жалеть.

По алмазам наших слез
Босиком идет на смерть!

Он, как хлеб, себя раздал, кровь свою разлил
на всех.

Он невинно пострадал,
Чтобы обессилить грех...

Он вернулся, полный сил, с Чашею без берегов!
Он вернулся и простил
Завывающих врагов.

Чаша, полная Любви, посреди Руси стоит.
По коленушки в крови
К ней добраться предстоит...

И сияет изнутри, как тропинка, ветерок...
Ты внимательней смотри
И не дергай за курок...

Он, видать, из наших мест... и синичкам –
лучший друг.

А в прицеле – Божий крест
И сияние вокруг.

На колени, Ванька, встань... да с похмелья
не трясись.

Это прорубь Иордань –
Весь возьми и окупись.

Успокой крещеньем грудь, чтобы Катьку
не винить.

А винтовку не забудь
Верной пулей начинить.

И, как с чистого листа, в снег
Рождественский шагни.

Целься прямо во Христа.
Сквозь прицел душой взгляни.

А в прицеле – круг и крест... ветер в рожице
берез,

Воробьиный благовест
И бессмертие до слез...

А в прицеле – крест и круг... да икона-небо
склон,

Сердца заповедный стук
И Христос – со всех сторон.

Ты, Петруха, в сердце зри и глазами
не моргай.

Бог у каждого внутри,
А Земля – законный рай.

Всюду, братка, Божья власть – без поблажки
небольшой.

Лучше целься, чтоб попасть
Прямо в Господа душой!

26-28 сентября 2005 Журавли

апрель 2006 Кемерово

Поэт Александр Ибрагимов не нуждается в особом представлении. Автор хорошо известен и за пределами Кузбасса.

Однако не скроем, что в этот раз редколлегия была единодушна в неприятии новой поэмы, названной Александром Ибрагимовым (вслед за Борисом Шапиро, Дмитрием Быковым и десятком других менее оригинальных поэтов) – «Тринадцать». Явная перекличка и одновременно непонятный диспут с А. Блоком, автором поэмы «12». Вот некоторые мнения членов редколлегии:

– Собрание ярких ярлыков, не составляющее единую картину...

– По-моему, это просто поэтическая тренировка...

– Загромождено гротесками и «лютостями»...

– Последняя строка: «Лучше целься, чтоб попасть прямо в Господа душой», а почему не «к Господу»?..

– В чем смысл названия? Что хотел сказать поэт?..

По нашим правилам, мнение редакции может и не совпадать с мнением автора. Поэтому мы решили опубликовать, на наш взгляд спорное, произведение известного поэта.

Редколлегия.

**Ольга
СОФЬИНА**

ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО...

Рассказ

С недавних пор, мне не даёт покоя одна история. Не услышанная мною, а увиденная на стыке разных миров, тем, кто не верит в их существование – в границах моего мятущегося разума.

Я был в отпуске. Так, кажется, называется состояние, когда мысли сутками не поглощены проблемами, изнуряющей работой, спорами с самим собой и другими людьми. Я «отпускаю» себя в иной мир. Современному деловому человеку сделать это очень сложно. После выматывающего трудового дня, когда все остальные желания, кроме как лечь и лежать, покинули тело, это уже не лень, а усталость. И часто возникает мысль, что жизнь очень коротка и протекает преимущественно в отпуске. Особенно это заметно в нашем северном полушарии.

Мой отпуск случился вдруг как в далёкой юности, в преддверии новой и какой-то большой жизни. Хотелось немного: цветущего луга, небольшой реки, которая непременно должна изгибаться, а на её высоком берегу, подставив окна солнцу, должен стоять бревенчатый дом, за домом яблоневый сад, и колодец во дворе...Ничего не напоминает? Разве не так описывались дачные места и местечки нашей среднерусской полосы, места обетованные художников-передвижников, русских писателей? Да. У меня широкий размах в моих мечтах, ну так и что? Откуда мне всё это привиделось, теперь и не вспомню. Один хороший приятель показал мне

фотографию деревни, где раньше жили его старики. И я сразу узнал это место. Это оно. То самое.

Многие мечтают о единственном месте на земле, где человек раньше был счастлив, что даёт им силы, успокаивает мятущуюся душу. Порой, возвращаясь в такие места, они испытывают грусть и разочарование. Мысль об идеалистическом отдыхе в деревне не была ни нова, ни свежа, но она запала мне в душу, и несколько дней я только этим и жил. Мерещилось мне, как буду я наслаждаться звенящей тишиной и, открыв окно, выглядывать из деревянного домика в сад, вид на реку будет ещё лучше, и побегут тогда мои мысли по бумаге... Ну, это я увлёкся. Конечно, в домике должно быть проведено электричество, иначе, куда я подключу ноутбук? Но всё остальное: солнце, утро, пение птиц и запах кофе, и прочее – должно быть настоящим.

В ясный солнечный день я совершил большую глупость, уступил своему желанию и отправился в эту глухомань поработать над книгой. Пыльный домик стоял на обочине. Нет. Неправда. Даже обочины не было. Луг, за ним полоса берёз на берегу реки, кусты, кусты и где-то среди них спрятался домик. Стоял он в стороне от других: лавочка, много травы. Как-то всё запущено. Зато ледяная вода из скважины, и когда распахнул окно, то вид был замечательный, казался близким и родным. Где-то там, внизу за кустарниками, пряталась река. За рекой, на крутом

79

СОФЬИНА Ольга Викторовна родилась 31 октября 1963 года в г. Кемерово. В 1986 году окончила биологический факультет, а в 1995 году юридический факультет Кемеровского государственного университета. С 1989 года по 2007 год проходила службу в органах МВД, подполковник милиции в отставке. Живёт в Кемерово.

склоне, располагалась соседняя деревня, не близко и не далеко. Так что не слышно голосов, не видно людей. Пришлось повозиться, налаживая быт. Но электричество было, хотя интернет и не подключался. Вот и всё. Сбылась мечта. Завтра поутру переделаю кучу дел.

Ни утро, ни полдень не принесли мне той ожидаемой радости творчества. Белый лист бумаги оставался белым, электронный лист так же не покрывался заветными знаками. Вот и «приплыл». Вдохновение, ау! Всё, за что ни принимался, не нравилось, не удавалось. Всё не то, и всё не так. Не придумал ничего лучше, как пройти по округе.

Луг жил своей жизнью. И никого вокруг. Счастье. Я опустил на траву, скинул обувь и, вспоминая какой-то смешной детский мультфильм про художника, с удовольствием растянулся на ней. Жужжание, пчёл, гул шмеля. Вот думаю, сколько так я выдержу? Ведь в реальности поваляться в траве – это на любителя. Обязательно найдётся какой-нибудь жук-жучок, муравей-странник, что захотят погулять вдоль и поперёк по моему неподвижному телу. А тишина? Настоящая, звенящая? Даже на лугу слишком много тишины для городского человека.

Подремать не получилось. Я не торопясь сел и увидел где-то вдали картину, которой просто не могло быть. Нигде, никогда, ни с кем. Метрах в двухстах от меня, медленно, по спирали вверх, легко перебирая ногами по воздуху и слегка кружась, разведя руки в стороны, парила женщина. Нет, она не бежала, не шла по воздуху, она как-то возносилась вверх, не прикладывая к этому никаких усилий. Что сейчас надо сделать? Ущипнуть себя, закричать? Вскочить и побежать поближе к тому месту? Господи! Торнадо? Здесь? У нас? Этого не может быть!!! Но никаких предметов больше не летало. А женщина всё поднималась выше и выше. Этого просто не может быть. Не может быть. Мне стало нехорошо. Разумного объяснения нет. Женщина напоминала искусную пловчиху, парящую в толще воды: та же неторопливость, уверенность в движениях. Почему я не побежал и не стал размахивать руками? Просто действительно не верил своим глазам, от напряжения они стали слезиться. Это кошмар, это сигнал о болезни, галлюцинация. И я затаился в траве.

Через некоторое время женщина стала спускаться. Ниже. Ниже, вот она уже идёт по лугу в сторону деревни. Я же, стараясь не привлекать

её внимания, пошел следом, держа дистанцию. Через некоторое время, побродивши вдоль улицы и пообщавшись в хлебной лавке, выяснил, что женщина из города, зовут её... Неужели так теперь важно, как её звали тогда? Пусть она будет Ладой, Ладушкой. Гуляет, собирает травы, отдыхает...

Это в кинофильме можно отмотать плёнку назад, оживить умершего, увидеть будущее, жить в параллельных мирах за гранью разума. А где эти грани? Ясно было одно. Это не моя книга, не роман, Это сама жизнь поделена надвое, до и после. Успокоиться, остановиться и всё хорошенько обдумать. Все последние дни я только и был тем занят, что анализировал то, чего не было, то во что не верил разум. Не удивляют же нас птицы, самолёты, те явления, которым человек давно получил объяснение. Упросив соседа одолжить мне лодку, я стал часами просиживать на реке, изображая ловлю рыбы или запись путевых заметок натуралиста. Удочки, бинокль, блокнот с ручкой стали моими верными спутниками. Объявив соседу, что пишу книгу, я получил свободу действий. Место на реке было стратегически выгодным, я видел её окна, иногда она выходила во двор, спускалась на берег. Я кивал ей приветливо, она издали улыбалась, загорала на полотенце или читала. Неторопливая и погруженная в себя. Я всё не мог придумать повод с ней заговорить. И что можно было сказать? Вы умеете летать? Обычно люди сторонятся странных вопросов, если не сказать боятся. Здесь ответ страшнее вопроса. Да, честно сказать, я и сам себе казался странным и болезненным в то лето. Издали я рассматривал дом, в котором она жила, украдкой глядел на неё. Я боялся и ожидал чуда. Вот слово и нашлось. Всё увиденное было чудом. Постепенно я увлёкся ловлей рыбы, и у меня даже появился товарищ: рыжий полосатый, немного вислоухий котяра, который приболудился ко мне. Нет, не так. Это он выбрал меня в товарищи, оценил способность к добычанию рыбы и частенько скрашивал моё одиночество. Сначала он поджидал меня на берегу, потом стал наведываться в дом. По вечерам, сытые и довольные жизнью, мы сидели с ним рядом на кособоге и любовались закатом. Кот сидел строгой пирамидкой, слегка раскачиваясь, иногда он начинал учащённо дышать, иногда замирал, вглядываясь вдаль. Медитировал?! Мы смотрели вместе в одну сторону, и я думал, интересно, он видит то же самое, что мерещится

мне? А вот что он думает? Мечтает или наслаждается ещё одним замечательно прожитым днём?

Несколько раз я провожал Ладу на луг, держась вдалеке. Так мне казалось. Волнение моё прошло, волна равнодушия усыпляла мой разум, придя на место нездоровому возбуждению. Я посчитал нужным принять виденное мной за болезненный сон.

Вечер был чудесный. Мы с котом затеяли ужин во дворе. Небольшой костёр давал свет и прекрасное ощущение беззаботного детства. Рядом – молчаливый приятель, который всем своим видом заранее одобрял мои действия в выборе и способе готовки мяса. Аккуратно переступая с лапки на лапку, он сел как можно выше, на скамейку, вытянул шею и замер, вдыхая чудесный теплый вечер, пропитанный запахом жарившегося мяса. Одному устраивать себе пикник не хотелось, а вот вдвоём с другом – да за милую душу. Всё больше темнело. На противоположной стороне реки, на холме, в домах стали зажигать свет. И вдруг всё встало в моей книге на свои места. Я понял неудачу сюжетной линии и как справиться с этой проблемой. Прекрасный пейзаж, общество хвостатого друга, мясо, вино...

Захотелось прогуляться. Прикрыв калитку, я не торопясь пошёл вниз, к реке. Добрый славный месяц, герой многочисленных сказок, на глазах становится ненастоящим, вульгарным, каким-то ненатурально оранжевым. Вытоптанная глиняная дорожка кое-где белела, и идти было легко. Я не успел достигнуть берега, как заметил невысоко над водой движение воздуха, тёмное пятно то пропадало на фоне почти чёрного неба, то проявлялось. Я знал, что увижу. Никаких лунных дорожек и «бегущих по волнам». Всё то же медленное и уверенное движение. Слегка перебирая ногами, вполоборота кружась, двигалась она. С левого берега на правый. Я присел в стороне, в траву, неподалёку от тропинки. Через несколько секунд она поравнялась со мной.

– Добрый вечер! – сказал я негромко, чтобы не спугнуть. И всё же она вздрогнула. Я быстро встал и назвал её по имени:

– Лада! Вот гуляю. Вечер прекрасный. Только уже очень темно. Вы как дорогу видите?

Она засмеялась и успокоилась, узнав меня:

– Еще не темно.

– А у меня есть пара фонарей, может, пригодятся. Я взял на руки кота, и он сверкнул не-

довольно горящими глазами, стал вырываться из моих рук. Прости друг, что нарушил дистанцию. Мы пошли неторопливо вверх. Беседа была ни о чём. Я всё не решался задать ей этот несуразный вопрос: «Вы умеете летать? Как Вы это делаете?». На моё предложение прогуляться завтра по лугу она ответила отказом.

Через день поутру она постучала в мою дверь очень аккуратно, но настойчиво... Семь утра...

– У меня компьютер полетел, а с друзьями такая интересная беседа была, да вот сорвалось... Можете переустановить программу? У Вас ловит? Интернет? Я так понимаю, она не придерживалась условностей. Разбудить в такую рань по своим проблемам, а что скажут соседи, видя нас вдвоём так рано? Я всё же собрался, побрился и, захватив диски, поспешил к ней. Через некоторое время её проблемы были решены. За это я был вознаграждён завтраком в виде омлета и кофе. Кофе варила она невкусный. Книжки, книжки... Гессе, записки Стинга, мольбертик (как то язык не повернулся назвать его мольбертом), краски...

– Вы пишете? – спросил я её?

– Нет, – она улыбнулась, – рисую. Написание таланта маловато.

– А можно посмотреть? – попросил я.

Она кивнула головой и показала картину. Там было море, солнце и двое, парящие со сцепленными руками в небе. Тот же поворот головы, изгиб тела... Мужчина и женщина, лёгкие струящиеся плащи, руки, как крылья. Я просто смотрел ей в глаза. Трудно описать их цвет, какие-то жёлто-зелёные, а ободок тёмно-синего цвета. Таких глаз не бывает. Но восходящее солнце светило ей прямо в лицо, и я чётко видел их.

– Такое бывает? – спросил я, и повёл рукой в сторону картины?

– Возможно, – сказала она и улыбнулась замечательной, солнечной улыбкой. – Что такое возможность? Это реальность для некоторых.

– Избранных? – не удержался я от вопроса.

Она опять качнула головой:

– Нет. Это возможность, которую все не могут использовать: не могут, не умеют, не хотят. А избранность – в этом есть что-то навязанное и от чего невозможно уклониться.

– В это я совершенно не могу верить, – я продолжал упорствовать.

– Почему?

– Почему люди не летают как птицы? – вот я даже что-то из классики вспомнил.

– Почему не можете верить? – она казалась невозмутимой.

– Потому что никому это не удавалось, – я лукавил и, думаю, она стала догадываться, что я кое-что видел.

– Неправда. Самолёты, парашюты, дельтапланы... Сто лет назад на полёты продавали билеты, как на спектакль. А теперь никого не удивляют даже полёты в космос. Так что изменилось? Наш мир или наше отношение к нему?

– Вы хотите сказать, что в принципе, каждый может летать. Вот так просто, раскинув руки?

– Конечно может. Правда не просто, а следуя движениям своего тела, души. Я слышала, есть люди, в принципе не умеющие плавать, не способные научиться. И проблема их не в теле, а в их сознании. Их разум мешает им плавать. Так и с полётами, – она была спокойна и, я бы даже сказал, отстранена от эмоций.

– Вы можете это показать?

Она улыбнулась:

– Зачем? Вы мне не верите.

– Верю, – я помолчал. Она не продолжала беседу.

– Я видел Вас.

Молчание было в ответ.

– Не хочется лгать. И слышать ложь в ответ.

Она смотрела на меня очень печально:

– Давайте не будем продолжать эту тему.

– Почему?

– Странности нашего бытия не делают нас счастливее. Извините. Вам пора. И она выпроводила меня.

Стояло замечательное лето. Тёплое, солнечное, ягодно-запашистое. Говорили, что там за рекой, немного вниз по течению, есть отличные земляничные поляны. Почему бы не посмотреть на них? Не успел я подумать, как она пришла и предложила поездку за ягодой. Я сел на вёсла, и мы, не торопясь, двинулись в путь. У неё в руках была корзинка с едой, ведро для сбора ягод. Интересно, зачем я ей? Не хотела привлекать внимание или с грузом девушка не летает? Почему – то представил её с метлой. Вот таких красавиц и сжигали на кострах инквизиции. Стоп. Значит, правда. Раньше было «таких» много? Что изменилось? Удивительная женщина.

– О чём задумались? – поинтересовалась она.

– Да вот пишу книгу. Когда начинал, искал приёмы, стили – я ведь дилетант. После выпуска первой очень боялся, что не смогу написать ни строчки, всё размышлял, найду ли своего читателя. Вы вот как в детстве книги выбирали? По сюжету? А я открою, пролистаю, если диалогов много – беру.

– Дааа...

Это протянутое «да» было для неё таким далёким воспоминанием.

– А что изменилось сейчас? – уточнила она у меня.

– Вы меня как читателя спрашиваете или писателя? – я усмехнулся.

– Мне кажется, это одно и то же. Как Вы можете писать то, что не принимаете? Или Вы хотите сказать, что любите одно, а делаете Вы совсем другое?

– Большинство зарабатывает деньги там, где может. Вот и я зарабатываю.

– И люди читают то, чем Вы зарабатываете на жизнь? – она продолжала всё сильнее нажимать на меня,

– Я не претендую на гениальность. Вот Вы сейчас так осуждающе на меня посмотрели. А Бах? Он – зарабатывал или творил? Вы! Хотя одну мою книгу читали?

– А как Ваша фамилия?

Я назвал.

– Нет. Не читала. А о чём Вы пишете?

– Я пишу криминальные романы.

Вот и всё. В её глазах я упал.

– Ну, не всем же заниматься философией, эзотерикой.

– Не всем, – помолчала она, – избранным. Вы угнетены тем, что понимаете свою заурядность.

Это было уже слишком.

– Заурядность. Заурядности популярными писателями не становятся.

– Вы не добавили «в известных кругах»? Ведь я Вас не знаю.

В ней была большая светлая гениальность, которая позволяла считать главным то, что думала она, а не кто-то ей чуждый. И никакого желания почитать мои произведения она не высказала. Женщина может оттолкнуть одним своим безразличием.

– А Вы знаете, что Достоевский писал свои произведения по принципу бульварного романа, поэтому он так понятен во всём мире, – спросил я у неё.

– Нда. Достоевский.

Мне очень хотелось уйти от этой темы. Я ведь пишу чтиво. То, что вы берёте с собой в дорогу и убиваете время. Сейчас 21 век. Нет времени на смакование слов, мыслей, чувств. Моя работа приносит мне неплохой доход.

Мы уже были на середине реки. Я молчал.

– Расскажите, как Вы начали писать? – сделала она шаг к примирению.

– Я не помню часа или дня, когда я начал писать. Это была возможность отвлечься от нелюбимой работы. Да-да. Я юрист. Заурядный. Много лет проводил большую часть времени или в суде, или изоляторе временного содержания, было ощущение, что я сам всё время нахожусь в изоляции от мира. И моя профессия стала мне нравиться всё меньше и меньше. В нашем деле приветствуется такой здоровый пофигизм: закрыл за собой дверь и всё забыл. А я не мог забывать. Стал записывать всё на бумаге, так и появилась первая книга.

– А Вам никогда не хотелось написать что-либо в другом жанре?

– Хотелось. Именно этот материал и лежит недоработанный.

– А что пишете сейчас? Или заранее нельзя спрашивать?

– Я пишу о женщине, которой не было.

– Ну, хоть намекните сюжет.

– Хорошо. – Её заинтересованность подкупила меня:

– В больницу попал мужчина с черепно-мозговой травмой. Когда пришёл в себя стал спрашивать о жене, о гражданской жене. Она всё не приходила и не приходила. Родные уверяли, что и жены у него никакой не было. Да и никакой постоянной женщины они рядом с ним не видели. А больной всё рассказывал и рассказывал о ней, мельчайшие подробности.

– А что с ней случилось? – сейчас Лада смотрела на меня как ребёнок, ожидающий продолжения сказки.

– А Вы верите, что она была? – Мне не захотелось разочаровывать её, и я тянул время.

– Конечно.

– Почему?

– Когда уходит память, остаётся вера.

– Вера. Ну, а Вы?

– Что – я?

– Когда Вы поняли, что умеете двигаться не как все, – я умышленно не назвал этого слова, – летать.

– Мне много лет снится один и тот же сон, – произнося слова Лада смотрела куда-то вдаль, – как я лечу, а потом падаю, падаю резко вниз и ударяюсь о землю. Это было так реально, что я просыпалась и не могла заснуть. Я вздрагивала от удара о землю, тело болело. В детстве, как большинству девочек, мне так хотелось заниматься балетом. Но не удалось. В большом промышленном городе не было ни одной балетной студии. Так мечта и осталась мечтой. В старших классах, на каникулы меня отправили к родственникам на Чёрное море. С одной стороны город располагался на высоком каменистом берегу, а другая половина города спускалась вниз к тихой бухте и песчаным пляжам. В один из вечеров был удивительный закат. Всё небо было заполнено облаками и облачками. Они громоздились друг на друга, формируя воздушные горы, утёсы, небесные заводы. Они были желтыми, зелёными, темно-синими, почти чёрными. Пейзаж, раскинувшийся с высокого берега на море, был сказочно предсказуем. Похожие картины выступали фоном на работах Леонардо да Винчи. Никогда в жизни мне больше не довелось увидеть такой великолепной картины. Нереальность стала реальностью. Мне так захотелось окунуться в это море, и я быстро-быстро стала сбегать вниз по вырубленной в скале тропинке. Где-то на середине пути я подвернула ногу и, чтобы удержать равновесие и не свалиться в море, я резко развернулась, взмахнув руками, и как-то потянула в сторону спину – моё падение приостановилось. Я начала двигаться невысоко над тропинкой и так же легко опустилась вниз. Сделав несколько шагов по тропке и не веря себе, я опять приняла эту позу и уже смелее толкнула своё тело вверх. И вновь всё получилось. Остаток пути я пролетела, не касаясь земли ногами. Это было такой неправдой, что я не могла уснуть всю ночь. Мне и хотелось, и страшно было в это верить. Я научилась «ходить» – не как все.

– Вы... это можете всегда? – Это всё что я смог тогда сказать.

– Да.

Такое короткое простое слово.

– В любом пространстве?

Зачем я это у неё спрашивал, сам не знаю.

– Да. В воздушном... Чем выше, тем труднее дышать.

– Так не бывает. А земное притяжение?

Она смеялась. Просто и звонко.

– Я плохо знаю физику.

Мы пристали к берегу и углубились в березняк. Она с удовольствием собирала землянику. Я пристроился на траве и стал писать.

– А в воздухе Вы можете перекувыркнуться?

– Это может каждый. – Она притворялась непонимающей.

Я перестал писать и стал внимательно наблюдать за её движениями.

– Это также, как в плавании. Просто тело входит в воздух, как в толщу воды и так движется. Некоторые не могут научиться плавать, нырять в глубину. А дело оказывается в первом нырке, когда ты просто подныриваешь под воду, как под одеяло. Эта удивительная женщина не умела объяснять движения словами...

Она исчезла в одну из ночей. Я как городской житель сплю плохо, с закрытыми окнами, прячусь от гнуса. Утром она не пришла. Я собрался на реку. Её не было видно. Зашёл в хлебную лавку, надеясь встретить её там. Женщины возбуждённо обсуждали последние новости. Искоса взглянули на меня и умолкли. Я вышел на улицу. Какая-то пожилая женщина, попавшаяся мне навстречу, жадно оглядела меня и ещё долго буравила мне взглядом спину. Недоумение. Вот, пожалуй, то чувство, которое я испытал. Становилось всё жарче, и я поспешил к реке. Там было пустынно. Сел в лодку и уплыл на остров. Там замечательный песчаный берег, удобный подход для купания. С одной стороны острова есть брод, где несильное течение. В будний день там никого не бывает, и так здорово мне там пишется. Сюжет всё закручивался и закручивался. Я поздно вернулся домой. Ни записки, ни даже намёка, что она была. Только занялся нехитрым ужином, как на пороге возник неожиданный гость. Он представился и попросил разрешения войти. Я сначала подумал, что он просит автограф. Но нет. У него было иное дело. Вопросы. Он хотел задать мне несколько вопросов:

– Вы знаете, что произошло сегодня ночью?

– Нет.

– И ничего не слышали?

– Нет. Я утром уплыл на остров и пробыл там до вечера. Работал.

Милиционер удивленно приподнял брови.

– Я писатель. Пишу новую книгу, – неужели он меня не узнал?

– А как Ваша фамилия?

Я назвался.

Он немного растерялся и стал бесцеремонно разглядывать меня. Огляделся в комнате, попросил предъявить документы. В его тоне появилась заинтересованность.

– Я читал ваше «Логово зверя» и «Ни за что не скажу».

– И?

– Понравилось. А Вы в милиции работали?

– Нет. Адвокатом.

– Ааа... протянул он так долго и разочарованно. У милиции к адвокатам давняя и особая нелюбовь.

Мне не терпелось узнать цель его визита.

– Сегодня ночью женщину убили.

– Какую?

– Ладугу Дмитриевну.

Моё лицо выдало меня мгновенно.

– Вы её знали?

– Да. Немного.

– Как давно?

– Мы познакомились здесь на отдыхе. Она писала этюды, а я книгу. Иногда вместе катались на лодке, отдыхали. Вот собственно и всё.

Эта ужасная новость была совершенно нереальной. Этого просто не могло быть. Заметив моё потрясение, участковый продолжал.

– Вы были с ней близки?

– Что? Нет!

– Нет? А в деревне судачат, что Вы глаз с неё не сводили, следили за домом, на реке крутились рядом. Да и она утрами от Вас выходила.

Я отрицал всё. Даже очевидные факты.

– Это ложь! Мы едва знакомы. Я всё оттягивал и оттягивал вопрос.

– А что с ней случилось?

– В неё стреляли.

– Что?! Это невозможно!

– Почему?

– Ну, в силу специфики моей работы я знаю, что большинство убийств это банальная бытовуха. А она снимала дом одна. Я даже не знаю, была ли у неё семья.

– Муж? Да, и муж, и дети были.

– Кто её?

– Один из дачников, выпалил из охотничьего ружья крупной дробью.

– Не может быть!

– Вот и мы пытаемся понять. Все кругом говорят, что она тихая была, спокойная, всё картинки рисовала, да книжки читала. Как она оказалась ночью на краю посёлка – непонятно.

– А что убийца говорит?

– Да с ним вообще всё сложно. Пьян, конечно, был. Задержали мы его, да толку мало. Говорит, что стрелял вверх в большую птицу, поверх кустов. А следы от выстрела у неё точно в грудь, с небольшого расстояния. Там её и нашли за оградой. Что она там ночью делала?

– Она долго жила?

– Нет. Ничего пояснить не успела, – милиционер был невозмутим.

– А муж? Как его нашли?

Участковый внимательно посмотрел на меня.

– По сотовому. Он первый в списке стоял.

– Что? Он что говорит?

– Вы сейчас как профессионал интересуетесь или с частной точки зрения?

– С обеих.

– Муж потрясён. Но вот сказать, что убит горем – не скажу. Вот и Вам сюжет для новой книги. Верно?

– Да. Спасибо.

– Ну, может всё же есть у Вас какие-нибудь версии. Что она там делала? Вы ведь с ней последние дни часто общались?

– Думаю, что она гуляла. Она была умным, талантливым человеком, но очень романтичным. Любила природу, обожала прогулки, особенно нравилось ей гулять у реки, наблюдать закат солнца. Она ведь много рисовала.

– Да. Я видел её наброски. Странные картины.

– Это фэнтези.

– Думаю, что человек, который в неё стрелял, живёт в каком-нибудь домике на окраине.

– Да, Вы правы. Крайний дом от реки.

– Это ужасная случайность. Трагическая. – Больше мне нечего было сказать представителю власти.

В следующий раз я приехал в деревню поздней осенью. Так и не могу определиться, поздняя осень – это время года или состояние души? Какой-то большой обман природы: ведь солнце ещё ярко светит, такое приветливое и теплое, и в тоже время пустота. Пустота на этих широких речных просторах. На берегу желтая, пожухлая трава. Кое-где стоят редкие полевые цветы: ромашки, несколько тысячелистников. Что-то было не так на этом пустынном берегу. Запахи. От реки не пахло ничем. Ни запаха травы, ни тины. Где тот такой щемящий запах лета? Его не было. Стало не по себе. Спокойно. Всё хорошо. Это временная остановка природы. Нет. Не остановка, лёгкое затишье, засыпание. Мне плохо работало. Может быть, это осень на меня так влия-

ла? Ушло вдохновение. Глупость какая. Много лет подряд «вдохновение» начиналось одинаково. В будние дни с обеда до вечера, и улетучивалось на праздники. Я приехал туда, где оставалась память о ней, о той, которой не было. Больше не было.

Мне так хотелось найти что-то осязаемое, что со временем не потускнеет и не исчезнет за громадой дней, что позволит помнить об этой встрече до малейших деталей: как она смотрела, поворачивала голову, как взмахивала руками, расправляла плечи и парила, парила, просто парила над землёй, не замечая её тяготения. Так уж мы устроены. Нам мало знать, нам надо прикасаться всем телом: ладонями, глазами, душой... А у меня не осталось ничего. Потихоньку разговоры все стихли, а мне хотелось узнать больше. Ещё раз коснуться так мало изведанного мной. Я понимал, что она ничего не оставила мне. Просто не успела. Я так надеюсь. Мне не хотелось думать, что я даже не стал эпизодом в жизни этой удивительной женщины. Прикоснуться.

Я заглянул к участковому. Тот встретил меня доброжелательно.

– Хорошо, что заглянули. Я вот Вам хотел передать. Тут хозяйка в доме нашла какие-то листы. К делу они отношения не имеют, а вот Вам, наверное, будет интересно.

И он протянул мне сложенные вчетверо листы бумаги. Я посмотрел на него. Он был растерян. Значит, он прочитал? Я развернул листы. Вверху было написано название «Эссе о счастье». Я быстро попрощался и вышел на улицу. Неподалеку сел под дерево и стал читать.

«Мы столько говорим о счастье. Жаждем этого сказочного чувства, проводим исследования, подсчитываем: кто, сколько, когда испытывал эти волшебные минуты блаженства. И кажется, что это просто и сложно одновременно. Как Мефистофель, поджидающий сокровенные слова: «Остановись мгновенье! Ты прекрасно!» Но ведь говорим и ловим эти солнечные лучи счастья! Именно солнечные. Так как, когда ты счастлив, это чувство, как мощный прожектор, рассеивает сумрак, и человек светится изнутри, так певучий звучит светлячок, «цицинателя» по-грузински). Пока человек греется в лучах этого света, он особенно добр и внимателен к людям и творит, творит, не опуская рук. Как научиться жить и ловить эти счастливые мгновения? Да, мгновения. Именно здесь и сейчас я счастлив.

Эти цветы, запахи, краски, близость дорогих и любимых людей. Даже когда они ворчат или ссорятся, и при этом они не теряют главное: любовь друг к другу. Так счастливы маленькие дети, которые весело болтают ногами, сидя на завалинке и распевая во все горло песню «О лете, солнце, улыбках...». Вот он, крик души, вот эта радость бытия. Когда можно петь хором: «Я на солнышке лежу, я на солнышко гляжу...» И твоя мятущаяся душа успокаивается...»

Глядя на эти листы, я ощутил, что всё встало на свои места. Всё будет хорошо! Мне показалось, что я чувствую за спиной её присутствие, как тогда на земляничной поляне, когда она встала за моей спиной, крепко прижалась и своим телом показывала движения, которые должны научить меня летать: «Спину прямо, расправь плечи, толчок, вперёд и парить, парить над землёй...она поможет тебе, если правильно двигаться. Ну, смелее! Это же так просто. Как жить, дышать!»

Я вернулся домой и долго работал. Строчка ложилась за строчкой легко и свободно. Так, как будто она стояла за моей спиной. Работа над повестью «О женщине, которой не было» шла на

едином дыхании. Я больше не боялся чистого листа. И мысли летели, летели так, что рука не успевала их записывать.

На следующее лето я снял виллу – большой старый белоснежный деревянный дом на песчаном побережье Средиземного моря. Почему-то именно там я чувствовал себя волшебным. Неподалёку дети играли в песках: песчаные замки, ракушки. Приблудившийся пёс пытался доставать из моря брошенные камни. И эта мирная картина за окном, только усиливала моё состояние счастья. Работалось мне замечательно. По утрам я плавал в тёплом пустынном море, а вечерами, растянувшись в шезлонге, смотрел на небо. Шум моря, звёзды и мигающие фонари пролетающих где-то высоко-высоко самолётов. Так высоко, что шум моря перебивал их гул. Я понимал: я счастлив, потому что умею «летать». Стоит мне взять ручку в руку и развернуть лист бумаги, как за моей спиной раскрываются упругие крылья счастья, и я буду писать, парить и приносить радость тем, кто будет читать мои произведения. Спасибо ей, женщине, которая была, и которой не было, той, что научила меня летать!

**Игорь
МАЛЫШЕВ**

**ЭТО ЖИЗНЬ
ЗАМИРАЕТ ВО МНЕ**

У ЦЕРКВИ

*Вот и крещенские морозы!
Берут, родимые, своё –
Так, что на скулах стынут слёзы,
И липнет к трубам вороньё.*

*У церкви пусто. Холод лютый
Прогнал людишек от ворот.
Лишь служба, временем согнутый,
Стучит лопатою об лёд.*

*До самых глаз натянут ворот,
Под ним морщинами – года.
А ведь когда-то был онолод,
Теперь припомнить бы – когда?*

*Летят прозрачные осколки
Из-под калёного штыка
И звонко падают под ёлки
На глыбы мёрзлого песка.*

*В них отраженьем бесноватым
Былое видится, как сон –
Уж как же грешен был когда-то
Седой монах Иппарион.*

ТИХИЙ ДОН

*Помутился Дон от крови,
Затвердела костью степь.
На потерянной подкове
Не видна бывшая крепь.*

*С Дону тянуться подводы
От утра и до утра.
Всё мутней и гуще воды,
Всё пустынной хутора.*

*Друг на друга, брат на брата –
Лихоманит Тихий Дон.
Без покойника — не хата,
Без рыдания — не стон.*

*В той дремучей круговерти
Много сгнуло зазря –
Кто за землю и Советы,
Кто за веру и царя.*

*Вороньё кружит над полем,
Ищет ношу по себе...
От лихой казачьей воли –
Только шрамы на судьбе.*

87

МАЛЫШЕВ Игорь Владимирович родился в 1970 году на Украине, в городе Кировограде, в семье военнослужащего. Последней из многочисленных школ стала школа в городе Виттшток (ГДР).

В 1994 году с красным дипломом закончил Орловский техникум железнодорожного транспорта.

Позднее получил высшее образование по специальности «Финансы и кредит». На сегодняшний день является директором Орловского филиала ООО «Рэйл Про» – предприятия, занимающегося организацией железнодорожных перевозок и транспортной логистикой. Печатался в «Орловском вестнике», «Орловской правде». Занял первое место в конкурсе «Хрустальный родник – 2013». Готовит к печати первую книгу стихотворений. Живёт в Орле.

НЕ СРОК

Скользнул обмылок по руке
И – на дощатый пол.
Жизнь задержалась в старике,
Сухом, как богомол.

Не жаль непрожитых годин
И прожитых не жаль.
Среди нечёсанных седин
Припряталась печаль:

Ведь помирать старик решил,
Да тут, как на беду,
Берёзы много насушил
Он в нынешнем году.

Да что берёза – мёд стоит!
Пожалуй, фляги три...
А внук Андрюшка, паразит,
Не едет, посмотри...

И дров для бани навозил –
Свалили у крыльца,
Прибрать на место нету сил
Без внука-подлеца.

Жердей ореховых пяток
Лежит на чердаке:
«Для косовища – самый толк!» –
Засело в старике...

Лежит обмылок на полу.
Старик кряхтит в кулак:
Ещё, пожалуй, поживу.
А то иначе – как?

НЕ ПРИШЛАСЬ...

– Осподи, осподи, – шепчет старуха,
Потчужа гневом бесстыжую дочь, –
Ночь на дворе, а она, потаскуха,
Шастает где-то... И ночь ей не в ночь...

Девушка прячет лицо в полушалке,
Русые косы спадают на грудь.
Ей не себя, горемычную, жалко –
И без людей проживёт как-нибудь.

Жаль ей любви, расплескавшейся мимо –
Павшую наземь уже не собрать.
Думалось, это случится красиво,
А получилось, как прочила мать...

Месяц струился слабеющим светом
В окна последней по счёту избы.
Старость и юность всё ищут ответа
У скуповатой на жалость судьбы.

В СТАРОМ ТРАМВАЕ

Старые москвички в стареньком трамвае
О своём, о бабьем, тянут разговор:
– Дочь вчера звонила...
– Ишь, не забывает. Где она?
– В Тюмени.
– Что ты! До сих пор?!
– Да, уже лет десять. Говорит, неплохо.
Вкалывает, правда, до ночи с утра.
– А мои – в Самаре. Тоже – слава Богу.
Не Тюмень, конечно, но и не дыра...

Помолчали. Тряско в стареньком трамвае.
Взвизгнула сирена где-то в стороне.
– Ты скажи мне, Соня, я не понимаю,
Что там обещает Прохоров стране?
– Сашенька, ну что он может дать
народу?

Всё, что сохранили, разметелит в прах.
Посмотри на эту новую породу –
Где ты видишь совесть? Он же олигарх...

– Да, совсем забыла: заходила Мила,
Говорит, что будто Зойка померла.
Ну, ты помнишь, та, что в «котике»
ходила,
А потом напротив Зотовых жила...

Замолчали снова. Может, из-за Зойки,
Может, потому что просто вышел пар.
Двадцать третий номер шёл по рельсам
бойко,
Хоть и был, пожалуй, как москвички, стар.

О НЕЙ

В ней всё непросто, необычно...
Как будто сотни горных эх
Слились в густом многоязычье,
Увы, понятном не для всех.

В ней всё непросто, но изящно
Всё надо пробовать на вкус.
Я рядом с ней — немтырь молчащий,
А чуть поодаль — златоуст.

В ней всё непросто, непохожа
Ни на кого. И потому
Она становится дороже
Не только сердцу, но уму.

* * *

Я пишу на стекле твоё имя.
На холодном оконном стекле.
Это имя не просто любимой,
Это жизнь замирает во мне.

За окном непогода и слякоть,
Стынут голые ветви берёз.
Облаков грязно-серая мякоть
Растянулась, как ветхий обоз.

И листва потемнела, и травы
Обречённо прижались к земле...
Не ищу я вчерашней забавы,
Вся забава — на мокром стекле.

За окном день проносится мимо.
Мне пора бы понять, что влюблён.
Я пишу не спеша твоё имя...
Вот уже восемнадцать имён.

* * *

Привокзальная площадь. Толпа, суета.
Чемоданы, коляски, галдёж, паспорта...
На часах без немного двенадцать.
Наплевать бы на всё — и остаться!

Ветер гонит листву под высокий бордюр.
Ему — что? Он свободен. То весел, то хмур

Он в экстазе безумного танца...
Наплевать бы на всё — и остаться!

Объявили посадку. Ещё полчаса —
И я тоже умчу за леса, в небеса.
Что с того, что хочу я остаться,
Если ты не даёшь даже шанса?

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Вальс объявили белым танцем.
Я тыщу лет не танцевал.
А ты, украшена румянцем,
Поставив наскоро бокал,

Присела в кротком реверансе
Передо мной, передо мной
И закружила в белом танце,
О, боже мой, о, боже мой!

Мелькали лица, лица, лица,
Богатых тканей пересвет...
За пять минут успел влюбиться
На много лет, на много лет.
С тех пор я каждое мгновенье
С восторгом в памяти храню.
И с тех же пор (о, наважденье!),
Я белых танцев не люблю.

* * *

Я бы спел тебе другую песню —
Как листву срывает с тополей,
Как хочу лететь с тобою вместе
Вслед за плавным клином журавлей,
Как приметы осени унылой
Для свиданий тайных хороши —
Так, чтобы промокнуть что есть силы
И согреться где-нибудь в тиши,
Как круги расходятся по лужам,
Словно мысли в пьяной голове,
Как мне очень, очень нужно
Хоть немного нравиться тебе...

* * *

Если даже я скажу «не люблю»,
Ты ведь знаешь, это только слова.
До тебя я жил, как кум королю,
Был свободен, как под ветром трава.

Просыпался и не думал о том,
Чем под вечер успокоится день —
Под его благословенным крылом
Добросовестно отбрасывал тень.

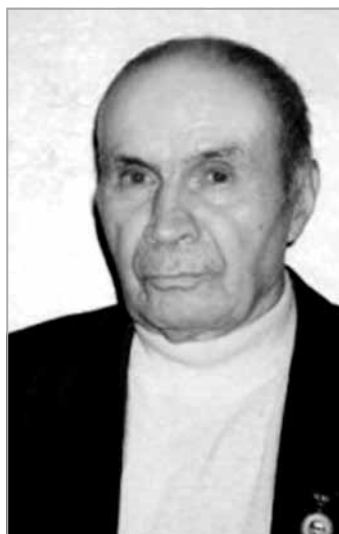
А теперь я, словно паинька-паж,
За тобой иду бездумно след в след,
Пью любовь из одурманенных чаш
И ловлю твой заколдованный свет.

Песни грустные на зорях пою,
До закатов доживаю едва...
Если даже я скажу «не люблю»,
Ты ведь знаешь, это только слова.

**Павел
БЕССОНОВ**

**ДУРОЧКА МОЯ,
ЛЮБИМАЯ...**

Повесть

Почти два года наш брак был на грани распада, пока, наконец, не завершился разводом. Встречаться каждый день с Антониной, теперь уже секретаршей у мэра, я был не в состоянии, и уехал в зауральский городок, на завод.

По протекции Вадима, военного представителя на этом оборонном предприятии, стал работать мастером отдела техконтроля и жить в заводском общежитии для молодых специалистов. Ужинал обычно в ресторанчике на первом этаже того же общежития.

Там я в одиночестве и сидел за столиком, когда ко мне с двумя кружками пива подошел мужчина лет сорока на вид и с моего разрешения подсел напротив. Так произошло мое первое знакомство с местными. Быстро и вьедливо, мужчина осмотрел меня, я в свою очередь сделал то же самое. Худое, помятое лицо с заметными шрамами на верхней губе и подбородке.

– Извините, вы недавно в городе? – вкрадчиво осведомился сосед по столику.

– Да. Недавно... – и, чтобы внести ясность, уточнил: – Работаю на заводе, а живу этажом выше.

– Борис.

Мужчина протянул руку. На пальцах и на запястье тускло синели наколки, сигнализируя о его прошлом.

– Виктор.

Он пил пиво, я – чай. Я кратко рассказал о себе, Борис поведал о своей жизни. Отбыл в зоне червонец за тяжкое преступление, которого фактически не совершал. Выучился играть на аккордеоне, стал художником-оформителем и, вернувшись в город, работает рекламистом в кинотеатре.

90 Все городские новости и сплетни ему известны! – прихвастнул.

– Ты молодой еще и, наверно, скучаешь по бабе? – спросил он, узнав о моем разводе. – Подружка тебе нужна, это ясно. Могу познакомиться. Медсестра. Девка чистая. – В кривой ухмылочке блеснули стальные коронки.

А почему бы и нет? Только так я избавлюсь от изнурительных воспоминаний, от Антонины...

Прошло какое-то время и я опять встретил Бориса.

– Ну, как там медсестра? – спросил я как бы между прочим.

– Идем в гости, если настроен.

Пришли в общежитие какого-то ведомства. По дороге Борис сообщил, что медсестра Катерина живет в одной комнате с девушкой Бориса.

– Моя Валентина – баба что надо. Катюха другого сорта.

– Какого другого? – я приостановился.

БЕССОНОВ Павел Александрович родился в 1926 в селе Синявка, Липецкой области. С января 44г доброволец Красной Армии, участник боевых действий. Закончил ВВИА им Можайского. Служил на офицерских должностях в Ракетных войсках стратегического назначения, после увольнения по возрасту работал матросом, художником, грузчиком, сотрудником Приазовского технического Университета. Публиковался в журналах и альманахах России, Украины, издал 12 сборников поэзии и прозы. Член МСПУ, МСПС, лауреат премий им. М. Матусовского, В. Даля, Т. Шевченко. Живёт в г. Мариуполе.

– Да не бойся! Может, даже понравиться... – Борис засмеялся.

Он не ошибся. Черные глаза, черные волосы, собранные в пучок на затылке, узкий нос с горбинкой. Валентина, худенькая, голубоглазая блондинка, смотрелась рядом с Катериной ангелочком.

– Привет девочки! – Борис выставил на стол водку и пиво. – Можно у вас праздничек отметить?

– Какой еще праздник? – Катерина показала мелкие белые зубки. – Знаем ваши праздники! Скажи лучше, что привел нового своего дружка.

– Ух ты, моя догадливая! Привел. Знакомьтись.

Тосты выдавал Борис. Катерина пила по полной, разбавляла тосты анекдотами и воспоминаниями о шахтерском городке Анжеро-Судженске, где училась. Воспоминания были позабористей анекдотов.

Борис, подмигнув мне, предложил Валентине прогуляться, и они ушли.

– А что мы будем делать? – Улыбаясь во весь свой бисер, Катерина уже снимала кофточку. Она осталась в майке. Черные глаза смеялись. Она провоцировала к насилию, и прелюдия любви свелась к силовому единоборству. Я ждал, что она завопит: «Помогите!» но этого не случилось.

Накинув на плечи искусственную шубку цвета малины, стуча пластиковыми тапочками, Катерина умчалась в конец коридора в ванную. «Ну, все!» – подумал я, выравнивая дыхание, но Катя уже прибежала обратно и, на ходу сбросив свою замечательную шубу, плюхнулась рядом на кровать. Холодная после водной процедуры, прижалась ко мне. Я подумал, что следующий любовный раунд пройдет в нежности. Но всё повторилось!

– Катерина, хватит! – сказал я решительно, приводя в порядок свой гардероб.

– Слабак! – она не скрывала разочарования. – Вот у меня геолог был!..

Я нисколько не позавидовал тому счастью.

Пришел Борис с Валентиной, и еще две бутылки пива украсили наш праздник.

В общежитии, после душа лежа в кровати, я попытался разобраться в случившемся. Конечно, Катерина своим темпераментом могла бы затмить многих, но это ли мне надо?

Здесь, в Сибири, подступала зима.

Как обычно, вечером я спустился поужинать. В этот раз, выйдя из зала, в безделии остановился возле раздевалки. С улицы заходили люди. Девушка в коротком пальтеце голубого цвета, в белой пуховой шапочке и унтах задержалась у дверей. Разрумяненная с мороза, она выглядела новогодней Снегурочкой. Круглое лицо с серыми узкими глазками было чистым, ненакрашенные губы сложены в полуулыбку. Обводя взглядом фойе, слишком уж незаинтересованно глянула на меня. Это задело. Я подошел и спросил:

– Вы кого-нибудь ищете, девушка?

– Нет. Просто гляжу...

– Может, вас нужно проводить до дома?

– Я не домой. – Она говорила со мной, как со старым знакомым. – Мне надо зайти к деду.

К деду так к деду. У девчушки с аккуратно вздернутым носиком дед натурально мог быть.

Она бросила на меня несколько оценивающих взглядов и, как мне показалось, осталась осмотром довольна. Она явно «велась». Но сколько ей лет? Похожа на школьницу, сбежавшую с урока физики.

Девушка заметила мой интерес и, не дожидаясь вопросов, продолжила разговор.

– Дед – дядя моей подруги. Мы его дедом зовем. У него плохо с ногами. Ленка приходит к нему делать уборку. Можно к нему прийти с другом, он не против.

Вот теперь все ясно. Или почти ясно. Спросил напрямую:

– Что ваш «дед» пьет?

– Водку он пьет. От водки, наверно, и болеет.

– Взять бутылку и к деду?

Я смотрел во все глаза, ожидая хоть какого-то смущения. Ничего подобного!

– Давай. Там, наверно, уже Ленка со своим парнем.

– Маня! – окликнул я знакомую официантку, выглянувшую из зала. – Бутылку на вынос, пожалуйста!

Маня, грудастая брюнетка в кокошнике, улыбнулась мне, а на «школьницу» бросила далеко не лестный взгляд.

– Тебя как звать? – глядя на катящийся рядом колобок, спросил я.

– Нинка. А вас?

– Да ладно! Чего это «вас». Будем на «ты». Виктор я. Можно Витя.

– Витя, а я видела тебя с... девушкой. Я ее знаю. Катя.

– Да. Было такое, – подтвердил я с неохотой.

Мы шли мимо ряда двухэтажных ничем не примечательных домов, где поселили во время войны спецов из Ленинграда.

– Дед здесь живет. – Показала Нинка на один из них.

Дверь в квартиру на втором этаже открыла пучеглазая русая красотка. Она нисколько не удивилась, что за спиной Нинки стоит высокий мужчина в пыжиковой шапке. И сделала зазывающий жест. Я зашел в коридор и уже без приглашения разделся. Нинка проворно скинула пальто и шапочку.

– Пошли! – Она потянула меня за руку.

На кровати сидел небритый худой мужчина неопределенного возраста, где-то между пятьюдесятью и семьдесятю. И рядом – тот самый дед, выглядевший не лучше.

– Это Виктор, – представила меня Нинка, – а это дед – Валерий Семенович, Лена и... – Нинка застопорила речь, – Как тебя звать?

– Меня? Толик. Толян... – губы мокрого рта у небритого расплылись в пьяной улыбке. – Я тут, бя...

– Толян! Закрой пасть! – Лена толкнула его в плечо, и он, обведя взглядом комнату, повернулся к ней.

– Ты чего дерешься? – и опять та же улыбка.

– Ленка! Я говорила тебе: отшить надо этого алкаша! – Нинка недовольно втянула губки.

– Виктор, вы где работаете? – вступил в разговор хозяин квартиры. Высохшее лицо и красные веки говорили о болезни.

– Вы, наверно, на заводе трудитесь? – Слова он произносил медленно, с остановкой после каждого. Правая рука, лежащая на столе, мелко дрожала.

– Да, на заводе. Мастером ОТК. – Сказал я, опережая вопросы.

Валерий Семенович покивал головой и уставился взглядом в пустой стаканчик, стоявший перед ним. Нинка перешёптывалась с Ленкой, Толян, навалившись грудью на край столешницы, молчал. В наступившей тишине я вспомнил о водке.

– Извините, – сказал я, принес из коридора и выставил бутылку. Валерий Семенович оживился, и его трясущаяся рука двинулась в сторону

посуды. Ленка цепко схватила бутылку за горлышко, отвернула пробку и поровну разлила веселящую жидкость. Выпили все, в том числе, и оживившийся Толян, после чего он плотно улегся головой на столе. Остатки водки Ленка разделила на двоих с Нинкой.

Нинка с Ленкой о чем-то разговаривали вполголоса. Время шло. Компания эта мне надоела.

– Извините, но на всех здесь места не хватит, – глядя на меня, вдруг заявила Ленка, – Мы с Толяном кое-как на диване переберемся, а вы... по домам. В другой раз.

Нинка утвердительно кивнула головой.

Мы с Нинкой вышли на пустынную улицу и потащились по нерасчищенному тротуару на другой ее конец. Нинкин дом оказался рядом со спортивным залом, куда я приходил в свободные вечера и где Вадим качал мышцы. Нинка шла, заплетаясь, что-то бурчала себе под нос и висела на моей руке. У своего дома она встряхнулась и спросила:

– Где мы встретимся?

Встречаться мне не очень хотелось и я, что бы отделаться, сказал:

– Может быть, в ресторане?

– Нет. Ты в заводской общаге живешь, на втором этаже, над рестораном?

– Да... – удивился я такой осведомленности, – откуда ты это знаешь?

– Знаю. Ты лучше скажи, в какой комнате?

– В восьмой.

– Жди в гости как-нибудь... А пока – пока!

Вадим пригласил меня на день рождения дочери. Оббегав немногочисленные магазины, я купил в подарок двухлетней Даше большую куклу. Кукла закрывала глаза и произносила что-то похожее на «ма-ма». Я был уверен, что дочь Вадима придет в восторг и порядком огорчился, потому что это была уже третья такая кукла.

Жена Вадима Юля и ее подруга, тоже учительница, Таня, хлопотали на кухне, Вадим устроился перед телевизором, а мною занялась Даша. «Ви-тя, Ви-тя!» – ее голосок звенел непрерывно. Я был завален игрушками. Три одинаковых куклы, рыжий орангутан, кролик из белого меха были разложены у меня на коленях, на кресле, а Даша подносила новые. Пришедшая из кухни Таня присела на кресло рядом и напрасно пыталась переключить внимание Даши

на себя. Она подняла маленькую куколку, упавшую с подлокотника моего кресла и сразу же раздался визг Даши: «Не надо!»

Дети меня не боятся, идут на контакт. А меня к детям влечет их неистовое фантазерство, от которого их торопят избавить родители, школа, общество. Права, наверное, грустная шутка, что жизнь – всего-то шесть лет до школы и год после пенсии.

Приготовления к обеду закончились. Дашу Юля накормила и увела спать. Даша не успокоилась, пока не помахала мне рукой и не пропищала: «Ви-тя, Ви-тя!»

Праздник во все времена и у всех народов это – обильная пища и возбуждающее питье. Меня посадили напротив Тани, и я начал ее изучать. В ней проглядывало что-то азиатское. Кожа лица была персиково-бархатистой. Темно-карие глаза. Сразу же припомнились строки Давида Самойлова: «...лицо твое степное, угрюмых глаз неистовый разлет, и губы, опаленные от зноя». Она пила вино без жеманства, аппетитно ела, непринужденно поддерживала разговор, который вращался вокруг детей. Я понял, что у Тани есть сын примерно того же возраста, что и Даша, и что, скорее всего, нет мужа.

Меньше всего в общем разговоре пришлось говорить мне. Вадим представил меня, как друга детства, а я подтвердил, что работаю на том же предприятии, что и он и по сходной специальности, но человек гражданский. Что я одинок, по-моему, обоим женщинам было ясно без вопросов.

Внешность Тани не оставила меня равнодушным. Её не портили крупноватые руки, невысокая грудь, узкие бедра. Есть что-то от бегуни или лыжницы. Таня рассматривала меня не менее внимательно. Мне захотелось ей понравиться.

Значит, у нее ребенок, сын. Антонина категорически отказывалась заводить ребенка и это, в основном, решило судьбу нашего брака. Для меня ребенок – неразрывная связь мужчины и женщины, без ребенка нет семьи. Ребенок, сын, мое продолжение во времени, моя Вечность....

От Вадима я ушел вместе с Таней. Провожать было недалеко: ее дом на той же улице, в ряду пятиэтажек новой постройки, но мы шли долго. Разговаривали вроде бы ни о чем. Но я ощущал значимость каждого ее вопроса и сам отвечал обдуманно. Подав руку на прощанье, Таня обронила небрежно:

– Заходи как-нибудь. Посмотришь мои книги. Может быть, тебя что-то заинтересует.
И назвала номер квартиры.

* * *

В заводской многотиражке напечатали мое стихотворение. Среди других оно смотрелось белой вороной. Я написал что-то о говорящем дожде и лужах на асфальте, нескромно подглядывающих под женские платья. В цеху, где я работал, появились поклонники нового таланта. Первым меня поздравил с публикацией токарь с участка метизов. В конце смены он предложил прогулянуться вместе.

Мы пошли от проходной завода через пустьер до первых домов города и всю дорогу говорили о поэзии, козыряя именами известных нам авторов, ближних и дальних. Меня он отнес к группе символистов, о которых я имел тогда отдаленное представление. Я спросил Стаса, пишет ли он сам стихи. «Не грешу этим, но читаю много. Боюсь чистого листа бумаги». Он посмеялся вместе со мной. Я признался, что только недавно преодолел робость перед публикацией.

– Нет, твои стихи стоящие, то есть настоящие. Задевают. Даже Томка не фыркнула, прочитав, а подруга ее, по-моему, за это стихотворение влюбилась в тебя.

– Уж так и влюбилась?

– Второй день о тебе говорит. Она ведь в нашем цеху работает. На протяжке.

Протяжка была под контролем второго мастера, но я не раз был на его участке. Я стал вспоминать девушек-протяжниц. Рослая, стройная даже в рабочем халате, белокурая запомнилась. Остальные как то прошли мимо внимания. Из-под косынки у белокурой выбивалась кудрявая челочка и сразу захотелось запечатлеть этот факт в стихах. Я вполуха слушал Стаса, пока до меня не дошло, что он приглашает меня к себе в гости в ближайшее время, когда к Томке, его жене, придет подруга из цеха.

– Приходи... Ведь тебе интересно будет услышать похвалу от симпатичной девушки, а?

– Не знаю... Может быть это неудобно? – Тянул я резину, не желая сразу сдаваться.

Мы расстались со Стасом на перекрестке. Время шло, Стас приглашения не подтверждал, я не напоминал. Несколько раз я, вроде бы по делу, побывал на протяжке и был замечен белокурой, даже одарен улыбкой. Меня, правда, огорчило то, что она ушла после работы вместе

с рослым парнем. Приступ словотворчества тут же угас и стихи о кудрявой чёлочке я так и не написал.

* * *

Нинка заявила, когда я её совсем не ждал. По правде сказать, я стал забывать встречу у деда и свою пьяную болтовню. Нинка пришла подвыпившая и принесла бутылку портвейна.

— Я подумала, что у тебя никакого поила не найдется, и прихватила вот это. В следующий раз запасись.

С мороза ее щеки густо розовели. Глаза казались темными из-за расширенных зрачков. Небрежно сбросив пальто на мою кровать, она стала стаскивать сапожки.

— Фу! У тебя жарко так! Извини, я кое-что сниму с себя.

Она стянула через голову свитер и осталась в одной сорочке, под которой, как ни напрягайся, лифчика не просматривалось.

— Витя! Открывать бутылку обязанность мужчин... Или ты не мужчина?

Она начала рассказывать о каком-то Жорике, лапавшем ее без спросу и получившем от нее по морде, о дежурной по «вашей вонючей общаге», пытавшейся ее не пустить...

— Я захотела и пришла... Не ее собачье дело! Еще документ у меня спрашивала!.. Мой документ всегда при мне, — она захохотала. — Тебе, Витя, могу показать.

Забыв про портвейн, который я медлил открывать, она упала головой на свое пальто и мгновенно отключилась. Я забросил ее безвольные ноги на кровать и вышел в коридор объясниться с дежурной.

— Об этой девице кое-что знаю. Родители приличные, уважаемые люди в городе... Кто бы мог подумать!.. Вы уж, Виктор, поберегитесь!

Я заверил «тетю Дусю», как все в общежитии звали дежурную, что ничего дурного не произойдет, протрезвеет девушка — провожу ее до дома.

Нинка лежала на спине, спокойно дышала, приоткрыв рот. Её полудетское тело не вызывало у меня никаких эмоций, кроме жалости. Сев за стол, я стал набрасывать строки стихотворения, не относящегося к событию.

Она проснулась сама, села на кровати и окликнула меня вполголоса:

— Витя!

— Доброе утро! — откликнулся я в шутку. — На новом месте приснился жених невесте?

— Нет. Чепуха какая-то лезла в голову. Сколько уже времени?

— Скоро десять.

— Проводишь меня? А что я тут пьяная гордила? Бред какой-то. В ресторане день рождения девки отмечали. Оттуда и пришла. Кстати, скоро день моего рождения. Приглашаю. У деда отметим.

— И сколько тебе стукнет?

— Пока секрет. Но, в общем-то, много. Мой вид обманчив, все меня молоденькой считают... Придешь поздравить?

Нинка темнила. Ей было не более семнадцати. При ее «приличных и уважаемых» родителях можно налететь и на провокацию, не отмоешься...

Представить Нинку своей женой, матерью моего ребенка, у меня никак не получалось.

* * *

В спортзале встретился с Вадимом. Он со смехом рассказал, как Даша играет с тремя куклами. Рассаживает их в ряд, называет «Витя», «Таня», «Деда». У меня могла бы быть такая же дочь, но Антонина предпочла свободу. Сидит теперь в приемной шефа, получает презенты и улыбки клиентов. Мать за ней ухаживает, как за маленькой. Все у нее есть. Даже любовь моя еще осталась, хотя я не хочу в этом признаться.

Мать в письме сообщала, что отец прибалывает и о моей «бывшей» — вскользь. Живет, мол, одна, работает. Мать развод не одобряла, хотя Антонина ей никогда не нравилась. Отец после фронта и ранения доработал на заводе до пенсии, но на скамеечке не сидел. «Витька, надо забор поправить... Витька, пару листов на крыше заменить надо!» Представить не могу, что он лежит больной.

* * *

В десятой комнате живут две девушки. Обе работают в техотделе. Ко мне относятся почти по-матерински. Одной за тридцать, другая помоложе. У них в комнате неплохой телевизор и на интересные, по их мнению, фильмы меня приглашают. Приглашают и на чай, отвергая все мои попытки принести к чаю чего-нибудь покрепче, типа сухого грузинского. Зову их я тетями — тетя Клава, постарше и похудее, увлекающаяся вязанием, и тетя Вита, помоложе, полноватая, любительница литературы, одобрявшая мои попытки поэзии.

– Виктор, у тебя получится. Уже получается. Вот какая свежая метафора! И образ! Работай над словом, читай... Вот в журнале замечательные стихи... – и она называет автора, как своего близкого знакомого.

Я читал стихи, не всегда докапываясь до смысла, и опять сочинял по-своему, получая от Виты нагоняй за вторичность, банальность и неграмотность.

– В эту субботу у тебя, надеюсь, срочных дел нет? – Стас вытирал руки ветошью, готовясь на перерыв. – Почитательница твоих стихов сама Томке напомнила. Хочет девушка поближе с этим познакомиться.

– Стас, мы тебя ждем! – крикнули от столика в закутке цеха собравшиеся доминошники.

– В субботу, в четыре! – И Стас скользнул между машинами станков.

Сегодня четверг, есть еще время до субботы подумать и решить, стоит ли заводить новое знакомство, не разобравшись с уже имеющимися.

– Виктор Семенович! Подойдите, пожалуйста!

Это голос контролера, моего подчиненного, дотошного «дяди Саши». Он уже на пенсии, но равного ему в нашем коллективе нет. Раз он позвал, значит спорный вопрос и мне надо принять одно-единственное правильное решение. Цех работает на «оборонку», отсюда и спрос с контроля.

Минут двадцать с мерителями колдуем над деталью размером всего-то с мобильный телефон, прежде чем делаем неутешительное для производственников заключение – брак!

Конец рабочей недели и уже готовы планы на выходные. Завтра после работы к «деду», на день рождения Нинки – обещал! А в субботу к Стасу. Тоже обещал... И надо, наконец, решить: где и с кем встречать Новый Год.

Уже снизу слышался гром музыки. Мне открыли только после пинка в дверь. Открыла Ленка – уже на взводе. Застолье было в разгаре. Увидев меня, Нинка оттолкнула угрюмого прапорщика, сидевшего рядом, подскочила и повисла на шее. Мой подарок, коробку духов, бросила на кровать рядом с пьяным дедом.

– Витя, сюда, рядом со мной! Твое законное место!

Она налила рюмку водки мне и полный бокал себе.

– За меня, за мои восемнадцать! Ура!

Значит, обманывала меня, прибавляя возраст.

– За тебя! – Я отпил глоток и опустил руку с рюмкой.

– Нет! Так не пойдет! За меня пить до дна! – и она выпила свой бокал именно так.

Прапорщик, видимо, очередной друг Ленки, молча глазел на Нинку, переводя иногда мутный взгляд на меня, словно удивляясь, кто этот штатский, который обнимает именинницу. Нинка, обнимая меня, дирижировала в такт песне, льющейся из магнитофона.

Ленка, Нинка, даже дед что-то говорили, пытаюсь перекричать музыку. Молчал угрюмо насупившийся прапорщик. Я делал вид, что подпеваю мелодии.

От водки, пришедшей к концу, перешли к пиву. Дед повалился головой в подушку, Ленка висела на мощном плече прапора, а Нинка добиралась до меня, расстегивая пуговицы моей рубашки. Потом она сняла свитер и осталась в одной ночнушке, от чего прапор вытаращил глаза и попытался отстранить от себя Ленку. Не тут-то было! Ленка очнулась и ещё крепче вцепилась в служивого.

Опираясь на мое плечо, Нинка встала над столом. Постучав ложкой по краю салатницы, никто, конечно, на стук не обратил внимания, крикнула:

– Стоп! Стоп, ребята. Время позднее, именинница хочет отдохнуть. Имеет право... Ленка, теперь моя очередь на диван... Витя! – она наклонилась ко мне. – Диван наш до утра!

Перспектива остаться до утра на диване с пьяной Нинкой меня не радовала, да и прапор мог спьяну накуролесить. Я встал из-за стола и вытащил за собой Нинку:

– Нинуля! – уговорить её можно было только нежностью, – Нинок! Пошли из этой хаты ко мне. Тут задохнуться можно. У меня спокойно, постелька чистая...

Нинка, пьяно улыбаясь, глядела на меня во все глаза, явно не понимая сути моего предложения. Я нанес самый решительный удар:

– Ниночка! Я же люблю тебя! Идем отсюда ко мне!

Подобрав свитер, я надел его на несопротивляющуюся Нинку и вывел ее в коридор.

Прапор сделал попытку встать, но Ленка вце-

пилаась в него мертвой хваткой, и он обреченно сдуплся.

На улице шел мелкий снежок, чистый морозный воздух был удивительно приятен после духоты в квартирке деда. Нинка, держась за меня обеими руками, блаженно улыбалась. Чтобы закрепить успех похищения, я наклонился и поцеловал её в пухлую щечку.

– Пошли, пошли! Помаленьку... Скоро придем.

К себе я Нинку, конечно, не повел. И лечь с ней на узкую общежитскую койку не хотел, и вообще нечего ей делать у меня. Я уже сделал для себя твердый выбор: Новый год встречаю у Вадима. И там будет Таня!

У своего дома Нинка пришла в себя.

– Ты меня сюда приволок? Обманщик! Ладно. Все равно люблю. Прощаю!

Обмазав меня остатками губной помады, покачиваясь, она ушла в подъезд.

В субботу проснулся поздно – праздник и прогулка по морозу дали себя знать. Вспомнил прапора. Пусть немного потерпит, и Нинка, на которую он глаз положил, освободится. Хотя и мне она в общем-то нравилась, непутевая девчонка, дуреха!

В ресторане оказался Борис. Давненько не виделись. В последнюю встречу он поинтересовался, как мне Катерина. Я подтвердил, что она действительно «другая». Теперь он шел ко мне, лавируя между еще пустыми столиками.

– Привет Витек! Пиво? А, ты же не пьешь его...

– Лучше чаю или рассола.

– День рождения Нинки отмечал?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Знаю. С прошлых лет помню... Не буянила именинница?

– Нет. Я ее домой отвел...

– Домой? А чего у деда не остались? Именинница была бы не против...

Борис, конечно, знает праздники на квартире деда. За Нинкой, как за кометой хвост приключений потянется длинный! Борис, хитрый бывший зэк, знает про Нинку много больше, чем говорит. Он к ней много ближе, чем мне показалось вначале. И во всех его разговорах о ней слышится предупреждение.

Вернувшись к себе, стал собираться на встречу с поклонницей моих стихов, к Стасу. Пе-

ребрал листочки, сложил в одну пачку, перегнув пополам, сунул в карман – разберусь на месте.

Снег, по-февральски влажный и липкий, покрывал меня броней с ног до головы. На перекрестке буксовала легковушка. Водила, щупленький мужик, выйдя из машины, беспомощно оглядывался. Жди теперь службу дорожную, если она есть в этом городишке.

В коридоре у Стаса я заметил пальтецо с меховым воротничком, шапку-ушанку из белого кролика: «Нет, не блондинка с протяжки». Моя напряженность спала. Блондинку я видел в синтетической шубе под леопарда и в норковой шапочке.

За столом сидели Стас и девушка. Девушка была полной противоположностью той блондинки. Густые темные прямые волосы, смуглое лицо. Нос «уточкой», брови подковками над темными глазами. Ненакрашенные губы с приподнятыми уголками, словно готовые к улыбке. Все это я охватил взглядом раньше, чем сказал «здравствуйте».

Из второй комнаты вышла женщина и ребенок, мальчик лет пяти. Серьезный, большеглазый, он внимательно посмотрел на меня и, глянув на Стаса, негромко сказал: «здравствуйте».

– Это моя половина, Тамара, можно звать Томкой. И Владик.

Плоская рыжая Томка была обсыпана веснушками. Большие, водянистые серые глаза изпод тяжелых век смотрели испуганно. Она то и дело бросала взгляды на мужа, словно ожидая команды. И команда последовала:

– Томка, давай тащи все на стол. Будем праздновать. Ровно пять лет и один месяц, как нас окрутили в ЗАГсе. Отметим эту печальную дату, превратим ее в праздник. А ты, Владик, к своим игрушкам марш!

Все это Стас изрекал командным голосом, и мне показалось, что при слове «марш» Владик втянул голову в плечики. Стас явно был монархом в своем маленьком государстве. Томка пошла на кухню. В открытую дверь второй комнаты был виден стол и часть детской кровати.

– А теперь вы, гости, познакомьтесь. Оля, по отчеству Петровна и Виктор Семенович. Будьте знакомы!

Уголки губ Оли приподнялись выше в неуверенной улыбке, но глаза, как мне показалось, остались грустными.

— Очень приятно! — Сказала Оля грудным, мягким голосом.

Принесла из кухни закуску и присела к столу Тамара. Она не произнесла ни слова. Зато Стас не умолкал. Оля отделивалась междометиями, я кивками головы подтверждал тирады хозяина.

Стас вещал о семье, о жизни. Молчаливая Томка, к моему удивлению, выпила рюмку до дна, даже не поморщившись. Она стала разговорчивей, вступала в полемику с мужем. Стас, налив только себе, выпил.

— Извините! — он наполнил рюмки. — Я вроде забыл, что вы тоже потребляете эту гадость... Первый тост был за нашу пятилетку, второй выпьем за ваши пятилетки, за вас. — И буквально вплеснул рюмку в один мах в рот.

Я смотрел на Олю, сравнивая ее с Таней. Что-то общее в них улавливалось, спортивное — в ловких движениях.

— Оля, каким спортом занимаешься? — спросил я совсем не в тему разговора.

Оля какое-то время удивленно молчала, что дало Стасу активно включиться.

— Да она у нас спортсменка — что надо! И по заводу и по городу.

— Ну, пожалуй, по городу не так уж... — Оля смутилась.

— Это ты брось! — Стас загорячился. — Первое место на четыреста разве мало?

— Четыреста — это по молодости было...

— Тоже мне старуха! — Стас не сдавался. — Твой рекорд стоит до сих пор не побитый!

— Хватит с меня и малой ракетки... А вы, Виктор Семенович, с каким спортом дружите?

— Во-первых, Оля, предлагаю «на ты». А из спорта остался один баскетбол, болен им с институтских времен....

— Ну, собрались спортсмены! — Стас разлил остатки водки по рюмкам. — Между прочим, у меня первый разряд по боксу... Юношеский. «Мухач» я (от слова муха)... А Томка по лифтболу ударяет... Томка, иди спать! Спать, я сказал!

Из спальни выглянул испуганный Владик.

— Ма...а! Иди ко мне. Я спать хочу...

Тамара, услышав голос сына, медленно переставляя ноги, направилась в спальню.

— Вот так и живем. — Стас развел руками. — А вы сидите, сидите... Есть закуска, водка будет... Пять сек — и принесу, ларек рядом, круглосуточный — для трудящихся...

— Нет, нет! — запротестовала Оля. — Меня и так дома, наверно, потеряли... Я уйду, Стас. Ты Томку не обижай!

— Я обижаю? Это она меня обижает. Чуть что бежит к своей матери, Владика туда тащит...

Оля, махнув рукой на Стаса, вышла в коридор. Я тоже поднялся.

— Пойду и я. Олю надо проводить. Спасибо за прием! — Я пожал руку Стасу.

В коридоре Оля, уже одетая, немного смешная в своей огромной шапке, ждала меня.

Снег идти перестал, небо расчистилось, показались звезды и мороз вспомнил, что февраль — зимний месяц.

Оля жила в большом старом доме, сталинке, недалеко от завода. Площадь перед домом была украшена трехгранным пилоном в честь Победы.

От разговора про спорт мы перешли к литературным темам и обнаружили сходство в оценке читанных книг.

— Я принес несколько своих стихов, чтобы прочитать, но, видно, не судьба...

— Что так мрачно? Ваши... то есть твои стихи, Виктор, мне понравились. Новые в многотиражке появятся. А потом, мы же в одном цехе работаем. Если найдешь время, дашь почитать в рукописи. Стас сказал, что я на протяжке?

— Сказал. А что, Стас всегда такой дома?

— Да, к сожалению. Тамара — моя школьная подруга, выскочила замуж в восемнадцать — любовь! А теперь сама к рюмке прикладывается, а Стас... Их это дело, Томки и Стаса... Только я в любовь как-то не верю, а замужества боюсь... Пока, до встречи в цехе.

Я позвонил Тане и долго говорил обо всем, не решаясь сказать, что хочу ее видеть. Она сама пригласила меня прийти в ближайшую субботу. Обрадовало и взволновало. Влюбленность, что ли? Наверно...

До субботы я находился в приподнятом настроении. Заглянувшую ко мне Нинку вежливо выпроводил. Она поняла это, надула губки. Все вечера до субботы ходил в спортзал, таскал до изнеможения железо. У меня в голове мелькали мысли о Тане или складывались и разрушались строчки новых стихов. Каждый вечер я начинал новое стихотворение, скомкав вчерашний листок. Стихи не шли...

Все субботние планы свелись к подготовке к встрече. Волновался, как перед первым свиданием в доармейские годы. Переписал несколько новых стихотворений...

Таня открыла дверь. В простеньком платице, без аромата духов, она была еще более красива.

– Проходи. Раздевайся и надень тапочки.

Большие тапочки. От бывшего мужа остались, наверно. Маленькие ботинки. Это обувь сына. А где же он? Опережая мой вопрос, сказала просто:

– Сергей у бабушки, соседки. Проходи, проходи...

Я справился с дыханием и даже изобразил на лице улыбку.

Шкаф с книгами, стол с большой стопой тетрадей, стакан с набором авторучек и карандашей.

– Ну, вот моя с Сергеем обитель, место отдохновения от моих бандитов.

Я изобразил на лице недоумение.

– Да, да! Не смотри так удивленно. Учащиеся моего десятого – это бандиты, идиоты, дебилы, в лучшем случае. Я веду литературу, пытаюсь вбить в их пустые головы прописные истины, без которых нет человека вообще.

– Получается?

– Если бы! Остается только натаскивать тех, кто после школы собирается в институт. Почитал бы ты, Виктор, их сочинения! Вон они, горой лежат на столе... Ладно, отойдем от больной для меня темы. И вообще, надо расслабиться. Пройдем на кухню. Ты, кстати, сними свой пиджак и галстук, будем по-домашнему.

Я что-то начал говорить о книгах, но Таня пресекла мою речь твердо, как она, наверное, командует в классе.

– О книгах после.

Стол на кухне был сервирован и увенчан бутылкой коньяка.

– Не удивляйся. У меня праздник – первый мужчина в моем доме после развода. Чуть больше года как это случилось. Так-то!

Таня переставила бутылку ближе ко мне. Я понял намек, открыл и разлил в маленькие рюмочки.

– По праву хозяйки предлагаю первый тост. Выпьем за счастье в жизни, которое несмотря ни на что и вопреки всему!..

Как и на празднике у Вадима, в ней не было ни скованности, ни жеманства, только боль-

шая взволнованность, которую она пыталась скрыть. Ничем не закусывая, она то глядела в окно, выходящее на детскую площадку, то на меня, невозмутимо вроде бы зачищающего тарелку.

– По грузинскому обычаю, – начал я, нарушив затянувшуюся паузу, – посуда на столе не должна оставаться пустой, а тамада должен быть готовым произнести подходящий тост.

Говоря эту фразу, я вновь наполнил посуду, но ответить на Танин тост, прозвучавший как вызов, с ходу не мог. Ведь ее тост был признанием в одиночестве.

– Присоединяюсь к твоему тосту, Таня, – начал я развивать мысль, но... – Тут я замаялся и замолчал, увидев как Таня напряженно вглядывается мне в глаза, и закончил:

– Присоединяюсь, без всякого «но» – за счастье! – и выпил.

Таня расслабилась, прихлебывая, выпила тоже. Она словно разочаровалась в моем ответе, и я решил реабилитироваться.

– Вопреки всему, по моему, можно противостоять только силам природы, когда мы сами выигрываем или проигрываем, а в социуме выигрыш одного оборачивается проигрышем другого. Неправда?

– Правда... – потухшим голосом подтвердила Таня. – Наливай, Витя, раз тамадой назвался.

– Третий тост принято пить за тех, кто в море или за любовь. За любовь? – сказал я.

– С таким же успехом можно выпить за мрак, за тень на стене. Но я выпью за любовь, неожиданную, нежданную. За любовь!

Она выпила лихо и со стуком поставила рюмку.

У каждого из нас двоих уже была любовь, потом брак, потом разрыв. Обычные истории, разные и все же одинаковые в главном. Мне полгода хватило, чтобы разобраться, еще полгода я пытался наладить отношения. Наконец сообразил, что лучший вариант разойтись. У Тани было, наверно, что-то подобное, только сложнее, болезненнее – и жаль, что третий человек, маленький, не виноватый в ошибках двоих, будет расплачиваться за их чудачества своей судьбой, своим характером.

Я занялся едой, поглядывая иногда на Таню, которая вроде бы успокоилась – коньяк сделал свое доброе дело.

– Хватит есть! – она стремительно встала и, уходя из кухни, бросила: – Будем веселиться!

Полилась мелодия танго, самого-самого, как мне кажется, чувственного, камерного танца.

— Я приглашаю вас на белый танец, — Таня вошла на кухню улыбающаяся. — Белый танец, конечно, вальс, но где тут развернешься?

Я шагнул вслед за ней в зал, и Таня завладела моей левой рукой.

— Подожди, — я высвободил руку. — Это делается так, — и я правой взял ее левую, а левой обнял за талию.

Таня вдруг расхохоталась.

— Ты знаешь, Виктор, я в своем институте, где в основном девочки учились, всегда танцевала за кавалера, вот и сейчас... — и она опять засмеялась. — Наверно, со мной танцевать будет нелегко. Муж меня не водил на танцы, танцевать не умел и не хотел. А ты танцевал?

— Даже на приз! — я не уточнил, что было это в доме отдыха, а не на фестивале.

— Тогда со мной справишься!

Таня плохо «велась» в танце и прижимал я её гораздо сильнее, чем просто партнершу. Танец кончился, я церемонно раскланялся.

— Спасибо за танец. Хочешь выпить еще?

— Только чай или кофе...

Я достал из кармана пиджака свой свиток.

— Наверно твои новые стихи? Наслышана я, что появился новый поэт на заводе. Многотиражку вашу не читаю. С голоса, да еще с поэтическим подвыванием, не воспринимаю. Давай, сама посмотри.

Таня читала медленно, то сдвигая брови, то улыбаясь, а я волновался, как на суде.

— В пунктуации ты слаб, но поэзия, по-моему, присутствует. Я ведь только учитель словесности, скажу по-дилетантски, стихи мне нравятся... И давай будем пить кофе, пока горячий.

Мы болтали обо всем. Таня на память прочитала несколько стихотворений: «Это Мандельштам. Это Цветаева...»

— У меня есть эти авторы и, если хочешь, по одной книжке буду тебе выдавать. С проверкой домашнего задания!

За окном потемнело, и я распрощался с Таней, предупредив, что буду звонить, не откажусь от литучебы.

Да, приятная женщина Таня! И Сережка у нее наверняка замечательный ребенок, но это не мой ребенок. При живом отце я не смогу стать для него отцом. Мне нужен родной ребенок, мое продолжение в этом мире.

В воскресенье, когда собирался идти в ресторан обедать, зашла Нинка. Не снимая пальто, выложила на стол билеты: в Доме культуры завода шел спектакль «Волки и овцы».

— Сколько с меня? — Я сделал вид, что ее жеста не понял и хочу купить билеты.

— Это я тебя приглашаю, Витя. Не дошло? — Нинка сверкнула глазками, голосок звенел от обиды.

— Понял, извини! Ты разденься, присядь... Или пойдем, пообедаем в ресторане.

— Нет уж, спасибо! Может, предложишь пивка хлебнуть? Я иду домой, а к пяти буду у тебя. И пойдем на спектакль. — Она была совершенно уверена, что по-другому и быть не могло.

К чему бы такой поворот? Может быть, это связано с недавним посещением общежития какой-то женщиной? Я подошел к тете Дусе, дежурной по этажу.

— Зашла дамочка лет пятидесяти. Полненькая, симпатичная. Фамилию сказала свою, я не запомнила. Спросила, как жильцы, спокойные или нарушают порядок. О вас спросила, назвала по фамилии, доску объявлений прочитала, и ушла...

Я вспомнил слова Бориса о родителях Нинки. Значит, могла быть ее мать, на разведку ходила. Надо готовиться к обороне!

Нинка заявила в начале шестого, застав меня уже готового к выходу в свет. Вместо круглой шапочки на голове белый пуховой платок. Подкрашенные глаза блестели загадочно. Меня это в связи с рассказом тети Дуси несколько настораживало.

— Идем? Это тебе нести. — Она вручила мне пакет. — Не бойся, не взорвется...

По дороге к ДК Нинка все время болтала, выкладывая школьные познания по драматургии. Не ее ли матушка позаботилась об этом культпоходе?

В фойе дворца уже толкались пришедшие, а у двух окошек раздевалки образовались очереди. Нинка достала из пакета туфли на высоченных каблучках, переобулась. Пальто и платок она сбросила мне на руки и предстала передо мной во всей красе. Высокая прическа открыла шею Нинки, в глубоком декольте темно-синего цвета она выглядела неотразимо, кольцо свободного браслета на левом запястье. Я сдал вещи в гардероб и стоял несколько обалдело у зеркала, глядя, как Нинка поправляет прическу.

Очнувшись, искоса осмотрелся. Проходившие парни глазели на Нинку, у женщин взгляды выражали смесь зависти и недоброжелательства.

– Ну, пошли в зал! Звонок уже был, – она подошла вплотную и смотрела на меня, улыбаясь, явно наслаждаясь произведенным эффектом. – Пошли, пошли!..

Обежав глазами зал, я поймал в фокус нескольких знакомых по заводу. Поискал Таню – ее не было. Зато в дальнем ряду увидел Клаву и Виту. Они синхронно махали мне руками. Начался спектакль.

Боковым зрением я наблюдал за Нинкой. Она улыбалась, хмурилась, иногда поворачивала лицо ко мне, ожидая моего переживания, и я делал вид, что увлечен спектаклем. Что-то детское было в Нинке. Слова Бориса и замечания коридорной о ней не вязались с ее теперешним обликом.

Когда мы шли по заснеженной улице к ее дому, Нинка говорила только о спектакле. У подъезда она стояла, держа меня за руки, глядя мне в глаза. Меня потянуло к ней и, не удержавшись, я поцеловал ее в сомкнутые холодные губы. Она отстранилась, улыбнулась и, забрав пакет, убежала в подъезд.

Я шел по улице к себе в общагу, глупо улыбаясь 100 чему-то, что не имело названия. Праздничная обстановка Дома культуры, нарядные люди, преображенная Нинка – все это вместе взятое, словно подняло меня над буднями. Но зайдя в коридор общежития и, увидев тетю Дусю около столика с телефоном, я мигом вернулся на грешную землю.

Вадим пришел в наш цех, чтобы поговорить со мной о новогоднем празднике. Напомнил, что будет Таня. О Тане он всегда вспоминает в разговоре со мной. Она ему нравится и он её «свагает». Я пока не разочаровываю его своими сомнениями.

У Тани я побывал еще раз. Пришел довольно поздно, и ее Сережа спал в манежике. Говорили мы с ней о книгах, о поэзии и, конечно, об ее «бандитах». Тема школы для нее была неисчерпаема.

– Пойдем, покажу своего сына. Посмотри на моего мужчину!

Черноволосый мальчик лет трех сладко спал на правом бочку. Ровные стрелки бровей разбе-

гались к вискам. Высокие скулы, упрямо сжатые губы. Азиатские черты смуглого лица были заметны.

– Кто его отец? – спросил.

– Отец по матери русский, по отцу – татарин. Ты, ведь, это хотел узнать? – Таня выжидающе смотрела на меня.

– Красивый у тебя сын, – ответил я, выдержав паузу.

Мальчик был действительно красивым. И он был сын своего отца. Он – её любовь, её мука, её испытания в будущем.

Мы отошли от манежа к книжному шкафу, и Таня подала мне довольно толстую книгу.

– Вот Бродский, Нобелевский лауреат. Попробуй, почитай. Может быть не все будет по зубам, но он пока признанный лидер в русской поэзии и имеет массу подражателей. Может, появится еще один, в твоём лице... Это первый том. Через пару недель сдашь мне зачет по нему – получишь второй том.

С кем встретишь Новогодний праздник, с тем, по приметам, будешь вместе весь год.

С кем я хочу быть весь год? С кем хочу прожить вместе много лет? Свои новые стихи я Тане не показал. Они – подражание Сергею Есенину, его кабацкой лирике. Муза моей поэзии на данном этапе – Нинка.

*Ты прости меня, сероглазая,
Что я хмурый, что я грублю,
Что тебя обнимая, ни разу я
Не промолвил слово «люблю».*

Для меня сказать «люблю» значит: «хочу видеть тебя счастливой». Таких слов ни Нинке, ни Тане сказать не могу. Не будут они счастливыми со мной.

Таня может быть мне другом, ближе не надо, все испортится.

Несколько дней перед Новым годом пробежали в рабочих хлопотах. Позвонил Вадим, напомнил, что встречаемся у него дома в девять. Сказал, что, кроме Тани, на празднике будет ее подруга, тоже училка и некий военпред, холостяк.

Обещанного прогнозом потепления не было, мороз стоял приличный, что не мешало празднику. Встречались подвыпившие, лилась музыка.

Как я ни старался прийти в срок, все равно опоздал минут на двадцать. Меня ждали. Даша, увидев меня начала скакать на одной ножке и пищать «Витя». У Тани радостно раскрылись глаза и она встала из-за стола, показывая место рядом с собой.

Юля поймала и усадила к себе на колени Дашу, Вадим что-то добродушно бубнил – праздник Нового года начался.

Военпред, молодой еще человек, высокими залысинами напоминал немного Владимира Ленина университетского возраста. С вождем пролетариата его роднило и отчество – Ильич. Олег Ильич. Галочка, подруга Тани, при внешней неприглядности, привлекала разговорчивостью.

Ее внимание к себе я отразил вежливыми, как говорят в боксе, уходами, и она всю себя отдала Ильичу – младшему.

Я сидел рядом с Таней. Она выглядела праздничной и светилась, как ребенок, какой-то особенной радостью, словно ожидала «новогоднего чуда». Юля отвела уставшую Дашу в спальню, Вадим, с олимпийским спокойствием, смотрел шоу на экране телевизора.

Таня опять вспомнила про своих «бандитов». Новогодний бал в школе шел без неё, «классной дамы», под присмотром родительского комитета. «Пусть родители полюбуются на своих отпрысков. Мне они надоели!»

Вадим с небольшим шумовым эффектом открыл шампанское – Новый год! Звон хрустала, радостный галдеж...

Выпили шампанское, потом «Фетяску»... Юля принесла окорочка с печеным картофелем. «Фирма моей женушки!» – сообщил Вадим, целуя Юлю.

Вот так и нужно жить семьей. Если бы Таня была одинока, без сына! Вот она сидит рядом, касается меня плечом, коленом, вполголоса, обдавая дыханием, говорит на ухо. Не важно, что... Олег Ильич заглядывается на Таню, но Галка настороже, мгновенно овладевает ситуацией.

– Ребята, девочки! Танцевать надо в Новом году! Я сейчас поставлю музыку, какую надо!

Вадим выключает телешоу, комнату заполняют звуки вальса...

Стол отодвинут, Таня в моих объятиях... По ходу замечаю, как Галочка учит танцевать Олега, Вадим неспешно ведет свою Юлю.

Мы опять садимся за стол – и приятная неожиданность – Ильич, оказывается, принес с собой гитару и глуховатым баритончиком начинает

напевать «Виноградную косточку», которую мы все знаем и мурлычим вместе с ним. Затем другие песни Булата, потом аплодируем песням Владимира Высоцкого – Ильич удачно изображает и хрипотцу, и надрыв голоса барда.

....Мы покидаем хозяев около двух ночи уже нового года. Таня держит меня за руку, прижимаясь телом, заглядывая в лицо. Я сдерживаю желание наклониться к ней и поцеловать. Возле подъезда останавливаемся, говорим друг другу ничего не значащие слова. Потом Таня, чуть отстранившись от меня, глядя в глаза, произносит:

– Приглашаю ко мне выпить кофе...

Я от неожиданности немею. Отвечаю с запинкой:

– Принимаю... приглашение.

Таня решительно идет в подъезд, я поднимаюсь вслед за ней на второй этаж. У кого-то из соседей еще звучит музыка.

– Проходи, раздевайся...

Она говорит это, не оглядываясь на меня, включая все освещение. Ясно, что Сережка у соседской бабушки. Таня ставит музыку.

– Тебе, Виктор, наверно, жарко после наших скачек. Сними пиджак, умойся...

Когда захожу на кухню, Таня уже разливает кофе.

– Пей пока... Мне не хочется...

Странно!.. Я сижу на кухне, слышу, как она открывает дверцы шкафа. Кофе выпит... Таня входит уже переодетая в домашний халат, в тапочках на босу ногу, с распущенными волосами. Былого возбуждения как не бывало. Она напряжена, глаза избегают моего взгляда.

– Если не хочешь тащиться по морозу к себе, оставайся у меня, постель готова. А я приму душ... Если хочешь...

Хочу ли я и что хочу? Не знаю, как ответить, тем более, что Таня уже в душе. Прохожу в спальню, раздеваюсь, аккуратно развешиваю вещи на спинку уже придвинутого стула. Ложусь в постель и до подбородка натягиваю простыню. Слышу, как Таня щелкает выключателем, убирая свет. В спальне тусклый ночник. Таня подходит к постели, сбрасывает халат, ложится поверх простыни. Она лежит на спине, скрестив руки под холмиками груди. Какое-то время я сохраняю неподвижность, потом, не отбрасывая простыни, поворачиваюсь к Тане, кладу руку поверх ее рук. Глаза ее открыты, она смотрит куда-то вверх. Я перевожу руку на ее грудь.

– Витя, не надо лучше...

Она молча встает, идет к шкафу и возвращается одетая в глухую ночнушку до пят, устраивается на кровати, повернувшись ко мне спиной...

Я просыпаюсь от прикосновения Таниной руки к моей щеке.

— Вставать пора, гость дорогой! В ванну, одевайся и на кухню.

В голосе педагогический напор.

— Вот теперь я кофе выпью. — Она улыбается без какого-либо смущения. — Подкрепись. Это — бутербродики с маслом и сыром.

— Что приснилось на новом месте?

— Что всегда или почти всегда — зеленое поле, берег реки, бегущая вода...

— Счастливый ты, Витя, человек! И здоровый психически. У меня чаще кошмары. Бегу от кого-то, прячусь, ищу Сережку...

Таня замолкает, задумчиво пьет кофе.

— Ты знаешь, Виктор, захотелось мне там, у Вадима, почувствовать себя женщиной — не вышло...

— Это моя вина, наверно?

— Нет твоей вины... Главное в женщине, во мне в данном случае. Прошу прощения, больше не буду...

Таня грустно улыбается, касается рукой моей руки. Я ухожу, так и не поцеловав это красивое лицо, эти удивительной чеканки губы, а вослед — пожелания: «Не забывай про литучебу, 102 звони». Мы останемся друзьями и это хорошо.

Муторно тащились дни после праздника. О Нинке ничего не было слышно, Тане я не звонил. Пробовал читать Бродского — действительно не по зубам, хотя есть стихи понятные, несущие подтекст, которого не хватает моим. Садился перед листом бумаги, вымучивал строку... Муки творчества, словом. Вспоминалась Нинка. Может, стоит всерьез заняться ею, с перспективой на будущее?

В цеху я стал по-свойски заходить на участок протяжки, с блондинкой здоровался, с Олей перебрасывался несколькими фразами, а если она была занята, смотрел минуту — другую как она ловко управляется с техникой. Стас подходил несколько раз с виноватым видом, заговаривал о пустяках. Созвонился и зашел к Тане, отчитался по первому тому Бродского — получил от Тани «тройку» за прилежание. Пил у нее кофе, познакомился с Сережкой. С Таней установились дружеские отношения с долей влюбленности. Читал ей новые стихи.

В пятницу ко мне подошел в ресторане Борис, с двумя, как обычно, кружками пива, присел напротив за мой столик. Припав к первой кружке, помолчал, изучая меня звероватым взглядом.

— Загуляла твоя Нинка...

— Не моя она, — отпарировал я, прожевывая окорочек.

— Это так. Она общая. Опять в молодежную свору влилась.

— Пусть гуляет, пока молодая. — Я говорил вполне искренне.

— Ей надо нагуляться напоследок. — Борис пил вторую кружку, пена блестела на верхней губе. — Летом ее жених приедет.

— Жених? Она ни о каком женихе не говорила.

— А зачем ей говорить кому-то? Парень оканчивает военное училище, получит чин, увезет нашу Ниночку куда-нибудь в гарнизон.

— И она поедет? Что она не видела фильма про наши гарнизоны?

— Поедет. Ей замуж надо выйти, а кто ее здесь замуж возьмет? Может, ты хочешь взять? — Борис смотрел на меня с явной усмешкой. — А что? Молодая, пухленькая, тепленькая...

Я чуть не поперхнулся. Что мне сказать, если появлялись такие мысли?

— Не хочешь? Нинка лет с тринадцати с пацанами барахталась. Ей это дело вроде щекотки, она по-настоящему и не женщина.

Допив пиво, Борис встал.

— Катерину давно видел? Она тебя вспоминает. Может, зайдём сейчас в общагу к девам? Я с Валентиной хочу повидаться. А?..

— Нет, не пойду. Здоровье сегодня не позволяет, — отшутился я. И зря помянул про здоровье...

Нинка пришла ко мне дней через пять после разговора с Борисом. Было около часу дня, я переписывал не складывающееся стихотворение и собирался на обед. Нинка вошла удивительно тихо, без громогласного «Привет, привет!». Сказала просто: «Здравствуй, Витя» и присела на стул, не снимая пальто.

— Привет Нинок! Почему не раздеваешься?..

— Я ненадолго...

Я удивился. Сама скромность! Нинка была трезва, но выглядела неважно. Бледная, круги под глазами, грустная, даже напуганная.

— Как твои дела? Вид больно скучный у тебя.

— Тебя, Витя, на Лесную не вызывали?

— На Лесную? С какой стати? — насторожился

я. На Лесной улице был известный всем диспансер по интимным болезням.

– Я там лечусь... Меня допрашивали... С кем, когда... Тебя я не называла, не была я с тобой...

– Меня не вызывали... «А пригласить могли бы...»

– Ленка тоже лечится... Ну, я пойду.

Нинка встала, поправила шапочку.

– Постой, Нинка! Здоровья тебе. И наперед головой думай!

Нинка ответила несмелой улыбкой. Она и пришла-то ко мне за добрым словом. Кто ей скажет добрые слова, узнав о болезни? От родителей упреки, от молодых друзей – насмешки.

Сообщение Бориса о намерении жениться и меня заставило серьезнее взглянуть на проблему семьи и брака, для меня уже повторного.

Катерина и Нинка отпадают, Таня под большим вопросом. Может быть, Оля, тоже мне не безразличная, но пока малознакомая. Встреча у Стаса и разговоры на участке протяжки не сдвинули с места наше знакомство. Я не знал, с чего начать сближение. Серьезность Оли, замкнутость, легкий флирт исключали. Мои стихи, как повод к знакомству, только в воображении Стаса 103 могли нас сблизить.

В пятницу, когда я в очередной раз пришел на участок протяжки, Оля подала мне билет на спектакль:

– Виктор, если хочешь посмотреть наши драматические силы, вот билет на завтра. Классика в исполнении дилетантов. Может быть, тебе надо два билета? У меня есть еще.

– А ты идешь? – Я был готов к отрицательному ответу. Оля ответила, что идет.

Кое-что об Оле мне рассказал Стас, когда мы возвращались с работы. Все эти сведения у него от Томки, школьной подруги Оли.

Оля дважды поступала в медицинский институт. Поступив – ушла с первого курса из-за безразличности к анатомическим препаратам. Пошла временно на завод. Из парней ближе всех к ней молодой режиссер театра Дома культуры. Познакомилась с ним через своих родителей, актеров любительского театра. Режиссер этот вроде бы ухаживает за Ольгой...

Мы сидели на почетном четвертом ряду, и я делал вид, что не замечаю руку Ольги, лежащую на моей. В антракте мы чинно прогуливались в

фойе, и Оля сообщила мне, что в спектакле играют ее родители. По окончании спектакля вышла на поклон вся труппа и режиссер, невысокий, щуплый, лет тридцати пяти. Длинные волосы, зачесанные назад, открывали далекие залысины. Кланяясь, он придерживал очки с круглой темной оправой.

Потом, не спеша, шли по центральной улице города, позволяя другим парочкам обогнать нас и занять свои облюбованные гнезда. Снег поскрипывал под ногами, и это почему-то напомнило мне о Тане – во время спектакля я про нее забыл. Может быть, она тоже была в ДК?

– А режиссер мне знаком. Он к нам несколько раз приходил, к маме и папе, – Оля снизу заглядывала мне в глаза, – Мне цветы, маме – конфеты...

– Сватать, наверно, тебя собирается, – ляпнул я, но Оля не смутилась нисколько.

– Не знаю, это мамина затея, не моя, – и она взяла меня под руку. – Мама тянет меня в театр. Сперва папу втянула, играет там смешных старичков, вроде шолоховского Щукаря. А я играть не хочу. Скучно и нелепо играть в жизнь.

– Жизнь ведь тоже игра. Есть правила ее игры, законы, постановления, общественные взгляды...

– Это так, но только жизнь нельзя проиграть повторно, а ошибку в спектакле можно исправить на репетиции.

Эти слова Оля произнесла серьезно, словно уже познала цену непоправимых ошибок. У подъезда мы попрощались, пожав руки. Мою она задержала чуть-чуть, словно хотела сказать что-то кроме: «До свидания!». Усмехнулась и молча ушла.

Вадим пригласил меня на «мужской праздник» – День защитника Отечества. Я пришел раньше других гостей. Даша теперь рисует, она попросила меня нарисовать ей что-нибудь. Я напруг все свои рисовальные способности и первым в Дашином альбоме появился заяц. Это вызвало бурю восторга у Даши и ее родителей – у Вадима хорошо получались дома и самолеты, у Юли – только цветочки. Вслед за зайцем заказан был слон, потом киса...

Приход Олега Ильича и Галочки спас альбом от полного истребления чистых страниц. Юля забрала фломастеры, сказав, что дяде Вите надо отдохнуть, он очень устал.

Пришла Таня. Её появление в праздничном наряде укололо меня в сердце. Она улыбалась, шутила, меня обняла и коснулась щекой. Таня-Таня! Так ты и останешься занозой в сердце? Мы опять сидели рядом, и праздник шел по обычному сценарию, только тосты были другими, с воинским уклоном. Я и Таня тоже говорили о своем, по мелочам. После третьего тоста – «За любовь!», Таня, понизив голос, сказала:

– А у тебя, Витя, новая девушка?

Она с улыбкой взглянула на меня. И отвела глаза.

– Можно и так сказать, если считать, что ты старая девушка, – шутка получилась неудачной, но лучшего не успел придумать. – Значит, ты была на спектакле наших самодеятельных?

– Да, была. Они, кстати, тянут на народных. По-моему, заслуживают.

Заполнив паузу едой, я не находил слов для продолжения разговора.

– Да ты, Витя, не смущайся. Я ведь не только «старая». Я твой друг. Подруга твоя мне понравилась. Молодая, но не школьница, подобная той, какую ты демонстрировал на прошлом спектакле.

Значит, она знает о Нинке, а может и о Катерине? В маленьком городишке, с одним большим заводом, можно всегда узнать все и обо всех... 101

– А теперь послушаем раритеты, – провозгласил Вадим, ставя новый диск. И грянуло – «Расцветали яблони и груши», потом «Три танкиста», вальс « В лесу прифронтовом»... Мы подпевали. Близки и нам эти песни наших отцов. И еще вальс: «Ночь коротка, спят облака»....

– Танцуем, Юля! – и подхватив жену, Вадим повел ее по кругу. – Ну, а вы что притихли? Вальс что надо, офицерский!

Я повел Таню через такт, не прокручивая – где уж развернуться в комнате обычной пятиэтажки! И опять сердце мое стучало рядом с Таниным: «И лежит у меня на погоне незнакомая ваша рука...» Галка командовала Олегом, тот топтался некрупной пандой.

Говорили почему-то о Галине и Олеге.

– Они, наверное, поженятся. Олег славный парень, а Галинка не даст ему скучать. Нашли друг друга... Не красавец Олег, ну и что? Вот мой красавец был, и нет его. Подарил красавца сына, который, кроме меня, никому не нужен...

Таня умница, ей понятно, почему я не сделал решительного шага навстречу, поэтому она и говорит эти жесткие слова.

– Таня, я твой друг...

– Я знаю...

Оказалось, что на спектакле в ДК были и мои соседки по общежитию, Клава и Вика. Конечно, я был ими замечен в обществе Оли. Вечером в коридоре Вика крепко схватила меня за руку.

– Виктор! Ты что-то давно не заходил к нам на чаек, стихи бы почитал, – Вика мило улыбалась всем своим круглым личиком. – Клава даже забеспокоилась о твоём здоровье.

– Здоров я, спасибо за заботу. Зайду, дайте цеховую пыль стряхнуть.

– Чай будет с вареньем из запасов Клавы, и свежее печенье из гастронома.

Я переоделся в спортивный «Адидас» и даже побрился – к девушкам иду!

– Итак, Витя, – помешивая ложечкой в кружке, начала Клава. – Итак, у тебя новая подружка?

– Допустим, – согласился я.

– Не допустим! Это девушка с нашего завода, спортсменка, красавица и не чета твоим... называть не хочется! – закипела Вика.

– И в обиду мы ее тебе не дадим, так и знай! – включилась Клава.

– С чего вы взяли, что я ее обижу? – несколько деланно возмутился. – Она со мной в одном цеху работает, я её давно знаю... – приврал я для убедительности.

– Отец ее, Петр Кузьмич, работает в отделе экспедиции, уважаемый человек! – не снижая напора, продолжила Вика.

– Да что вы, девчонки, взъелись на меня? Пригласили на чай с вареньем, а устроили форменное судилище! Вот возьму и уйду, не буду ваш чай пить!

Сделав такое грозное предупреждение, я, однако, не сдвинулся с места, продолжая с удовольствием поглощать варенье из лесной земляники.

– Витя, ты нас пойми. Мы за тебя, и тебе только добра желаем. – Из литровой банки Вика зачерпнула полную столовую ложку варенья и положила мне в розетку. – Ты, конечно, после своего неудачного брака ищешь свою половинку, и, может, она рядом?..

Эти добрые девчонки добровольно взяли на себя обязанность свах! Они так горячо и подроб-

но рассказывали мне о достоинствах Оли... Нет, им я не стану докладывать, что маленькая девушка из цеха уже занимает первое место, вытеснив всех прочих претенденток, даже Таню. Реалии жизни сбросили с глаз моих розовые очки. Я стал реалистом, даже циником. Оля симпатичная девушка, но далеко не такая красивая, как Таня, не такая молодая, как Нинка, не такая, возможно, страстная, как Катерина, но теперь всех она опережает. И все же не стоит торопить судьбу.

Весна действует магически, несмотря на зимнюю погоду, появляются новые стихотворные строки:

*...Опять пришел он,
Радостный, тревожный,
Весны привратник,
Синий месяц встреч...*

«Привратник» не нравится и дальше стихотворение не идет. В субботу встретил Таню, возвращалась с лыжной прогулки. Прикид у нее классный, спортивный. Красно-желтая ветровка, шорты голубого цвета в обтяжку на бедрах, белые гетры. И лыжи на зависть! Куда до них моим старым «Карху». Не стал ее задерживать. Я в зимнем пальто и мохнатой шапке, а она в легком 105 костюмчике, с ленточкой стягивающей волосы и прижимающей уши. Разрумяненная после пробежки, улыбающаяся... «Как позабыть лицо твое степное...» Нет, не забыть!

В понедельник в цех наведалься отец Оли, Петр Кузьмич, старший экспедитор, по делам, якобы... Но я понял, что тоже на вылазку, по мою душу. Зашел и на мой участок, задал несколько вопросов по работе. Разглядел его без грима. Небольшого роста, с копной сивых волос. Под густыми бровями в складках век острые живые глаза. И нос уткой. Дочка пошла в папу. Маму видел только на спектакле – крупная, осанистая, курносая блондинка. Дама! А Кузьмич – типичный рабочий класс...

С утра договорился проводить Олю после работы. Попытаюсь узнать истинные причины появления папаши...

Шли по пустырю, по перемятому сотнями ног снегу. Но шли вместе с «конторой». Нас обгоняли женщины из отделов, оглядывали, здоровались с Олей, меня изучали – с кем это их Оля?

– Я знаю, что папа приходил и знаю, почему, – сама начала Оля.

– Почему? – Буркнул я не очень обрадованный встречей с Кузьмичом.

– Потому что я вчера своим родичам заявила, что познакомилась с тобой, и что...ты мне понравился.

Такой откровенности я не ожидал, молча утапывал снег.

– Ты что молчишь, Витя? Недоволен?

– Нет, почему же?..

Значит, родителям она доверяет и вот так, прямо, может им обо всем сказать.

– У нас в семье конфронтация полная. Мама категорически против какого-то заводчанина. Она в своих театральных иллюзиях. Таня, сестра моя старшая, за меня, а вернее против Вадима, режиссера. Она его и раньше недолюбливала, а тут... Отец решил познакомиться с тобой поближе, но Вадима он никогда за мужчину не считал. Вот такой расклад...

– Вот оно как, – не зная, что сказать, я замолчал. – А кем ты меня представила?

– Тебя? Товарищем по работе, другом даже. Я была права?

Оля мне все больше нравилась. Мы стали встречаться у Стаса. Приносили сладости к чаю и для Владика. Общались, Оля с Томкой, я со Стасом. Пили чай и потом уходили в коридор, облюбовав себе место на ларе, где Томка хранила старые вещи. Мы сидели, прижавшись друг к другу плечами, касались руками, но мне и в голову не приходило обнять Олю или поцеловать, хотя разговоры становились все более доверительными и откровенными.

О чем мы только не говорили! Часто разговор касался книг, нами читанных, литературных героев и героинь. Я признался в подростковой любви к Павке Корчагину и парню из «Школы» Гайдара. И Печорин, фаталист и покоритель женских сердец, был одно время моим кумиром. Я копировал его вежливо-презрительный тон, манеру поведения.

– А твоя героиня кто? Наташа Ростова или Жанна Д'Арк?

– Смеешься? В пятом классе я прочитала «Евгения Онегина» и запала, что называется, на Татьяну Ларину. В старших классах страсти по «Онегину» поутихли, а выпускной вечер перечеркнул мою виртуальную любовь. Да и любовь вообще...

Вопрос «Почему?» я посчитал бестактным и рассказал о своем выпускном, суматошном, не-

много пьяном, с массовым купанием в реке. Тогда Толика Лизунова чуть не утопили, еле откачали... Большинство из нас готовились служить Родине. Никто не откупался, не «косил». Отец мне тогда сказал: «Послужи сынок, научись подчиняться, чтобы потом мог командовать».

Я послужил...

* * *

Пришло письмо от матери. Писала, что прибаливает, скучает по мне, хочет чтобы приехал хоть на недельку. Отец слабеет, возраст дает о себе знать. Родни в городе почти не осталось. Старые умирают, молодежь разбегается кто куда. Антонина иногда заходит. С новым боссом у нее разногласия. В конверте был вдвое сложенный листок бумаги – записка от Антонины. Писала моя бывшая, топ-модель городская, что учла свои прежние ошибки и готова вновь продолжать совместную жизнь.

Я сунул письмо и записку в карман перед визитом к Стасу.

– Мать прислала письмо, зовет в гости, – я вынул письмо и в отрывках, пропуская подробности, прочитал его Оле.

– Виктор! Ты должен обязательно поехать. Когда у тебя отпуск?

– Могу хоть завтра взять, только время не отпускное. У нас сейчас грязюка по колено, и искупаться в речке нельзя...

– Какая речка! Мать же тебя просит приехать! Езжай!

Толи из хвастовства, то ли по глупости я подал Оле записку.

– Что за писулька? – Оля улыбалась, разворачивая листок.

– Прочти!

Оля пробежала взглядом короткие строки записки, потом еще раз и вдруг начала бледнеть. Такое я только читал в романах но никогда не видел. Мне показалось, что она падает. Я обнял ее и прижал к себе.

– Оля, что с тобой?

Она освободилась от моих объятий, отстранилась.

– Так что с тобой, Оля?

Она достала из кармана платочек и провела им по лицу.

– Дурак ты, Виктор! Я люблю тебя... Вот что со мной...

Я почувствовал, как кровь бросилась к моему лицу. Этот клочок бумаги сработал как дето-

натор. Я, конечно, был дурак, не заметивший как Оля раскрывалась передо мной в разговорах, как влюбленно смотрела на меня при встречах. Я дурак, я слепой... Что сейчас сказать ей в ответ на признание?

Не помню о чем говорил... Но сказал, что поеду к матери во вторник. Оля безучастно обронила: «Езжай». В понедельник в цехе я подошел к Оле, поздоровался. Она окинула меня потухшим взглядом, только и произнесла: «Здравствуй, Виктор», и отвернулась к станку.

* * *

В моем родном городе, на неглавной моей улице, грязи хватало. Мать плакала от радости, отец, покашливая, курил самосад – сигареты он не признавал. Он действительно сильно изменился. Остатки седых волос лохматились за ушами, ввалились щеки. Он приглядывался ко мне, интересовался моей работой.

– Работа твоя не серьезная – чужие огрехи искать. Работа – это когда готовую вещь свою можно в руках поддержать... Да ладно! Сейчас молодые, здоровые парни не работают. Покупают – продают. Базар!

На правах экс-супруги пришла Антонина. Топ-модель, да и только. Высокая, голубоглазая, с грустной миной на намакияженном лице.

– Витя! Я тебе в записке всю правду выложила и готова поклясться...

– Тоня! Не клянись. Поезд ушел. Тот, свадебный...

– Но почему? Ведь мы почти два года с тобой жили. Я заведу ребенка...

– Заводи. Все у тебя впереди, только не со мной.

Я увидел, что Антонина приходит в состояние ярости, это случалось с ней и во время нашей супружеской жизни. Не сказав «до свидания», она ушла, хлопнув дверью.

Узнав о моем приезде, в гости пришел младший брат отца, дядя Иван. Он всю жизнь до пенсии проработал сельским учителем. Любил выпить и пофилософствовать. Помню, узнав, что я собираюсь жениться на Антонине, высказал мысль, верность которой я осознал много позднее.

– Красивая у тебя, племяш, жена будет. В мое время такие девчонки редко попадались. Были росточком поменьше, фигурой поплотнее. Красивая Тонька, ничего не скажешь! Женишься – сразу заводи ребенка. Да не одного! Тогда и

будет семья. Без детей, без домашнего хозяйства, женщина не жена – игрушка. А игрушку или выбросишь, или она сама к другому перебежит.

Выпили по чарке, поговорили. Вспомнив про Антонину, дядя Иван повторил ранее сказанное: «Пустая девка».

Дожив до субботы, я совсем заскучал. Смотрел в окошко, как размешивая грязь резиновыми сапогами, идут в кинотеатр парочки. Смотрел. Думал.

Конечно, я люблю Олю. Но по-другому. Это не шальная страсть к Антонине, не влюбленность в Таню... Эта любовь, о которой мне сказала бабка Мария, покойница.

– Егор ведь так жалел меня! – вспоминала она мужа. – И я его жалела.

– А любила ты, бабка Маша? – Мне тогда было шестнадцать и вопросы любви меня интересовали.

– А как же! Только это, пока мы с Егором женились...

Я как будто знал Олю много лет, любовь моя к ней подходит под формулу бабки Маши – я Олю желаю и жалею...

Я взял билет на поезд и послал Оле телеграмму. Последнее слово в телеграмме было: «Люблю».

Оля бежала по перрону, разбрызгивая мокрый снег. Она поскользнулась, чуть не упала, и мое сердце сжалось от испуга. Она подбежала, сверкая своими азиатскими глазами, счастливая и... испуганная. Я обнял ее и осторожно поцеловал. Первый раз поцеловал...

У меня оставалось еще несколько дней отпуска. Я то садился за стихи – они не шли, то прогуливался по городу, подходил к еще скованной льдом реке. Я позвонил Тане и сообщил, что в моей жизни грядут изменения. Она выдержала паузу и потом буднично спросила:

– Это та девушка, с которой был на спектакле?

– Да...

– Поздравляю. По-моему, она хорошая. Счастья тебе, Виктор... – и повесила трубку. В пятницу мы с Олей подали заявление в ЗАГС, а вечером пошли к Стасу.

Стас бурно выразил свое одобрение и, конечно, предложил отметить этот факт застольем. Я сразу же отдал ему остатки своих отпусковых.

– Томка! – в обычной манере он дал указание жене, которая уже обнимала Олю. – Готовь все к столу, а я, в гастроном. А вы, голуби, сидите, воркуйте...

За столом он сыпал тостами и пожеланиям. Томка пила с ним на равных. Стас хвалил Олю, ругал Томку. Подтянув меня к себе, предложил на уху:

– Оставайся у нас с Ольгой. Наша кровать в вашем распоряжении. Вы же молодожены!

Томка ушла к Владику в спальню, Стас успокоился, уткнувшись в стол лицом, а мы ушли на «свое» место и сидели там, держась за руки.

– Ты знаешь, Витя, баталии у нас в доме не прекращаются. Мама все сплетни о тебе собрала и выложила на семейном совете. Отец и слушать не стал. Сказал, что Виктор, то есть ты, мужчина и этим все сказано. Татьяна посмеялась, пристыдила мать, а та все причитала о режиссере, какой он талантливый, культурный, интеллигентный... Я встала из-за стола и ушла к себе.

– Оля, а Стас расщедрился и предложил нам, как молодоженам, свою семейную кровать. Прямо на эту ночь.

Вдруг Оля опять начала бледнеть. Она справилась с собой, вздохнула, держась за сердце. Я с испугом глядел на нее, не понимая причину шока.

– Витя! Я не девушка... не девственница... Тогда, на выпускном, напоил меня... подонок...

Лицо ее исказилось гримасой горя, и она зарыдала.

Я обнял Олю, прижал ее к себе:

– Дурочка ты моя! Любимая дурочка!

**Александр
СОКОЛОВ**

**УШЕДШЕЕ
ПРИКОСНОВЕНЬЕ**

* * *

Валерию Зубареву

Уходят поэты
Забытых времён.
Они, как кометы:
В них кто-то влюблён.
Уходят поэты,
Но след их строки,
Не сверить со сметой
Берущей руки.
Они как рассветы
В тиши у реки,
Они как в тумане
У скал маяки,
Они, словно слитки
Сверкающих гроз,
Остывшие в свитках
На теле берез.
Где в черточке каждой
Судьба и любовь;
Сюжеты непонятых
Судеб и строф.

* * *

Вдоль забытых дорог
Закружилась опять позолота;
Миллионами звезд,
Рассыпаясь по воле ветров.
Тихо плачут дожди,

Вспоминая ушедшее что-то,
Средь пылающих всюду
Холодных осенних костров.

А в печи слышен треск,
Стол накрыт и за рюмкой беседа;
Я вернулся к тебе
Через эту промозглую хмарь
Как ты здесь без меня?
Все, как есть на духу мне поведай,
Ведь так долго жила
В твоём сердце разлука-печаль.

Дров подкинула в печь,
Засияв у малиновой дверцы,
Сзади легкой походкой
Неслышно ко мне подошла
И горячей щекой,
Прислонившись, как будто
всем сердцем,
Тихо мне прошептала:
Как долго тебя я ждала!

Дождь течет по стеклу,
И слезинка скользнула с ресницы
На губах горькой солью,
Тревоги бессонных ночей,
Все уже позади
И пускай тебе милая снится,
Как венчает Господь нас
Короною первых лучей...

108

СОКОЛОВ Александр Юрьевич родился в 1956 году в селе Завидово Тверской области. Учился в Ленинградском художественном училище им. В. Серова на отделении дизайна. Работал в различных заведениях культуры в качестве художника-оформителя и преподавателя. Участник нескольких художественных выставок. Публиковался в областных периодических изданиях, журнале «Огни Кузбасса», автор книги стихов «Регион 42», лауреат премии им. Кожевина в номинации « поэзия». Оформил десятки книг кузбасских авторов. Живет в Кемерово.

* * *

Только так, – промелькнет силуэт
И уже не хватает столетий,
Чтобы в вечном круженьи планет
Тебя Солнцем сияющим встретить

Из безумных, несбывшихся снов
Убежать от тебя не могу я,
Где под шелковый шелест оков
Был разбужен твоим поцелуем.

Я остался в оковах весны,
Но как тополь осенний редеею.
Ты с собой унесла мои сны,
Став бессонницей вечной моею...

ПЕРЕЧИТЫВАЯ Б. ПАСТЕРНАКА

Давай мой друг ронять слова
Сквозь осень, как янтарь и цедру
Еще не завтра, но вчера
Мы жизнь цедили словно вермут

С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей,
Где спят обугленные души.

Давай, мой друг, ронять слова,
Как с корнем вырванные ноты,
Чтоб поднялась душа со дна,
Из глубины охрипших глоток.

Как хочется порою взвыть,
Иль молча полоснуть по венам,
Как душно в черном теле жить
Душе крылатой и нетленной.

Мой голос криками изрыт,
Но он звучней все и сильнее,

И сердце пусть поет навзрыд,
Лишь так она не зачерствеет.

Давай, мой друг, ронять слова
Строфой на клавиши рояля
Чтоб превратить глоток вина
В глоток божественный Грааля...

* * *

Снег, похожий на мел,
Лишь немного счерна,
На закате зардел,
Как мужик от вина.
Силуэты мрачней,
Дым столбом из печи,
Хруст сибирских ночей,
Да корова мычит...

* * *

Небо шелковым покрывалом
Разрывалось на сотни заплат.
Синева между ними гуляла,
Как дивчины гуляют меж хат

И деревья, как будто венчаясь,
Цветом белым осыпались в май,
А под ними старухи скучали
На скамейке, где рос молочай.

* * *

Ночь каменеет в небесах
И падает на твердь земную.
Не прочитать уже в глазах
Горячую слезу живую
И кружевной платок в руке
Стирает путь ее паденья,
И высыхает на щеке
Ушедшее прикосновение...

Валентин
КУРБАТОВ

ВЫСОКИЕ ОБЛАКА

I

Сад после дождя так нежен. Кузнечики взялись за косилки, пока трава влажна, и слышно, как торопятся переехать поле. Ласточки, только чертившие сад, вспыхивают под последним солнцем высоко-высоко. А сад уже присмирел и вслушивается в каждое падение капли с листа. И отчего-то вдруг пронзительно одиноко. Без боли, а высоко и печально, как этот полет поднебесной ласточки.

В такой час хорошо вспоминать ушедших и, слава Богу, еще живых милых друзей. И отчего-то первыми, конечно, вспоминаются поэты, которые всегда роднее вечеру, чем прозаик.

Я не пил из кастальских ключей и то чувствую немое томление по слову, которое обняло бы это долгое падение капли, это краткое мгновение, полное мучительной тишины мира. А уж как слышали бы эту тишину они!

Володя Башунов, верно, при самом предчувствии таких летних вечеров, оставлял девятый этаж своей скучной Северо-Западной улицы Барнаула и добирался до родной опустевшей деревни, чтобы посидеть над материнской и отцовской могилами, наглядеться на милую свою Бию, которая и сейчас, когда Володи давно нет, всё летит, как в его детстве, с молодым шумом и озорством, не ведая возраста, смущая равнодушным весельем, но им же и врачую сердце («И плачу я, большой и сильный, уже давно немолодой, над золотой травой, и синей, и над зеленою водой»). В последние годы его письма делались невеселы, хоть и оставались горько-смешливы (научился у родной реки смеяться и в час печали), и в них все реже мелькали стихи, которые, бывало, глядели с отдельного листочка чудно и странно, как всегда глядят стихи в письмах, словно ждал одного гостя, а пришли два.

Замечали ли вы, как изменяется ваш голос, когда вы читаете эти стихи про себя, словно вы смущены и обрадованы и немного не узнаете милого друга. Только что он говорил так привычно и знакомо, и вдруг сквозь него проступил кто-то другой, прекрасный и неожиданный, и этот другой требует и от вас вспомнить в себе высшее Господне значение. В книжке совсем другое – там вы готовы и все естественно. А тут на минуту сму-

тишься, потому что требуется забыть день на дворе для целомудрия чистого сердца. Уже сколько лет я не слышу родного Володиного голоса и тоскую по нему, потому что не могу без него назвать вот такого вечера, этих ускользаний, недоговоренности, этих предчувствий, в которых он был так прост и точен.

А Толя Гребнев, поди, вернулся в своей пермской Байгуловке с ночного дежурства. Хирург по первому образованию, он предпочел психиатрию, и уже в серьезные лета переменял специализацию, и теперь его дом в соседстве с лечебницей, чьи пациенты живут параллельным миром, в который нам нет прямого входа. Он и из окна-то видит свою лечебницу. И если я подойду со стороны деревни, он не увидит, пока не постучу в дверь.

Мы обнимемся, и уже в бане, когда вылетишь передохнуть, развернет гармонь, доставшуюся ему от замечательно игравшего на ней брата Василия Ивановича Белова Юрия, и мы всласть напоемся. И с печалью вспомним недавно погибшего Геннадия Заволокина, который любил и играл Толины песни. Геннадий извлекал музыку из этих стихов так естественно, что, казалось, выпрастывал его готовой, и она рождалась сама и излетала из стиха жаворонком на нити строки. А уж там непременно пойдут частушки: «Мы грустить с тобой не станем. Раскатысь, как раньше гром: «Мы свою гармонь растянем, а чужую разорвем!». Не умеет Толя вятской песенной душой долго печалиться.

И я никогда не буду знать, где у него чужие частушки, которых он знает тысячи, и тут бы им с Николаем Старшиновым друг друга не одолеть, а где при заминке вылетит и своя, рожденная с мгновенной свободой, словно тоже выхваченная из воздуха готовой. Тут уж его народное сердце говорит, кровь трав и небес, полей и птиц, бабушек и дедушек, маслениц и постов. Все родословие милой Родины проросло в кровообращение и живет там, ожидая только оклика мира, мгновения совпадения света сердца и дня, чтобы излиться с необычайной простотой, где не найдешь следа усилия и труда воображения.

А Виталий Науменко, очевидно, всякий раз проходя по улице Красных мажар в Иркутске, вспоминает жившего тут некогда Толю Кобенкова (для меня Толю, а для него, конечно, Анатолия Ивановича) и как при встрече их музы вслушивались друг в друга, в оттенки опасно самозащитного чувства, которое – особенно перед другом – страшится банальности, повтора, цитаты. Прекрасно вооруженные, они слушали друг друга ревниво и бережно – Виталий, удивляясь чудной простоте в сложной ткани стихов своего старшего товарища, а Анатолий, завидуя свежести молодого чувства, которого уже не возьмешь ни силой, ни опытом: «Возлюбим друг друга за рифмы, связавшие строки, / за жадные строфы, не знавшие ночи и страха, / за то, что для них начинаются новые строки – / натежен топор, и ни малой пушинки на плахе». Беседа ведь прекрасна именно этим – неожиданным прорывом к себе, когда, ухватившись за слово, рифму, промельк чувства, внезапно кидаешься пере-

бывать собеседника, пока не забыл, потому что ослепительная яркость Бог весть откуда взявшегося понимания требует немедленного выхода. «Беседы блаженнейший зной» – звала это чудо Ахматова.

И, Господи, кажется, еще так недавно можно было позвонить Гене Кононову в соседнее Пыталово, и он глуховато, будто себе, прочитал бы что-нибудь из недавнего. Прочитал замкнуто, с ясным чувством дистанции, как многие из них, кто сложился в глухие 80-е, не давая жизни настичь себя неготовым, в тесной маске иронической свободы, так что ты сразу чувствуешь, что ты при чтении лишний. О, они что-то такое узнали, что позволяло им говорить через наши головы, понимая друг друга с полуслова и ускользая, – одинокие недоверчивые дети немого времени. Они не мстили ему (ну, разве изредка на срыве), потому что знали, что тайна где-то глубже, в том числе и в них, в их потаенной замкнутости. «Что ни год, я все меньше живу и все больше кажусь, / Сохраняясь в пределах освоенной роли без боли». Или, как задолго до Геннадия ощупью написал измученный, нарочито спившийся, сведший себя со свету несчастный пермский поэт Николай Бурашников: «Душа... она не без потемок. / В ней есть такие уголки, / где мысль блуждает как ребенок, / и страшны в тишине шаги». Кто-то, а они эти «страшные шаги» слышать умели и умели сказать о них, осмотрительно не называя напрямую, как из боязни вызвать темную силу, но обставляя словами, которые селили в сердце смятение и зыбкую тревогу. Они и говорили, кажется, не смыслом слов, не Господней их глубиной, словно она была навсегда повреждена для них бесстыдным и ложным употреблением, а одними оболочками, целомудренно защищая живую сердцевину слова.

II

Какие же они по Руси были разные: романтически нежный и надежно ясный Виктор Тимофеев в Мурманске, безупречно точный, ведающий тонкую меру знания и молчания, доверчивости и скрытности Евгений Курдаков в Новгороде, короткий, как взгляд, и долгий, как воспоминания детства, Алексей Решетов в Перми, жесткий и усталый Евгений Лукин в Волгограде («Полистаешь наугад – / все расстрелы да застенки. / От Памира до Карпат / нет невыщербленной стенки. / Вот и думаю мне: / до чего же я ничтожен, / если в этой стране / до сих пор не уничтожен»).

А в Омске, Тюмени, Екатеринбурге (хотя этот город, кажется, не любит, когда его ставят в ряд, потому что числит себя третьей, а то и второй интеллектуальной столицей)! А в Рязани, Костроме, Нижнем... «Богаты мы едва из колыбели» – оттого и можем себе позволить время от времени снисходительно всеведущие разговоры о кризисе, а то и о конце искусства, об усталости русской поэзии. Конечно, когда слышишь в рубрике русского «настоящего» радио «настоящую поэзию» всё одного только московского извода, – благородно печального, философски тонкого, религиозно возвышенного, метафорически изобретательного, – поневоле о

кризисе заговоришь. Захочется чего-нибудь попроще, поземнее, да хоть бы позлее, понеумелее, с окликом живых небес, с шумом листвы под ветром, с ором птиц и немотой ночи, с пеньем и руганью, смехом и стоном, со всем тем, что никуда не ушло из жизни и поэзии.

Загнанные столичными журналами в однообразный круг, мы и правда временами готовы сдаться неверию. Я по Пушкинским нашим праздникам сужу. Когда группа подбирается наспех и по бедности союзов не может выманить дальних, собирая тех, кто под рукой и кто «встанет подешевле», скоро чувствуешь усталость. При этом поэты-то и не москвичи обычно по роду, а тоже еще недавно рязанские да костромские, но Москва скоро накладывает на вчерашнего провинциального гения властную лапу, заставляет оглядываться на «готовое платье» предшественников, «образовываться», то есть попросту терять себя под унифицирующим давлением электрического неба и дозированного воздуха. Все становятся умны и умелы, легко управляют с неподъемными темами, самоуверенно посягают на весь человеческий опыт, подгибая его под свой прирученный экклезиаст, и в конце концов вытираются друг о друга до неразличимости.

А вот получишь, скажем, письмо из Перми, да выпадет из письма короткий листок столбиком («Совладаешь ли с тоскою, / если духом одинок? / В дальнем городе во Пскове / ты печалишься, браток. / Я и сам не очень весел, / тоже есть с чего грустить. / Нам с тобой бы в этот вечер / друг у дружки погостить!»), и мир опять свеж и умыт, так что, глядишь, и московский поэт вдруг зажжется от этого листка еще невыветрившейся подлинностью. Жалко, что листки эти все реже. Ну, это можно перетерпеть – скоро и письмо-то сделается анахронизмом, «ером» и «ятем» нашего письменного существования. Только бы сами поэты не переставали писать стихи, не страшились равнодушия издателей или издавались сотней бедных экземпляров с оформлением подстать меню в какой-нибудь солигаличской чайной. Песня-то русская, частушка искала ли тиража? Или как, не помню уж, в чьих воспоминаниях, Мандельштам справедливо спускал с лестницы молодого поэта, пожаловавшегося, что его не печатают: «А Иисуса Христа печатали!» Он мог прибавить Гомера и Бояна, несчетных на земле сказителей, вплоть до нашей Марии Кривополеновой, великой памятливицы, веселой нищей старушки, которую за малый рост звали по деревням Махонькой, но которой за дух ее по Петербургу кланялись в ноги великие умы и таланты.

Может, по московской поэзии и меряется высота культуры, да зато по провинциальной нечто более важное – живая душа нации, ее песенная генетика, ее природный духовный запас, ее «недра». И пусть по заморским странам расселяются столичные поэты, пусть печатаются и славятся там. На здоровье! Не жалко! Это уж «готовый продукт», «промышленное изделие». А чернозем-то, земля и корень – все здесь, по дальним углам, куда не сразу доедешь и где еще надо приложить усилие сердца, чтобы услышать это необ-

работанное дыхание, которое оттого и кажется необработанным, что свежо и ново, будто слово родилось только вчера, все в земле и окалине с неостывшим огнем внутри. И стоит на единственном месте, так что вынь его и перевези в столицу, оно не будет знать, как ступить, но не потеряется, вызывая злую зависть, переодетую в высокомерие ли снисхождение у малых и мертвых, и восхищение у живых и открытых.

III

Беда только, что всякое противопоставление ложно, ибо хоть Истина и одна, но она одна в небесном смысле, как та, что неузнанная стояла перед Пилатом, а в земном – увы, все пестрее и потаеннее. Деление поэзии на столицу и провинцию в высшей истории русской литературы, которая есть единственно достойная история, – насильственно и произвольно. А. Кольцов, Я. Полонский, И. Никитин, Н. Клюев, С. Есенин, Павел Васильев, Николай Рубцов – по какой «графе» проводить эти великие национальные имена? Всякий из них мог с Пушкиным сказать «числюсь по России». А поэты «свинцового века» из прекрасной красноярской серии – Иван Ерошин, Александр Тиняков, Аркадий Кутилов и последняя в ряду Лира Абдулина, оплаканная в предисловии В. П. Астафьевым, метавшаяся, как все они, по русской земле с беспокойной музой, не попадая и не желая попасть в насильственный «лад» послушного существования, и с любовью простившаяся с друзьями «мольбой последней: пусть будут небеса к вам милосердней».

Все они «числились по России» и все могли бы пожелать друзьям милосердия судьбы, потому что хорошо знали вкус несчастья. И всех мы теперь славим, наперегонки порицая общество, которое было глухо и слепо к своим лучшим детям.

Судьба русского поэта не сверяется с пропиской. Она ищет Поэта и, боюсь, договор их обоюд и поэт знает, в какую дорогу выходит, принимая на себя это звание. «Тоскует он в забавах мира, людской чуждается молвы, к ногам народного кумира не клонит гордой головы...» И чего же он после этого хочет от мира, от молвы и от народного кумира? И на что сетует? И кого корят потом поэты и их биографы? Всякое новое время включает несчастных гениев в свои пантеоны и кажется себе мудрее минувшего, не умея уследить за переодеванием все тех же молвы и кумиров, которых опять уже дразнит новый поэт, готовя новую мученическую главу в истории русской поэзии и новый аргумент для нестареющей толпы: «Смотрите: вот пример для вас! Он горд был, не ужился с нами: глупец, хотел уверить нас, что Бог гласит его устами!»

А поэт знает, что подлинно – Бог! Бог гласит его устами. И оттого не смеет предать Его речи и не смеет сделать человеческий выбор, ибо тогда, может, и обзаведется биографией, да потеряет судьбу.

И потому поэзия и есть светлейшее проявление народного гения, и потому она хранит, и бережет, и заведает новым поколениям его душу, хотя бы, каза-

лось, как сегодня, что весь народ поделился только на продавцов и покупателей и разбежался по торжищам. Смею сказать, что поэзия – пусть это не покажется святотатством и кощунством – более хранит образ народа в его Господней полноте, чем религия, чьи истории и предание замешаны на чужой истории и предании, слишком перевешивают настоящее и более небесны, чем национальны.

Живущая одним днем, бедная провинция не умела прежде, а уж сегодня и вовсе не умеет понять, что она по-настоящему славна своими неудобными и порой беспутными детьми, с которыми при жизни так много хлопот, но кто дал этой земле имя, кто нарек ее рассветы и полдни, ее волю и долю, ее горе и любовь, достоинство истории и свет человека – ее поэтами, музыкантами, художниками. Это они несут имя малого своего города и единственные его черты миру и прививают душу малой своей земли к общенациональной душе и вековому русскому духу.

Не все они велики и художественно всесильны и не все дотягивают, даже после смерти, до широкой славы, но и всякий малый чистый голос, не слышный дальше околицы, – это живой и необходимый сосуд в системе национального кровообращения. Прекрасен старый и уж сто раз цитируемый образ, что велики Волга, Дон, Кама, Лена и Енисей, а погляди с небес, и увидишь, что их ветвистые синие жилы крепятся к земле волосяными нитями безымянных ручьев и речек, которые только на карте безымянны, а подойди к ним, и они назовут себя единственным именем и единственным голосом. И пока пишут русские поэты по своим углам свой дом и русского человека, народ не безличен и не позволит попить свою славу и историю, и все будет выситься и звучать среди других народов своим голосом в Божьем хоре и своим голосом просить у Бога воды и хлеба, не бегая за обносками чужих идей и чуждым способом чувствования.

А сегодня над моим садом идут блейшие облака, строя свои клубящиеся пенные недолговечные замки. Высокие, несравненные облака. Кто их только не писал и с чем не сравнивал, а они все плывут и ускользают в непередаваемой синеве и дразнят, как Гамлет Полония.

И мнится, есть какой-то урок в этой их величавой неизменности, которая не ведает ни минуты покоя. Отведи глаза на мгновение, и не узнаешь родного, только вроде ухваченного самоуверенным воображением неба.

Эти облака плывут сегодня и над вами, милые мои пермские, вятские, иркутские друзья. Сравните их, как умеете сравнивать и сводить несводимое только вы, и не подписывайте стихов, и я сразу узнаю, где кто из вас, в какой земле увидел плывущие сейчас над нами родные облака. И это будет значить, что русская поэзия жива всей нашей землей, и она высока и прекрасна, как эти облака, переменчива и неизменна, благословенна и молитвенна, спасительна и вечна, как русское сердце и Господне слово.

ВячеславЛЮТЫЙ

РУССКИЙ ПЕСНОПЕВЕЦ

(Художественный мир
стихотворений
Евгения Семичева)

*А теперь пребывают сии три:
вера, надежда, любовь;
но любовь из них больше.*

Св. апостол Павел.
1-е послание к коринфянам.
13, 13.

*И молчит сиротливо и скорбно
Русь моя на закатном ветру,
Будто ей перерезали горло,
Как и мне, на разбойном пиру.*

Евгений СЕМИЧЕВ

Песнопевец – таково другое название библейского Псалмопевца. Псалмы соединили в себе надежду человека на Божью милость, отчаяние, радость и гнев поэта, перед глазами которого рушится мир и гибнет все то, что еще вчера казалось прочным, надежным и если не вечным по земным меркам, то долгим, длительным, размеренно текущим... Главное в этих великих Песнях – упование на Бога, укорение себя, поиски мужества и надежды. Все земное в них очень условно, все природное – едва намечено. Потому, с точки зрения литературы, библейские Псалмы видятся, прежде всего, как поэзия исключительно духовная, «умная», не окрашенная образами природы. Это внутренние борения человека с самим собой и судьбой под всевидящим Оком Господним. Однако сколь силен здесь отпечаток сердца человеческого!..

У поэтов – разные лица и голоса, их духовное зрение различается по остроте и широте, а художественный словарь своеобразен, поскольку в нем, видимо, отпечатана скрытая от внешнего глаза душа художника. Но лишь тот, кто в состоянии почувствовать сердцем, уловить умом, выделить зрением и запечатлеть в живом слове широту и глубину родного – кажется, только он может быть назван, по древнему примеру, «песнопевцем».

Наша память хранит таинственный духовный очерк скрытого временем лица автора гениального «Слова о полку Игореве»...

«Веселое» и трагичное имя Пушкина уже почти два века почитается как символ отечественной поэзии...

А непонятый современниками Андрей Платонов стал народным голосом и словом, которые оплакали такой горький для России XX век...

Это русские имена, звучащие над русской землей, поющие на русском языке о русской беде, о русском счастье, что случились под русским небом... В них – русское предстояние Богу, русское благодарение и русский вопль Иова. Вот о чем идет речь, когда в привычном облике поэта мы прозреваем русского песнопевца.

Но есть и еще одно качество, которое во многом делает отечественную поэзию столь узнаваемо русской. Это замечательная устность, скрытая в письменном слове, свободно льющемся – кажется, так может петь только птица, и именно этот образ напряженную связь с живой русской песней...

Когда певец обращает свой взор к природе, в каждой былинке которой сохраняется след Творца, когда он источает из своего измученного сердца любовное чувство к дереву, птице, полю, снегу, голубому небу, к пейзажу, в котором слилось воедино творческое начало земного мира, – тогда человеческая песня обретает редкую красоту и неуловимую подлинность, потому что в ней затаена благодарность Творцу и радость от этого малого соединения человека с Богом, земли с небом, божественного Прощения – с жизнью человеческой.

В поле пересечения этих обозначенных нами смыслов – художественных, нравственных, национальных – и стоит искать ключ к поэзии Евгения Семичева, странного русского поэта рубежа двух тысячелетий...

При первом, беглом прочтении многие семичевские стихи оставляют какое-то смутное впечатление простоватости, литературной незатейливости. Вместе с тем, внимательно вглядываясь в течение этой стихотворной речи, замечаешь, как мастерски организована та или иная авторская художественная «постройка», как легко поэт владеет историческим материалом, какие духовно весомые знаки замечательно естественно, почти на уровне дыхания пронизывают его строки. И все более вчитываясь в странную простоту семичевской поэзии, наконец, понимаешь – тревожащая тебя почти устная простота идет от редкой в наше время творческой свободы, сплавленной интонационно с разговорностью, но не сорной, искусственной, а живой, мягкой, плавно вымолвленной, не исповедальной (когда «рубаху на груди!»), но идущей от доверия к собеседнику и готовности поверить ему свою тайну.

*Когда душа сольется с небом
И станет некуда бежать,
Я буду снегом,
Белым снегом,
На синем облаке лежать.*

*И дядя Жора – местный дворник,
Ушедший до меня во мглу,
Поряда истовый поборник,
Возьмет лопату и метлу.*

*Он снег развеет по России,
Как веют манную крупу,
Чтобы архангелы босые
Не приморозили стопу.*

*И совершив благое дело,
Крутой поземкою влеком,
Я окажусь, как ты хотела,
Лишь у тебя под каблуком.*

*И буду снегом,
Чистым снегом
Под каблуком твоим дрожать.
Тогда земля и станет небом,
И будет некуда бежать.*

Удивительный лиризм, редкая по нежности интонация мерно плывущего в тишине голоса, будто падает вечерний снег.. И в то же время отчетливая, прочерченная, кажется, на уровне знания, определенность в отношении земной доли поэта. Он принадлежит всем: и любимой, и небу, и другим людям, знакомым и неизвестным, далеким и близким.

Но лишь «через небо» он сможет принадлежать своей возлюбленной безраздельно, как снег под ее каблуком...

И только волшебной «небесной манной», как земным хлебом, он наполнит многие и многие ладони, спокойно разделит себя на всех и вот так сохранится...

Однако в стихах Семичева мы постоянно находим очень явно выраженное сердечное движение в пользу земли, а совсем не неба. Он жалеет все земное, чужое страдание причиняет ему боль, его душа радуется малой черточке человеческого быта. Нескладный человек, живущий посреди земной пыли, спеленутый малыми, бытовыми смыслами, бесконечно дорог поэту...

Острота разлада земли и неба – вот один из главных семичевских конфликтов. И дело тут не в том, что «небо» допускает зло на «земле», не в философской теодицее – оправдании Бога за существование зла. Но в любви поэта к земному миру как творению Божьему, в сердечной жалости ко всякой боли и ко всякому горю, в умилении образом человека и в редкостном умении почувствовать тепло земной человеческой жизни.

Снег, белый снег на облаке развеет душа ушедшего на небо скромного дворника дяди Жоры, который тщательно наводил порядок на земле, а теперь следит за ним на небе. «Снег-поэт» развеется по России, как манна небесная, через усилия простого человека, любящего свой дом и двор и обихаживающего их.

И лишь когда «душа сольется с небом // И станет некуда бежать», поэт будет покорен желаниям возлюбленной. Небо возьмет свое – душу поэта, призвание поэта, голос поэта, а земля возьмет все земное...

Замечательна художественная легкость, с которой у Семичева простые, обиходные предметы сочета-

ются с небесной предметикой: «душа сольется с небом», «дядя Жора – местный дворник... возьмет лопату и метлу», «снег развеет по России, как веют манную крупу», «архангелы босые не приморозили стопу»... Способность Евгения Семичева вовлекать в стихи самые разные очень бытовые вещи, порой и вовсе пустяки, поэтически поверять коллизии, кажется, совсем рядовые – эта способность необыкновенно широка и соединена в таланте поэта с чрезвычайно острым образным зрением.

Заметим, в интонации у Семичева почти не видно того, что поэт – это особый человек, говорит и живет по-своему, не как все другие люди. Точнее, сказано у него об этом много, но языком обычного, «житейского человека», на которого – вы только подумайте! – свалилось такое тяжкое, неизбывное творческое бремя.

В образе лирического героя-автора очень хорошо показано, как живет он в мире и как из него, поэта, надмирное «сочится». Оно неуловимо и непредсказуемо, это загадочное надмирное свечение всего и вся. Его можно почувствовать только когда ты берешь земное и отогреваешь его в своих ладонях – и вот тогда в нем проступают черты небесные.

И потому в этих стихах практически нет ставшего уже почти правилом акцентного противопоставления поэта и мира. У Семичева, напротив, несмотря ни на что, поэт – с миром, он его любит, и если нужно, не колеблясь пожертвует собой ради него – мира домашнего, сварливого, расхристанного, но согретоного теплом русской речи, светом русского пейзажа, искренностью русского обычая.

*По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.*

*...Зачем ему с неба спускаться
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Соленого горя хлебнуть?*

*Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал.
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.*

*Так нет же! На лестнице шаткой –
Того и гляди упадет! –
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идет.*

Поэт, земной житель, соединен с небесами своей песней, своими стихотворными строчками. В минуту вдохновения он восходит по какому-то таинственному зову на небо, и именно там складываются поэтические слова, которые затем, на земле ра-

зомкнут уста поэта и станут общим достоянием. Куда как часто по этой «стихотворной лестнице» поэты избегают в заоблачные высоты, остаются там и снисходительно поплевывают на землю, пыльную, бытовую, скучную. Много позже вдруг оказывается, что это был путь «вверх по лестнице, ведущей вниз». И вот здесь проступают черты библейского, бытийного контекста. Лестница Семичева – как лестница Иакова, соединяющая земной прах с небесным сиянием. Каким образом вдохновение возносит поэта на небо, остается за скобками. Главным становится его движение вниз – к земле, которую он любит, к людям, которых он жалеет, к быту, который его согревает теплом однажды приложенных человеческих рук.

На самом деле Евгений Семичев – очень экзистенциальный поэт. Но что бывает крайне редко, эта его экзистенциальность, одиночество, глубинная неизреченность того, что так мучает сердце человека, выражена совсем просто, в связях предметов затерто-обыденных, в отношениях людей, кажется, незамысловатых, в событиях иной раз уж совсем бытовых. Неизъяснимая, неподдающаяся человеческому слову подкладка мира видна постоянно, но, складываясь с невыразимостью микрокосма человека, она высвечивается и как загадка, и как манящая цель.

*Собаке снится речка, не иначе...
Вот почему, вздымаясь среди сна,
Колышется ребристо грудь собачья –
Как за волной вздымается волна.*

*А лодке снится, что она собака,
Прикованная к берегу реки.
И вздрагивают волны среди мрака,
Как вздрагивают спящие щенки.*

*А человеку снится: гибнут люди
И нету сил скрываться взаперти.
И человек встает, собаку будит,
Спускает лодку на воду с цепи.*

*И человек, собака, лодка, речка
В ночной и беспокойной тишине
Плывут куда-то по стремнине млечной...
А может, это все приснилось мне.*

В этом стихотворении все бытийственно связано, одно напоминает другое – и созерцательно, и в связи с действием человека. Только человеку суждено объединять в одно целое бытие на земле, чтобы затем представить его Богу – дабы мир был поднят Им из греховного состояния, куда он по вине человеческой упал. Оставим открытым вопрос о нашем соответствии такой великой задаче, но спросим: почему в центре человек? Потому что из человеческих уст зем-

ной мир принимал имена, и все на земле живет в соответствии с данным ему именем.

*Снег спускался с небес осторожно,
И летел,
и летел,
и летел...
И стоял среди снега прохожий,
И растерянно в небо глядел.*

*Может, просто в ночи заблудился.
Может, с верного сбился пути.
Или только что с неба спустился
И забыл, куда дальше идти...*

Русское лирическое начало так или иначе связано с воспоминанием – это подмечено и иностранцами, и нашими внимательными читателями. Быть может, такова вообще природа лирического дара, но на русской почве это литературное качество особенно отчетливо и более того – замечательно. Лирическая интонация свойственна едва ли не всем лучшим русским литературным свершениям. В лирике поэт не может спрятаться, выдать себя за кого-то другого, солгать – интонация немедленно выдаст его. Потому-то исповедальное, идущее из глубины сердца через уста, так неотнимаемо от русского писательства, как и русская душа, умягчаемого слезой и непостижимой, не выговариваемой до конца грустью...

115

Для Евгения Семичева, как и для всякого зоркого художника, метафизическое дыхание бытия сквозит в совокупности деталей сугубо бытовых, предметов очевидно утилитарных и вещных, его едва уловимые связи, его знаки, его явления узнаются поэтом в стертом антураже быта.

Надо сказать, что метафизика в литературе – это не мистические вихри в вышине, а скорее дуновение, порой и очень сильное, по-над землей, «по-земка» своего рода. Или, как говорил кто-то из критиков серебряного века нашей поэзии – «метафизический сквозняк». В простых и, возможно, очень земных событиях и сгущениях предметов и людей есть некие невидимые обыденному взгляду стыки, которые и заполнены «воздухом метафизики». Этот «воздух» волнуется, движется – и перемещаются предметы и люди, соприкасаются меж собой сильнее или отталкиваются друг от друга напрочь, навсегда. Увидеть такой неотмирный «воздух» и обозначить его через плотное, мирское, которое им овеиваемо, и есть подлинный литературный духовный дар. Тогда как отвлеченное жонглирование терминами сугубо надмирными есть попытка растопыренными пальцами судорожно или плавно ищущей что-то в пространстве руки схватить неосязаемое, потрогать то, чего нельзя коснуться кожей, – а только взором, одухотворенным сердцем и ясным умом. Ничем иным как одер-

жимостью эти смущающие душу взмахи рук назвать нельзя. Впрочем, таковыми они, по зрелому размышлению, и являются.

Семичев трогательно любит детали житейских картин, однако практически всегда видит в них бытийную подсветку. Можно сказать, что его любовь к бытовому главным образом и определяется тем, что поэт совершенно отчетливо для себя узнает бытийное в земной пыли. И эта неслучайность бытового в связи с бытийным настраивает поэтову душу на сердечную ласку, бережность и любовность в словах.

Какова же палитра Семичева? О ней можно сказать определенно, что она не изобилует полутонами, не свойственно ей и сгущение разных цветов в одном строчно-строфном пространстве. Скорее она скупа. В ней присутствует некоторое постоянство и отчетливое приращение смыслового к предмету. Его цвета ценностны. Такая работа с цветом напоминает иконопись, тем более, что душевный склад Семичева как нельзя лучше откликается на подобное определение, а сфера его смыслов и сюжетов также может быть отнесена к иконоподобной. В ней есть некоторая суровость, радость обетования, мука испытания, сознание собственного греха и детскость, которая сказывается во всем, даже во взрослых любовных стихах. И постоянное ожидание и упоминание «света» – оно словно отсылает читателя ко всегдашнему присутствию Христа на иконе...

Если говорить о цветовой иконоподобности семичевской палитры, об иконной прорисовке земных сюжетов в его стихах – то именно это обстоятельство, прежде всех иных, даст нам представление о свойствах семичевского глаза и о «настройке» его сердца: икона простые события переводит в ряд бытийных, великих. Русскому человеку, с его генетической памятью о нашем традиционном русском иконопочитании, такое качество художественного присутствия Евгения Семичева в современной литературе должно быть очень близко. Потому-то и возникает подчас как будто немотивированная душевная тяга читателя к семичевскому стиху, к семичевской интонации. Ибо свое – к своему...

Странны отношения человека и неба. Настоящий художник, как правило, в глубине души остро чувствует некую незаконность своего творческого созидания. Такая, скрыто лежащая на сердце вина, внятно не обозначенная, – скорее всего от сугубо земной, несвободной от греха, неидеальной чистоты помыслов человека-творца... От несоответствия его здешнего существования, подверженного мятежным страстям, – тем, кажется, небесным словам, что почти спеты его охрипшим горлом.

Художник двойствен более обычного человека: сторонами добра и зла, чистоты и грязи, правды и лжи – это звучит в нем, сопутствует ему, и он это в себе видит.

*Месяц в небе над моим порогом
Тесаком кровавым заплесал –
То разбойник лютый перед Богом
На мое жилище указал.*

*...Нет на мне ничьей невинной крови.
Все мои кровавые грехи,
В коих я поистине виновен,
Только в том, что я писал стихи.*

*Я вскормил их пред людьми и Богом,
Как сумел, небесным молоком.
Потому и небо над порогом
Мне грозит кровавым тесаком.*

Подлинно русский художник всегда честен перед самим собой. Но присущее ему человеческое несовершенство жестоко угнетает его душу еще и потому, что русский человек в принципе есть человек небесного порыва и земной страсти на пределе их столкновения в едином существе, в едином человеческом сердце. Воссоздавая мир, человека, событие, то есть все то, что живет на земле по высшему произволению, художник не знает, разгневает ли он тем самым Бога или умилиет. В незнании реакции Бога и заключена поистине смертельная – в метафизическом, бытийном смысле – смелость художника и беззаконность его существования.

Для Евгения Семичева детство безгрешно. Взрослая жизнь вовлекает в свое течение маленького человека – еще доверяющего миру, еще способного отдаться всем существом своим полноте бытия, – и ломает его под себя, изменяет жестоко, безжалостно, превращая чистое лицо и наивное сердце ребенка в свою черствую, изолгавшуюся часть.

Эта обнаженно-русская мысль о ребенке, на котором держится мир, владела лучшими отечественными писателями и наиболее ярко проявилась у Достоевского. Сегодня она почти традиционна, и если необходим критерий современной российской жизни, то вот он: русское дитя с тяжким крестом на хрупких плечах.

*Мне снятся
Крестный ход
И мальчик невеселый.
Ему десятый год,
А крест такой тяжелый.*

*...Вокруг клубится мрак.
Вся в рытвинах дорога.
Ему охота так
Пожить еще немного.*

*...Колышатся думы
Над кровлями избенок.
Народу тьмы и тьмы...
...А крест несет ребенок!*

Детские воспоминания питают многие стихотворения Евгения Семичева. В них живут удивительно обаятельные детские реакции на мир, на дружбу, на житейские передрыги взрослой жизни, которая своими углами – будто движущийся рядом громоздкий корявый предмет – больно задевает маленькое ребячье тело и ранит до времени неопытное сердце. И только память о детстве позволяет нам нравственно судить жизнь и выявлять, выводить в слова изначальный разрыв между правдой и ложью, героизмом и предательством, любовью и ненавистью.

Понятие дома в нашем сознании куда шире вполне предметного представления о домике, саде, улице, которые нам дороги, – разумеется, их не отменяя и не снижая. Дом – это освоенное детством пространство, где начиналось и продолжается все то, что нам близко до осязания и возлюблено навсегда. И потому малейшая примета, содержащая привязку к этому пространству, воспринимается нами как образ дома, подернутый туманной дымкой, колышущийся, нечеткий, но невероятно притягательный. Все детские воспоминания, где еще живут давние лица, проявляются характеры, берут начало последующие судьбы, сосредоточены в этом сравнительно небольшом месте, из которого прорастает человеческая душа.

Дом у Семичева – это и улица, и подвал, и крыша, и сад, и крыльцо, и комната... И речка, и колодец, и лодка, и дворовый пес... Они овеяны теплотой детского сердца, каждая примета отсылает память к маленькой истории.

Подвал... Драка до крови, после нее – выкуренный на двоих «чинарик», примирительная бутылка вина, а потом:

Он сказал: «Я домой не ходок!
Твой отец будет жить с моей мамкой».
У меня по спине холодок
Пробежал и застрял под лопаткой.

Я сказал: «Ты домой не ходи.
Мы проспимся с тобой в этой яме
На всю жизнь, что у нас впереди...
И проснемся навеки друзьями».

Крыша... Обычно сонный дворик «погрузился в гам и свист», юный герой стихотворения идет по краю крыши «без страховки и шеста».

Как я шел по краю света,
Как прокладывал маршрут –
Пацаны потом про это
Мне с три короба наврут.

Только дворник наш болезный,
Опускаясь на скамью,
Проскрипит ногой железной,
Сплюнет в сторону мою.

Скажет: «Ты у нас придурок,
Что тут много говорить...»
Но помятый свой окуроч
Мне позволит докурить.

Двор... Прежние озорные девчонки незаметно превращаются в девушек, которым мерещится «город Париж», где «длинноногие принцы стройные, как журавли», подарят им сказочное счастье.

Лучшие дурочки мира
В нашем гуляют дворе...
Им ни к чему моя лира
В Богом забытой дыре.

...Сны их уносят, как птицы,
Прочь от родимой земли...

...Провинциалки, проснитесь!
Жизнь не проспите свою!

Я вам сыграю на лире
В этой вселенской дыре...
Лучшие мальчики в мире
В нашем гуляют дворе!

Уже видно отчуждение от знакомой с младенчества земли, уже появляется высокомерно-стыдливое определение – «Богом забытая дыра». Это жестокая юность примеряет на себя библейский образ блудного сына. Но голос поэта все так же узнаваем в своей любви к детской родине. Здесь особенно заметны задушевность интонации Семичева, простота его стихотворной речи и запоминающаяся не домашность, но дворовость – от двора, в котором умещаются все детские представления о мире. Эта дворовость мировосприятия – отчетливая черта мальчишеской жизни 50–60-х годов прошлого века. В поэтике Евгения Семичева она не исчезает, но придает ей характерный мировоззренческий оттенок.

И наконец, дом... «В стороне моей тихой, заветной... дом мой полон прозрачной печали». Поэтический рассказ о дачных сборах, о летних припасах на зиму – таких много в городской лирике примерно тридцатилетней давности. Но, как правило, там мы встречаем осеннее изобилие плодов, взгляд с вагонной площадки, нетерпеливое ожидание города, который и есть для автора самое главное...

У Семичева ценностный ориентир задан в первой строке – «в стороне моей... заветной», и во многом поэтому исподволь происходит некое нерядовое, словно подводящее черту под прошедшим, прощание с родными местами. «Уезжаю, но я не в убытке. // И тепло заготовлено впрок». Это бытийное, еще детское тепло, оказывается таинственным двигателем всего, что случится потом в судьбе поэта.

Невозможно прожить всю жизнь внутри «детского» пространства: физически оно мало, а ты – вырос...

Предметы постарели, пейзаж изменился, люди разъехались:

*Туча над речкой повисла.
Небо поникло зело.
И не поет коромысло,
И почернело весло.*

*Глухо вздыхает колодец.
Лодка скрежещет бортом.
Гулко, как в бубен, колотит
Пес по крылечку хвостом.*

*Поздно за юность цепляться.
Ворон сидит на меже...*

«Ворон» – сквозной образ в поэзии Семичева, хранящий в себе знаковую отсылку к суровой вести о смерти. Упоение жизнью, связанное в детстве с домом и двором, психологически проходит, перемещаясь в бережную память. Возникает сознание смерти, неотделимое от размышления и ответственности и необъяснимо связанное с понятием Родины. Точно так же как для ребенка изначально понятие родины совпадает с очертаниями дома – для взрослого ума четкий абрис дома вырастает в понятие Родины... Так мы подошли к «материковой» для художественного мира Евгения Семичева теме: русский песнопевец и Родина.

Есть множество способов окликнуть Родину по имени. Это имя может быть не только кратким словом, но и образом. Семичев очень часто роняет отпеченное – Русь, Родина, однако затем непременно рисует неповторимый характер (который эти знакомые имена только предваряют), окликая материнскую землю ее поэтическим образом: слуховым, зримым, осязательным, родово-памятным... И кажется, все то, что исходит от фигуры поэта Евгения Семичева и обращено к Родине, – Родиной узнается, потому что и читатель, впитывая семичевские строки, проникается горячим чувством узнавания родного, а это есть очень весомый признак соответствия оклика – окликаемому.

Родное окликает родное – и так, как принято у родных в обиходе, в житейскости, в естественном ощущении близости и нерасторжимости уз.

В начале XX века русский народ отринул страх Божий и в последующие десятилетия сполна вкусил страх перед кесарем. Вся русская история этого страшного столетия прошла под знаком давнего отречения. Но необходимо уяснить, что здесь вина – перед небом, а не перед жестоким мучителем, бичом Божьим, и во многом от неназванности такого положения происходят сегодняшние метания России, когда она, по Семичеву, «и в буйство, и в кротость впадает у жизни на самом краю». И тогда станет понятным – и нравственно едва ли не безусловным! – нерассуждающее чувство поэта,

как упрек адресованное поколенческим «отцам» и «детям»:

*...И не все вы были победители,
Да и среди нас не все предатели.*

*Но гореть, гореть нам синем пламенем –
Общая судьба нам уготована.
И плевать мне, под которым знаменем
Русь моя безвинно замордована!*

Здесь важно обозначить чрезвычайно существенную в нашем контексте особенность поэтического самочувствия Евгения Семичева. Его этическая позиция в отношении своего «я» очень отчетлива. В собственном литературном приложении он чувствует себя большим русским поэтом. Но лишь только заходит речь о Руси, о судьбе Родины, он готов немедленно «пригасить» свое имя и стать малой частью великого – того великого, которое любит, которому предан, в которое он верит...

Поэт живет и пишет, вплотную прижавшись к телу мира, – вот тогда он гений. Почти без труда он может в земных пустяках увидеть знак или красоту и показать их черты в слове, соединив с собственной жизнью. Он легко переходит от малого к большому, от сегодняшнего ко вчерашнему, от наглядного к нерукотворному. Эти соизмерения нравственно окрашены его таинственными отношениями с Богом и с родной землей, и в них – не только почитание и привязанность к этим огромным духовным величинам, но и всматривание в христианское солнце, уже тысячу лет сияющее над Россией.

*Безвременье. Смута. Разруха.
А дальше не видно ни зги.
Мне в локоть вцепилась старуха:
«Сынок, помоги перейти!»*

*Куда ее, старую, тащит?
Она восклицает: «Прости!
Господь охраняет скорбящих...
Сынок, помоги перейти!»*

*«Да тут и сам черт сломит ногу.
Родимая, не обессудь!..»
Она мне: «Доверимся Богу.
Авось и пройдем как-нибудь».*

*... «Средь тяжких земных бездорожий
Небось и тебе пригожусь...
Зовут меня Матерью Божьей,
Иду в Православную Русь».*

Песнопевец живет «на краю» мира – так он чувствует себя, видя, как вокруг размываются ясные линии, замутняется прозрачность бытия, пространство сужается и становится тесным, время убыстряет свой

ход и приближается мистически грозный последний час земной истории. Это чувство, почти знание делает его фигуру трагичной и одинокой.

«И шестикрылый серафим на перепутье мне явился», – пушкинский образ певца, вдохновленного небесной силой, знаком каждому. Он величав и отвлечен от деталей, он, кажется, грозен и почти что надчеловечен.

На дворе иной век, на устах другая речь, но высокое предстояние русского песнопевца – все то же. Вот только сегодня вокруг куда страшнее, чем вчера.

*Мир грешный давно б завалился
В провал огнедышащих вод,
Когда б на краю не толпился
Пропащий мой русский народ.*

Эти слова да услышит «ухо мира», они сказаны для него и пронизаны горьким стоицизмом, в них дышит мысль о русском предназначении. Но есть и другое признание, которое мы соотнесем с библейским:

«зانه крепка яко смерть любовь». Последнее признание – которое однажды и навсегда – русского песнопевца в любви к своей Родине:

*Если жить нам с тобой не судьба,
Во всю смерть распахни мне объятья.*

*Упаду головой на восток,
А на запад – стопами босыми.
И сгорю, как осенний листок
На дрожащей ладони России.*

И это, пожалуй, все о Евгении Семичеве, странном русском поэте жестокого века.

Но закончим мы наши размышления словами чеховского простеца. По-Семичеву – «Горемыки, простолюдины, // Сердцевина земли родной». И потому – здесь нет противоречия.

«Жизнь долгая, – будет еще и хорошего и дурного, всего будет. Велика матушка Россия!»

г. Воронеж

Игорь ГУСЕЛЬНИКОВ

НАШИ ЛЮДИ В СОЧИ

Внуку одной моей сочинской знакомой всего пять лет, шестой, но он уже два с лишним года занимается горнолыжным спортом. У малыша очень хорошие результаты, и это является предметом особой гордости и его родителей, и бабушки.

Когда я узнала о достижениях Миши, так зовут мальчика, до меня, как откровение, внезапно дошло, что начинают сбываться мечты и надежды российских спортсменов, озвученные еще в 80-е годы прошлого столетия.

Реалии, открывшиеся перед сочинцами, превзошли все, даже самые бурные фантазии. В краю, где созревают теплолюбивые фейхоа, цитрусовые и киви, местный мальчик лихо носится по заснеженным склонам гор и воспринимает это как нечто совершенно органичное и естественное.

Немного о себе, я родился и большую часть жизни, без малого 40 лет, прожил в Новосибирске, и все, что было связано со снегом и льдом, воспринималось мною, априори, невозможным в субтропических широтах. Однако жизнь складывается порой так непредвиденно, и, видимо, в силу этих причин, как справедливо подметил Сергей Лаврентьевич Донбай, в 1980 году я стал жителем черноморского побережья Кавказа.

Будучи по сути своей сибиряком, я постоянно интересовался новостями, приходившими с моей малой родины. В конце 60-х и в 70-е годы фаворитами в советском биатлоне были новосибирцы Александр Иванович Тихонов и Виктор Федорович Маматов. В 80-е они уже перешли на тренерскую работу. Именно в 80-е Виктор Федорович Маматов озвучил идею проведения зимних Олимпийских игр в поселке Красная Поляна города Сочи.

Прочитав его статьи в периодике, я с удивлением для себя узнал, что самое большое количество снега на всем, как сейчас говорят, постсоветском пространстве выпадает именно на Красной Поляне, и лежит он в горах до девяти месяцев в году.

Идея Маматова была несомненно красива, но в годы, когда масло давали по карточкам, было как-то не до грандиозных Олимпийских строек.

Впрочем, например, кемеровчанам мои рассказы о продуктовом дефиците могут быть непонятны. В Кемерове в плане снабжения продуктами все было относительно на высоте, а мы, новосибирцы, жители, как нам казалось «столицы» Сибири, мотались за 260 километров, чтобы купить там кур и яблок. Машин, правда, на дорогах было значительно меньше, да и бензин стоил всего 10 тогдашних копеек за литр.

С другой стороны, в то время в стране постоянно витала идея поворота рек и прочей не менее дорогостоящей паранойи. Именовалось все это мелиорацией и гидростроительством. Перерыли всю Кулунду, понастроили плотин...

Вряд ли уже кто-нибудь будет считать, во что обошлись нашему народу все эти каналы, плотины, а вкупе с ними помощь «братским» народам, но, как мне кажется, всего бы этого с лихвой хватило не на одну зимнюю Олимпиаду.

Хотя нет худа без добра, видимо, Красная Поляна ждала своего часа, ждала уровня теперешней технической оснащенности, теперешних инженерных решений, а главное, уровня интеграции нашей страны в международное сообщество.

Преамбула, видимо, получилась немного затянутой, хотя суть ее довольно проста. Мое отношение к проведению Зимних Олимпийских игр в Сочи – это не однозначное отношение жителя этого довольно провинциального по сути своей городка, а мнение как бы стороннего наблюдателя, невольно погруженного в тему.

Как мне представляется, развитие Сочи происходит некими этапами. Я не хочу углубляться в исторический экскурс, но вот уже третий этап, третьим я называю Олимпийскую стройку, так или иначе связан с Сибирью.

Первый, по моей классификации, этап пришелся на предвоенный период.

В «Справочниках» главного редактора газеты «Томские новости» Алексея Трофимова читаем:

«И. А. Валединский, уроженец Владимирской губернии, стал студентом Томского университета в 1895 году и окончил его в 1901-м. В Томском университете Валединский состоялся и как ученый, и как практикующий врач. Начинал лаборантом при кафедре гистологии и эмбриологии. В 1908 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины. С 1911 года занялся исследованием минерального состава вод сибирских озер. Валединскому предстояло стать одним из крупнейших ученых-бальнеологов, сыграть огромную роль в становлении сибирского курорта Карачи, стать одним из организаторов в Томске физиотерапевтического института, ныне НИИ курортологии и физиотерапии. В сентябре того же года Валединский стал заведующим терапевтическим отделением курортной клиники Наркомата здравоохранения

РСФСР, которая спустя два года стала Центральным институтом курортологии. С 1926 года Иван Александрович направляется на Северный Кавказ в качестве научного руководителя курорта Сочи «Старая Мацеста».

В 1926 году в Мацесту впервые приезжает Сталин, которому врачи рекомендовали пройти курс лечения серными ваннами на здешнем курорте (Сталин жаловался на постоянные боли в мышцах рук и ног). Сероводородные ванны очень помогли Сталину, и он начал регулярно проводить свой отпуск под присмотром Валединского. В 1930 году генсек делает Ивана Александровича своим личным врачом, дарит ему пятикомнатную квартиру в Москве, назначает медицинским руководителем северокавказских курортов. Валединский был врачом Сталина до 1940 года».

Именно с подачи Ивана Александровича Сочи развивается как бальнеологический курорт, что привело к предвоенному строительному буму в архитектурном стиле, свойственному для времени сталинского правления. Кстати, не далее как 13 мая Сочинский Зимний театр, построенный специально по указанию «отца народов», отметил свое 75-летие.

От себя могу добавить, что Иван Александрович Валединский был мужем сестры мачехи моего отца. Назвать это родством, вероятно, нельзя, хотя и существует определенный синхронизм. Может, именно из-за недостаточности родственной связи я за свою жизнь почему-то так и не принял ни одной Мацестинской ванны.

Следующий этап развития города – курорта пришелся на 60–80 годы. Тут тоже не обошлось без сибиряков, именно в этот период во главе Сочинской архитектуры стоял Вячеслав Сергеевич Внуков.

Из биографии Внукова: «...родился 4 сентября 1932 года в Сибири. В юности, посетив Новосибирский инженерно-строительный институт в День открытых дверей и заглянув на кафедру архитектуры, Вячеслав сразу подал документы в приемную комиссию. Конкурс был немаленький, однако Внуков успешно сдал все экзамены и в 1950 году зачислен в институт. После окончания института Вячеслав работает в архитектурных организациях Кемерово и Новосибирска. В 1962 году Вячеслав Сергеевич Внуков отказался от повышения по службе, оставил обжитую квартиру в Новосибирске, и вместе с женой, тоже архитектором, и дочерью переехал в Сочи. Внукова приняли в отдел планировки Сочинского филиала Московского проектного института «Гипрокоммунстрой». В августе 1967 года занял место заместителя главного архитектора, а в 1971 году – стал главным архитектором города. 1979-й год в жизни архитектора стал наиболее памятным и волнующим: за достижения в сфере архитектуры Вячеславу Сергеевичу Внукову было при-

своено звание «Заслуженный архитектор РСФСР», а за реконструкцию центра Сочи и создание садово-парковой зоны нового типа в декабре того же года ему была присуждена Государственная премия РСФСР в области архитектуры. В.С. Внуков проработал 14 лет главным архитектором Сочи».

Немалый вклад в строительство Большого Сочи внес Николай Иванович Карпов. В 1965 году он окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. С 1979 года Николай Иванович работал первым заместителем начальника Главспецстроя г. Сочи. 1989 году – избран первым заместителем председателя Сочинского горисполкома, в 1991 году назначен главой администрации, а в 1996 году, в ходе первых в истории города выборов был избран мэром Сочи. Был советником президента Олимпийского комитета России. В апреле 2010 года избран в Общественный Совет по подготовке к проведению в Сочи зимних Олимпийских игр в 2014 году. Активный сторонник развития Сочи как горноклиматического курорта, один из инициаторов подачи первой заявки на проведение зимних Олимпийских игр в Сочи. Вот такое замысловатое хитросплетение судеб и замыслов сибиряков, тоже, наверное, волею судеб оказавшихся в Сочи, случилось и сыграло свою роль в развитии города-курорта. Мне, к сожалению, невозможно похвалиться чем-либо подобным, но и меня судьба подпустила к этим людям довольно близко. Тест Внукова, Иван Иванович Ларин, инженер «Сибгипротранса» был моим соседом в Новосибирске, а с Карповым я учился в одной группе, правда недолго, в НИСИ им. Куйбышева.

До конца восьмидесятых годов Сочи жил, практически, сугубо курортной летней жизнью. Первым сочинскую жизнь разнообразил кинофестиваль «Кинотавр». С 1989 года, еще до начала активного летнего сезона, начали оживать гостиница «Жемчужина» и Зимний театр, а площадь перед театром превращалась в огромный кинотеатр под открытым небом.

С 1994 года Зимний фестиваль «КиВиН» выбрал местом своей постоянной прописки Сочи. Различные предприятия со всей России стали тут организовывать выставки своей продукции.

С 2001 года в городе стал проходить Международный инвестиционный форум «Сочи». Но если «КиВиН» и «Кинотавр» как бы расширяли внесезонную привлекательность города, форум, проходящий в сентябре, в самый разгар «бархатного» сезона, превращал центр города в огромную транспортную пробку.

Ко всему этому добавилась любовь наших вождей, и не только наших, но и, например Лукашенко, проводить значительную часть своего рабочего времени в Сочи. Это еще в большей степени усугубило транспортные проблемы города.

Олимпиада действительно представлялась выходом из ситуации, в которой оказался город. Одномоментно решались транспортные проблемы города, проблемы зимнего спорта в стране, выход страны и города на высокий международный уровень, организации больших спортивно-массовых площадок для проведения форумов и фестивалей, создание практически нового морского порта для захода круизных лайнеров...

Этот список можно продолжать и продолжать, но, к сожалению, создание всего грандиозного приводит к неизбежным издержкам. Не обошла эта беда и Сочи. Прежде всего, пришлось пожертвовать Имеретинской низменностью.

Уникальность Имеретинской низменности была признана ещё царским правительством в 1911 году. Ей был присвоен статус особо охраняемой природной зоны. Здесь были расположены единственные на территории России участки колхидских водно-болотных угодий с уникальной флорой и фауной. Низменность имела статус ключевой орнитологической территории международного значения.

Но при проектировании Олимпийского парка ни одного пригодного участка земли, на котором бы компактно уместились две ледовые арены для хоккея, конькобежный центр, ледовый дворец спорта, арена для кёрлинга, две тренировочных арены, площадь для награждения победителей, открытый каток, олимпийская деревня, медиа-центр, гостиница членов МОК, хозяйственные здания и большие экраны для просмотра спортивных состязаний, не нашлось, и бульдозеры принялись за работу. Под нож бульдозеров пошли следующие населенные пункты, расположенные в низменности: Нижне-Имеретинская бухта, совхоз «Россия», совхоз «Южные культуры», поселок Мирный, поселок Светофор, поселок старообрядцев Морлинский, землю под который в 1909 году царь Николай II дал старообрядцам «на вечные времена».

Перед началом стройки предполагался примерно такой объем изъятия земель:

«Всего под строительство олимпийских объектов будет изъято 4,2 тысячи гектар земель, из которых 600 гектар находится у частных собственников. По информации источника издания, близкого к «Олимп-строю», в Имеретинской низменности по улицам Голубая, Нижне-Имеретинская, Цимлянская, Таврическая, Старая Школьная, Народная, Староклубная, Попова, Урицкого будет полностью снесен частный сектор. Кроме этого точно будут снесены объекты в центральном Сочи, что связано со строительством дорог и инфраструктуры, а также в Красной Поляне».

Думаю, не стоит уточнять цифры фактического сноса, чтобы понять, что затронул он не одну тысячу жителей города. Основная проблема, конечно, была в том, что документы на права собственности, к моменту сноса, были или вообще не оформлены,

или оформлены на часть строения, что значительно уменьшало сумму компенсации и фактически лишало семьи из снесенных домов возможности приобрести новое, достойное жилье.

Все это вызвало массу конфликтов, демонстраций и судебных разбирательств, но проблемы социально-бытового плана, так или иначе, нашли свое решение. Кто был пограмотней и понастойчивей, смогли неплохо обустроиться, некоторые же, как это, к сожалению, водится в нашем Отечестве, смогли утешиться лишь Некрасовским четверостишием:

*И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...*

Впрочем, во многом люди сами творцы своих несчастий, в основе которых зачастую лежит лень, безалаберность, пьянство, надежда на авось, жадность. И если досконально разбираться в каждом конкретном случае, то с большой долей вероятности можно прийти к выводу, что часто в промахах пострадавший виновен сам. То кому-то поверил на слово, то, не глядя, подписал какую-то бумагу или дал доверенность. Мы так никого и ничему не научили... А вот кого искренне жалко в сложившейся ситуации – это природу и ее обитателей. Цитата из 122 журнала «Архитектура Сочи»:

«Орнитологический парк не сможет в полной мере защитить уникальную природу Имеретинской низменности. Создание этой особо охраняемой территории включено в олимпийскую программу. Однако, вопреки пожеланиям экологов, площадь объекта была сокращена в несколько раз. Сегодня проблеме обсуждали на общественных слушаниях.

Через Имеретинскую низменность проходят миграционные пути перелётных птиц. Кроме того, здесь сохранились единственные в стране Колхидские болота. Ещё встречаются краснокнижные растения. Экологам удалось добиться включения в олимпийскую программу проекта особо охраняемого орнитологического парка, который позволил бы создать условия для миграции птиц и воспроизводства редких видов флоры и фауны.

Однако проект природного парка претерпел значительные изменения. Сейчас он представляет собой небольшие участки, разбросанные по всей Имеретинской низменности. Площадь сократилась в три раза — с трехсот до ста гектаров. Как считают экологи, в таком виде орнитологический парк не сможет выполнять свои функции».

Феликс Иваненко, председатель экологической секции Сочинского отделения Русского географического общества: «У нас черного аиста уже можно

найти в городе. Даже единичным экземплярам редчайшего вида, негде на сегодняшний день останавливаться, и они вытеснены из Имеретинки. И они страдают, могут погибать от рук вандалов у нас на городской территории. То есть проблема эта очень острая. И то, как там происходит освоение – это массовое уничтожение природы, то, что происходит – закатывание под каток, по сути дела».

Не лучше дело обстоит в горах. В 2008—2012 годах я с периодичностью не мене одного раза в месяц ездил на Красную Поляну. Поэтому имел представление о размахе и способе ведения стройки не понаслышке. Видел, воочию, как вырубалось огромное количество леса, как варварски перекапывалась река Мзымта, и изымалось огромное количество грунта...

Но анализируя ситуацию, понимал, что Природа зализывает свои раны, а вот животным придется покинуть свои привычные места обитания и потесниться. И если люди за переселение получают компенсацию, пусть даже не удовлетворяющую их, животные, изгнанные из своего ареала, зачастую просто гибнут.

Животный мир Национального парка Сочи весьма разнообразен и насчитывает около 70 видов млекопитающих: медведь бурый, барсук, олень, рысь, козуля кавказская и европейская, куница, выдра, шакал, дикий кот, кабан, заяц, белка и др. Из большого многообразия (около 120 видов) птиц встречаются красноголовый королек, черноголовый поползень, филин, сойка обыкновенный. Также обитает 11 видов пресмыкающихся и 7 видов земноводных. Хотя сегодня, вероятно, точнее прозвучало бы не насчитывает, а насчитывал...

Думаю, что ни у одного здравомыслящего человека не может быть однозначного отношения к факту проведения зимней Олимпиады в Сочи. И если бы речь шла только о проведении Олимпиады и все эти горы перекопанной земли, вырубленного леса, снесенные улицы и поселки, изгнанные люди и животные с привычных мест обитания не открывали перспектив для города, страны и даже всей Планеты, затевать подобное не имело бы смысла.

Результаты, как и положено, надо считать по осени. Осень же этого подсчета, думаю, наступит еще не скоро. И уж исторически складывается, что современники почти всегда воспринимают все новое в штыки, а значимость нововведений оценивают потомки.

Сочинцы, несомненно, находятся в состоянии психологического дискомфорта, шестой год проживая фактически посреди стройки. Вокруг каждого из них происходит нечто похожее на ремонт, которому не видно ни конца, ни края. Случается, что вместо теплого дождика на них в виде осадков выпадает цементная пыль. На дорогах доминируют большегрузные авто, а дорожная разметка меняется так часто, что невозможно предусмотреть маршрут проезда...

Китайская мудрость, приписываемая Конфуцию, говорит: «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен». В этом плане и городу Сочи и, сочинцам, и даже обитателям Сочинского Национального парка не повезло. Остается только надеяться, что все эти преобразования завершатся в точно намеченный срок.

Теперь все отчетливее видно, что мы уже живем в другом городе. От прежнего осталось, пожалуй, только название. Но местечковое отношение «коренных» сочинцев к переменам формирует некоторый негатив к пост-олимпийскому городу.

Хотя понятие «коренной житель» для Сочи достаточно условно. Лишь в 1934 году Сочи географически сформировался в современных границах. В 1932 году в муниципальном образовании город-курорт Сочи проживало всего – 17 100 человек. В 1939 в Сочи проживает уже – 72 597 человек, а в 1959 году – 127 000.

К 1970 году, в период строительства Большого Сочи, население выросло до – 245 300 человек и лишь к концу 80-х, в 1989 году составило – 362 200 человек. Примерно на этом численность населения города и держится по сей день. По переписи 2010 года в городе проживает – 420 589 человек.

Согласитесь, что при такой динамике роста, когда за 90 лет из практически сельского образования с менее чем двадцатью тысячами жителей сформировался город с более, чем четырехсоттысячным населением, трудно выделить местную аристократию с ярко выраженными традициями и наследием. К тому же до начала 90 годов в Сочи не было ни одного высшего учебного заведения, даже вечернего или заочного. И все специалисты, работающие в городе, представляли культуру других городов и даже наций.

Поэтому дискутировать о традициях города бессмысленно. Их просто нет. Был «сталинский ренессанс», потом «хрущевские панели», теперь вот Олимпиада 2014. А население Сочи не что иное как рабочая сила, мобилизованная вначале на строительство здравниц, а потом на обслуживание их. Теперь пришло время освоения нового направления в жизни города — создание горно-климатического курорта.

Олимпиада, на мой взгляд, всего лишь повод для этих преобразований. В этой жизни от воли и желаний людей не так уж много и зависит. В пору моей молодости даже самые ярые антикоммунисты не могли себе представить крах КПСС. Вот нечто похожее происходит и сейчас в Сочи. Как бы это фантастично не показалось, но в информационном поле, окружающем нас, существование которого научно доказано, есть программы по развитию этого города и, соответственно, есть люди, которые эти программы продвигают.

Нам же остается только терпеть, надеяться и ждать.

г. Сочи

Валерий ВЛАСОВ

К ИСТОКАМ

*И зачем я захотел всё знать?
Теперь и не умру спокойно, как надеялся.*

В. В. Розанов

То, что XX век для русского народа был громадным бедствием, нет нужды доказывать. Наоборот, время лишь более рельефно высвечивает масштаб трагедии и бездну людского горя.

Главное же оказалось в том, что за 70 лет Советской власти, прикрывающейся красивыми лозунгами, русский народ утратил чувство непрерывного исторического развития, которое многие века формировало русский характер, его волю и чувство ответственности за свою судьбу и будущее государства. Он всегда активно и конкретно интересовался государственными делами, защитой рубежей и делами при дворе (бывали времена, когда царица выносила своего первенца и показывала его своему народу, а поэтому и он был готов «отдать жизнь за царя и отечество»).

Восточная Русь (Московия), отстояв свое право на существование в боях с внешними врагами и в семейных спорах со своими ближайшими «родственниками» о путях дальнейшего развития (споры продолжались, начиная с Александра Невского, который, будучи западным человеком, выбрал Азию из-за её громадности, мудрости и основательности, до Ивана Грозного, когда его переписка с князем Андреем Курбским была предтечей многолетнего противостояния славянофилов и западников) окончательно выбрала все-таки восточный путь – централизацию власти через самодержавие и монархию (1613 г.). А затем прошла тот же долгий путь в русле общеевропейских традиций через уделы, вотчины, поместья, больше заботясь об обороне и комплектации армии, а в остальном полагаясь на разум народа, всегда умевшего организовать свой быт и труд, и сохранять свое духовное здоровье.

Отстояв самостоятельность, Восточная Русь смогла сохранить народный дух, патриотизм, традиционную веру и жизненный задор, что позволило стране успешно и весело расширять свое жизнен-

ное пространство в пределах своей неоглядной Родины, а за счет централизации в управлении – мобилизовывать эти ресурсы, делая Россию грозной и самостоятельной силой в Европе.

А многовековое естественное развитие страны в лоне Веры и внутреннего согласия и привело её к своему «золотому» веку – ренессансному взлету русской культуры – литературы, музыки, театра, живописи, народного творчества, да и научно-технического. Только сейчас выясняется, что в России была создана Великая наука (от гелиофизиологии до электромагнитных излучений), чему способствовала удивительная творческая среда, позволяющая развиваться всему научному «разнотравью». Тогда Россия первой старалась протиснуться в узкие ворота Истории, опережая «быстроногую» Америку не только по авиации.

То, что было накоплено в науке в начале века, ещё много лет «работало» и в СССР, и в эмиграции, дало поросль по всему миру: от Чехии и Германии до США и Южной Америки. Телевидение и вертолетостроение имеют чисто русские корни. А в Бразилии в честь славянки Антиповой (русской «матери Терезы») названы улицы и целые города, где создана целая отрасль по воспитанию, лечению и восстановлению человеческих душ и личностей. А русских инженеров за границей принимали без конкурса, русские были даже лучшими таксистами: имели честь и достоинство.

727

В 1916 году русская промышленность выпускала и по количеству, а главное, по качеству лучшее вооружение в Европе, которым от «души» наводились не только в Гражданскую, но осталось и на Отечественную.

В середине XIX века в России на волне общенародного осознания себя полноценной нацией, к тому же оказавшейся преемницей апостольской Византии, возникает искренний интерес к своей истории. Культурные слои русского общества (преподаватели университетов и училищ, сотрудники журналов, музеев, архивов, земцы и масса добропорядочных чиновников и прочих мыслящих людей) готовы были радеть на благо отчизны от широты души. Одним из таких сподвижников был Погодин Михаил Петрович, историк, археолог и журналист, кстати, сын крепостного гр. Строганова, издатель «Московского Вестника» и «Москвитянина». Кроме многих печатных трудов по истории России Погодин собрал Древлехранилище – собрание древних книг и рукописей, впоследствии купленное у него государством. Но главным в его жизни был его дневник, который он вёл всю жизнь, где слово «История» писал с большой буквы, а основными отличиями были честность и искренность, порой обнажавшие душу автора (как плакал о Пушкине, как молился Богу, чтобы он помог ему дать хорошо

урок). После смерти автора его «дневники» обрабатывает и издает (в итоге 22 тома!) его ученик, историк и радетель России, Барсуков Н.П. По прочтении дневников нам предстает истинный демократ с натурой аристократа, вышедший из крепостных крестьян. И это явление на Руси было массовое – было состояние русской души, а поэтому и «титанов» было много.

Самосознание, как нации, началось с Ломоносова. Тогда в Русской науке и образовании было много иностранцев. Русский дух и Вера в России всегда были крепки, но не хватало образования. Тогда и нация говорила на двух языках – в салонах лишь на французском – и это продолжалось более ста лет. Но, надо признать, что были и выдающиеся иностранцы, которые не только внесли заметный вклад в русскую культуру (Гейм, Шлецер, Лодер и др.), но и нашедших здесь свой духовный интерес, а поэтому легко и навсегда соединивших свою судьбу с будущим своей новой Родины.

Это было время гигантов, которое дало непропорционально всей нашей истории большое число великих русичей, прославивших Россию в веках. Начиная с Ломоносова – Державин, Карамзин (и его предшественник – кн. Щербатов М. М., доведший «Историю российскую» до 1611 года), Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Даль. А были ещё Глинка, Щепкин, Островский и др., яркие и самобытные. Взять, хотя бы, историка Сергея Михайловича Соловьева, отца философа Соловьева В., сумевшего издать свою 30-томную «Историю России с древнейших времен». Каждый год – том! Вот это труд, как на галерах! И всё во славу России! И, наконец, «Война и мир» – великий труд Льва Толстого, который и открыл миру Россию и русскую душу.

Это было время совершенного душевного здоровья людей, поднявшихся прямо из родной почвы, не разорвавших с ней связи, полных неистощимого энтузиазма, патриотизма, живущих в восторге, в восхищении и удивлении перед громадным миром с искренним желанием развивать его по горизонтали, будучи уверенным, что «вершины» неизбежно появятся. Погодин из десятилетия в десятилетие описывал растущий и шумящий вокруг себя «русский мир», заносил всё виденное в свои записные книжки изо дня в день. Не о своей значимости была забота, о славе России! Это была другая порода людей, с другой планеты! Нет, это была наша русская прапланета, которую мы, к сожалению, потеряли! И потеряли, в первую очередь, духовно, разменяв цельность и устремленность, свежесть и здравомыслие на эпатаж, иронию и сарказм.

А началось всё, на мой взгляд, с Белинского, который не мог жить спокойно, чтобы не бередить душевные раны, не примирять конфликты, а наоборот, противопоставлять интересы различных групп лю-

дей, объединений, сословий и даже этнических обществ. Зачем нужно было выуживать и вытаскивать на страницы столичного журнала малороссийского писателя Кулиша только с тем, чтобы спросить читателя, должна ли Малороссия отторгнуться от России или погибнуть? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение целых областей? Так поступают враги всякого договора и успеха, провоцируя правительство видеть бунт там, где нет ровно ничего. И таких провокаций в его послужном списке масса. Безразличие к тысячам покосившихся русских и украинских деревень у него компенсировалось любовью к «французским повестям», их же социальным теориям и другим нарочитым сюжетам, получившим с тех пор название «претенциозных». Вот тогда и запольхал костер из разного рода сомнительных истин. Появились и последователи. Наверняка народоволец Гриневицкий, бросивший 1 марта 1881 года бомбу в карету Александра II, читал Белинского и воспарял в душе от «святого гнева», не осознавая, что навсегда загубил русскую конституцию, так и оставшуюся лежать неподписанной на рабочем столе Императора. А «вдохновенный» труд русских нигилистов-декадентов, революционеров и прочих «сицилистов» привел к тому, что «идея вышла на улицу». А на улице все считают себя борцами за лучшее («светлое») будущее народа, не подозревая, что их усилия, а часто и жертвы, могут привести к совершенно обратным результатам. Так было с ЧК, возникшей как средство борьбы с бездомными и бандитами, но превратившейся в орган (НКВД), терроризирующий всё общество. Сейчас на эту роль претендует наш шоу-бизнес, готовый начать тотальную психологическую войну по оглуплению и дебилизации всей страны.

Были и одиночки, например, Богров, убивший Столыпина. Но, он, мелкий честолюбец, чувствовал негласную поддержку тогдашнего лицемерного «высшего» общества, и конечно, не мог сознавать, что убивает лучшего человека России, единственного в то время способного вывести страну из революционного тупика. Столыпин хорошо знал свою страну: на него уже было около двух десятков покушений, а поэтому и завещал, чтобы «его похоронили там, где убьют».

А Россия забурлила и, как сейчас в арабских странах, отовсюду повылезала вся нечисть. Страна, как бы стремясь наверстать «упущенное», пыталась быстрее пробежать все этапы мирового «прегресса»: символизм, футуризм и еще с десяток ИЗМОВ, когда пытались Пушкина «сбросить с корабля современности», когда надоело «учить диалектику по Гегелю», а страсть как захотелось «броситься с небес поэзии в коммунизм». «Душа» искала выход, а когда её обкормили «социальными отношениями»,

вот тогда появились и терроризм (к чему только сейчас подошли арабы), и «красные» бригады, и цветные революции (занесенные к нам международными Интернационалами), а затем уже всё пошло по предсказанной Достоевским схеме саморазвития одного из ИЗМОВ вплоть до самых уродливых его форм.

И Белинский же был первым, кто обратился не ко взрослым мужам и самостоятельным людям, ответственным за благополучие семейств и всего общества, а к юношеству, всегда стремящемуся вырваться из «системы» в школу без стен, без парт, без застегнутых в мундир чиновников. Тогда всё молодое, свежее, ищущее, любопытное зачитывалось Белинским. Для них ещё не пришло время анализа, размышления, взрослого ответственного чтения с учетом задач государства, семьи и культуры в целом. И у арабов сейчас на улицах одни пацаны с камнями. А в России у Белинского было много талантливых последователей: Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Салтыков-Щедрин, Шелгунов. (В биографии перечисленных имен весьма интересным фактом является то, что эти кумиры того времени не были кумирами близстоящих женщин – жен, сестер. Писарев беспомощно томился около своей двоюродной сестры, Добролюбов завидовал безграмотному армейскому офицеру, которому на его глазах отдавала предпочтение его любимая девушка. Сначала надо бы завоевать своих боевых подруг, а уж затем остальной мир). Особо выделяется Писарев. Никто до этого не возбуждал такого горячего, страстного энтузиазма у молодежи, как этот писатель. Он искусно отделил молодежь от литературы взрослых, создав для нее новое «целомудрие», «поэзию гнева и мести», позволявшее гимназистам обвинять своих отцов в глупости, корысти и стяжательстве. Раскрепощение в семьях дошло до неприличия: мораль, долг, ответственность – всё было перевернуто вверх дном. Многие, особенно, девушки, бросали семьи и уходили в народ. Народолюбие превращалось в психоз, не находя, однако, у народа никакого отзвука. Мужик легко отличал фальшь от сути. А всё, что приходило к нам с берегов Сены, Шпреи или Темзы, воспринималось молодыми на грани восторга. С тех пор и началось повальное увлечение Западом, не изучение, а восхищение. А всё свое, без разбору, сразу зачислялось в «темное царство», в обломовщину, в то, о чем и рассуждать не стоит, а поэтому и засыпали, кладя под подушку стихи Лиль де Руже.

Молодая нация, ворвавшись в топ-список более зрелых народов, уже прошедших великие политические столкновения и народную борьбу, где решались вопросы чести и достоинства, долга и справедливости, прав и ответственности, эта нация с ещё неокрепшим иммунитетом к демократическим

вольномыслям, переживала свои «детские» болезни и искала свою «фригийскую шапочку» (как якобинцы) и слова собственной «Марсельезы». И даже великие наши историки не смогли убедить свою молодежь, что главное богатство России в её истории и Вере, а не во французских вольностях и либеральных лозунгах. Всё новое проходит через сито опыта и анализа и, как правило, исчезает в анналах мудрой Клио. А наш печальный опыт уже XX века должен заставить нас вернуться в середину XIX, когда мы свернули со своего собственного пути развития и бросились искать правду в «просвещенной» и переполненной политическими соблазнами и экстремистскими взглядами Европе. А оно (наше прошлое) при внимательном рассмотрении может стать нашим духовным опытом, который и должен помочь нам понять самих себя.

Латинство (инакомыслие) всегда возникало перед русскими князьями, когда их пытались соблазнить большими «дарами» в обмен на принятие католичества или хотя бы унии с Папой.

К середине XIX века православие в среде образованного класса стало считаться чем-то почти неприличным, а церковь перестала восприниматься, как источник духовной свободы, а весь душевный и психологический дискомфорт, особо не церемонясь, стал предъявляться Царю. Русский царь для революционеров стал воплощением всех бед. Зло обнаружили под «фонарем». Хотя, надо признать, что царизм не успел научиться грамотно перераспределять власть. А сейчас? Умеем?

Искать недостатки у правительства – это, видимо, задача любой оппозиции, но и не видеть того, как громадная страна с многоукладным хозяйством и многонациональной пестротой уверенно прогрессирует, особенно в области культуры, было близоруко. Можно ли было говорить о «зловещей» цензуре в стране с таким количеством талантливых писателей и драматургов, великих поэтов, «пламенных» критиков и сатириков-обличителей. При таком количестве «толстых» журналов о застое не могло быть и речи, когда в них печатались лучшие умы России с широким диапазоном мыслей, убеждений и пристрастий: П. В. Киреевский, Т. Н. Грановский, А. А. Григорьев, Аксаковы, П. Д. Боборыкин, Н. Я. Данилевский и т. д., и т. д. – до Н. Н. Страхова, В. В. Розанова, В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского и еще массы личностей, внесших свой вклад в развитие русского общества. В то время наша литература претендовала на роль «новой» религии, но, однако, не смогла удержаться на краю обвала во «вседозволенность», в том числе, и к ниспровержению всех символов нации. Смогла же Англия, находясь примерно в таком же «возбужденном» положении, найти выход, превратив королевскую власть в духовный и моральный импе-

ратив. У нас же верх взяли «бесы». Помогла и Европа, обучив наших самых «несгибаемых» в Международных Интернационалах, обеспечив их «передовыми» теориями, уже давно здесь «бродившими», но нашедшими благодатную почву лишь в девственной России. А единственным демократом во всей этой «заварушке» оказался император Николай II, уйдя добровольно с должности русского Царя и отдав себя и свою семью на волю «народа». Но и мнение о Царе сейчас стало меняться: будучи «кровавым» для революционеров, он становится мучеником, и это более справедливо.

Что-то системное, как сейчас сказали бы, произошло в XIX веке в России: разрыв в памяти, когда «образованные» слои общества позволили себе забыть свято хранимые народом традиции, что царская власть – это не просто ничем не ограниченная власть, а власть, отвечающая за свой народ перед Богом, а поэтому и являющаяся наиболее гуманной и стоящей выше любого закона – «свята воля царская». И эта система успешно работала, когда в обществе было согласие. Русский народ хорошо отличал добро от зла, святость от злодейства.

В России никогда не было демократии, а тем более при Советской власти. Казалось бы, и сейчас не стоит так сильно сокрушаться, но общество (как-то вдруг!) почувствовало себя оскорбленным и упавшим (по «демократической» шкале) даже ниже уровня 25-летней давности времен Горбачевской «перестройки». В чиновничье-демократическом беспределе запутался не только народ, но и наши правители (что построили-то?).

Вот так народ и позволил устранить себя от вековой привычки влиять, подправлять и корректировать «свою» власть. И пока эта привычка не возникнет вновь, а она со временем должна появиться, ибо это не прихоть, а глубинная потребность и необходимая составляющая характера нации, лада в нашем обществе не будет. А упадки духа в России и раньше были: сдача Севастополя в 1855–56 гг., поражение в Японской войне в 1905 г. Они преодолели.

При погружении в нашу историю непроизвольно появляется предчувствие, что вот-вот откроется истина, и мы найдём конец клубка, который позволит добраться до нашей природной и духовной сути, периодически приводящей нацию к катаклизмам и «смутам», надолго выбивающим её из колеи.

С одной стороны, русский народ готов безусловно верить своему «начальству», и это прошло красной нитью от древних времен («Нам, мол, с вами думать неча, если думают цари»), а с другой стороны, он всегда критически и с долей снисхождения смотрел на инородцев, начиная с китайцев («Ходя, соли надо?»), мусульман – «свиное ухо» до немцев, в душе ухмыляясь над их некоторой педан-

тичной ограниченностью и отсутствием должной смекалки: «Что русскому за здоровье, то немцу – смерть».

У русского народа на протяжении всей его истории даже не возникала мысль быть под властью чужеземцев, он оружие брал почти инстинктивно, но к личной свободе его отношение было, прямо скажем, наплевательское, как будто для него это было делом второстепенным, мало его касающимся. «Если кому-то это надо – вот он и пусть этим занимается, а у нас своих забот полон рот». Очень точно главную сущность русского народа выразил Дмитрий Хомяков, земский деятель и сын религиозного философа и основоположника славянофильства Хомякова Александра Степановича, сказав в своем трактате «Самодержавие», что русский народ видит свое высшее благо в духовной жизни и поэтому «равнодушен к политическому благоустройству».

Русский народ издревле не тяготился своим положением, он честно и преданно служил своим господам, заботясь о них, и часто даже жалея за их нелепую и непутевую жизнь. Вспомним Савельича (из «Капитанской дочки» Пушкина), этого аристократа, даже большего, чем его барин. И в культурном отношении народ не был обделен. Он жил своей богатой и насыщенной сказаниями и былями, притчами и преданиями, песнями и поговорками жизнью. В карман за словом не лез, и артисты, и поэты свои были. Наоборот, в народ «шли» лучшие люди России – историки и писатели, артисты и художники «питаться» его гением и силой духа. «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Пословицы русского народа» Владимира Даля – это же энциклопедии народной мудрости, смекалки и шутки. Стоит прочесть лишь одну страницу и ходить неделю, очарованный глубиной и широтой мысли. Наш народ был самодостаточен, он жил, творил и помнил, сам себя воспитывал и развивал. А заодно и врачевал.

В таком, примерно, виде эта модель взаимоотношений и существовала тысячу лет, когда «основной» народ доверял власти, а власть старалась «понимать» народ. Но, эта связь надломилась в 1917-м. И хотя в марте 1971 г. генсек на XXIV съезде партии и заявил, что в СССР «сложилась новая общность – Советский народ», но уже через 20 лет все Республики дружно «выключили» в мир свои головы, оказавшиеся на поверку совершенно не обремененными какой-либо общностью. Но, и русский народ, как-то вдруг, стал виден, и из обслуживающего «нерушимый Союз» персонала превратился, пусть и в небогатую, но имеющую всю совокупность признаков вполне приличной самодостаточной нации.

О том, что социализм в России долго не протянет, предполагали многие наши прозорливые люди.

Вспомним Александра Герцена, говорившего (когда ещё!), что «социализм разовьется во всех сферах до крайних последствий, до нелепостей» и «займет место нынешнего консерватизма». Таким образом, смута при выходе из социализма уже тогда предполагалась, вопрос стоял лишь – когда?

Но, что интересно, этот удивительный и непредсказуемый русский народ к концу самораспада «руководящей и направляющей», а с ней и всей «передовой» формации, оказался в числе, если и не открытых защитников, но и не явных могильщиков этого строя (русскому народу всегда была «люба» старая хата), при котором прожил более 70 лет. А за это время, «плохое – хорошее» (какое было!), народ и сам изменился, а где-то и власть под себя подстроил.

А, действительно, много же было уже и приличного: бесплатное образование и медицина, детский отдых и массовый туризм по очень доступным путевкам (а добираться до турбаз было легко при очень развитой малой авиации), коллективные выезды на природу и массовая (от души!) самодеятельность (какие были хоры, в том числе, мужские!) и вообще, вся обстановка в коллективах напоминала большие общины с уже складывающимися традициями и обычаями, с трудовыми династиями и своей историей, что интуитивно и создавал народ по своей генетической памяти. Это было время прекрасных песен и анекдотов с гражданской изюминкой.

О пустых полках в магазинах и полных холодильниках в домах, о тотальном дефиците, как двигателе экономики, о всемогущих торгашах, о парткомах, как гарантах супружеской верности, о бесплатных партбуфетах, о партветеранах, проверяющих «рабочего и крестьянку» и мать их Мухину, выезжающих на 21-й день в Болгарию, о выборах без выбора, но с явкой 99% и о прочих, пока еще имеющих место быть недоработках при стремительном движении страны к коммунизму.

Однако, это естественное общественное «ворчание» как-то незаметно переросло в неприятие всего и вся. «Свежий ветер перемен» привел в итоге к развалу основ государства (начавшегося с партии): всех его штабов, Госплана, кабинета министров, а значит всех отраслей народного хозяйства, оборонки, армии. Государства (СССР) не стало, а значит пал наш рубль «недозеленевший», цены У.Е.хали, а республики разбежались искать счастья в одиночку. Принцип «обогащайся, как сможешь» и «рынок нас спасет» овладел массами, да и элита была не против, а наоборот. Появившиеся акционеры, имея в кармане дохлый ваучер, с помощью «временных» управляющих разорили свои предприятия, разобрав их на металлолом. Эстония вышла на призовое место в мире по производству алюми-

ния, полстраны одело красные пиджаки, а для пенсионеров банки предоставляли очень удобные кредиты – на 9 и 40 дней.

Но это был не выход, а начало конца: плана перестройки не было. И в который раз снова – и до основания.

А сейчас и Китай доказал на практике, что переход к рынку вполне возможен и при социализме, и даже руководстве одной – единственной партии. А нам что мешало, если уж приспичило? А то, что этим переходом должны управлять не ельцины и чубайсы, а УМНЫЕ люди типа Эрхарда, Гавела, Дэн-Сяопина, Ли-Куан-Ю.

У нас же в этот важный период на авансцене неожиданно появились ЛИБЕРАЛЫ, и народ «клюнул» на это мелодично звучащее политическое направление, еще мало известное широким массам. Русскому народу всегда нравилось всё новое и благозвучное.

Однако, и здесь на фоне «убедительной» аргументации всех достоинств этого, с виду мягкого, но энергичного политического направления (чем тогда особенно отличался канал НТВ), появились наглые физиономии шустрых ребят, впоследствии получивших название олигархов, и принадлежащих почти, один к одному, к довольно древнему племени, спокойно проживающему тут же, как родные братья, уже более «200 лет вместе». И либеральное чудо свершилось: все прибыльные отрасли страны вмиг оказались у них в руках, а ещё раньше – вся банковская система. Во как! Так бы и жил народ в либеральной стране (а может всё и утряслось бы со временем), если бы к концу 90-х не очухались слегка приотставшие под «раздачу» госсобственности, наши неистребимые чиновники. Беда случилась – замешкались, да и грамотешка подвела – изучали всё больше «основы марксизма-ленинизма», где о «бедном» капитализме слова доброго не было сказано (поглядел бы я на этого сумасшедшего). А тут – на тебе – передовая формация! Вот и пришлось экстерном, часто уже в деле, повышать квалификацию и одновременно, ускоренными темпами, проходить стадию первоначального накопления капитала. А тут неожиданно и подмога подоспела в лице бывших КГБэшников (силовики), тоже замешкавшихся (но у этих были причины) в эти же годы. Затем, совместными усилиями, они быстро перебороли олигархов, которые к этому времени уже разонравились и народу. А объединенный чиновничье-КГБэшный фронт даже сумел поставить «своего человека» во главе страны, конечно, при полном одобрении всего электората, уже уставшего от либеральных заморочек, и соскучившегося по крепким «объятиям» неизбывной власти, этого «крапивного семени», памятного ещё со времен приказных изб и всесилья дьяков и подьячих.

Однако, «приватизировать» им пришлось лишь то, что осталось. (Правда, один очень крупный актив – «Юкос» – они все-таки оттяпали у самого амбициозного олигарха при молчаливом согласии народа). Но и осталось им не так уж и мало: весь средний и малый бизнес, таможня, целые отрасли (сельское хозяйство, лесная, рыбная, фармацевтика, ЖКХ), все строительные и земельные «проблемы», а так же главное оружие (нет, не булыжник!) – прокуратура, МВД и суды.

А народ был окончательно выведен из политического поля и какого-либо влияния на власть (даже профсоюзов не стало), чему способствовало и полное отсутствие дееспособных, особенно в регионах, СМИ. Наличие Госдумы, Счетной палаты и даже Комитета «Солдатских Матерей» ситуацию не меняет.

Вот так, менее, чем за 100 лет мы дискредитировали несколько систем и направлений развития человечества: социализм, коммунизм и либерализм. И дело сейчас не в сегодняшней нашей элите, и не в отсутствии гражданского общества и среднего класса. Дело в том, что народ за 90 лет потерял иммунитет к самоорганизации и ответственности за страну, что всегда было присуще натуре русского человека.

Нужно время! А пока лютует чиновничество в союзе с судейскими и прокурорскими, и под охраной «силовики». Народ «безмолвствует»! Но, не заиграться бы! Видя, что власть «не мычит и не телится», он может перейти законные пути и начать решать вопросы «по справедливости», хотя и дико, и

бессмысленно. Но при таком к себе пренебрежении, когда несправедливость (оплата труда) достигает до сотни крат, народ жить не согласен! Это уже понимает и молодежь!

«Вертикаль власти» где-то зашла в тупик. Стоит только поглядеть, как в «суверенной» (от народа) Думе «дежурные» бегают по лавкам и жмут кнопки за отсутствующих «пацанов», сразу представляется всё остальное государственное устройство (вместо законов – понятия, вместо чести и достоинства – корысть и обман). Какая уж тут, к чёрту, модернизация? Свои бы дела успеть уладить!

И все-таки, несмотря на весь этот чиновный беспредел, русский народ выбрал вектор своего движения в будущее. А уже в соответствии с этим в России появятся снова чудачки, находящие смысл в служении людям, а затем обязательно и нравственные авторитеты (в России всегда так было!), которые своим примером воспитают достойные поколения. Россия вспомнит и Толстого, и Чехова, да и Павку Корчагина – это не художественный образ Н. Островского, а отражение глубинных черт русского народа. И глупо было бы от этого отрекаться!

Только обидно, что великий порыв России в феврале 17-го не превратился в восхождение по шкале христианских вечных ценностей, а наоборот, взбаламутил и поднял с самого дна человеческой души такие страсти, как зависть, жадность и взаимная ненависть, искусно прикрытые классовым сознанием, солидарностью пролетариев и международным интернационалом.

г. Кемерово

Александр ЯРОЩУК

ЧИТАЯ БИБЛИЮ...

Сразу оговорюсь, моё эссе не претендует на исследовательскую работу, это – только «заметки на полях» и не более. В основном для тех, кто, как и я, ещё не окончательно порвал с атеизмом и только ищет путь к Богу.

Читая Библию, которая произвела на меня сильное впечатление, сначала старался запомнить места, меня тронувшие, да где там! Потом пришлось делать закладки, а впоследствии стал записывать и свои мысли.

Наибольший интерес вызвали «белые пятна» в описании детства и юности Иисуса в Новом Завете, и я позволил себе (каюсь) вольность поразмышлять на эту тему, что и предлагаю сделать читателю вместе со мной.

Желание прочесть Библию появилось давно. 130 Ещё в те годы, когда каждый руководитель обязательно должен был быть коммунистом, проводил политзанятия со своими подчинёнными, в том числе и по атеизму. И поносили, и клеймили Библию, не читая и даже не видя её в глаза.

С 1917 года в нашей стране Библию не издавали, а в русском переводе печаталась она только за границей. В 1956 году, впервые после революции, Московская патриархия получила возможность перепечатать Синодальное издание в ограниченном количестве, которое сразу же стало величайшей редкостью.

Библию в то время можно было увидеть только за рубежом. Я был свидетелем, как советским туристам или командированным любезно подкладывали её в каждый номер отеля, в каждую тумбочку. Предлагали даже взять с собой. Но никто из моих спутников не рискнул. Книга запрещена! Хотя запрещённое всегда и вызывало жгучий интерес.

Неизменно возникали вопросы: почему Библия, а вместе с ней и церковь подвергались таким яростным нападкам со стороны советской власти? Почему уже сменилось целое поколение, а народ стойко и свято чтит православные праздники как самые важные и сокровенные? Рождество, Пасху, Троицу – наравне с Новым годом, Первомаем, Октябрьской

революцией. Почему в огромной стране, кто тайно, а кто явно крестил своих детей в церквях? Почему таким обидным на Руси считалось слово «не-христ»? И ещё много-много «почему»...

Наконец Библия стала доступна массовому читателю. В 1990 году в Кемеровском книжном издательстве тиражом в 30 000 экземпляров вышел «Новый Завет», а годом позже и «Ветхий Завет» тиражом в 50 000 экземпляров.

Свершилось! Долгожданные книги в моих руках, а тут и я вышел на пенсию и с головой окунулся в них, полный желания понять в какой-то мере хоть крохотную часть книги, равной которой по содержанию и по количеству изданий в мире нет и, пожалуй, не будет.

«Основательно проштудированная Библия – это уже целый курс литературы, редкостнейший и богатейший во всех сферах человеческого мышления», – английский историк Фрейд. Ему вторит Брайсбен: «Библия содержит образцы высокой литературы любого вида: лирика – Псалмы, эпос – Бытие, житейская мудрость – Притчи, новеллы – Евангелия...»

Это я постиг в тот момент, когда человечество вошло в третье тысячелетие.

Сейчас Библия постоянно на моем письменном столе.

Стержневые вопросы науки во все времена были и остаются: что представляет собой вечность и бесконечность Вселенной, как создан мир, откуда возникла жизнь и какое место в ней занимает человек?

Попробуй, угадай, кто из двух учёных, чьи цитаты приведу ниже, более современен, и насколько эти авторы отстоят по времени друг от друга. Компиляции привожу в сокращении.

Первый из них считается основоположником диалектики. В основе его философии лежит убеждение, что мир находится в состоянии непрерывного возникновения и уничтожения – всё течёт и меняется; источником развития и прогресса является борьба противоположностей.

Но если Вселенная существует в борьбе противоположностей, то совсем не значит, что в ней царит хаос. Этот извечный диалектический процесс подчинён определённым правилам имманентной закономерности (имманентная – внутренняя связь, свойство предмета, присущее ему по его природе).

Всем правит Логос – нечто вроде вселенского РАЗУМА или воплощённое божественное Слово.

А вот что говорит другой ученый. Человечеству потребовалось затратить колоссальные интеллектуальные усилия, чтобы перейти к непостижимому удивительнейшему выводу о рождении мира из НИЧЕГО! Однако это не является «новостью» для хри-

стиан: Бог Отец сотворил всё мироздание Словом, именно СОТВОРИЛ, ибо Вселенная – плод творческого акта.

Творение мира чувствовали и осознали Святые Отцы эпохи первых двух Вселенских Соборов, которые отразили это понимание в словах Символа православной веры. Его первые строки на греческом языке в буквальном переводе так и звучат: «Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Поэта неба и земли».

...Между человечеством и всеми остальными частями строения Вселенной существует очень строгая, жёсткая зависимость, нашедшая в науке название антропного принципа.

Этот принцип гласит, что Вселенная приспособлена для существования жизни. И как законы физики, так изначальные параметры подобраны таким образом, чтобы гарантировать её появление! Поэтическая аналогия нашего мира – представление его в виде гигантской звуковой волны от струн волшебного музыкального инструмента. Этот инструмент находится в руках невидимого и всемогущего Творца, который трогает струны и поддерживает «звук».

Теперь откроем завесу: первое определение принадлежит греческому философу Гераклиту, жившему в 6-5 веках до н.э. Текст частично осовременен автором, но без искажения смысла.

Второе приводится нашим современником, кандидатом физико-математических наук О. В. Петренко. Статья в журнале «Фома» №1(14) 1997 г.

Вдумайтесь только в одно – между ними две с половиной тысячи лет! Стрелка исторических часов, отсчитывающая тысячелетия, третий раз, начиная от Гераклита, пересекла историческую дату – рождение Христово!

А велика ли в их мировоззрениях разница?

Уму непостижимо! Происходили технические революции, совершались глобальные открытия в космосе, микромире, а в определении тайны мироздания нет сколько-нибудь заметного прорыва. Это ли не есть чудо! И чем дальше наука раздвигает границы познания, тем больше непознанного.

Когда учёные открыли электрон, то воскликнули – вот первокирпичек мироздания! Вождь мирового пролетариата В. И. Ленин прозорливо сказал: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом».

А что вы ответите ребёнку на его наивный вопрос: кто из богов самый главный – Иисус Христос, Аллах или Будда?

Ответ прост: они как цвет. Какой цвет самый главный? Красный, зелёный или синий? Они все – части спектра единого солнечного света – Света Творца. И никакого антагонизма. Все религиозные конфессии только дополняют друг друга, независимо от количества их сторонников.

Итак, Сын Божий Иисус Христос.

Место рождения:

В Евангелии от Луки (1. 27, 2. 4, 2. 6, 2. 22, 2. 23, 2. 39): Иосиф с Марией отправились из Назарета, где они жили, на перепись населения в город Вифлеем, где Мария и родила Иисуса. Затем они возвратились в Назарет.

В Евангелии от Матфея (2. 1, 2. 3): местом рождения указывается тоже город Вифлеем. В Назарет Иисус попадает из Египта, где Его прятали от царя Ирода отец Иосиф с Матерью Марией. Ибо еще пророк Исаия предсказал: «Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог» (Исаия 7. 14). «Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним» (Мф. 2. 3). И решил разыскать Его тайно посредством Волхвов, «...чтобы погубить Его» (Мф. 2. 13).

Прозвище Иисуса Назорей – связано с Назаретом, маленьким захолустным городишком в Иудее, не играющей никакой роли в жизни Великой Римской империи.

С большой долей вероятности важное событие произошло за четыре года до новой эры. На это указывают в своих Евангелиях и Матфей, и Лука, повествуя о рождении Иисуса в годы правления Ирода, который умер в 750 году с основания Рима. В то время во всех провинциях Рима летоисчисление велось со дня его основания.

Даже на сегодняшних примерах видим, как не объективно может быть зарегистрировано время рождения. Современная история сплошь и рядом пестрит фактами искажённых биографий известных личностей, в частности, российских. Родители, а в большинстве уже и их взрослые дети, иногда изменяли дату своего рождения, преследуя конкретные цели, от самых прозаических, как то: отсрочить призыв в армию или ускорить уход на пенсию... А что уж говорить об Иисусе, рождение которого отстоит от нас более чем на 2 тысячи лет.

И всё-таки, несмотря на отсутствие документов, указывающих дату рождения Иисуса Христа, сейчас вряд ли уже можно сомневаться в существовании этой исторической личности.

Для нас важно другое: в какой среде, в каких условиях, на фоне каких исторических событий прошли Его детство и юность. Что сформировало Его, как Учителя, который, в конце концов, оказался – духовным революционером. Что позволило Его учению через два тысячелетия завоевать большую часть мира?

Со дня рождения Иисуса до Его первых шагов со своим учением прошло 30 лет, которые практически вообще остались за пределами Евангелий. Почти нигде не указывается ни о Его воспитании, ни о Его обучении, ни о полученном Им образовании. И все же в Новом завете отмечается появление двенадца-

тилетнего Иисуса в Иерусалимском храме, где Он произвёл сильное впечатление на священников (Лк. 2. 46, 47). Это даёт историкам и исследователям повод к неограниченной фантазии, которой пытаются заполнить зияющую пустоту в биографии Христа.

Весьма «преуспел» в этом отношении русский поэт и философ Д. Мережковский (1865-1941) в книге «Иисус Неизвестный» и «Третий завет».

Известный польский писатель З. Косидовский в книге «Сказания евангелистов» в угоду своей трактовке образа Христа искажает даже текст Евангелия от Иоанна: «Иисус сидел и что-то чертил на песке». Хотя сказано (Иоан. 8. 6, 8), притом дважды, «писал перстом на земле», то есть, чётко указывается на то, что он умел писать и никакой другой трактовки эта фраза не допускает. Хотя предполагаю, что Косидовский пользовался, как первоисточником, Библией католического толка или ещё проще – была допущена неточность при переводе его книги.

Библию (собрание священных текстов, состоящее из Ветхого и Нового заветов), а так же Септуагинту и Вульгату (о них будет сказано ниже) первоисточниками можно считать только условно. Вот что по этому поводу думает протоиерей Александр Мень:

«Само слово Евангелие (в текстах Нового Завета. Пр. автора) означает – провозглашение отрядной новости. Евангелие подразумевается не как книга, а как проповедь о спасающем Боге. Этим подчёркивается, что первоисточник Евангелия – сам Господь, о словах и деяниях которого церковь возвещает устами евангелистов».

Даже те крупницы, которые сказаны о юном Христе, несут в себе огромную информацию. Они и должны стать основой доказательной базы.

«Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?» (Мк. 6. 3), «Не плотников ли Он сын?» (Мф. 13. 55). Из текстов, следуя их смыслу, ясно, что Иисус был сам плотником и вырос в семье ремесленников. Эта скупая, но чрезвычайно важная информация говорит о многом. Как палеонтолог по зубу мамонта или по его отдельной кости восстанавливает облик животного, так и мы, опираясь на эти фразы, можем воссоздать более или менее достоверную картину детства Иисуса.

В понимании многих образ плотника – это мужик с топором. И естественно, о его образовании и уровне знаний вообще даже не размышляют. Однако чтобы быть настоящим плотником, надо иметь не только навыки, но и большой запас знаний.

Первое и самое главное – математика. Как царица наук, она возникла задолго до н.э. в результате развития ремесел, торговли и имела в основном прикладной характер. С её помощью определяют размеры деталей, их площадь, объём и размеры конечных изделий. Без азов геометрии невозможно

изготовить даже простую дверь, обеденный стол, тележное колесо. Надо иметь пространственное мышление.

Кроме того, надо знать свойства дерева и приёмы его обработки; свойства металлов, способы их закалки и отпуска, без этого не изготовить даже плотницкий инструмент. Плотник должен иметь элементарные знания по сопротивлению материалов. Без этих знаний невозможно даже представить эту профессию. Заглянем в любую музей, внимательно посмотрим на карету или колесницу и поймём, насколько сложное это изделие. Благодаря высокой точности изготавливаемых узлов все конструкции в сборе обладали прочностью и долговечностью. В то время одна колесница по стоимости равнялась 6-10 арабским скакунам.

Смело можно добавить, что плотник ещё был и химиком: готовил для изделий морилки, протравы, краски, лаки, клей. Всё это было величайшим секретом древних мастеров.

Какой же она, математика, была во времена Христа?

Её уровень определяют два великих ученых древности Евклид и Архимед, жившие за 2-3 века до Рождества Христова. Знаменитые труды Евклида – тринадцать книг «Начал».

Большая часть нашей школьной геометрии заимствована буквально из первых шести его книг. Исходя из простых свойств линий и углов, Евклид приводит нас к равенству углов, теореме Пифагора, золотому сечению, кругу и правильным многоугольникам. В них даны геометрические классификации квадратных иррациональностей и квадратных корней и т.д. Это ему легенда приписывает слова, сказанные правителю Птолемею, что в геометрии нет «царской дороги».

Другой величайший математик древности Архимед (287-213 г. до н.э.) внёс в математику работы, которые сейчас называют интегральным исчислением. О его огромных достижениях в области математики говорят названия книг: «О сфере и цилиндре», «Квадратура параболы», «О спиралях». Нельзя обойти тот факт, что эти математические открытия широко применялись на практике. По большому счёту, он до нас дошёл как искусный механик, и был убит римлянами при разработке чертежей для очередной машины, которые использовались для защиты его родного города Сиракузы.

Чтобы мы имели представление о его трудах, достаточно привести метод расчёта числа Пи с помощью вписанного и описанного многоугольников, доведя число сторон до 96:

$$3\frac{10}{71} < 3\frac{284\frac{1}{4}}{2018\frac{7}{40}} < 3\frac{284\frac{1}{4}}{2017\frac{1}{4}} < \pi < 3\frac{667\frac{1}{2}}{4673\frac{1}{2}}$$

$$3\frac{667\frac{1}{2}}{4672\frac{1}{2}} = 3\frac{1}{7} = 3.1416$$

Следует сказать, что Архимеда относят к так называемой восточной школе, для которой особо привлекательны сложные математические вычисления.

Совсем недавно учёные сделали сенсационное открытие: найден артефакт, который представляет собой ни много, ни мало – механический компьютер, изготовленный Архимедом. Этот механизм с поразительной точностью показывал каждую фазу луны и её затмения, а также затмения солнца, расположения всех планет солнечной системы в любой отрезок времени!

Зачастую люди, вошедшие в историю как великие математики, по сути своей ими при жизни не были. Вот наиболее яркие примеры, иллюстрирующие общую картину: Леонардо из Пизы (Фибоначчи) был купцом, великий Декарт служил в армии, Ферма был юристом и все свои открытия написал на полях перевода Диофанта (древнегреческого математика), почитывая книгу на досуге для развлечения. Кстати, Ферма против 8-й задачи второй книги Диофанта по поводу знаменитой теоремы $x^n + y^n = z^n$ написал: «Я нашёл воистину замечательное доказательство, однако поля слишком узки, чтобы поместить его». До сих пор учёные так и не решили эту задачу, которая и вошла в историю как теорема Ферма.

Она формулируется на понятийном уровне среднего общего образования: для любого натурального числа $n > 2$ приведённое выше уравнение не имеет натуральных решений x, y, z . Извините: проще сказать уже нельзя. Вот такова была глубина мысли древних ученых!

Как правило, человек, преуспевший в ремёслах, преуспевал в математике, а зачастую был и философом. Поэтому не случайно плотник Иисус к тридцати годам ушёл в сторону другого призвания.

Распространяли знания отнюдь не философы и математики, а ремесленники. В то время эта категория рабочих ценилась очень высоко. Кроме золота и серебра основным «добычей» завоевателей были высококвалифицированные мастера. Сошлюсь на Ветхий Завет (речь о разграблении Иерусалима Вавилонским царём Навуходоносором): «И вывез он оттуда все сокровища дома Господня и сокровища царского дома;... И выселил весь Иерусалим, ... десять тысяч было переселенных, – и всех плотников и кузнецов; никого не осталось, кроме бедного народа земли... И все войско, числом семь тысяч, и художников, и строителей тысячу ... отвел царь Вавилонский на поселение в Вавилон» (Четвёртая кн. Царств 24. 13-16).

А они (если говорить о плотниках) действительно многое умели.

Вот что свидетельствует Ветхий Завет, описывая разграбленные роскошные Храм Господень и Царский дом, построенные царём Соломоном: «Для входа в давир сделал двери из масличного дерева, с пятиугольными косяками. И у входа в храм сделал косяки из масличного дерева четырехугольные, И две двери из кипарисового дерева; обе половинки одной двери были подвижные, и обе половинки другой двери были подвижные. И вырезал на них херувимов и пальмы и распускающиеся цветы, и обложил золотом по резьбе». И так далее (Третья кн. Царств 6, 7).

Из этого можно сделать вывод, что плотник в те времена был и краснодеревщиком, и художником.

Жизнь Иисуса пришлось на период наивысшего расцвета Римской империи. Рим завоевал Сиракуну в 212 году, Грецию в 166 году, Карфаген в 146 году, Месопотамию вместе с Иудеей и её правителем Аристубулом-2, Египет в 30 году до н. э.

К её началу Римская империя распространила своё влияние от Атлантического океана, включая всё Средиземноморье, до Индийского океана. Все завоёванные государства являлись колониями, управляемые римскими наместниками через марионеточных собственных царьков, таких, как Ирод, а также местных феодалов и духовенство.

Римское управление не задевало сложившейся веками административно-экономической структуры завоёванных народов до тех пор, пока те исправно платили налоги и вели себя покорно. Возросший товарообмен внутри империи способствовал распространению культурных и научных достижений народов Средиземноморья. Поэтому не будет большой натяжкой утверждение, что одни и те же знания были доступны как ремесленникам Рима, так и плотнику из Назарета.

К сожалению, на сегодняшний день мастерство древних почти утрачено или сведено к нулю.

Искусство всех мастеров держалось традиционно на знаниях целых поколений, секреты которых передавались от отца к сыну, постоянно совершенствовались и углублялись. В ходу в то время было слово раввинов: «Сына своего готовит в разбойники, кто не учит его своему ремеслу».

Из глубокой древности до нас дошли описания так называемых «Семи чудес света» – творений великих мастеров древности. А Египетские пирамиды существуют и поныне, поражая современников исключительным величием и совершенством.

Не отказались от удовольствия прославить себя в грандиозных сооружениях и потомки великого Ирода. Ещё при нём и позже строились в Галилее и её окрестностях великолепные города. Этим правители Иудеи старались увековечить своё имя, а так-

же продемонстрировать свою преданность и уважение правящей семье Августа.

Особое место занимал образцово-показательный город Севасту, построенный Иродом. Археологи, изучавшие его развалины, предполагают, что всё было изготовлено в разных местах, затем привезено и собрано. В этой громадной по объёму работе участвовало почти всё мужское население страны, и вполне допустимо, что участвовал и Иосиф. Время стёрло эти города навсегда с лица земли, оставив на их месте скромные поселения.

Интересная деталь: любое творение древних мастеров отождествлялось с именем правителя, начисто вычёркивая из истории имя настоящего Мастера. Только одно имя дошло до нас, да и то благодаря изобретательности автора. На цоколе он выбил надпись в честь своего правителя, а чуть ниже свою и заделал раствором, идеально совпадающим с материалом цоколя. Прошли века, раствор осыпался, и перед глазами изумлённых горожан возникло из небытия подлинное имя автора.

Так что, каким бы ни был мастером плотник Иосиф, который передал своим детям и знания, и мастерство, по традиции того времени он остался бы неизвестным ни миру, ни истории, если бы не Иисус.

Хотя, если быть до конца справедливым, Библия назвала в одном исключительном случае всех поименно строителей, восстанавливающих Иерусалим: «Ворота источника чинил Шаллум, сын Колхозе, начальник округа Мицеры» (Втор. Кн. Неемии 3. 1, 3. 2). Для нас примечателен тот факт, что плотницкое ремесло было уважаемо и значимо, им не гнушались местное начальство, которое работало рядом с простым плотником.

И не только города приходилось строить израильтянам. Напомним, по свидетельству Иосифа Флавия, в 1-й год по Рождеству Христову по всей Иудее вспыхнуло восстание против Рима под руководством Иуды Галилеянина, называвшего себя Мессией. (Это сейчас имя Иуда приобрело нарицательное значение, а в то время в Иудее было самое распространённое, как Иван на Руси).

Ограбив царскую казну и захватив оружейные склады, он осел по соседству с Назаретом в Сепфорисе, откуда делал разбойничьи вылазки, грабил, жёг, убивал всех без разбору, при этом воспевал Господа и проповедовал Царство Божие. Римский проконсул Публий Квинтилий Вар жестоко подавил восстание, распяв две тысячи бунтовщиков на крестах.

К выводам и оценкам действий Иуды Галилеянина, которые принадлежат перу Флавия, следует относиться с осторожностью. В книге «Иудейская война» и других он, отвечая интересам своих покровителей, всячески обелял действия римлян и возлагал вину на своих соплеменников.

В 6 году н. э., когда Иисусу исполнилось десять лет, там же вспыхнуло новое восстание, возглавленное опять же Иудой Галилеянином. Истории не известно, тем ли самым или другим. Поводом послужила всенародная перепись населения для расчёта вносимых в казну налогов. Дело в том, что в Иудее, да и во всех государствах, согласно Моисеевым законам, выплачивалась десятина священникам, то есть, самому Богу (Лев. 27. 30, Втор. 12. 17), а дополнительные подати Риму воспринимались как «мерзость» против Господа. Нарушающим эти правила следовала такая кара, что перечисление всех её видов заняло в Библии не один десяток страниц. Например, глава 28 Второзакония:

«28. 16. Проклят ты будешь в городе, и проклят ты будешь на поле.

17. Прокляты будут житницы твои и кладовые твои.

26. И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющих их.

41. Сынов и дочерей родишь, но их не будет у тебя, потому что пойдут в плен.

59. Господь поразит тебя и потомство твоё необычайными язвами, язвами великими и постоянными, и болезнями злыми и постоянными.» И т.д. и т.п.

Сила и убеждённость в каре Господней была так велика, что и после падения Иерусалима, разрушения храмов иудеи продолжали платить священнослужителям десятину и чтить закон. «Нет царя, кроме Бога», – твердил везде иудей, повторяя при этом молитву Израиля: «Господи, царствуй над нами один! Если победим, то с нами придет царство Божие, если погибнем, то Господь воскресит нас из мертвых».

Удивительно, что, оставшись без родины, лишённые государственности с шестидесятих годов первого века новой эры, рассеянные по всему миру, иудеи сохранили язык, культуру, бытовые обряды. Поражают воображение их жизненная стойкость, взаимовыручка, способность адаптироваться к любым ситуациям, где бы они ни проживали. За тысячелетия сгинула не одна более мощная цивилизация, не оставив после себя ничего, кроме могильников и надгробных камней. А государство Израиль возродилось, словно сказочная птица Феникс. Такова сила веры! Можно только воскликнуть с восторгом или с некоторой долей иронии – действительно, Богом избранный народ!

Римский проконсул Копоний вновь жестоко подавил восстание. Как и раньше вверх взметнулись тысячи крестов с распятыми, притом рядом с Назаретом, всего в 8–10 километрах. Как правило, кресты ставили на самых видных местах, холмах, вдоль дорог для приведения в трепет оставшихся в живых перед Великим Римом. Сотни плотников были за-

действованы по всей Иудее, чтобы обеспечить своевременное исполнение суда карателей.

Мы не ошибёмся, если допустим, что, как и в первом случае, так и во втором принимал участие в изготовлении крестов и отец Иисуса Иосиф. Если сам Иисус, возможно, и не принимал непосредственное участие в их изготовлении, то не видеть всего этого он не мог.

Изучавший Закон Отрок был в растерянности. С одной стороны – возвышенные слова из Моисеева Закона: «Господи, царствуй над нами». С этого начинается почти каждая глава Книг Левит, Второзаконие, Книги пророка Иисуса Навина, Книги Судей Израилевых; возвышенные слова о Царстве Божьем. С другой стороны – мучительная и позорная смерть на кресте из того же Закона: «Проклят на кресте висящий, распятый».

Это противоречие тревожило душу Иисуса. Нагляднее было некуда: одна жестокость подавлялась другой, ещё более ужасной.

Очевидно, уже тогда Иисус видел в Ветхом Завете много слёз и горя, каждая страница которого обильно обагрена кровью. За любые религиозные проступки полагалась смертная казнь, достаточно было двух свидетелей, собственно, они и должны были по Моисееву Закону начинать избиение. Чуть ли не в каждой массовой расправе участвовал и Сам Господь Бог: то в роли провокатора (Втз. 2. 23, 24, 25), то в роли помощника (Иис. Нав. 11. 6), то в роли предводителя войска Небесного.

Кроме того, палачами выступали от имени Господа: то «истребитель» (Первая кн. Царств 21. 15), то злой дух (Кн. Суд. 9. 23). «Падших в этот день мужей и жен, всех жителей Гая, было 12 тысяч» (Иис. Нав. 8. 1, 35). «Господь сказал, идите: Я завтра придам его в руки ваши. Всех же сынов Вениаминовых, падших в тот день, было двадцать пять тысяч человек» (Кн. Суд. 20.1–48). «И поразил Он жителей Вефсалиса и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек; и заплакал народ». А за что? Причиной послужило простое человеческое любопытство: «...За то, что они заглядывали в ковчег Господа...» (Первая кн. Царств 6. 19). Только одним Моисеем было убито по воле Господа: «Всех царей тридцать один» (Иис. Нав. 12). Естественно, не считая их поданных.

И опять-таки в соответствии с Законом: «Да не пощадит его глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втз. 19. 21). И не в счёт, если с зубом вырвут челюсть или снесут голову – победители ни в кои веки не были подсудны.

Как остановить всё время нарастающую лавину жестокости?

В Законе почти и не найти примеров милосердия, открывающих путь к миру. Где они, истоки че-

ловеколюбия, которые впоследствии и станут основой учения Христа?

Вернёмся к Иосифу. У плотника всегда могут собрататься, как у водного источника, сограждане для беседы, в которой, отложив свою работу, готов принять участие и сам мастер. Так что мастерская служила как бы клубом по общим интересам. Ни это ли общение с простым народом и сотворило Иисуса Христа, как защитника слабых и униженных?

У соседа кузнеца много не наговоришь – звенит молот, шумит горн, дым, копоть. Кузнецу не до разговоров: или заготовка остынет, или огонь потухнет.

Ремесленники испокон находились в центре общественной жизни. К ним стекались все новости и от них распространялись по округе. Каждый хороший мастер был широко известен.

Подтверждение того, что Иосиф и его семья как плотники были известны, мы находим всё в тех же фразах Евангелия (Мф. 13. 55, Мк. 6. 2, 3). Прочитаем еще раз внимательно: «И многие слышавшие с изумлением говорили: «Не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда?» И ещё важную деталь отметим: говорившие и спрашивавшие лично с ними (с семьёй) не были знакомы. Но наслышаны были о Христе, и Он был узнаваем по проповеди, и уже отличался от всех других.

Вот теперь мы сделаем попытку восстановить картину детского воспитания Иисуса.

135

У каждого гения в любой сфере деятельности, будь то наука или искусство, задатки таланта проявляются уже в детстве. Что касается Иисуса, то и Он не был исключением. Чтобы превратиться в самобытную значимую личность, Он должен был быть чрезвычайно любознательным и одарённым ребёнком. Вспомним, как развивается вообще ребёнок: сначала его любопытство и любознательность удовлетворяются в известной мере ответами и разъяснениями родителей. Далее он черпает свои знания в школе во время изучения предметов по книгам. Главной книгой являлся Закон Божий. Только изучение Закона в Иудее считалось достойным человека.

На вопрос о времени, когда следует обучать детей другой мудрости, учёный раввин отвечал: «То время, когда не бывает ни дня, ни ночи, ибо в законе сказано: ты будешь изучать его днем и ночью» (Талмуд Иерусалимский). А вот что говорит наш современник, отечественный подвижник и духовный писатель епископ Игнатий (Брянчанинов): «...Читай Евангелие с вниманием, непрестанно».

Поэтому, вполне естественно, на вопросы 6-9-летнего Ребёнка, касающиеся социальных, бытовых проблем, отец Иосиф отсылал Его к книгам Ветхого Завета. Священное писание в то время представляло собой две части: Пятикнижие – книги

Моисеевы: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие и книги Пророков в том виде, в котором они дошли до нас.

В каждой книге Ветхого Завета (Закона) находились обширные аллегорические толкования, которые уже не отвечали духу времени и запросам общества. Поэтому проповедники изоощрялись в разъяснении оных на свой лад и на своё усмотрение, в зависимости от складывающихся обстоятельств. Учитывая обилие противоречий, заключённых в Законе, он больше порождал вопросов, чем давал ответов. Образно говоря, каждый тряс Ветхий Завет, как пустой бурдюк мучимый жаждой путник в надежде вытрясти хоть каплю истины.

Многие исследователи и критики Библии склоняются к мысли, что эпизод появления двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалимском храме, описанный в Евангелии от Луки (2. 41–52) и которого нет в остальных, и не находящий подтверждения в других древних источниках, не имел места в жизни Христа, а был заимствован Лукой из биографии Иосифа Флавия.

Нам представляется это совсем не так. К двенадцати годам у Подростка накопилось много вопросов и своих взглядов на истины, провозглашённые в Законе. В маленьком Назарете Он не находил на них ответа, но вот появилась прекрасная возможность удовлетворить свой интерес в общении с верховными учителями Иудеи.

Об объёме Его знаний Ветхого Завета в вопросах истины и их толкований можно судить из Евангелия от Луки (2. 46, 47): «Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их. Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его».

Зададимся вопросом: о чём же могла идти речь в Иерусалимском храме с виднейшими священнослужителями? Да ещё в течение трёх дней, когда родители искали Его? Не о плотником же деле, это уж точно. А скорей всего, о жизни, о Царстве Небесном, о раздирающих Ветхий Завет противоречиях на фоне двух восстаний в Галилее, живым свидетелем которых Он был. (Галилея – часть великой империи Ирода). Очевидно далеко не случайно, что это произошло в Иерусалиме уже на следующий год после расправы над восставшими.

Так или иначе, но состоялся дебют Иисуса в общественной жизни Иудеи. Молва о юном гении побежала, растекаясь по всему Иродову государству, и, наконец, достигла великого Рима. Пройдут годы и стареющий И. Флавий в своей книге «Иудейские древности» запишет: «В то время жил Иисус, мудрый человек, если вообще можно назвать Его человеком. Он совершал вещи необыкновенные и был Учителем людей, которые с радостью воспринимали

ли правду. За Ним пошло много иудеев, равно как и язычников. Он и был Христом...»

В связи с успехами Иисуса в религиозном и философском образовании находит объяснение и тот факт, что уже к тому времени проявились и другие черты Его характера. Уделяя много времени своему самообразованию, Он всё более и более отходит от своей работы плотником, чем вызывает недовольство родных. Труд был среди сословия ремесленников мерилom благополучия и значимости каждого члена семьи во все времена и у всех народов. Отдаваясь всецело своему призванию, Иисус нарушает традицию, что приводит к ослаблению семейных связей.

Со своей стороны и семья уже охладела к Нему и мало обращала на Него внимания. Этим можно объяснить тот факт, что, возвращаясь из Иерусалима, они хватились Иисуса лишь в конце дневного пути, в результате чего им пришлось возвращаться обратно (Лк. 2. 44, 45). Увлечённый своей идеей, Он всё дальше и дальше отдаляется от семьи, пока, в конце концов, полностью не порвёт с ней, не видя идейного родства.

А иного пути для Себя Он уже не представлял. Обращаясь к слушателям в тот момент, Он говорит: «Мать моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк. 8. 21). Ещё ярче и очевидней звучат Его слова в другом месте Нового Завета: «Кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукой Своею на учеников Своих сказал: вот мать Моя и братья Мои; Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать» (Мф. 12. 48–50).

Невзирая на отношение Иисуса к семье Мария предпринимала всё-таки попытки вернуть «заблудшего» Отрока в отчий дом. Избрав 12 учеников своих, «Приходит в дом; и опять сходитися народ..., И услышавши, ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя» (Мк. 3. 20, 21).

Необходимо отметить и такую деталь, для нас крайне важную. Решив вернуть Иисуса, мать даёт понять окружающим, что Он «сумасшедший», впадший в исступление. Дело всё в том, что в то время на Востоке блаженные считались людьми, отмеченными то ли Богом, то ли сатаной (Мк. 3. 22). Они зачастую были уважаемыми людьми, а иногда даже приглашались на собрания избранных. Их бреду придавалась аллегорическая форма, которая и использовалась в нужных целях.

О попытке вернуть Иисуса в семью Матерью и братьями свидетельствуют и Лука (8. 19), и Матфей (12. 46).

Такое поведение вызывает сомнение в красивой и трогательной легенде Луки о поклонении волхвов, благовещении архангела Гавриила о непорочном зачатии.

Ведь по существу вытекает, что Она, Мария, возможно, и не осознавала, что родила Сына Божьего. Иначе Она следовала бы за Ним до конца, подобно другим, вошедшим в число прародителей нарождающегося христианства. Как Мария Магдалина или Соломея – жена Зеведея (сестра Иакова и Иоанна).

Даже в последний час у креста, ни при снятии, ни при погребении никто из близких родственников не появился. Об этом дружно свидетельствуют три канонических Евангелия, кроме Иоанна. Более того, продолжая эту мысль, необходимо помнить, что, по существу, Господь дал ей уникального Ребенка и Её обязанностью было оберегать и содействовать Ему: «И благословил их Симеон, и сказал Марии, Матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, – И Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец» (Лк. 2. 34, 35).

Да и Дитя доказывал на деле, что соответствует предсказанной Ему роли. «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости; и благодать Божия была на Нём» (Лк. 2. 40). Так отчего же так прохладна была Мария к Сыну? Выходит, Она не знала о Его предназначении и когда родила, и когда воспитывала, вплоть до Его кончины.

С нашей точки зрения вполне правдоподобным и достоверным представляется описание Матфеем (2.1–23) чудесного спасения Иисуса.

Приказ Ирода об избиении младенцев получил подтверждение в начале третьего тысячелетия: в 2001 году – археологи нашли в непосредственной близости от Вифлеема захоронения младенцев. Многим из них было всего несколько месяцев от рождения. Специалисты в этом захоронении насчитали более ста детей.

Следует оговориться, что периодически, раз за разом появляются археологические открытия, подтверждающие события, описанные в Библии.

Известный еврейский археолог, Н. Глюк пишет: «Можно категорически утверждать, что ни одно археологическое открытие ещё никогда не противоречило данным Библии».

Уильям Ф. Олбрайт, один из самых знаменитых археологов, заявляет: «Нет никаких сомнений, что археология продолжает подтверждать практически полное соответствие библейских преданий историческим фактам».

Начиная с 1974 года обнаружено более 17000 табличек эпохи царства Эбла. В которых, в частности, описаны законы весьма сходные с кодексом Второзакония (Втор. 22. 22–30), что ранее подвергалось сомнению.

Там же перечислены и пять городов Равнины: Содом, Гоморра, Адма, Севоим, Сигор, которые в этом же порядке перечислены и в Библии!

«Научные сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института океанологии РАН нашли научное объяснение и библейской истории о переходе израильтян через расступившееся море. На глубине 6–7 метров в узкой части Суэцкого пролива расположен поперечный риф, который обнажается под действием отлива. Правда, случается это очень редко...» (Аргументы и факты) 2004 г. №3.

Этого мало? Тогда извольте ещё.

Американским генетикам в результате десятилетнего исследования ДНК жителей нашей планеты, а именно мужской Y- хромосомы, удалось доказать существование единого родоначальника всего современного человечества (Адама). Более того, криминалистами создан портрет этого человека, вобравшего в себя черты всех земных рас. По их расчётам он жил на территории современной Эфиопии за 60000 лет до н. э.

Однако не следует понимать буквально, что он был единственным. Это был один среди многих, но выдающихся способностей: по силе, интеллекту, если хотите, то и по красоте. Очевидно, что все женщины отдавали предпочтение ему. Всё это позволило его многочисленным потомкам с течением времени вытеснить остальных на обочину эволюции, где их генеалогические ветви и прервались. Отсюда следует, что несмотря на различия по цвету кожи, строению черепа и мест проживания, мы все родственники, и у нас, у всех, общий пращур, будем его называть Адам!

Так наука сомкнулась с библейским сюжетом, описанным в Ветхом завете, книга Бытие (Гл.1 26, 27, 28.).

О том, что предсказания в ту пору имели громадную силу, говорит и следующий исторический факт. Сам историк того времени Иосиф Флавий возглавил в свою бытность восстание в Галилее против владычества Рима. Во время боев с римским войском, руководимым полководцем Веспасианом, он сдался в плен. По установившейся традиции и законам Римской империи всех главарей также подвергали распятию. Однако Иосиф, в надежде на возможное помилование, предсказал ему счастливую судьбу – назначение императором Рима. И надо же такому случиться – всего через год, после смерти Нерона, после чехарды временщиков – провозглашён был императором именно Веспасиан! Потому и таскал он всюду за собой Иосифа, предателя сынов Израилевых. В Риме он и прожил до глубокой старости в достатке и почёте. В знак уважения там ему даже поставили памятник – небывалый случай для Рима!

Что касается царя Ирода, то он был ещё более подвержен внушению. Маниакально подозрительный, он при малейшем навете жестоко расправлялся

ся со своей знатью, так, он казнил почти всех членов Иерусалимского синедриона, не пощадив даже трёх своих сыновей. Что стоило ему уничтожить несколько сот младенцев, если его жизни мог угрожать один из них?

Спасение Иисуса путём бегства в Египет считалось промыслом Божиим и запало в душу Ребёнка ещё в глубоком детстве, как вера в Свою звезду. В этом тоже нет ничего необычного и чудесного. Иосиф, как известный мастер, обслуживающий знать города, первый услышал, а вернее сказать, ему шепнули на ухо о надвигающейся экзекуции детей. Вот он и принял меры – сбежал в Египет. И, скорее всего, он не единственный так поступил. Потому и спасение Сына в их семье не считалось чем-то сверхъестественным.

Но тогда откуда появилась версия о волхвах и об Ангеле Господнем?

Представим ситуацию, когда у кого-то убиты дети, а у кого-то спаслись, как у Иосифа. Естественно, об этом идут разговоры. Каким образом спасли младенца, кто предупредил? А разве назовешь его? С несчастного сразу бы сняли голову. Поэтому у родителей и появилась версия об Ангеле Господнем, которую они рассказывали всем любопытным. «Когда же они (волхвы) отошли, – се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его» (Мф. 2. 13).

Примечательно, что Ангел Господень явился именно к Иосифу, а не к Марии, это подтверждает тот факт, что известие о предстоящем избииении младенцев исходило от Иосифа. Хотя по человеческой логике именно Ей, Марии, должен был бы шепнуть.

Легко теперь представить такую сценку: рассказывает отец Иосиф, уже в который раз своим слушателям о чудесном спасении, поглаживая Сына по головке, и у Ребёнка укладывается кирпичик за кирпичиком образ будущего Сына Божьего. Вот откуда у Него неистребимая в душе вера в своё Святое предназначение, и Вера в Своего Отца Господа.

Всё это и выплеснулось из Отрока неожиданно для родителей в Иерусалимском храме. Где «Он сказал им: зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов» (Лк. 2. 49, 50). Выходит, они оба не знали о Его Божественном происхождении и предназначении. Только теперь они догадались, как в душе Ребёнка отозвались их красивые легенды про Ангела Господня и про чудесное спасение. Но объяснять было поздно. Его разум был уже далёк от родительских убеждений. «И Матерь Его сохраняла все слова сына в сердце своем» (Лк. 2. 51). Может пока-

заться, что такая трактовка предвзята и несколько фривольна. Но она и доказывает реальное существование Иисуса Христа!

Это наша земная версия. Возможна и другая:

В многообразии земной жизни имеют место удивительные метаморфозы, когда одно существо в процессе своего развития перевоплощается в другое, абсолютно непохожее на предыдущее ни внешним видом, ни образом жизни, ни средой обитания.

И Сын Божий, рождённый человеком и выросший среди простого народа, к тридцати годам перевоплотился в Спасителя рода человеческого. Об этом и возвестил всему миру на реке Иордан Иоанн Креститель: «Я крещу вас в воде в покаяния, Но Идущий за мной сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнём» (Мат. 3. 11). Отныне о возврате в кокон семьи уже не могло быть и речи, ибо ей, семье, он уже не принадлежал. И теперь совершенно с другим смыслом зазвучали Его слова: «...Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» (Лук. 2. 49).

Знаменательно, что не лубочной краской многоопытного писателя создан образ Христа, а деревенским врачом, мытарем, рыбаком. В разное время, уже на склоне лет своих, в разных местах, не имея контакта друг с другом, писали евангелисты о Нем. Писали по зову сердца. О Властителе дум и душ своих. Об Учителе. Трогательно, порой путаясь в деталях событий, иногда повторяясь в своих описаниях.

Возьмём чудо с хлебами:

«Здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества?». «И так возлегло людей числом около пяти тысяч» (Иоан. 6. 9, 10).

«И спросил их: сколько у вас хлебов? Они сказали: семь. Евших же было около четырех тысяч...» (Мк. 8. 5, 9).

Матфей по-старчески местами повторяется:

Гл. 13 ст. 12: «Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет».

Через 12 глав он вспоминает и вновь возвращается к этой фразе, уточняя её: «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25. 29). «И так возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов» (Мф. 25. 28).

Если в первом случае (в притчах гл. 13) речь идёт о духовной пище, то во втором (гл. 25) о материальном (талант – мера серебра).

Сегодня, когда население страны разделила фантастическая пропасть на бедных и богатых, эта

фраза в народе трансформировалась, да простят меня верующие, в простую и красноречивую: «Да и наступят времена, когда у богатого прибавится и приумножится, а у бедного последнее да отымет-ся».

Здесь уместно вспомнить ещё одну фразу, ставшую крылатой: «Нет пророка в своём отечестве». В Евангелии от Марка (гл.6 ст.4) она более значима: «Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем». И Мария, находясь с Сыном бок о бок тридцать лет, несла непомерно тяжкий груз, видя, как год за годом уходит Сын в область, недоступную для её понимания. И не смог Он убедить членов семьи в своём Божественном предназначении. «И не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф. 13. 58).

Детская душа сверххвнушаема. «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18. 3), – говорил Христос, обращаясь к своей пастве. «...Пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне» (Мф. 19. 14). «Но Иисус, подзвав их, сказал: пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие;...» (Лк. 18. 16). Не случайно и по сей день главное внимание священнослужителей направлено на детей, на молодое поколение.

В канун Нового 2001 года и чуть позже в кинотеатрах демонстрировался бесплатно новый фильм «Иисус Христос». Сценарий написан по Евангелию от Луки.

Не будем обсуждать достоинства или недостатки фильма. Главная деталь: после демонстрации детям и молодым людям вручали своеобразные подарки – наборы красочной религиозной литературы, включая и книгу о жизни Иисуса Христа.

Вот этим и закончим описание детства и юности Христа. А дальше три года яркой публичной жизни, давшие человечеству главное: Веру, Надежду, Любовь. Именно эти понятия впервые стали культовыми в новом учении.

P.S.

Каждый может для себя решить: кто Он – Иисус Христос – Сын Божий, рождённый с предназначением взять на себя все грехи людские, или гениальный Учитель, вознесённый своими учениками до Божественных вершин.

Путь к Богу из атеистического тумана долог, тернист и извилист, но у каждого он свой.

Нужно самому прочесть Библию, если считаешь себя образованным человеком.

И последнее: читающему нужно помнить, что Ветхий Завет претерпел перевод с древнееврейского (арамейского) на древнегреческий в 3 веке до н.э., это так называемая, греческая Септуагинта (по латыни – перевод семидесяти). С этого же источника в основном и был осуществлён перевод Ветхого Завета на церковно-славянский язык.

В 1856–1876 г. был окончательно завершён перевод и издан современный Синодальный русский текст Библии.

Блаженный Иероним (345–420 г.) сделал перевод Ветхого Завета на латинский язык – Вульгата (по латыни – обыкновенный) для простых людей Римской империи. Она послужила исходным материалом для католиков многих христианских стран. Отсюда и некоторые расхождения в текстах. Самое принципиальное из которых – трактовка Символа Веры.

Следует добавить, что и Новый Завет по одобрению Святейшего Синода с течением времени подвергался изменениям в том смысле, что приобретал современное звучание.

Привожу пример: в Святом Евангелии, изданном в Санкт-Петербургской синодальной типографии в 1914 году, в апофеозной сцене распятия обращение Иисуса к Отцу Богу по-старославянски выглядит так: «...Отче, отпусти им: не ведат бо что творят...» (Лк. гл. 23 ст. 34). Чувствуете, как ярко, пронзительно, образно звучит призыв, где выражена не только горечь и скорбь, но и мольба об отпущении грехов палачам.

Священные тексты, вынужденные следовать за реформой русского языка со временем, как и он, тускнеют и обесцениваются. Вот вам уже перевод этой фразы, в современном Евангелии: «...Отче! прости им; ибо не знают, что делают...» В этом же стихе в первом случае палачи делят ризы Его (риза – одежда священника, проповедника), а во втором – просто делят одежду Его. То есть в корне меняется смысловой подтекст. Более того, теряется не только красота и образность славянской речи, но и происходит смысловая подмена с исчезновением исконно русских слов.

Если вначале эти нововведения (слова) выделялись курсивом, то уже в упомянутом нами Новом Завете от 1990 г. курсив пропал вовсе. Насколько это оправдано – судить вам.

г. Кемерово,
2001–2012 г.

Николай НИЧИК

«Я – ДОЧЬ, Я – ВЕТВЬ АБИНСКОГО НАРОДА...»

В конце 2012 года в новокузнецком художественном музее прошел юбилейный авторский вечер шорской писательницы Таяны Васильевны Тудегешевой.

С ее творчеством читатели знакомы по многочисленным публикациям не только в местной периодике, но и в центральных литературных изданиях: газетах «Литературная Россия» и «Российский писатель», журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Литературный Кузбасс», многих коллективных сборниках.

В своих произведениях Т. Тудегешева воспекает красоту гор и рек родной Шории, осмысливает историческое прошлое родины. И, как отмечают критики, в ее творчестве постоянно живёт тема удивительного шорского фольклора. Помимо того, что Таяна Васильевна хорошо изучила историю и традиции своего народа, она профессионально использует эти знания в своих произведениях, делится впечатлениями со слушателями на авторских вечерах.

И как тут не вспомнить ее рассказ о горе Ай-Каан (Хан месяца), с которой связано много необъяснимых явлений, странных поведений в преддверии какого-либо несчастья. Она как будто хочет предупредить жителей о надвигающейся беде. Для этого над ее вершиной появляется образное открывание зеркальной двери, чтобы спрятать и уберечь обитателей горы от несчастья:

*Где прохладный Ай-Каан все о чем-то грустит,
И в ночной тишине он с тайгой говорит.
Где Таскыл чутко спит под сияньем звезд,
Он хранитель могил и несбывшихся грез.
Там гортанная речь сердце мне исцелит,
Песен медленных стон душу мне оживит.*

Не все горы, среди которых главенствует красавица Пустаг, имеют одинаковые черты характера. У них, отмечает поэтесса, такие же взаимоотношения, как у людей: наряду с дружбой, любовью, пониманием соседствует соперничество.

Шорский эпос намного богаче и разнообразней того, что мы слышали в легендах и рассказах. А знаем их, как убедился, очень мало. Вот смотрите. Для того чтобы герою народного сказания побывать у небес-

ного владыки верхнего мира Ульгения, ему предстоит осилить 99 слоёв мифологического пространства. Старые шорские охотники до сих пор общаются с духами. Попав в сложную ситуацию, скажем, в тайге, когда отсырели спички и нечем обогреться, обязательно стоит обратиться за поддержкой к Хозяину Тайги, и все тогда уладится.

Таяна Тудегешева прекрасно знает историю своего народа. И это чувствуется во всех ее стихотворениях. Общеизвестно, что у шорцев с давних времен активно развивалось кузнечное ремесло. Сюда приезжали купцы из Китая и обменивались товарами. Заказывали мечи и другое оружие монгольские воины. Поэтому неудивительно, что и в наши дни ученые-археологи везде находят шорские печи, в которых плавился металл.

*Моя Родина там, где кузнечные люди веками
Мастерством будоражили буйный, дымящий
Восток.*

*Жадный взор неотступно глядел на Абинские
дали,
Засылая бесчисленных туменов незванный поток.*

Помимо редкостного умения заниматься плавкой стали и чугуна, шорцы храбро защищали свою землю от пришельцев и грабителей. Поэтесса уважает эти качества своих предков, посвящая им много своих произведений...

Т. В. Тудегешева родилась в Усть-Анзасе в интеллигентной, образованной семье, где воспитывалось шестеро детей. Отец Таяны – Василий Васильевич Каныштаров – работал корректором в районной газете, также писал стихи, которые потом вошли в коллективный сборник молодых шорских поэтов. Но после ликвидации в конце 30-х годов Горно-Шорского района занялся педагогической деятельностью, обучал грамоте землянков таежных окраин Таштагола.

Мать поэтессы Мария Михайловна по профессии – метеоролог, постепенно, с увеличением семьи, все больше и больше погружалась в ведение домашнего хозяйства. В своем дневнике записывала наблюдения, яркие события, интересные мысли. Опубликовать бы эти записи в наши дни! Уверен, они заинтересовали бы не только историков, но и рядовых читателей.

С раннего детства Таяна приучалась к труду, выполняла все посильные домашние дела. Но самым настоящим наслаждением для будущей поэтессы были долгие зимние вечера, когда, управившись по хозяйству, все члены семьи садились за длинный стол и при свете керосиновой лампы читали и обсуждали произведения любимых писателей.

Для своих детей родители выписывали много периодики, в том числе – специализированные детские издания.

Добрые родительские черты характера передались и Таяне. Она хорошая хозяйка, заботливая жена.

Вместе с мужем Николаем, инженером-металлургом, воспитала трех замечательных сыновей. На Всероссийском смотре-конкурсе «Металлургическая семья-99», проходившем в городах Видном и Москве, Тудегешевы стали лауреатами. А в следующем году при поддержке Западно-Сибирского металлургического комбината (Р. С. Айзатулов и А. Г. Смолянинов) увидел свет поэтический сборник Т. В. Тудегешевой «Поющие стрелы времен».

В период работы заместителем директора новокузнецкого городского Дворца культуры по поддержке и развитию коренных народов нашего края Таяна Васильевна много внимания уделяла творчеству своих земляков. Ее титаническими усилиями было создано детско-юношеское этнографическое объединение «Тазыхан», что в переводе с шорского языка означает имя матери небесного властителя добрых духов Ульгения. Много сил приложила она и к открытию семейного музея шорской истории и культуры. Начинали с нуля. Приходилось всей семьей ездить по отдаленным шорским поселениям и обменивать одежду, украшения на музейные экспонаты. Где-то вещественные памятники дарили, помня доброе имя отца поэтессы. И хотя от отпусков и большинства выходных пришлось отказаться, несколько лет жизни, посвященных становлению музея, было потрачено не зря.

В результате этой кропотливой работы в музее появились десятки ценных исторических экспонатов. Вот несколько из них: чугунные кувшины (ра), ступы (сак), туеса, седла, старинные приспособления для ночной ловли рыбы (шашкын), предметы духовной и материальной культуры. Появление сруба охотничьей избы стало возможным при поддержке тогдашнего руководителя Новоильинской администрации В. И. Аверина.

Вместе с культурным центром «Аба-Тура» этнографическое объединение «Тазыхан» принимало участие во многих культурных мероприятиях не только Кузнецкого края, но и других регионов. Несколько лет тому назад они показали высокое профессиональное мастерство на I Международном фольклорном фестивале тюркских народов «Полбек» в Хакасии. Особенно всех удивила вокальная группа. Да иначе и быть не могло! Ведь, как отмечает Таяна Васильевна, творчество шорских коллективов ориентируется на возрождение, сохранение исконных народных традиций, неповторимость искусства и эпоса. Сама поэтесса прекрасно владеет национальным музыкальным инструментом тебир-комусом.

Т. Тудегешева размышляет о нынешней жизни своих земляков. Ее беспокоит, что подрастающее поколение шорцев стало меньше интересоваться национальной культурой, народными обычаями. Малыши не всегда умеют говорить на родном языке.

– Помню, как родители запрещали шумно вести себя в лесу, чтобы не потревожить покой Хозяина

Тайги. Скашивать траву разрешалось, но рвать траву – запрещалось: нельзя рвать волосы Матери Земли. Кедр у шорцев считался и считается священным деревом, отсюда к нему бережное отношение. Все обычаи и обряды шорцев, которые передавались из поколения в поколение, напоминают о том, что нужно бережно относиться к природе, ведь шорцы – это тот народ, который жил в полном слиянии и гармонии с ней...

Вполне естественно беспокойство Таяны Васильевны. Сейчас Кузбасс совсем не тот, что был несколько десятилетий назад. Видим, какими быстрыми темпами развивается промышленность, поднимается экономика региона. И посильную помощь в этом оказывают земляки Т. Тудегешевой. Но, несмотря на все опасения писательницы, шорская культура не исчезает, а, наоборот, развивается. Администрацией области и лично губернатором А. Тулеевым реализуется разработанная целевая программа по поддержке малых этносов региона. С поставленными задачами успешно справляется департамент культуры и национальной политики. А руководителя нашего края Амана Гумировича справедливо называют народным губернатором...

Неизгладимое впечатление на писательницу произвела учеба на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького. Ей повезло, что руководителем ее творческого семинара был выдающийся русский поэт Юрий Кузнецов, который помог ей по-новому взглянуть на литературу. В воспоминаниях воспитанников Юрия Поликарповича проскальзывает высказывание о том, что мэтр отечественной литературы не то чтобы не признавал, а недооценивал женскую поэзию. На это, наверное, были разные причины. Возможно, он (сам воспитал двух дочерей) и имел право на такое откровение.

Особенно запомнились Т. В. Тудегешевой слова Ю. П. Кузнецова о том, что она «ходит по золотому шорскому фольклору». «Сумей поднять это богатство», – советовал опытный мастер поэтического слова. Юрий Кузнецов знал, о чем говорит: его поэзия также идет от фольклора. К этой традиции он все больше и больше возвращался в своем творчестве, об этом напоминал студентам на своих семинарских занятиях. Стихи не всякого поэта он переводил на русский язык, да это и понятно: настоящую поэзию трудно «пересадить» в грунт другого национального языка». Помимо знания культуры народа необходимо прочувствовать глубокие корни языковых оттенков текста, воедино влиться в одну струю культуры. И мы рады, что в творчестве Таяны Тудегешевой классик отечественной русской поэзии нашел такие стихотворения, которые соответствуют этим высоким категориям таланта, и перевел их на русский язык.

Ю.П. Кузнецов преждевременно ушел из жизни в расцвете творческих сил. Не все замыслы успел осуществить. Таяна бережно хранит память об этой вы-

дающейся личности. О Юрии Поликарповиче собирается написать воспоминания. И это будет заслуженное вознаграждение за уроки мудрости Мастера, уроки строгости, доброты и признательности.

О творчестве Т. Тудегешевой высказывались многие талантливые российские критики. Так, например, Михаил Числов восхитился поэзией Т. В. Тудегешевой: «Она поразила редким, почти уже сейчас невозможным сочетанием эпоса и лирики. И если в эпосе ее устами говорит древняя история, то в лирике осмыслен и пущен в работу психологический портрет нашего современника». А другой известный российский поэт и публицист, секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов чувствовал, как со страниц ее книг «щемяще-сладко повеяло запахами осенней тайги, дымом ночного костра, послышались удары шаманского бубна, колющий шорох февральской метели». Потому что поэтам такого масштаба как Т. Тудегешева, «дано обладать тем неповторимым колоритом, которого, к сожалению, уже почти не осталось в русской поэзии». «В стихи Таяны Тудегешевой входишь, как в какое-то волшебное царство», – признавался он.

Строки Т. Тудегешевой мелодичны, легко ложатся на музыку. Кузбасские композиторы на ее лирические произведения написали ряд песен, которые завоевали популярность у земляков. Это – «Благословляю», «Возвращение шамана», «Гимн Шории», «Кунягаш», «Куу-куш, алтын куш», «Эжегей», «Разговор с сыном» и др. На литературных вечерах, где она читает свои творения, всегда много слушателей. Как правило, они просят поэтессу сыграть на тебир-комусе. И она им не отказывает. Как только Таяна прикасается к инструменту, неожиданно в зале оживает шум деревьев, видятся вдали седые горы, слышится неповторимое пение таежных птиц.

Так воспевать красоту родного края может только настоящая дочь шорского народа:

*Когда во мне угаснет дух горенья,
Когда не будет сил на гордое движение,
Моей судьбе-судьбинушке наперекор,
То я найду душе приют, отдохновенье
Среди твоих лесов и вечных синих гор.*

В последние пять лет судьба преподнесла писательнице нелегкие испытания. Ее жизнь находилась между двумя несовместимыми полюсами. И только настоящее мужество, стойкость, вера в победу дали возможность осилить тяжелый недуг. Таяна Васильевна преодолела большие страдания и вернулась к активной творческой деятельности.

Она благодарна Губернатору А. Тулееву, руководителям департамента культуры и национальной политики (Л. Зауэрвайн, О. Власовой, Т. Акимовой, Т. Коваль, Н. Родиноной) за моральную и материальную поддержку, равнодушное отношение к ее судьбе.

Вот здесь вполне применимо выражение: Кузбасс – территория добра!

В настоящее время в одном из областных издательств готовится к выходу солидный том лирики Таяны Тудегешевой «Элим» («Моя Родина»), куда вошел и цикл стихотворений для детей.

Надо отметить, что в шорской культуре мы раньше не встречали стихов, написанных специально для детей. И эта многовековая несправедливость устранена талантливыми произведениями Таяны Васильевны. Стихотворения для детей отражают неповторимую природную красоту каждого животного, птицы; показан их характер, необычное поведение среди своих сородичей. Взять, например, Волка. В народных сказках он – отрицательный персонаж, злой, кругом его бьют, обижают, а Тудегешева, наоборот, раскрывает его положительные качества охотника, находчивость и смекалку.

Мать-лосиха – родоначальница многих коренных народов, в том числе – шорцев. Она сама символ природы. И это мы видим в стихотворении:

*Мать-Лосиха есть природа,
Мать всего людского рода.
Забываем год от года,
Что такое Мать-Природа.
Не будите, люди, лихо,
Где-то ходит Мать-Лосиха.*

Написание этого стихотворения совпало с поручением Губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева таштагольскому скульптору Д. Намдакову изваять образ Горной Шории. Выполненная работа представляла собой Лосиху, на которой сидит девушка – красавица.

Прекрасно показана и «Ус-рысь»:

*Звать по-шорски зверя «ус»,
Очень я его боюсь...
С ней знакомиться пора:
Ус, как молния, быстра.
Уши кисточкой, торчком,
Каждый шорох ей знаком...*

От имени главы города Новокузнецка В. Г. Смолего юбиляра поздравила Н. А. Ищенко, начальник управления культуры города, вручила ей почетную грамоту и денежную премию. Заместитель главы г. Мыски Роберт Апонькин, представители администрации г. Таштагол, директор новокузнецкого художественного музея Лариса Ларина, коллеги по перу из СП Кузбасса, художники и творческая интеллигенция присоединились к поздравлениям, осыпав Таяну комплиментами, цветами и подарками. Юбилейный вечер прошел в теплой сердечной атмосфере, и надолго запомнится присутствующим.

г. Новокузнецк

Светлой памяти русского советского
писателя Василия БЕЛОВА

**Вячеслав
ЕЛАТОВ**

ЮБИЛЯРЫ И ФИНАЛИСТЫ

*«Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя...»*

Лермонтов. Бородино. 1837

Сегодня нахожу вполне уместным и своевременным привлечь внимание читателя к произведениям, которые фактически подвели черту под историей русской советской литературы. В школьном пособии (Русская литература. Советская литература. – М., Просвещение, 1989) последняя советская литературная пятилетка представлена следующим образом: роман Ю. Бондарева «Игра» (1984) и повесть В. Распутина «Пожар» (1985), романы В. Белова «Всё впереди» и В. Астафьева «Печальный детектив» (оба в 1986), «Белые одежды» (1987) В. Дудинцева, а также такие первостатейные для 2013-го года юбиляры, как роман того же В. Белова «Кануны» и повесть С. Антонова «Овраги» (оба эти произведения были полностью опубликованы в 1988-м, ровно двадцать пять лет тому назад). Эти книги пока ещё можно читать в изданиях советских лет. Пройдёт совсем немного времени, не говоря уж о полувековом их юбилее, и они станут такой библиографической редкостью, что новый читатель будет брать их в руки с тем же трепетным чувством, с каким мы открываем сегодня, например, прижизненные публикации Пушкина.

Составитель упомянутого пособия для старшеклассников и одновременно автор вошедшей в него статьи «Современная советская проза» Л. А. Смирнова и не подозревала, что уже в следующем году известный фрондер Виктор Ерофеев возьмёт на себя хлопоты о преждевременном и скоропальительном погребении всей скопом советской литературы, в одной братской могиле, где должна была упокоиться и исследуемая ею проза. Как видно из названных выше примеров, речь у неё шла, по сути, лишь о тогдашних литературных новинках. Сегодня нам представилась возможность взглянуть на эти произведения не только в ретроспекции литературы советского прошлого, но и в перспективе литературы постсоветской.

Из трёх наиболее авторитетных экспертных комиссий – Букер, Нацбест и Большая книга – за отправную точку можно взять «Русский Букер», который уже отметил двадцатилетие своего у нас присутствия. Названы пять лучших романов «нулевых» годов. Это вовсе не значит, что выбор Букера должен восприниматься нами как истина в последней инстанции. Только время покажет, что было преходящим и что станет достоянием отечественной классики. Напомню читателю победителей: за 2001-й год – Александр Чудаков с романом «Ложиться мгла на старые ступени»; за 2002-й Олег Павлов с трилогией «Карагандинские девятины»; за 2006-й Захар Прилепин с романом «Санька»; за 2007-й и 2009-й Людмила Улицкая («Даниэль Штайн, переводчик») и Роман Сенчин («Елтышевы»).

За одним круглым столом сошлись юбиляры и финалисты, авторы советских и постсоветских произведений. Шустрым литературоведам и критикам не впервой водить за нос талантливых авторов: так уже было у нас сначала с «деревенской», а потом и с «другой» прозой, когда маргинальные тенденции вдруг объявлялись «мейнстримом». Чем-то до боли узнаваемом пахнуло на нас сегодня от того букеровского выбора: тут и постмодернистский раздраз «другой» прозы, и «экзистенциальная смещённость восприятия мира» (списано под копирку – иначе не продерёшься – из аннотации к трилогии Олега Павлова. – В. Е.), словом, те же «мудреватые кудрейки», о которых в своё время писал Маяковский...

У юбиляров – и первостатейных, как Василий Белов и Сергей Антонов, и в целом авторов 50–80-х – восприятие окружающего мира происходило без этого погружения читателя в пучину экзистенциальных кошмаров даже тогда, когда речь шла об острейших коллизиях. Какова «судьба» этих традиций?

Что с того, что в повести «На Иртыше» С. Залыгин попытался, в отличие от Шолохова, встать на позицию потерпевшего не за свои грехи Степана Чаузова? Факт остаётся фактом: классовая борьба в деревне была накалена вылазками кулаков до такой степени, что односельчане не пощадили и своего товарища, когда тот, по их мнению, предал их.

Центральным конфликтом остаётся политическая борьба в деревне и в произведениях 70–80-х годов. Захватывающая панорама «деревенской прозы» переносит нас из Гремячего Лога на берег Иртыша, из Шибанихи в Сядемку... Бескрайние российские просторы отделяют северную деревню от донского хутора, но как тут, так и там во время великого передела частной собственности в личную и социалистическую брат, случалось, шёл против своего же родного брата. Вот и у нищей старухи-бобылки Тани в «Канунах» В. Белова один из сыно-

вей был в белых, другой – у красных: «Вот только который в каких, она всегда путала, впрочем, было это ей всё равно, и тужила она только о том, что лежат они в чужой стороне».

В романе «Кануны» мы читаем о том, к чему приводили левацкие перегибы в деревне. В главных командах Шибанихи – председателем сельсовета накануне коллективизации оказался Колька Микулин, по-деревенски Микулёнок, который за самогоном к бабке Тане может сбежать и сам, а вот беготню по деревням с целью установления налога передоверил такому же, как он сам, «активисту» Игнахе Сопронову. Если Микулёнок и его дружок Петька Гири́н, по прозвищу Штырь, – просто шалопаи, которые то тут, то там всплывают на мутной волне политического раздора и прилипают к властным рычагам, то Сопронов стоит того, чтобы к нему присмотреться повнимательнее, потому что «кануны», по названию романа, – это кануны не только коллективизации, но и массовых политических доносов, и в этом гнусном деле дворянину Запятаеву из романа Войновича о Чонкине конкуренцию составил, по свидетельству В.Белова, выходец из трудового крестьянства. Не успели коммунисты освободить его от обязанностей секретаря ячейки, как он тут же садится строчить донос в уездный комитет партии: «довожу до сведения о контрреволюции в Ольховском ВИКе и всей нашей волости, как во-первых о председателе Лузине и протчих членах ячейки». Текст этого доноса мог бы послужить материалом для продолжения исследовательского труда М. Чудаковой о языковых «шадеврах» советского прошлого, причудливым образом воскресающих в сегодняшних вывесках и объявлениях. Жаль, что Войнович не познакомил читателя с образцами запятаевских доносов, – это дало бы нам возможность исследовать лингвистическую мимирию клеветников. А после того как секретарь укома Ерохин вообще отобрал у Игнахи партбилет, он пишет анонимки и на Петьку Гирина, и на односельчан стариков, которые выпороли его шкодливого братца Сёмку, и на бывшего помещика Прозорова, вступившегося за трудолюбивого крестьянина Павла Рогова... И вот такого прохвоста Микулёнок поставил председателем сельской установочной комиссии по налогу. Пришло, пишет Белов, его, Игнахино, время: «Он ничего не прощал людям, он видел в них только врагов...» Как такое могло произойти? Писатель не оставляет нас без ответа.

Секретарь Вологодского губкома Иван Михайлович Шумилов был потомственным речником из Великого Устюга. Это был коммунист с дореволюционным партийным стажем. Он ещё в 1905 году возглавил выступление рабочих против самодержавия. И вот теперь, читаем в романе, он впервые задумался о непонятных решениях, которые при-

нимались наверху. Например, закоренелого троцкиста-перегибщика заведующего губпланом Михаила Бека дважды исключали из партии, а приехавшая контрольная комиссия его вновь восстановила – «и он снова шумит в Вологде и мутит воду, где только может». А мы с вами ломаем голову над поведением Микулёнка и Сопронова! Дорвавшись до власти, Игнаха облагает непомерным налогом односельчан.

Почему так распоясался Сопронов? Да потому, читаем у Белова, что такие перекосы поощрялись кем-то наверху: «Иван Михайлович невольно сопоставлял всё это с общей тенденцией, с общей атмосферой тех директив, которые поступали из центра за последнее время. Тенденция же была явно с уклоном влево. Постоянно подчёркивается важность работы с беднотой, требования дифференцированного отношения к крестьянству становятся всё радикальней». А в Шибанихе даже вертопрах Микулёнок, и тот почуял неладное. «Заставь дурака богу молиться, – с досадой думает он о своём движении, – он и лоб расшибёт! Натворит делов...».

Таким образом, Белов рассказал об острой внутрипартийной борьбе, на фоне которой разворачивались события местного значения в отдалённой северной деревушке накануне коллективизации. Более того, он сделал удачную попытку сказать о Сталине то, в чём даже сегодня, спустя полвека после печально знаменитого «разоблачения культа личности», мы не всегда отдаём себе отчёт: именно Сталин вместе с политбюро ЦК противостоял левацким перегибам троцкистов, в результате которых у руководства сельских советов и партийных ячеек оказывались микулёнки, штыри и сопроновы.

Другим примером, ясно обозначившим политический конфликт в литературе 80-х, является повесть С.Антонова «Овраги». В деревне Сядемка готовится антисоветский мятеж. Тут есть и свои полковцы с льяевскими, которым противостоит «тысячник» Платонов. Есть и свой Островнов по имени Пётр Алёхин. В отличие от шолоховского романа, положение в Сядемке усугубляется тем, что статья Сталина «Головокружение от успехов» ещё не дошла до этой глухомани, и враги пользуются этим. Алёхин, например, продолжает подогревать недовольство односельчан, раскулачивая середняков, а укрывшиеся за спиной таких, как он, «активистов» заговорщики продолжают морочить головы: «Мы здесь не для того, чтобы свергать власть рабочих и крестьян, а для того, чтобы вырвать крестьянство из сталинского крепостного права... привести в жизнь золотые слова товарища Ленина: «Пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь». Не все, однако, присутствующие на этом тайном собрании верят елейным речам подстрекателей. «Начинается с вольно-

го труда, – думает Макун, слушая заезжего агитатора, – а кончается кровушкой». И кровушки в Сядемке, действительно, хватает: убивают первого председателя колхоза Шевырдяева, расправляются с Макуном, во время проводимого Алёхиным раскулачивания, кончает жизнь самоубийством жена Чугуева, а вечером того же дня, накануне антисоветского выступления, сын председателя Митя находит в дверях записку с угрозой отцу: «Уматывай отсюда, рыжая сука, не то останешься твой щенок круглым сиротой». Мальчик остался-таки сиротой. О судьбе Мити Платонова – сквозного персонажа из трилогии С.Антонова «Царский двугривенный», «Овраги» и «Васька», – комсомольца 30-х – мы читаем в её последней части.

Трагична судьба и раскулаченного в результате вражеских провокаций середняка Тихомирова. Работая на железной дороге, он первым из сядемцев узнаёт о сталинской статье. Оказывается, он пострадал вопреки установке из центра: «огулом не раскулачивать». Оказывается, он никакой не кулак, а самый безгрешный середняк. И он, нарушив подписку о невыезде, возвращается в Сядемку в самый разгар антисоветского мятежа – и его снова арестовывают. Вот такое трагическое стечение обстоятельств. Тихомиров, как и Степан Чаузов у Залыгина, оказался в самой гуще политической борьбы; и обоим им, без вины виноватым, крепко досталось.

Мы могли бы усомниться в достоверности того, о чём рассказали нам советские писатели В.Белов и С. Антонов. И потому видим большую заслугу Солженицына и Войновича в том, что они сумели-таки в своих романах – «В круге первом» и «Чонкине» – вывести на чистую воду таких махровых антисоветчиков, как дядюшка Авенир, и таких клеветников-доносчиков, как Запятаев. Не напиши они об этом, кто бы поверил, например, Сталину, когда он на январском 1938-го года пленуме ЦК ВКП(б) призывал разоблачать «карьеристов-коммунистов, стремящихся отличиться на репрессиях»?

Чествуя «юбиляров», мы с не меньшим почтением должны прислушиваться и к слову «финалистов», которые подхватывают тему политического сопротивления. В самом обнажённом виде этот конфликт представлен у Захара Прилепина в «Саньке». Переход от митингов к «бархатному террору», а затем и к погромам не мог не напомнить читателю о событиях во Франции в 1968-ом году. У них тогда ведь протестное движение представляла тоже молодёжь, да и происходило это сходным образом: от митингов и демонстраций к столкновениям с полицией и погромам.

Как оценивают акции «Союза созидающих» персонажи из самого романа? Безлетов, например, представляющий в «Саньке» вузовскую элиту, видит в «союзниках» агрессивных хулиганов. Другой, эпи-

зодический, персонаж, из тех, кто воевал в Афганистане, а сегодня настроен «против всех», отказывает «созидающим» в основательности: это, мол, клоуны. Обращает на себя внимание аннотация к отдельному изданию романа, где сказано о главном герое, что это обыкновенный провинциальный паренёк, который в другое время (никакого другого, кроме советского, тут не просматривается) мог бы стать хорошим рабочим или выучиться на инженера. Саша Тишин, читаем в той же аннотации, пришёл в «Союз созидающих» под воздействием тех «свинцовых мерзостей», в которые он не по своей воле был погружён по самую макушку и выше. Это вам, добавлю от себя, не какой-нибудь там постмодернистского толка ерофеевский Веничка, а вполне типический образ взятый из жизни.

Политическая составляющая в романе Прилепина не сводится к изображению радикально настроенных юнцов. С одной стороны, их акции смыкаются с общезначимым для России движением в защиту ветеранов Великой Отечественной войны. Земляк Саши по кличке Негатив получает задание поехать в Ригу и, забаррикадировавшись с другими участниками акции в башне на одной из центральных площадей города, привлечь к нарушению прав человека в Латвии внимание мировой общественности. С другой стороны, мы не можем не ощутить и сполна пережить вместе с героем «свинцовые мерзости» сегодняшней сельской глубинки, когда он приезжает в деревню, где родился его отец и где до сих пор доживают свой век дед с бабой. Ни о каких штырях, микулёнках, игнахах уже и речи быть не может: там вообще не осталось мужиков, деревня опустела. И это ещё больше настраивает Саньку против власть имущих.

Иную форму принимает тот же конфликт у лауреата «нулевых» Александра Чудакова. Тут сразу угадывается его предшественник, автор известного романа «В круге первом». Как и там, молодой человек оказывается под влиянием политического противника Советской власти. Но Солженицын предпочёл высказаться до конца, доведя своего героя до государственной измены. В романе «Ложится мгла на старые ступени» Чудаков лишь в конце своего повествования подводит персонаж к окончательному выбору. Схоронив деда, Антон мысленно обращается к нему: «Я не поддался советской пропаганде. Ты, дед, был прав во всём». В чём же конкретно, по сложившемуся у внука убеждению, прав был его дед?

Дед был прав, прежде всего, в своих сословных пристрастиях. Сам он был из потомственных священнослужителей, а бабка, воспитанница института благородных девиц, – из дворян. Именно здесь корни всех их суждений о жизни, своей собственной и той массы трудового народа, который веками

обеспечивал верхним сословиям райское существование. Неблагодарные, они с нескрываемым презрением отзывались о своём кормильце. «Простолюдины!» – морщила свой благородный носик благовоспитанная аристократка. Сам босяк и писал для таких же голодранцев, вторил ей дед, отзываясь о великом писателе Максиме Горьком. После Горького ему уже ничего не стоило обвинить Помяловского во вранье, Стаханова – в пьянстве и жульничестве, а крестьян, кроме дорогих его возвышенной душе кулаков, – в беспробудной лени и пьянстве. Где-то, в самых тёмных закоулках их дремучих предрассудков, проблескивали порой мысли о своей причастности к народным бедствиям, но они, эти редкие проблески, не стали озарением для их внука. Антон, например, пропустил мимо ушей – и своей порядком уже отравленной просвещённым дедом души – замечание бабки о том, что мужики всегда оказывались физически слабее своих господ: плохое, мол, питание, антисанитария... Получив историческое образование в Московском университете, молодой человек и без бабкиной подсказки мог бы во всём разобраться и сам, но он так слепо верил деду, что не принимал во внимание даже тот факт, что его родной отец, тоже по образованию историк, отнюдь не разделял взглядов родственников по материнской линии. А дед ведь тоже порой прозревал не хуже своей высокородной супруги; наблюдая за своими жуликоватыми внуками, он сочувственно вздыхал: нищета, мол, не бывает нравственной.

В романе Сенчина «Елтышевы» рассматриваемый конфликт ушёл глубоко в подтекст: мысль о тотальном неблагополучии, отразившемся на судьбе вынесенной в название романа семьи, не оставляет читателя на протяжении всего повествования. Но порой, так же как у Прилепина, перед нами проходят вполне конкретные и запоминающиеся образы и картины. Вот управляющий разваливающегося совхоза говорит о повсеместной безработице, поминая закрытую ферму и сгоревший заводик. А вот школьная техничка рассказывает, как они всей деревней, спасая жизни, бежали из Тувы. А в родном селе Валентины Викторовны Муранове бабка Татьяна недоумевает по поводу тех же «свинцовых мерзостей»: мрут и мрут односельчане – больше, чем в войну. И всё это в полном соответствии с традицией реалистического изображения действительности.

Зато в «Карагандинских девятинах» Олега Павлова тот же мотив неблагополучия зазвучал «экзистенциальной смещённостью восприятия мира» – в знакомой тональности «другой прозы», когда художник воспроизводит не то, что есть на самом деле, а свои видения. Триптих из романа и двух повестей впечатляет. По силе художественной выра-

зительности Павлов, можно сказать, превзошёл своих учителей – Солженицына, Шаламова и Довлатова. Но поезд-то ушёл. Устарело клише оставшегося в прошлом антисоветского андеграунда. Очевидно, по этой причине – не пропустить, ибо такое больше уже может не повториться! – букерские знатоки и выделили творение Олега Павлова из своего длинного-предлинного списка.

«Экзистенциальная смещённость» превратила трилогию о тюремно-лагерных «служивых» в «королевство кривых зеркал». Там нет ни одного персонажа, который не годился бы в экспонаты для кунсткамеры: капитан Хабаров запивает горькую; замполит Величко – разве что политрук из астафьевского романа «Прокляты и убиты» составит ему конкуренцию в номинации самых никудышних людишек; начальник особого отдела полка Смершевич – отвратительный урод, какой может присниться только в страшном кошмаре; проскользнувший мимо лётно военкор только тем и занят, что пропивает свои командировочные; начальник лагеря Синебрюхов – вор и подлый клеветник-доносчик; прапорщик-особист Скрипцын столь же гадок, как и его начальник; комполка Победов – законченный недотёпа, зачатый, резвится автор, не от любви, а от испуга; начальник штаба полка Дегтярь похож на гвоздь, а старлей Хрулёв – на бледную поганку... Кого из читателей не утомил этот набор уродцев, пожалте в лагерную охрану из «Дела Матюшина», а то и в похоронную команду из «Карагандинских девятинах»...

Как тут не вспомнить о злоключениях «маленького человека», раскиданным по бескрайним страницам отечественной классики! Может писать Олег Павлов. Только вот дело, которому он служит своим пером, совершенно не соотносится с тем, чему посвятил, например, свой писательский талант – и тоже в трилогии – Юрий Герман. Дело, которому ты служишь, – это ведь сказано не только о литературных героях, но и об их прототипах, в том числе и о писателях.

Вопреки общепринятому этикету – «Ladies first!» («Сначала дамы!», когда женщин пропускают вперёд) – роман Людмилы Улицкой я приберёг на конец разговора о конфликте политического характера в произведениях юбиляров и финалистов. В первых, сам материал лишь краешком коснулся нашей отечественной истории. А во-вторых, вспомнилось, как редактор «Нового мира» Твардовский предлагал то Солженицыну («Матрёнин двор»), то Залыгину («На Иртыше») поменять названия произведений. У меня, конечно, ситуация совсем другая: ничего я Улицкой не мог бы предложить ни тогда, когда она завершала работу над «Штайном», ни сегодня, когда я с ним познакомился.

Свою позицию Улицкая высказала однозначно: хочу писать только о Даниэле. С этой целью она уже

после кончины Даниэля Руфайзена едет в Израиль для сбора материалов о прототипе своего литературного героя. Даниэль Штайн, «солдат милосердия» и католический священник, поставлен ею в центр и его имя вынесено в заглавие.

В моём читательском восприятии параллельно и нисколько не уступая сюжетной линии проповедника, развивается житие Маргариты Ковач, коммунистки. Этому образу Улицкая придала не меньше значения, чем главному герою. Если судьба Штайна складывается поступательно, по нарастающей, и кульминацию автор совместила с развязкой, приурочив гибель Даниэля к запрету на его служение, то в случае с Ковач и кульминации-то, по сути, не было, сразу развязка, знакомящая читателя с произошедшим духовным сломом. В этом я чувствую определённую недосказанность: в результате какой душераздирающей борьбы произошёл этот слом?

Несмотря на вызывающий сомнение финал, я бы озаглавил роман иначе, а именно: «Рита Ковач, коммунистка». Противопоставив двух основных героев, Улицкая привела их обоих к поражению. Была ли трагедия Даниэля Штайна оптимистической? Не берусь судить об этом. Да и для автора это осталось неясным. Отсюда, очевидно, и неудовлетворённость после завершения работы: задача-де невыполнимая, потому, мол, и не справилась. А по мне, так автор самым распрекрасным образом справилась: воспроизведена достоверная картина эпохи, выведены убедительные характеры. Как художник-реалист она вполне раскрыла свой недюжинный талант.

Итак, «Рита Ковач, коммунистка». Вот вехи её жития (в святые, по воле автора, она уже ни попадёт: отступница, под каким бы соусом Улицкая нам это ни преподносила; тургеневский «Порог» останется для неё вечным укором...). Двойре Брин – так звали героиню до партийного псевдонима – родилась в Варшаве в 1908-ом году. Принимая активное участие в молодёжной революционной организации, Ковач уже до войны поработала и секретарём горкома, и в числе первых подала заявление о своём решении вступить в ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны была связной в подпольной организации, участвовала в организации Армии Людовой, которая отличалась от польской же Армии Краёвей ориентацией на Советский Союз. Воевала. После войны оказалась, как и многие оклеветанные запятевыми коммунисты, в лагере.

Но осталась верной прежним идеалам, считала, что смерть Сталина была тяжёлым ударом для всего прогрессивного человечества. На этой почве во время десталинизации перессорила со своими товарищами. В 1968-м году её исключили из партии, но восемнадцать лет спустя из Израиля, где она находилась в доме престарелых, Ковач писала

заявление с просьбой восстановить её в партии. Тогда, в 1986-ом году, 78-летней старухой, она оставалась всё той же – честной, верной и самоотверженной. Через четыре года после этого Маргарита Ковач приняла крещение и отказалась таким образом от своего героического прошлого: заблуждалась, дескать, принимая за истину социальную справедливость и равенство. Всякое, конечно, в жизни бывает. Но обычно деградация личности связана с червоточинной, которая изначально даёт о себе знать. У Риты Ковач такого душевного изъёма не было. Да и советские старухи, без пресловутой «экзистенциальной смещённости» их изображения в постсоветской литературе, остаются в массе своей хорошим для нас примером...

В романе юбиляра В. Дудинцева «Белые одежды» никуда наши авениры и запятеевы не делись; они лишь спрятались за чужие спины, мимикрировали или ушли глубоко в подтекст. Нахлобучив шапки-невидимки или вырядившись в подходящие для случая одежды, эта камарилья будет незримо присутствовать и действовать через своих агентов влияния в любой сколько-нибудь социально значимой конфликтной ситуации. К чести советской литературы, она доставала и этих подставных антигероев, выставляя на всеобщее обозрение, разоблачая их гнусность и враждебность по отношению ко всему разумному, доброму, вечному.

В. Дудинцев сохранил завидную верность теме противостояния изворотливым хамелеонам и успешным приспособленцам. Ни в нашумевшем в 50-е годы романе «Не хлебом единым», ни в опубликованных в 80-е «Белых одеждах» политического конфликта как такового нет. Но он даёт о себе знать, когда о генетике Посошкове, например, начинают поговаривать «с угрозой те, кто любит нажимать на педали и готов пустить в ход словечко «враг». Те же люди выводят на улицу из зала заседаний Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук профессора, осмелившегося бросить им в лицо обвинение в мракобесии. Руку тех же людей мы узнаём, когда приехавший инспектировать научную работу в институте Дёжкин признаётся, что ему не нравятся приказы министра Кафтанова и что он считает их ударом по науке. Устами своего героя Дудинцев переводит вопрос в чисто нравственную плоскость – есть, мол, от природы люди плохие и хорошие: «Один кошку ногой подденет, а другой задумается, как быть, если на его стуле Мурка сидит, а ему надо сесть...».

Одной природой, однако, не объяснить атмосферы всепроникающего недоверия и подозрительности. Инспектировавший вместе с Дёжкиным институт Василий Степанович Цвях после собрания говорит: «С этой биологической наукой сегодня все стали следователями. Смотрят друг на друга, норо-

вят с хвоста зайти. Конечно, в таких условиях держи ухо востро. Брякнешь что не так – и нет человека». О том, что дело обстояло так не только в биологической или какой-нибудь другой науке, читаем у Евтушенко:

*Какое наступает отрезвление,
как наша совесть к нам потом строга,
когда в застольном чьём-то откровенье
не замечаем вкрадчивость врага.*

Гораздо хуже, сетует поэт, то, что само присутствие в нашем обществе ряженных отравляло всех и вся:

*Страшнее, чем принять врага за друга,
принять поспешно друга за врага.*

Уничтожающую характеристику перерожденцу (помните, как у Блока: «Был Ванька наш, а стал буржуй»?) в романе «Белые одежды» даёт полковник Свешников. О своём теперешнем начальнике Николае Ассикритове он говорит, что такие люди всегда считают себя правыми: куда ни шагнёт – там и прав. И слова-то у него самые правильные: «Исторически...», «Революционное правосознание...», «Интересы рабочего класса...» – и всё врёт». И обращаясь мысленно к погибшим на гражданской войне товарищам, он в отчаянии восклицает: «Ребята! Революционеры! Вы проворонили своего классового врага! Вы так старались, боролись с классовым врагом, а он сидел рядом с вами и подсказывал, кого надо убрать. Всю жизнь ходили с ним в обнимку. И своих уничтожали под его дудку».

Призрак запятаевщины, как и призрак ряженных перерожденцев не исчезает вплоть до самых последних страниц романа, где он вновь появляется в образе безликого нового покровителя академика Рядно. У настоящего учёного не может быть «покровителей», формирующих ту околонучную среду, в которой плодятся и множатся прихлебатели. Им и в науке и на производстве, в городе и в деревне противостояли положительные герои советской литературы 50–80-х годов: Журбины и Вихровы, Мартынов и Соколов, Лопаткин и Бахирев, Серпилин и Устименко, Крылов и Кузькин, Вохминцев и Михаил Пряслин, Женька Столетов и Фёдор Дёжкин и другие – вместе с их многочисленными прототипами.

Ориентирами высокой нравственности выведены Давыдов у Шолохова и Венька Малышев у Нилина, Балув у Кожевникова и Степан Чаузов у Залыгина. Борьба борьбой, рассуждает герой повести «На Иртыше», но как не пожалеть ребятишек даже своего треклятого классового врага! Об этом же писал и Леонов, у которого Вихров усыновил брошенного раскулаченным родителем мальчонку. Об этом

же поведал нам и Ю. Бондарев, у которого советский офицер Княжко делает отчаянную попытку спасти от неминуемой гибели немецких мальчишек в форме тысячелетнего Рейха. Он не поддаётся распространяемой оккупантами заразе насилия и когда слышит, что из лесничества доносятся вопли и почти детский плач, поднимает над головой белый платок, и, крикнув что-то по-немецки, идёт к ним. «Он что? Ангел у вас? Святой? Да кому это нужно?» – раздаются голоса. И действительно, пишет Бондарев, «то, что делал сейчас Княжко, мог сделать только Княжко». Духовный потенциал человека, свидетельствует советская литература, проявлялся в самой обычной бытовой ситуации. Андрей Григорьевич Сарафанов из вампиловской пьесы «Старший сын» напоминает чудаковатых героев Шукшина: та же нестандартность представлений о жизни и об окружающих людях. Та же необычность жизненного уклада и устремлений, то же неприятие приземлённого бездуховного существования. Но именно такой не поддающийся обработке по зарубежным технологиям герой и становится образцом морали как для окружающих людей, так и для зрителя. Под его воздействием облагораживается и мнимый старший сын, студент Бусыгин, ибо Сарафанов безгранично верит в людей, ищет и находит в них лучшее, сокровенное и освящает их своей любовью.

Об этом, самом главном, продолжая традиции Золотого века русской классики, советская литература не уставала напоминать нам на всём протяжении своего существования. По-пушкински глубоко было осмысленно ею преображающая и возвышающая сила любви. Исцеление любовью по-своему переживают и Валька-дешёвка из «Иркутской истории» Арбузова, и Пётр Бородин из «Соловьёвны ночи» В. Ежова, и Егор Прокудин из киноповести Шукшина «Калина красная», и следовательно Шаманов из «Прошлым летом в Чулимске» Вампилова.

Чувство любви, если верить советской литературе, помогает избежать пагубного эгоцентризма. В самый день свадьбы отпускает любимого человека героиня пьесы В. Розова Нюра Салова: «Люблю тебя, Миша! Не хочу твоей свободы брать... Не хочу <...> тебя люблю, не себя...» Тем же самопожертвованием вызван отказ героя пьесы Арбузова «Мой бедный Марат» от любимой Лики. Советская литература не останавливалась и перед более сложными нравственными коллизиями.

О ком из сегодняшних литературных героях мы думаем, вспоминая о нравственных исканиях героев советской литературы? К такому диалогу без посредников готовы прежде всего оба главных героя из романа Улицкой. Да ещё отец Антона Стремоухова из романа-победителя: будучи признан негодным к прохождению воинской службы по зрению, он

отправляется-таки на фронт добровольцем, а когда его оттуда всё-таки вернули домой, отнёс все свои сбережения в фонд обороны. Дед, разумеется, не одобрил ни самоотверженности своего зятя, ни его патриотического порыва, зато оправдывал бывших кулаков, которые перешли в услужение к немецким захватчикам.

Как Даниэль Штайн, так и Рита Ковач у Улицкой – это настоящие праведники; их верность своим идеалам, самоотверженность и беспримерная стойкость духа не вызывает сомнений ни у близких к ним персонажей, ни у читателя. Немудрено, что писательница подрастерялась к концу своей работы, и финал «Штайна» не мог не напомнить нам, как поступил со своим героем автор известного романа «Отцы и дети». Правда, о героях нашей финалистки Писарев не мог бы повторить того, что он сказал о тургеневском герое: умереть так, как умер Базаров, – это уже подвиг. Впрочем, у Даниэля ситуация была сходной; довольно точно о его служении ближнему сказал брат: ты – социальный работник, только без зарплаты.

У последнего по времени из «пятизвёздочных» финалистов не было намерения выводить пред светлые читательские очи героев, сопоставимых с Даниэлем Штайном или Маргаритой Ковач. Нет, его Елтышевы изначально мечены печатью отступничества. Эти люди могли оставаться порядочными только в нормальных условиях существования. Супруг, например, правильно рассчитал, что для достижения благополучия (квартира с приличным телевизором, машина с гаражом, продвижение по службе) нужно вести себя по-человечески. То есть с самого начала дала о себе знать эта червоточина прагматического расчёта: я буду хороший, поскольку хорошие люди нынче в цене. И всё стало рушиться, когда ценностные ориентиры были круто подменены прямо противоположными.

В начале 90-х Елтышев ещё не верил, что жизнь ломается всерьёз; а позже сожалел, что просчитался, не оставил службу в милиции, не переметнулся в бизнес или в телохранители. Потом спохватился, но было уже поздно: тех, кого не убили или не посадили, то есть состоявшихся «новых русских», уже было не догнать. Пришлось довольствоваться «блатной» работой в медвытрезвителе, где можно хоть как-то нагреть руки, обкрадывая «клиентуру». И куда девалась его бывшая порядочность! А зачем она нужна была ему теперь: ведь за то, что ты хороший и честный, в новой России не стали платить.

И пошло-поехало. Присвоение чужого имущества сопровождалось невиданным ранее нравственным падением. Ранее чуть заметная червоточина стала разрастаться в такой душевный изъян, от которого, как оказалось, нет уже никакого спасения. Торговля спиртным, расправа над соседом,

устранение поднадоевшей бабки Татьяны, смерть старшего сына, к которой он по несчастной случайности руку приложил, гибель младшего как результат всеобщей против них озлобленности односельчан – таковы вехи неотвратимого морального распада личности, сориентированной изначально на прагматический расчёт.

Сходную трагедию переживает и Валентина Викторовна, его супруга. Всё было нормально: работа, которую она сама себе выбрала, муж и семья – так и ушла бы она на заслуженный отдых, пишет Сенчин, с чувством удовлетворения и под рукоплескания сослуживцев из центральной городской библиотеки. Но накатилась беда: посадили на пять лет младшего сына, совершенным недотёпой вырос старший – а ведь когда-то собирался поступать в педагогический институт. И вот теперь эта отвратительная история с мужем, из-за которой ни на работе, ни на улице она глаз от стыда поднять не может.

Выходит, Валентина Викторовна не что иное, как несчастная жертва обстоятельств? Но если бы только это... Если б только не тот треклятый расчёт, с каким она принимала жизненно важные для неё решения. Вот таких Елтышевых выставил на читательский суд Роман Сенчин: полюбуйтесь, мол, далеко ли мы сами ушли от них.

Больно читать страницы, где Валентина Викторовна пересчитывает задним числом свои промахи и упущенные возможности. Просчиталась, с сожалением вспоминает она, когда из райцентра переехала в столицу края. Просчиталась, когда вернулась на работу в провинциальный городок. Просчиталась, когда выходила замуж за молоденького сержанта милиции... Так что не состоялась она как личность не тогда, когда впервые повезла в город на продажу жимолость, и даже не тогда, когда они решились-таки на торговлю спиртным, спаявая несчастных односельчан, а гораздо раньше. Очевидно, какой-то изначальный душевный изъян и в этом случае дал о себе знать.

Трагедия вырождения – что может быть горше! А что по этому поводу говорили в своё время наши «юбиляры» – если не сводить их к авторам произведений 1988-го года и даже к одной лишь последней 5-летке?

Проблеме нравственного выбора советская литература уделяла самое пристальное внимание. Поначалу это выразилось в напряжённых духовных исканиях героев «молодёжной» литературы. Борьба шла по линии размежевания со всякого рода захребетниками и проходимцами. Против сердобольной мамыши в пьесе Розова «В добрый час!», пытающейся всеми правдами и неправдами протиснуть сыночка в привилегированный «средний класс», восстаёт собственное чадо. «Тебе всё шутки, – на-

ставляет она своего непутёвого сына, ставя ему в пример из молодых, да раннего приспособленца, – а вот увидишь: Вадя будет занимать крупный пост. У него будет квартира, большая зарплата...»

Но драматург не доводит героя до морального слома. Юноша уезжает вместе со своим двоюродным братом в Сибирь в поисках своего места в жизни. «Пусть поищет!» – благословляет его отец. Пусть послужит, вторит ему Платонов из пьесы А. Штейна «Океан», вычёркивая из списка на демобилизацию фамилию своего друга Кости Часовникова: он «нужен флоту, а флот – ему». Пусть поплавает, отправляет своего героя в повести «Завтрашние заботы» В. Конечкий: Глеб Вольнов оставляет философский факультет университета и становится популярным моряком.

По трудности решения проблема нравственного выбора порой не уступает открытому противостоянию с врагом. В повести В. Тендрякова «Суд» речь идёт о вполне реальном расследовании: во время охоты нечаянно убит человек. Это могли сделать либо фельдшер Митягин, либо начальник большого и очень важного для района строительства Дударев. Егерь Тетерин – мужественный человек. Таким он был на фронте, таким бесстрашным охотником оставался он и после войны. А тут не выдержал, дрогнул, скрыл пулю, которая свидетельствовала, что убил человека не фельдшер. Выходит, одно дело проявить стойкость и мужество в разведке или в схватке с медведем и совсем другое, когда следу- 150

ет сделать нравственный выбор. И для Тетерина начинается суд его собственной совести, суд за проявленную им душевную слабость.

Такой же моральный срыв переживает и герой пьесы Вампилова «Прощание в июне», когда отец любимой девушки, ректор института Репников, предлагает ему, по сути, сделку: либо ты отказываешься от моей дочери, либо вылетишь из института. Студент Колесов соглашается. И никакое запоздалое раскаяние – он рвёт доставшийся ему такой дорогой ценой диплом – его не спасает. Даже Репников, униживший, соблазнивший и погубивший его таким предложением, получает право упрекнуть отступника: «Кто однажды крепко оступился, тот всю жизнь прихрамывает!» Мы можем только догадываться, сколько раз оступался и предавал самого себя герой «Утиной охоты». Как шёл этот процесс подмены прежних ценностей другими, заведомо фальшивыми, и как в результате этого тщательно промодулированного процесса плодились, с одной стороны, приспособленцы и стяжатели, а с другой, происходила полная деградация человеческой личности, зафиксированная в образах Зилова у Вампилова и Венички у Венедикта Ерофеева. Но в целом картина впечатляющая, благо, что для таких наших догадок и предположений советская литература не

скупилась на выразительные свидетельские показания, предлагая читателю широкий ассортимент характеров от с едва заметной червоточинки до откровенно ущербных.

Если выделить главное, то камнем преткновения для всех «оступившихся» и «прихрамывающих» была психология потребителя, продавца и покупателя. Больше всего на свете они были обеспокоены тем, чтобы не продешевить. Жирную точку в этом безудержном «купи-продай» маркетинге поставил своей повестью «Царь-рыба» В. Астафьев, где герой-приобретатель готов заложить даже свою душу.

Да, Зилову, который всё неотвратимее – во исполнение планов наших забугорных заклятых друзей – опускается до уровня «животного повышенной квалификации», не повезло. Всякое в жизни бывает. Бывает, что человек серьёзно оступается, как Колесов в пьесе «Прощание в июне», в самом начале своей самостоятельной жизни. Бывает, что человеку повезёт, как повезло Бусыгину из «Старшего сына», встречей с Сарафановым и его детьми. Бывает, что и молодые порой подают пример жизнестойкости тем, кого жизнь уже успела порядком пообмять, как Шаманова из пьесы «Прошлым летом в Чулимске». Бывает и так, что человеку, как Зилову в «Утиной охоте», пока не выпало испытать такого счастья. Но и для такого крайнего случая мы находим в рецептурном отделе советской литературы вполне реальное средство. Откроем заново арбузовскую пьесу «Мой бедный Марат». «Даже за день до смерти, – говорит воссоединившийся наконец с любимой женщиной герой, – не поздно начать её [жизнь. – В. Е.] сначала». Такой нравственной силы заряд мы не можем игнорировать и сегодня.

Широким контекстом к произведениям букуровских финалистов звучат сегодня и духовная растерянность героев маканинского «Предтечи», и нравственная неустойчивость персонажей бондаревского романа «Игра», и воинствующая аморальность «архаровцев» из повести Распутина «Пожар», и угрожающее падение нравов, какое представил нам в «Печальном детективе» Астафьев, и прогрессирующая разочарованность героев беловского романа «Всё впереди»... По-своему эта апокалипсическая картина преломилась и в фантастических повестях Стругацких.

Со сложным чувством запоздалого, но всё-таки необходимого прозрения будет перечитана сегодня бондаревская «Игра». Мы не можем не сочувствовать её главному герою, но в то же время не можем не думать и о тех, кто жил и пережил то же самое время и всё-таки устоял и состоялся, не рухнул, не деградировал в приснопамятных 80-х и 90-х и продолжает без мучительных угрызений совести и сомнений жить в единственном – другого нет! – выпавшем нам настоящем и с неизбежным опти-

мизмом встречать каждый день неотвратимо грядущего светлого будущего...

Выраженная в «Печальном детективе» глубокая озабоченность Астафьева по поводу катастрофического падения нравов созвучна общей тональности произведений 70–80-х годов. Впечатление тотального неблагополучия производил, например, и роман Белова «Всё впереди». Тут и саркастически написанная защита диссертаций, кульминационным пунктом для которой оказывается не научное открытие, а банкет; тут и мода на восточную медицину и экстрасенсов; и выпущенные из-под контроля наркотики; и узаконенные стриптизы... Там, за океаном, записывает Белов в форме несобственно-прямой речи, уже знают, сколько русских останется к двухтысячному году. Они знают, какова у нас будет смертность, сколько детей будут рожать наши женщины. Высчитали процент дебильности. Они моделируют войны. Экономику и политику. Поведение женщин и молодёжи. Ведь идеологические наркотики нисколько не лучше физиологических.

С ещё большим отчаянием сопротивляется процессу духовного вырождения герой фантастической повести братьев Стругацких «Пикник на обочине». Сталкер Рэдрик Шухарт спускается в карьер, чтобы завладеть наконец магическим шаром, исполняющим любые желания. Он ни о чём уже не может думать и лишь продолжает твердить как молитву: «Но если ты на самом деле такой – всемогущий, всезнающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю – там есть всё, что тебе надо. Должно быть! Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытани из меня сам, чего же я хочу, ведь не может быть, чтобы я хотел плохого!..». Устами сталкера заговорили и взмолились тысячи несостоявшихся наших зилых и веничек, но для своего героя Стругацкие нашли возможным обозначить духовное воскрешение. «Будь оно всё проклято, – заканчивает свою исповедь и мольбу о спасении Шухарт, – ведь я ничего не могу придумать, кроме этих детских слов: «Счастья для всех даром, и пусть никто не уйдёт обиженным!» Что лучше этих

«детских слов», уважаемый читатель, мы могли бы с тобой придумать? И что более обнадеживающего мы могли бы сказать сегодня, чем это сделал в своё время Евтушенко? –

*Мы народ ванек-встанек.
Нас не бог уберёт.
Нас давили, пластали
столько разных сапог!*

*Они знали: мы ваньки,
нас хотели покласть,
а о том, что мы встаньки,
забывали, платясь.*

Итак, за круглым столом встретились сегодня наши юбиляры и финалисты, советская и постсоветская литература. Что дальше, после того как мы их внимательно выслушали, то бишь прочли или перечитали заново? По-моему, нам следует и дальше двигаться в двух направлениях: с одной стороны, отслеживать не только подсовываемый нам декадентский «мейнстрим», а и всё складывающееся многообразие постсоветской отечественной литературы; с другой стороны, пора уже и к советской литературе к подойти не зашоренно, а с позиции просвещённого читателя.

Говорят, что преподавание литературы в школе переживает сегодня не лучшие времена: сокращаются часы, деформируется представление о литературном процессе, снижается роль этого учебного предмета в воспитании подрастающего поколения. Только все мы, кто закончил советскую школу, учителя, библиотекари широким фронтом, при моральной поддержке как «юбиляров», так и выкабанивающихся из-под навороченных глыб «мейнстрима» «финалистов», можем устоять, равняясь на «могучее, лихое племя» наших героических предков.

На том, ваньки-встаньки, стоим.

г. Прокопьевск

Тамара
РУБЦОВА

ГОРЬКА МОЯ ЛЮБОВЬ

СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО ЮРГИНСКОГО ПОЭТА ЕВГЕНИЯ ВИНОКУРОВА (1947–1994)

*«Куда подевался мальчик,
которым я был когда-то?»*

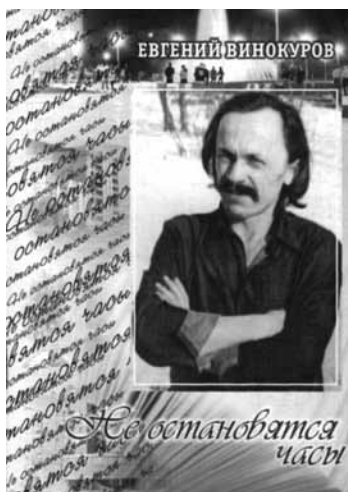
Пабло Неруда

Было время – жил в Юрге поэт Евгений Винокуров (Опарин), наделенный даром, судьбой и своеобразным голосом. Признания при жизни он не получил, и единственная книга вышла через тринадцать лет после его ухода из жизни.

Когда я прохожу мимо дома по улице Машиностроителей, 30, где жил поэт, то вспоминаю юность. Как магнитом тянуло людей в двухкомнатную квартиру на первом этаже. Именно здесь в восьмидесятые годы прошлого теперя века я с замиранием сердца впервые слушала рок-оперы А. Рыбникова «Жизнь и смерть Хоакина Мурьета», «Юнона» и «Авось».

Женя наизусть знал монологи героев, любил цитировать лирическое отступление Пабло Неруды:

*Куда подевался мальчик,
которым я был когда-то?
Скажите, долгая старость –
награда или расплата?
Где умирают птицы?
Сколько лет сентябрю?
Понимает ли море,
Что я говорю?*

Мы читали свои и слушали стихи друзей, горячо их обсуждали, спорили, смеялись над пародиями, эпиграммами и экспромтами Евгения, и тут же сочиняли их совместно, говорили о музыке, литературе. Игры в рифмы и буриме сменялись чтением стихов Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Георгия Иванова – в те годы их творчество еще только начало приходить к читателю.

Друзья понимали, что Женя – поэт. Молодежь его любила, тянулась к нему. Гостей в доме всегда было много, в основном это были друзья Евгения.

*Мой дом для всех открыт всегда,
Не гаснут окна в полночь.
Он всем, кому грозит беда,
Готов прийти на помощь.*

В те годы кузбасские поэты нередко приезжали в наш город, на их выступления собирались полные залы слушателей. Было оно когда-то, время поэзии, время интереса к литературе.

После выступления юргинцы общались с мэтрами в неформальной обстановке, и кузбасский поэт Сергей Донбай пошутил: «Что вы, юргинцы, прибедняетесь – у вас есть и Евгений Винокуров, и Николай Гладков, даже Шопорев – почти что Зубарев (Валерий Зубарев – известный поэт, автор многих книг; Эдуард Шопорев – прозаик, его рассказы публиковались в книге «Мы – «Притомье», вышедшей в 1989 году).

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Женя Опарин родился в Юрге 26 ноября 1947 года, через два года после Великой Победы. Детство было нелегкое: отца не было, воспитывала одна мама, которая работала бухгалтером, уделяя сыну мало времени. Он был дитя улиц, – много времени занимало общение с друзьями, прогулки по городу.

Уже в школьные годы Евгений был известен всей школе своей страстной любовью к литературе и талантом поэта. После школы он учился на сварщика в училище 59, хотя был склонен к гуманитарным наукам. В школьные годы появились первые публикации стихов Евгения в городской газете.

СЛУЖБА В АРМИИ, СОБЫТИЯ НА ДАМАНСКОМ

По окончании училища Евгений ушел на военную службу.

Служил на границе с Китаем, рядом с островом Даманский, где все дышало опасностью. Он был лично знаком с Юрием Бабанским и многими из ребят, погибших на этом острове. Сохранилось одно из стихотворений, написанных поэтом в те годы:

*За эти сутки пятая тревога
Бросает нас на уссурийский лед.
Перед глазами прыгает дорога,
Машина грудью воздух стылый рвет.
...Из темноты выхватывает лица
Поочередно красный светлячок.
Сто метров влево – линия границы,
А впереди – земли родной клочок.*

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА В ЮРГЕ

В редакции городской газеты с 1971 года собирались юргинцы Наталья и Евгений Винокуровы, Виктор Изотов, Петр Бугаев, Галина Селифанова, Вера и Тамара Старосветовы, Николай Гладков и другие. Собирались в редакции раз в две недели, нещадно критиковали друг друга. Мало было встреч в редакции – стали собираться у Галины Селифановой и Винокуровых. С легкой руки Николая Гладкова и настольной лампы с зеленым абажуром, называли это нетайное литературное братство «Зеленой лампой». Под звуки органа читали стихи, пели, танцевали. Дружно и весело отмечали дни рождения.

В святки проверяли, можно ли верить гаданиям – ходили со свечой и зеркалом по темному подполью, пугали друг друга, а потом сами над собой смеялись. Были мы юными и жизнерадостными. Верили, что жизнь ждет нас с распростертыми объятиями.....

Наталья Винокурова как-то сказала: «Литературное общество – самое интересное время в нашей жизни. Читаешь старые заметки, как мы выступали на вечерах поэзии в школах, в редакции, в ДК «Победа», понимаешь, как много давала нам жизнь среди увлеченных творчеством людей... Воспоминания об этом дают силы жить»...

В 80-е годы Женя много выступал на вечерах юмора, стихи его публиковались в городской газете, реже – в областных изданиях. Он стал участником областной литературной студии «Притомье».

Выступления Евгения Винокурова всегда были яркими, запоминающимися, юмор – всегдашним спутником.

ЛЮБОВЬ В ЖИЗНИ ПОЭТА

Невозможно говорить о Евгении, не упомянув имени Натальи Винокуровой.

Они учились в одной школе № 10, но в разных классах. Наташа была яркая, неординарная личность, поэтесса, художница... В 70-е годы юргинцы зачитывались ее стихами, не сходящими со страниц городской газеты. Когда Евгений отслужил в армии, а Наталья окончила школу, они поженились.

Наталье Винокуровой было восемнадцать, Евгению Опарину – двадцать два. Она настояла, чтобы Евгений взял ее фамилию...

Учились оба на историко-филологическом факультете в Томском Государственном Университете, да так его и не закончили...

Женя работал сварщиком на абразивном заводе, Наталья – художником в одном из цехов этого завода.

«В 1972 году в Навои уехал друг Евгения, Саша Боровиков, которого заинтересовал этот город в Бухарской области, где строился химкомбинат. Вслед за другом уехали в Среднюю Азию и Винокуровы... В 1973 году в Навои родился сын, Саша. На новом месте Евгений с Натальей не прижились, – в 1976 году вернулись в Юргу из-за сильной ностальгии», – вспоминает Е. Манохина (Айзенберг).

После отъезда Евгения в Навои Николай Гладков ушел в армию, Петр Бугаев стал работать в областном центре в редакции газеты «Кузбасс», позже стал редактором кемеровской газеты «Земляки».... Следы Виктора Изотова и Галины Селифановой затерялись...

Вернувшись из Навои, Винокуровы стали жить в доме по улице Машиностроителей 30.

Евгений и Наталья неплохо играли на гитаре, исполняли песни на слова Бернса, Мандельштама, Цветаевой и других авторов.

«Я увидел их вместе на проводах в армию моего одноклассника. Женя и Наташа пели вдвоем, аккомпанируя на гитарах, причем Наташа держала ритм, а Женя успевал еще изобразить соло. Даже в музыке они жили дуэтом. И в стихах взаимно дополняли друг друга», – вспоминает Георгий Большанин.

МЕНЯ НЕ БИЛИ КУЛАКАМИ

Большинство из стихов, вошедших в книгу Евгения Винокурова «Не остановятся часы» написано поэтом в период с 1989 по 1994 годы, когда страна переживала тяжелейший политический и экономический кризис: безработица, невыплата зарплат, повсеместные забастовки, сидящие на рельсах шахтеры, в отчаянии стучащие по ним своими касками, рост смертности и числа самоубийств... В начале 1994 года падение производства по сравнению с 1990 годом превысило все показатели его снижения за период Великой Отечественной вой-

ны. Число безработных достигло тринадцати миллионов человек.

Все эти и многие другие проблемы нашли свое отражение в судьбе и стихах Евгения, которые один из юргинских поэтов назвал «трагической лирикой».

Иногда кажется, что Евгений просто не смог бы жить в этом новом мире. Притворяться и приспосабливаться он не хотел, не мог и не умел.

В стихах появлялось роковое, неотвратимое:

*Меня не били кулаками,
А так, все больше на словах.
Но то, что было за словами,
Мне до сих пор внушает страх.
Меня убили, но без крови,
И походя втоптали в грязь,
Но все ж от боли до Любви
Лежит таинственная связь.*

В семье были большие материальные проблемы и трудности. Евгения уволили с абразивного завода, и он долгое время не мог никуда устроиться. В семье начались взаимные упреки и ссоры. Поэт стал выпивать. Несмотря на все это, он по-прежнему шутил, улыбался, писал веселые пародии, эпиграммы.

При всех своих жизненных передрыгах Евгений оставался Евгением – искренним, насмешливым, чутким.... Помню, однажды зашла к ним в грустном настроении. И Женя, заметив это, взял гитару и за-
пел песню на стихи, написанные мной в семнадцать лет, – «На верфи корабельной».

На душе стало легче, словно вернулась наша юность...

В архиве Николая Гладкова хранится записка:

«Пан Николай, если сможешь, выдели Сашке курева и копеек полста на развод. Сам прийти не могу, болей. Температура и пр.:

*«Постарел, курить охота,
Лезет шерсть, в костях ломота.»*

Если есть время забегай сам, попьём чаю с малиной. Всего хорошего!

Я.»

Даже в самые трудные минуты Женя шутил, смеялся над своими проблемами, стараясь не огорчать людей.

ПАРОДИИ, ЭПИГРАММЫ, ШУТКИ

«Был у меня друг Евгений Винокуров. В жизни он был великий пересмешник и создал немало пародий на стихи кузбасских поэтов», – вспоминает Николай Гладков.

Подшучивая над собственным бытом в 90-е

годы, он написал пародию на стихи Григория Поженяна «Ода пустому холодильнику»:

*Мои друзья у бочки за углом,
А мне до слез обидно и тоскливо.
Мой холодильник опустел, как дом,
И нет рубля, как водится, на пиво.*

Пародия на стихи Николая Доризо, «Мания преследования» вошла в сборник стихов Евгения Винокурова «Не остановятся часы»:

*Не черт ли дернул стать поэтом?
Теперь ношу с собой обрез,
По вечерам сижу без света,
Поскольку знаю – жив Дантес.*

В моей записной книжке сохранился автограф эпиграммы, написанной Евгением на одном из областных семинаров литературной студии «Притомье»:

*Поэт не то чтобы повеса,
Но если выпьет – он таков:
Подайте на ночь поэтессу,
И, если можно, без стихов!*

Стихи Евгения Винокурова были опубликованы в газетах «Кузбасс» и «Кузнецкий край», вошли в сборники «Собор стихов» (Кемерово, 2003, 2005), «Пожалей всех птиц влюбленных» (Кемерово, 2000), «Семиветрие», (Юрга, 2005)... В 2006 году в Юрге вышла книга его стихов «Не остановятся часы».

УХОДЯТ СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ...

Семья распалась в 1993 году. Наташа с сыном ушли. Евгений запил.

«Мне кажется, что отец с матерью любили друг друга. Когда они разошлись, думал, что они сойдутся», – вспоминает сын, Александр Винокуров.

Потом еще одно несчастье: Женя обморозил четыре пальца на руке. Наталья очень переживала, ездила к нему в больницу, но примирения не произошло.

Потерян дом... семья... работа... Отвернулись друзья...

*Уходят старые друзья,
А новых не найти так просто.
А одиночество так остро.*

Кто-то сказал, что стихи – купол, венчающий храм судьбы. Если так, то этим куполом до последних дней Евгения оставалась любовь. Любовь к той, Единственной, без которой он не мыслил жизни – жене, Наталье. Драматична любовная лирика поэта:

Я твой дом за углом
Обхожу стороной,
Потому, что ты в нем,
Но уже не со мной.

Любовь Клестер вспоминает о своей последней встрече с поэтом в автобусе, когда он сказал: «Я знаю, что скоро умру...»

«ОДНО ПРИБЕЖИЩЕ – ГОСПОДЬ...»

Измученный безработицей, безденежьем и личной драмой, поэт обращается за помощью к Богу. В 1989 году семья Винокуровых приняла крещение. Сын, Александр, помнит, что крестил их протоиерей Владимир Почаев. И это не дань моде: Евгений был цельной личностью и приход к Богу был событием, многое изменившим в жизни поэта.

И нет, не маленькую веру
Другое сердце вдруг услышит.
И образ Твой в хитоне сером
Крестом по сердцу будет вышит.

Среди черновиков мы нашли листок, на одной стороне которого – глубина страдания и мрака:

На снимке: Е. Винокуров, 1992 г.

У жизни шаг железный
Ничем не удержать,
И вовсе бесполезно
За нею вслед бежать.

А на другой стороне листа – словно ответ на мучивший вопрос:

Одно прибежище – Господь!
Вот я к нему и припадаю
Когда страдает дух и плоть
Когда и друг не понимает
Одно прибежище – Господь!

И ЭТО ВСЕ РОССИЯ!

Стоя на рубеже двух эпох, видя, как рушатся привычные устои, поэт пытается понять происходящее, несмотря ни на что сберегая любовь к родной стране:

И это все Россия!
Горька моя любовь
И как, скажи, осилить
Душе такую боль?

Любовь как главная ценность осмысливается Евгением и во многих неоконченных стихах.

Здесь ничему уж было не родиться,
Здесь ничему уж было не гореть.
Тогда Господь послал любовь, как птицу....

Он пишет о городском кладбище, где «поразбросаны» могилы родных в разных концах его, и противопоставляет ему «деревенские погосты»:

...Деревенские погосты.
На минутку задержись.
Здесь и смерть приходит просто
И естественно, как жизнь.

Последние стихи Евгения стоят уже на той ступени просветления и простоты, когда становятся доступными каждому сердцу.

Отдаленные звуки
В глубине поднебесья дремлют.
Осторожно возьму их в руки
И стихом опущу на землю.

НЕ ОСТАНОВЯТСЯ ЧАСЫ

В стихах поэт словно чувствует приближение ухода: голос его прорывается до прозрения:

С каждым днем все отчетливей голос:
«Приготовься в дорогу. Пора».

*Что там плоть – обмолоченный колос
Ради зерен любви и добра.*

*В каждом путнике – образ нетленный
И подобие Бога Отца.
Раствори же себя во вселенной,
И не бойся – не будет конца.*

В свой последний вечер, Евгений, словно предчувствуя что-то, обошел всех своих друзей, – зашел к Гладковым, Игоренко, Рубцовым и другим.

Если бы знать – жена, Наталья оставила бы Евгения дома в тот, последний вечер.

Если бы знать – я поговорила бы с ним в его последнее Прощеное воскресенье, когда он зашел ко мне домой. По древнему обычаю, мы просили друг у друга прощения.

Был Женя трезвым, спокойным и каким-то просветленным. Сказал, что хочет со мной поговорить. Дом был полон гостей, и мы договорились встретиться во вторник.

А во вторник, в ночь на 14 марта 1994 года мы сидели у гроба.

Запомнилось громкое тиканье будильника. Сын, Александр, не захотел, согласно поверью, останавливать часы: «Папкина память. Остановишь –ломаются. Пусть тикают». Позже, в рукописях Евгения, нашли карандашом написанное на обрывке бумажного листа стихотворение со строками

*Предвиденье тревожит душу,
Проходит вечное сквозь сны.
Я перед вечностью не струшу,
Не остановятся часы.*

Перед этим была последняя чаша, о которой пророчески – через стихи – знал сам Евгений.

*Я поило пью из желтой склянки –
Вином такое не назвать.
И, может быть, в последней пьянке,
Господь решит меня призвать...*

16 марта, мы провожали Евгения Винокурова в последний путь. Было тепло. Падали крупные хлопья снега, и никак не хотелось верить в реальность происходящего.

Людей было много, но перед выносом тела, в квартире, вместе с женой Натальей и сыном Александром остались несколько человек: те, кто знал его с юности: Николай Гладков, Вера Титова и автор этих строк.

В последний раз в его присутствии побыли мы в воспоминаниях тех лет. Все понимали, что вместе с Евгением уходит много хорошего, светлого, доброго, чем мы не умели дорожить, пока он был рядом с нами.

Наталья пережила его на девять лет.

Евгений ВИНОКУРОВ

СТИХИ

* * *

*Не возвращаются оттуда
Никто, нигде и никогда.
Но кто-то верит, верит в чудо,
Так было, будет, есть всегда.*

*Воздастся каждому по вере.
Небытие навек – одним...
Я в этот мир открою двери,
Как будто не прощался с ним.*

* * *

*Когда уходит вдохновенье,
Меня охватывает страх
За безголосое кипенье
Пустой души в пустых стихах.
Но больше я боюсь мгновенья,
Когда, пасуя перед злом,
Я не собою, как встарь, колени,
Над каждым сломанным цветком.*

* * *

*Кричит душа немая,
А разум все молчит,
Совсем не понимая,
О чем она кричит.*

*Все песни перепеты.
И выпито вино.
Дождаться бы рассвета
И распахнуть окно...*

*У жизни шаг железный
Ничем не удержать.
И вовсе бесполезно
За нею вслед бежать.*

*И начинать сначала,
Не медля ни часа,
У лодки у причала
Повисли паруса.*

*Похмельного угара
Давно замкнулся круг.
Осталась лишь гитара,
Единственный мой друг.*

*Еще жива надежда,
Еще жива любовь,
Но как сменить одежды
И стать самим собой?*

* * *

Меня не били кулаками,
А так, все больше на словах.
Но то, что было за словами,
Мне до сих пор внушает страх.

Меня убили, но без крови,
И походя втоптали в грязь,
Но все ж от боли до Любви
Лежит таинственная связь.

«Кто не страдал – любить не может».
Не знаю, кто это сказал,
И с каждым годом мне дороже
Полночный вымокший вокзал...

Мы покидали этот город,
И нас никто не провожал.
И одинокий мамин голос
Не осуждал, не возражал.

Нас впереди ждала шестая
Земли таинственная часть,
Писалась повесть непростая,
Что нашей жизнью назвалась.

* * *

Холмик, цепи и оградка –
Друг от друга не видать.
Часто снятся дед и бабка,
Дядя, тетка, чаще – мать.

Поразбросаны могилы
На кладбище городском,
Даже смерть разъединила
Их на торжище людском.

Ну, а те, кто взят войною
В адском, вечном ли огне,
Неувиденные мною,
Отзываются во мне.

Позабыт мой род недревний,
Память мечется во мгле.
Нам бы вместе всем в деревне
Упокоиться в земле.

...Деревенские погосты.
На минутку задержись.
Здесь и смерть приходит просто
И естественно, как жизнь.

* * *

Г. Юрову

Прогрессу, людям ли в укор –
Деревья чахнут городские...
Как после выстрелов в упор,
Дымятся трубы заводские.

Не вижу в небе журавля,
Но полон образом всецело:
Летит, летит моя земля,
Как птица, в прорези прицела.

* * *

Уходят старые друзья,
А новых не найти так просто.
А одиночество так остро.
Но не о том моя печаль.

Сменились круто времена,
И правда оказалась ложью,
И даже выжить стало сложно,
Но не о том моя печаль.

Ты для меня источник песен,
Тебе со мною стало тесно.
Твой новый дом, где нет мне места –
Вот в этом вся моя печаль.

* * *

Все, что выстрадал, я вложу
В полновесные, звонкие строки.
Я в осеннем лесу нахожу
Вдохновенья живые истоки.

* * *

Мой дом для всех открыт всегда,
Не гаснут окна в полночь.
Он всем, кому грозит беда,
Готов прийти на помощь.

Теплом он встретит у дверей,
Чужой бедой взволнован.
Жаль, от неискренних друзей
Мой дом не застрахован.

ШУТЛИВОЕ ОБРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Заброшу творческие муки,
Поеду утром на завод,
Поскольку дела просят руки
И подвело совсем живот.

Отгорожусь щитком от неба,
Зажгу дугу на кромке шва,
Чтоб не единым только хлебом
Была семья моя жива.

Ловил «божественные звуки»,
А что же, собственно, искал?
Десятым чувством знают руки
Живой и трепетный металл.

Есть в этом, право, вдохновенье:
В работу – словно бы в игру,
Где час проходит, как мгновенье,
И электрод сродни перу.

* * *

Здесь ничему уж было не родиться,
Здесь ничему уж было не гореть...
И вот Господь послал любовь, как птицу.
И без нее мне страшно умереть.

...И был полет в четвертом измеренье,
За гранью граней, за пределом тел...
И был полет! Но не было паденья,
Вот только кто-то выстрелить хотел.

Любовь – полет над бездною во мгле,
Высоких духом вечное стремленье.
Любите здесь, пока мы на земле.
...Нам на любовь отпущено мгновенье.

* * *

То много туч, то много неба,
То тень беды над головой,
И зацветает снова верба
Над взбунтовавшейся рекой.

Мне все созвучно в этом мире –
Весна, капли, ледоход.
В моей двухкомнатной квартире
Все окна смотрят на восход.

И славит каждое мгновенье
Душа, возвышенно-чиста,
Когда подарит вдохновенье
Двенадцать строк на пол-листа.

СТИХИ И ВОЖЖИ

«Учил отец меня вожжами,
И применял, бывало, кнут...»
«Но так земля моя хотела,
Чтоб я любить и мыслить мог».

Г. Касмынин
«Мои университеты»

Стихи вошли в мне, как дрожжи,
Не остановишь – так и прут.
Швырнул отец на лавку вожжи,
В лохань с водой макая прут.

Напрасно мать помочь хотела,
А сам я вырваться не мог.
Мое бунтующее тело
Отец заклинил между ног.

Не то, чтоб злился он при этом.
Но выдал все же от души:
«Оно, конечно, будь поэтом,
А на заборах не пиши!»

ДОСТОЙНЫЕ СОЧИНТЕЛИ ЕСТЬ ПОСРЕДИНЕ РОССИИ !

(Отзыв на повести, выбранные мною не случайно,
из номеров журнала «Огни Кузбасса»)

Небольшое вступление... Среди нашего брата бытует стойкое предубеждение насчёт журналов из глубинки: «Что с них взять? Провинция! Захолустье... Мол, другое дело столичный «толстяк».

А ты попробуй, сунься туда. Вознамерившись пристроить свою, выношенную, вещичку, в державные обложки. Куда там, с суконным рылом... Не впустят «поджарые литсотрудники», рецензенты те же в «калашное издание». У них даже вахтёры-церберы – с фамилиями. Дальше передней ходу нет. Сиди в своей Тмутаракани, дабы не снашивать лапти зря...

(Вышесказанное никак не относится к чтимому мной журналу С. Куняева «Наш современник»). Именно наш – современник честно мыслящей и пишущей России и читателей, неравнодушных к её судьбе.

Но от упомянутого предубеждения-заблуждения ныне пора бы отказаться. То ли столица обмелела, то ли провинция стала полноводнее, но провинциальные журналы как-то стали прибавлять себе солидности. Пережили окаянное смутное время. Выжили, чёрт возьми!

Таков и журнал «Огни Кузбасса», с которым я знаком не первый год. Нынче его, по гвардейскому ранжиру, можно выставить в первый ряд. Сибирский феномен, скажете. Оно тоже так вроде: здесь, в Кузбассе, миллионная глубь времён прорывается наружу пластами первосортного, угля; да и географическая близость чудной силы Беловодья-Шамбалы – не последнее дело.

Но, помимо природного феномена, на который указывал ещё великий предсказатель Эдгар Кейси, есть в наличии и человеческий фактор. Талантами Сибирь прирастает. И журнал «Огни Кузбасса» умело находит им применение. Удачно подобрана редколлегия журнала: она не обойдёт вниманием толкового автора. Поможет преодолеть робость новичку, подающему надежды, одобрит. Как это происходит, я заметил,

побывав на презентации шестого номера журнала в Доме Литераторов

Кузбасса. Кого-то похвалили, кого-то отметили лауреатством.

Впрочем, не буду больше славословить: и так всё понятно. И всё налицо: всем удался журнал – и в ширину, и в толщину, и содержанием не подкачал. И в свет выходит шесть раз в году.

Например, нам, челябинцам, остаётся только позавидовать. Наш альманах «Южный Урал» выходит всего раз в год. И то если год – не високосный. Дадут ли денег на очередной номер нынче – вопрос: в об-

ластной казне большой убыток из-за падения ужасного метеорита.

Но ближе к делу... Коли взялся за отзывы. Вознамерившись высказать своё, отнюдь не категоричное, мнение о некоторых, заметных, публикациях в номерах журнала «Огни Кузбасса», я нарочно выбрал авторов, близких мне по возрасту и жизненно-писательскому опыту, ну и по духу, что, конечно, не мало важно.

А теперь по – порядку...

1. ПОВЕСТЬ ВИКТОРА ЧУРИЛОВА «КАК У НАС ПОД ОКНОМ». («ОГНИ КУЗБАССА» №4)

...Название повести выбрано удачно. Из песенки девичьей, наивно-простенькой и душевной. И повествование далее разворачивается в лад.

Виктор Чурилов уносится в своих воспоминаниях, увлекая читателя, в далёкое детство. Причём в детство особого рода – детдомовское. «Детдом – это Судьба», – не просто сказано, это выстрадано автором.

Видал я детдомовскую пацанву. Рядом жили, в одном городишке; правда, они за серым забором. Не жаловали они нас, «домашних» сверстников, «рогалий». Поколачивали, коль отловят где-нибудь в переулке. Не из вражды особой, и не от того, что кулачки чесались – спайку демонстрировали. Дружен был казённый народец, ватажками налетала маленькая шпана в мышино-серой униформе. Тактика сия описана в повести В. Чурилова достоверно.

А став старше, я даже дружил с одним из питомцев детдома, курсантом Ваней Липатниковым.

Была в нём редкая отзывчивость на дружбу и потребность в ней. Сказывался недолговечный человеческий теплоты, недополученного в казённом детстве.

После выпуска из училища мы, с Ваней Липатниковым заехали в Москву. Остановились в студенческом общежитии, у его детдомовской одноклассницы. Она, студентка, достигла высот в спорте, занималась фехтованием. А перед нашим приездом ей проткнули ногу рапирой. О, это надо было видеть! Ваня тут как тут – рыцарь и самая милосердная сиделка – в одном лице. Вот что значило братство далёкой детдомовской обители. Братья и сёстры... Потратив отпускные денёчки на заботы о раненой барышне, так и укатил наш Ваня к месту службы, не рассмотрев достопримечательности златоглавой столицы; а был он в Москве, чалдон, в первый раз.

К чему я привёл этот пример? К чему вышесказанное? А к тому что я хотел подтвердить этим факт того насколько правильно и хорошо я понял смысл и соль повести Виктора Чурилова.

...Жаль, что я не прочёл повесть «Как у нас под окном» раньше. До того, как я отдал в работу, по изданию, свою повесть «Laterna magica». Она тоже о детстве: моём, брата, друга, всех нас, которые... То ли спешил я при написании её, но кажется я упустил какие-то важные подробности. А вот Виктор Чурилов

не прошёл мимо них. Ему как нельзя удалось детальная лепка образов и эпизодов.

Что ещё? Не буду говорить о методе, об успешных художественных приёмах автора. Виктор Чурилов – давно профессиональный литератор. И по этой повести видно, что он в ладу со словом и правдой. Остаётся только пожелать собрату по перу, Сочинителю (именно с большой буквы) претворения новых творческих задумок.

2. ПОВЕСТЬ ВИКТОРА ПЬЯНЗИНА

«КАРАФУТСКИЙ ДНЕВНИК».

(«ОГНИ КУЗБАССА» №4/2012)

«Карафутто», в переводе с японского – Сахалин. В форме дневниковых записей описываются островные будни молодого военврача.

Сюжет – нерядовой, антураж экзотический. При первом прочтении, повесть сразу захватила меня тем, что события произведения разворачиваются в местах, знакомых мне не понаслышке. Однажды мне довелось провести лето на Сахалине-Карафутто в год пребывания там героя повести В. Пьянзина. Дело прошлое, оказался я на острове вроде как в ссылке за серьёзную провинность – предпосылку к лёгному путешествию. Да ладно, зато расширил свои географические представления. Да ещё и на казённом коште.

И к истории края немного прикоснулся. В окрестностях запасного аэродрома, куда я был сослан оперативным дежурным, оставалось немало примет японской оккупации. Каменные двухэтажки с печными трубами вдоль стен, снаружи, растущими из-под земли (чтобы полы обогревать) всё ещё служили жильём для новых хозяев острова, офицерских семей. Металлические каркасы самолётных ангаров. Взлётно-посадочная «бетонка», вполне пригодная для наших ТУ-16: на совесть строили. Удивило множество торговцев на рынке азиатской наружности.

Сперва подумал: японцы и японки, но потом мне объяснили – это корейцы.

Удивило спокойствие тёплого лета. А в моём представлении было, Сахалин – это что ни день циклоны и тайфуны. На западном краю острова тянулись гряды складчатых гор. Они навевали грусть: горы скрывали воды Татарского пролива за которым Большая земля, где точно знали срок окончания моей ссылки. А ещё понравилась навага, которую доставляли в аэродромную столовку из Поронайска, что у залива Анива. Такой вкусной наваги на материке вы не найдёте.

Прошу извинить за многословное начало. Но оно неспроста. Прибегнув к своим картинкам я хотел сказать, что прочтение повести Пьянзина будто бы вновь вернуло меня к берегам острова, но увидел я его как бы вновь, глазами героя повести. Всё знакомо. Современные авторы порой бывают скупы на описание природы, пейзажей. Но в этом смысле натура представлена автором достаточно полно. Это –

река, это – море, а вот рыба упорно пробивается на нерест. Причём вам предлагаются не аляповатые картонные декорации, а живые картины живой природы умело выписанные выразительным языком.

...Теперь по сути событий, происходящих на острове. Антураж – экзотический, но и сюжет – не рядовой. Центральная линия: Сергей, лейтенант, военврач, и японка с Хоккайдо по имени Тиеко. Странная история любви. Конечно, не из-за Kami, старинной фарфоровой чашки олицетворяющей дух предков, прониклась чувством японская девушка к русскому парню и не потому, что он отвёл от неё, нелегально проникшей на территорию нашей воинской части, риск быть схваченной дозорными. Тут нечто другое – совсем тонкая материя. И лейтенант Сергей проникся не только из-за избытка романтизма.

Во всю эту историю автор вкладывает потаённый смысл неразгаданных символов. Тиеко для молодого военврача – несбыточная мечта, сказка, «праздник восхищения луной». Мечта – неосуществимая из-за такого барьера как непроницаемый полог «железного занавеса» разделявшего страны. Тиеко недостижима для Сергея, как Аэлита с далёкого Марса.

А занавес с «той стороны» был не менее прочным, чем с нашей. И тенденция прогнать его с той, будто бы миролюбивой, стороны никогда не прерывалась.

Чем были так взволнованы спутники Тиеко с которыми в одном лайнере она летела на Сахалин? Ах, как они умилились, до слёз, заведя в иллюминаторах наши Курилы, которые с самурайским упрямством называют своими «северными территориями»!

Некогда мне, со товарищи, доводилось неоднократно пролетать мимо Японии. Проходили через Корейский пролив, где злосчастная Цусима, а дальше в сторону братского Вьетнама. Воды нейтральные, но они утыканы скалами, которых не разглядишь с высоты, да если ещё волной накроет их. Коснётся тень нашего крыла краешка скалы, одной из тех, которые японцы считают своими территориями, и тут же, незамедлительно, летели ноты протеста в наш МИД. Они возвращались грозными разносками на головы штурманской службы полка. Замаялись отписываться да отчёты составлять. А потом было принято решение проходить пролив исключительно «низёхонько», чтобы высматривать злополучные скалы невооружённым взглядом. Раз они и для радара оказались мелковаты.

Однако, ближе к теме. Договорю о центральной линии. Ну вот, слетала Тиеко бумажным журавликом-оригами на Карафутто и вернулась обратно в свою страну, оставив частицу сердца своего на другом берегу. Вернулась к своему саду камней, струнам сямисэна. А что Сергей? Ему достались редкие письма да возникающий порой силуэт девушки в зажатом огне бронзового фонарика, как на рисунке Кацусика Хокусая. Конечно, он услышит в своём воображении, как Тиеко: «Мимходом коснулась струн

сямисэна. Пролились звуки, как дождь по зелёной траве. И снова пальцы тронули струны – и звуки рассыпались лепестками цветущей сливы».

Но увы, нет места на котором хотел бы построить Сергей дом для себя и Тиеко, с видом на счастье. Нет оставленной для них нейтральной территории. Вся планета поделена на земли – «наши» и «не наши». Есть только нейтральные воды пролива, отделяющего «Снежную страну» Ясунари Кавабата от пограничной гальки острова Сергея. А на воды эти, солёные, в те времена был опущен железный занавес, до самого дна. И не разглядеть за ним юную японскую красавицу в белом цветении сакуры. Но у лейтенанта медицинской службы всё-таки остаётся вера в силу мечты. И «аромат надежды». А куда без неё?

...Кроме центральной сюжетной линии есть в повести боковые и не обязательно второстепенные. И вот одна из них... Сюрреализм – слово не ругательное. Автор имеет право на такой художественный приём. Да и не обойтись бы без него при описании судьбы несчастной девушки, пострадавшей при взрыве мины, оставленной отступавшими японцами ещё до её рождения. А может это была наша неразрвавшаяся бомба. Кто разберёт: давно была та война.

Безногая девушка, по имени Лена, мечтала о танцах и любви, а под кроватью у неё стояли красивые, ненужные туфли. И никто не мог помочь ей: ни старый японец со своими чудодейственными иглами, ни молодой военврач Сергей Иванович, со своей обходительностью и словами утешения, и которого она хотела пригласить на вальс, когда... вот фантазия, когда вырастут новые ноги. Читатель волен по своему осмыслить судьбу несчастной девушки. Но мне видится вот какой смысл. История бедной Лены – это плата. Плата за возвращение пол-Сахалина, отпанного японцами после поражения царской России в войне 1904–1905 гг. Жуткая цена!

И вот ещё одна линия. Короткая, но многозначительная. История старого японского солдата, «защитника хризантемного трона», забытого на острове в суматохе отступления. Солдат избежал плена, скрываясь в безлюдных дебрях. Вышел к людям через годы, выдав себя за корейца. Поспособствовал случай: спас корейку от медведя и стал её мужем. Герой повести познакомился со старым японцем, когда тот лечил иглами безногую Лену.

Старый солдат не признал поражения. Согласно кодексу бусидо, он сотворил харакири перед портретом императора. Он поступил как японские генералы, вспоровшие себе животы перед императорским дворцом, в день объявления капитуляции. Так умолкло эхо войны. Уж едва слышное – напоминанием о почти забытом.

Эта история естественно примыкает к центральной линии, олицетворение которой, Тиеко – «Фата Моргана» Сергея – символ вселенского примирения и прощения.

Ещё что? Надо сказать и о технике написания повести. Кто-то может заметить, что автор не избежал влияния Хемингуэя, Ремарка, или даже Кафки и Камю. Может так оно и есть... Но разве это предосудительно? Все мы из шинели шестидесятых. Впрочем, я какого-то «изма» не заметил. У автора выработан свой, собственный, характерный стиль.

Особо следует отметить не поверхностные познания автора по части японского языка и культуры страны Восходящего Солнца.

А в целом – редкостно хорошая проза. И не только она: проза и поэзия – в одном бокале. Математическая, чеховская точность фразы. А сравнения... какая образность! Много я понаставил восклицательных знаков на полях. Ритм выверен от – абзаца до абзаца: будто метроном отсчитывал. В ёмкость фразы надо вчитываться. Некоторые дни дневника героя даже описаны верлибром, белым стихом, значит, таковы были состояния его души.

И в заключение, скажу просто: кто не читал, советую. Не пожалеете. Прочти и передай товарищу.

3. ПОВЕСТЬ СЕРГЕЯ ПАВЛОВА «СОБАЧИЙ УГОЛ» (ОГНИ КУЗБАССА №5/2012).

Сочинить отзыв о произведении, сработанном собратом по перу – ответственное дело. Как бы не перехвалить или не обругать нечаянно. Насчёт последнего я и сам чувствительный: не люблю злобных критиков. Так что постараюсь быть объективным и честным.

Замечу сразу: повесть эта не на злобу дня, не способ заманить захватывающим сюжетом. Она – из скромной ниши. Но трогает. При первом же прочтении вспомнил, как сдавал экзамен за четвёртый класс. Предмет (нынче, наверное, его не «проходят») – «Родная речь». Экзаменаторы, двое их было – из города, но добрые. Спросили ласково: «А что читаешь сейчас?» «Твои верные друзья», – ответил я чётко – Про собак...» «Вот как!», – отреагировали экзаменаторы и попросили рассказать о прочитанном. За это я получил заслуженную пятёрку, недостающую для награждения «Похвальной грамотой» с портретом товарища Сталина в правом углу.

А если вспомнить классиков, «собачья» тема – шире скромной ниши. Достаточно назвать «Каштанку» Чехова, «Белый пудель» Куприна; пропустив Джека Лондона, опять к Чехову. Хотя роль шпица в «Даме с собачкой» эпизодическая. За собачка незначительная, всего лишь повод для знакомства Гурова с Анной Сергеевной, переросшего в поучительный курортный роман, о котором поведать-то некому, а если рассказать – в ответ сакраментальное: «Осетрина-то с душком». Ну и не грех вспомнить замечательного «Бима Чёрное Ухо» Гаврилы Троепольского. Щемящую душу историю, взволновавшую больше чем пол-страны (тогда ещё читающей).

Так что тема, которую освоил С. Павлов вполне достойная. А теперь давайте разберёмся: какая ли-

ния является продолжением этой темы и её развитием?

И тут мне неожиданно пришло в голову (или взбрело) применить, нетрадиционный в литературоведении, арифметический приём. Положил перед собой чистый лист бумаги и стал считать. «Один пишем, три в уме» – без калькулятора.

Первое – количество «собачьих» персонажей: в Собачьем Угле, и вне его. Получилось восемнадцать. А теперь – «двуногих». Почему так названо? А потому что, не всех таковых, обитателей страниц повести, можно причислить к людям. Итак «двуногих» – семнадцать. Почти поровну – и тех и тех.

А теперь будем сортировать. Положительных собачьих персонажей – восемь. Отрицательных типов, но безвредных – один. Негодяев – нет. Нейтральных девять.

А теперь посмотрим, что там среди «двуногих». Положительных и безвредных – семь. Отрицательных персонажей – девять. Из них, негодяев – пять. Нейтральных – один.

Вот такая арифметика. Таково соотношение добра и зла в этом мире, как следует из формулы выведенной Сергеем Павловым в его повести про собак и представителей населения. Печальный вывод: соотношение – не в пользу людей.

И конечно, при таком раскладе история собачьих персонажей не такая оптимистическая, как в «Каштанке» и «Белом пуделе». И вообще это не история, а драма.

...События этой драмы развиваются на территории химзавода, с вредным производством, и где найдётся тот самый Собачий Угол.

И где рос главный герой повести – славный пёсик Стёпка. Вырос он умным (понятливым), добрым, скромным. И ещё чего много дано ему от природы. И ещё проявит он свой героический характер. А ещё душа его (конечно, и у собак есть душа) открыта для дружбы. Вот с такой характеристикой и достоин был беспородный Стёпка стать главным героем повести.

Хорошо описано в повести зарождение большой дружбы между Стёпкой и благородным гигантом, служебным псом Циклопом. И о том, как Стёпка подружился с другим главным героем, своим тёзкой Степаном Пушкарёвым. Это его выделил сообразительный Стёпка, отзывчивый на добро, среди других «двуногих», признав в нём, собачим чутьём, Человека, с большой буквы.

Но и врагов хватало у Стёпки, храбрейшего из беспородных псов. Ох, не сладкая она, жизнь в Собачьем Углу, полная лишений, невзгод и опасностей. А враги его – не из собачьего сословья, обитавшего на заводской территории. Лютую ненависть питали к бездомному Стёпке и его другу Циклопу некоторые из «двуногих». Особенно двое, отпетых негодяев. Пётр Гайдак, замначкара, расстрелявший родню Стёпки и прочих обитателей Собачьего Угла. И ры-

жий Кузьма, его шурин – алкаш и клон всех подлецов.

Конец известен – он печален. Главные герои повести пали в неравном поединке с негодяями. Степана Пушкарёва, вступившегося за Стёпку, увезла «скорая» – инфаркт, вызванная по сигналу Стёпки.

А сам Стёпка, отважный пёсик, пал смертью храбрых «положа душу за други своя», спасая Циклопа, побратима, задыхавшегося ядовитыми парами хлора, разлитого безалаберными «двуногими». Так и остались они, нос к носу, недвижимы навечно как на постаменте памятника великой собачей дружбы.

Из проходивших мимо их тел работников завода один заметил сочувственно: «...собаки, а как смерть приняли!» А другой добавил:

«Вот тебе и собаки! Людей бы таких побольше!..»

Сюрреализм, чёрт побери! Дать бы этот сюжет какому-нибудь ревнителю западного «modern art», он, из тьмы подсознания, такую ахинею наплёл бы насчет несообразности нашей действительности: де мол вся эта жизнь – сплошная нелепость, и понять её можно только умом, находящегося в плену абсурда. Но в итоге повести – голимый реализм: в данном, конкретном случае, в эпизоде вечной борьбы Добра и Зла, победило зло. Не мог автор погрешить против логики событий вокруг злосчастного Собачьего Угла.

Но если посмотреть шире: неужто всё так плохо? На это за автором повести сохраняется право подтекста. Насторожиться надо людям, по шукшински: «Что с нами происходит, граждане?» Ведь возможна борьба добра и зла с другим счётом, положительным. Это будет, когда услышим слабый голос, с больничной койки, Степана Егоровича Пушкарёва, от его самого и «братьев наших меньших», будто воскресших перед взором читателя: «Люди, будьте людьми»

Повесть «Собачий Угол» написана с душой.

Не буду касаться в кратком отзыве техники письма автора и сугубо литературных достоинств повести. Всё это, в смысле формы, обнаруживается в достаточной степени. Добротная повесть. И вдумчивый читатель оценит её по достоинству.

4. ПОВЕСТЬ СЕРГЕЯ ЧИНЯЕВА «В КРУЖЕНИИ ЧЁРНОГО ДЯТЛА». («ОГНИ КУЗБАССА» №5/2012)

Автору повести повезло с биографией. В каком смысле? Ещё свежо в памяти время, когда на вопрос: «С кого делать жизнь?» среди самых предпочтительных занятий молодых людей, вступающих в эту самую жизнь, профессия геолога была в том же ореоле, что романтический призыв в небо, в море.

Если за плечами есть кое-что, то «карты в руки», то бишь, сюжеты интересные, в нашем случае. И темы – «вертикальные».

Ах как славно было устремиться в романтическую даль захватывающих сюжетов мариниста Виктора Конецкого, не до конца разведанной геологической «Территории» Олега Куваева! Подальше от

набивших оскомину кухонных разборок нынешних певцов обыденности (по роману в год!), конфликтов в подворотне.

Чего ждут от «разработчика» героической темы? Конечно, необыкновенных приключений. Чтобы открытия были, опасные путешествия. И чтобы природа вокруг необычная: крутые горы; бурные реки, с водопадами; леса, таящие опасности.

И всё это в повести С. Чиняева есть, в избытке. Говорливая речка, девственная тайга с кряжистыми кедрами; разнообразное небо; переменчивая погода. А на описание этой красоты словесных средств автору не занимать. В этом плане писатель пером не уступит художнику с холстом и мольбертом.

Сюжет повести развивается стремительно. Немногочисленный отряд геологов высаживается с вертолёта в труднодоступной горно-лесистой местности.

Десанту геологов поставлена задача: «изучить древние протерозойские толщи» назначенного участка. И сперва дело у них спорилось: дружно выходили на маршруты, собирали образцы, одним словом проделывали всё необходимое для открытия нового месторождения.

Но потом у них началась полоса сплошного невезения. Работа встала из-за проливных дождей. Ненастье затянулось. Надолго. И на десятый день вынужденного безделья дожди не прекратились. А тут ещё обнаружилось, что не рассчитали запас продуктов. Людям грозило не просто недоедание, но даже голод. Начальник экспедиции привлёк рабочих к заготовке подножного корма, сам рыбалкой занялся. Но это не спасло положения – паллиатив. Далее, новый шквал невзгод. Снегопады, снега по колено. И это в сентябре. Какие там маршруты...

А с чего всё началось? Предвестником беды оказался чёрный дятел, появившийся вдруг на пихте возле лагеря, с жёлтым глазом и в красной шапочке. По этому поводу начальник экспедиции поведал своим спутникам хакасскую сказку про злого шамана, душа которого после смерти вселилась в чёрного дятла: надо же о чём-то поговорить у костра.

Вообще-то дятел полезный птах: выковыривает из стволов деревьев разных вредных козявок. Но этот..., чёрный дятел, оказался другой породы. Пять раз появляется он на страницах повести, предвещая своим кружением срыв производственного плана геологической партии.

А зря Коков, начальник экспедиции, извлёк из своей памяти историю про чёрного шамана. Мистика – штука опасная: негативные мысли тоже материализуются. На плечи начальника, Григория Алексеевича Кокова разом навалилось утяжеление ответственности. Поневоле голова кругом пойдёт. Тут, на фоне сплошной мистики, и в чёрта поверишь, и в легенду о старом шамане.

Кстати, о шаманах. При всех идеологиях и при всех гонениях, кто-то верил в них. Вспомним заме-

чательный рассказ Василия Шукшина «Срезал!», в котором въедливый персонаж донимал городского гостя дурацким вопросом: «А с шаманизмом что делать будем?» Может, тогда и стоял вопрос, а теперь на этот счёт полная свобода – хоть далай-ламу в гости зови к себе. Наблюдал я в нашей Челябинской области прецедент, когда наведывался в ближний район. В селе, с башкирским населением, завёлся шаман, из бывших партработников. Натуральный шаман: в бубен колотил, камлал весело. И шёл к нему народ, сбитый с панталыку морокой разгула девяностых годов. Правда, шли, замороженные, и к мулле, тоже бывшему партаппаратчику районного масштаба.

Так что эти вопросы – не праздные: о соотношении душ и духов – нижнего ли, верхнего ли миров. И в повести Чиняева не случайно они возникают и есть кому в ней над ними задуматься.

Коков задумался. Вечный отличник, успешный; в университете воспитывался, в духе материализма. И правильно: кому как не геологам, имеющим дело с минералами и прочей «материей, данной нам в ощущениях», положено верить в первичную сущность бытия. Правда, был случай, когда и геологи засомневались. В одно время промелькнуло в печати сообщение: собирались добурить самую глубокую скважину на Кольском полуострове. Бурили её в советское время: соревнование такое было, кто ближе доберётся к центру Земли. Наподобие лунной гонки. А потом бур тормозули: не до рекордов было в начавшейся пертурбации лихолетия. А тут, когда жизнь стала устаканиваться, вспомнили про заброшенную скважину. Решили, надо дале пронзять земную кору. И вот картинка. Откинул рабочий заглушку... А оттуда!.. Тот рабочий в ужасе рванул от трубы, с заглушкой в руке. Он услышал, как из недр земных вырывался страшный вой. Или вопль, кому как казалось – и другие слышали, когда подходили к скважине. Вот такая история. Неужто подземные духи? Но заглушку, на всякий случай вернули на место. Да и зачем бурить? Скважин, ещё советских, и так хватает, чтобы качать нефтедоллары в карманы олигархов.

Но вернёмся к нашему начальнику. Кокову надо было выходить из положения. Как удачливый шахматист, он понимал, что на этот раз, в миттельшпиле партия складывается не в его пользу. Склонный и приученный к анализу, Григорий Коков, обдумывал не только конкретную ситуацию, обложенную неудачами. Он вообще задумался о жизни. И о своей, конкретно, прокручивая кадры и своей, личной хроники.

Сюжет повести именно к этому ненавязчиво и подводит читателя подводит. «А сколько вообще сюжетов используют писатели?» Такой вопрос был задан мне на встрече с читателями. Не скажу, что ответ был у меня наготове. Чем и поделился. Восемнадцать, – сказал я уверенно. Из них: по числу заповедей – десять; да ещё по грехам человеческим – семь. И отдельный сюжет про любовь. Но тут есть

одна странность: писатели предпочитают истории с печальным финалом (кроме Александра Грина, он – рыцарь). Любовь не заслуживает ни покаяния, ни наказания: она – не грех, а дар божий, как сама жизнь.

Так во что же вник Григорий Коков в своих рассуждениях, не праздных? А повернулось в его душе вот что... Слишком везло ему в жизни, слишком уверовал он в себя: «я сам» – и, как говорится, «взял богу за бороду он». А не любят боги, когда их хватают за бороду, и Чарлх-чаян, хакасский вершитель судеб, тоже возражает. Принципиально: потому что это уже грех – «гордыня» называется. Опасный грех; по перечню Фомы Аквинского – на втором месте после греха уныния.

Автор деликатно наставляет героя повести на путь истинный. А к покаянию герой сам пришёл. А как же иначе: грех без покаяния – смертный грех. В итоге, Коков, «смирив свою гордыню и пообщавшись с памятью предков, обрёл покой и надежду».

И с духами он разобрался: они на своём месте и при деле. И предсказания старого шамана он вспомнил, в котором было условие, которого он не выполнил. Катарсис – налицо.

О каких тенях – на стенах пещеры говорил Платон? Может ли сознание возникнуть квантово – механически из пустого места? – таким вопросом озадачены самые «продвинутые» космологи. На века завис вопрос о приоритете: дух или материя. И пусть он останется в умах, животрепещет: без него жизнь покажется скучна.

Вопросы остаются, и наш герой, не без помощи автора решает их для себя. В конце повести Коков приходит к выводу – верен он или нет, решать читателю: «...нелепо играть с Природой по правилам, выдуманным человеком, оттого что сам человек – всего лишь частица её».

Может, и согрешил автор чуток: есть у него некоторое поползновение к лишней прямолинейности, соблазн лобового воздействия на мировоззрение читателя (смотри некоторые абзацы в конце повести).

И всё равно, и это – главное, автор сумел отобразить, через терзания главного героя, сложность реалистического восприятия мира. Непростая задача. А метод? Выбор нынче велик, но не должно протаскивать технологию абсурда под видом новейших открытий современного искусства. Но достигло это поветрие уже пределов Садового кольца, стремясь угнездиться среди элиты буквопечатанья. Но ничего, поветрие – ещё не мор. А провинция, наша русская, ещё продержится. Слава Богу, в ней всё в порядке – с рассудком и здравым умом.

...Концовка повести, как следовало ожидать, вполне оптимистическая. Отступила хмарь непогоды, выглянуло солнце. Отстали и другие невзгоды. А теперь – за дело! И не потому что перестал кружить над урочищем, над горами окрестными чёрный дятел – воплощение духа злобного шамана. Но

потому что народ в геологической партии – подобрался настоящий – крепкий, дружный – первопроходцы. Не отступили они, убоявшись заклатья таинственных духов. Геологи имеют дело с другими тайнами, с секретами недр, богатства которых они дарят людям. Им праздновать жизнь. Героическая тема, как и должно, разрешается победным аккордом.

Что хочется сказать в заключение? В целом повесть Чиняева – сильная, художественная вещь. Она вполне соответствует высокой планке почтенного журнала «Огни Кузбасса». И дай бог автору если и не массового но толкового и внимательного читателя. А он непременно найдётся. И напишет для него Сергей Чиняев ещё много чего и не слабее повести «В кружении чёрного дятла».

Айвенго СИРАЗИТДИНОВ,

г. Челябинск

УДАЧА ВИКТОРА КОВРИЖНЫХ

До повести Виктора Коврижных «Искупление», напечатанной в «Огнях Кузбасса», № 6 за 2013 г., я знал лишь поэта Коврижных из Старобачат, Беловского района. Стихотворец он, безусловно, интеллигентный, иногда любопытный, легко играющий на струнах смеха и юмора в своих строчках, со своим поэтическим миром.

Теперь встретился с его прозой – это читательский восторг и умиление, жизнь и политика (да, да, герои спорят про политику), и слёзы, когда першит в горле при чтении и сопереживании, и любовь – куда же без любви в этом мире?!

Можно критиковать частности, въедливо бурчать: «А вот здесь стилистические сбои и неточности, а там какой-то из поступков героев никак не может вытекать из того, что перед этим произошло-случилось, есть и лексические неточности».

Но какие же это мелочи, главное-то в другом: писатель написал произведение, за которое его можно назвать победителем. Его неказистая на первый взгляд повесть о неказистой жизни начальника караула пожарной охраны Сергея Костромина – настоящее произведение искусства. Ибо волнует, заставляет камертоном настраивать читательские чувства добрые, помните Поэта, который «чувства добрые... лирой пробуждал». Так и Коврижных смог написать поэтическую повесть, в которой за производственными делами встаёт бытие простых людей, повседневность, как известно, не поэтическая, но до чего поэтичная под его пером.

Вчитайтесь, как точно он наследует давнишней литературной традиции – вводит в сюжет мистическую составляющую, потустороннее, которое не для украшения, а, словно по Николаю Васильевичу Гоголю, – для открытия бесконечного внутреннего мира человека.

К двум хорошим людям, земным во всех их преломлениях, является старичок из бывших пожарников, как они позднее выяснят, покойный уже. Исповедуется главному герою. Вы такое слышали, чтобы призрак исповедовался? У Габриэля Гарсиа Маркеса, может, сходные попытки и присутствуют к исповедальности привидений, но ведь привидения – это, как правило, опасность живущим. Здесь же, наоборот, нематериальный субъект ещё и спасает Костромина во время пожара, попутно помогая найти и вытаскать чуть не погибшего в пламени малыша.

Самое настоящее геройство совершается главным героем при помощи призрака. Кстати, пожарники ищут реального дедушку-помощника, но, естественно, никого не находят. И посыпались награды с людской благодарностью. А людские беды рядом: мать-то этого спасенного мальчика – алкоголичка, потерявшая всё материнское и человеческое в придачу.

Вот когда у нас завопили в полный голос об усыновлении? Совсем недавно, когда потребовалось ответить на политическое оскорбление от большой и сильной страны. Неловко как-то от этого привкуса чего-то, заданного иными интересами в решениях нашего высшего законодательного органа, мало касающегося судьбы сирот. Коврижных спокойно ещё в 2008–2009 гг., когда писалась повесть, показывает, как герой и его жена решаются на усыновление чужого ребенка, того самого, которого начальник караула спас на пожаре. Как там дальше пойдет, это за гранью повести, но уверенность есть полная, что такие русские люди по другому просто не могут поступить, не видя в этом своем поступке ни грана героизма. Однако гложут Костромина сомнения: «А такой ли он герой, каким его вдруг представили?» Даже пытается оставить все будущие «медальные» чествования.

Пронзительны последние страницы «Искупления», когда Сергей приходит на могилу, являющегося к нему ветерана-пожарника, казнящего себя и на том свете, искупающего свою вину через живущего собрата по огненной профессии. И молитва, которую герой не помнит, а есть она, сама приходит на язык, и обновление, после которого вся красота света белого – как на ладони. Новый человек родился! Счастливый!

Но и вслед Костромину идёт по пути нравственно-го возрождения ещё один: автор словно намекает полутонами, что по одному, шуточно только и можно стать Человеками, а никак не толпой.

И это на фоне, когда все мы буквально захлёбываемся в информационной ненависти, распространяемой многими СМИ, в грязи, фальши и безнравственной мертвечине. Как вырваться из этой рукотворной мерзости? Прежде всего, читать такие книги, в которых принципиально иная суть, здоровая и ясная: как жить и выжить, оставшись Человеком, как удержать под контролем внутреннего беса, который сидит в каждом.

Наш автор – не только трагик, жизнелюбивый, но и весёлый писатель. Не единожды заставит он улыбнуться читателя над мыслями, словами и делами своих персонажей – подобные приёмы, органичные для творчества, всегда отличали литераторов, нашедших себя в своем нелегком деле.

У писателя Коврижных и почерк свой, его стиль без ненужных умствований и выкрутасов, а, смотря-ка, и высокое искусство, музыку классическую с великим композитором вовремя услышит, и классиков литературных ненавязчиво упомянет-перекликнется. Впрочем, иногда его герои слишком лобово высказывают свои отношения и пристрастия в политике (за этим, конечно, сам писатель с его взглядами), опять-таки – это мелкие штрихи, не портящие общую картину.

Писатель ещё и философии не чужд. По крайней мере, главный ответ на вечный вопрос о сущности жизни и смерти он находит. Как и иные ответы-вопросы из разряда вечных тут как тут. И себя в персонажи повести вводит под прозрачной фамилией Ковригин, воображающего обсуждение создаваемого по велению руководства романа о пожарниках на совещании у большого начальника. При этом демонстрирует творческое мастерство, вкладывая в уста тройки обсуждающих произведение, каждому только ему присущий собственный язык: начальственно-важный – у главного лица, архаично-советский – у председателя ветеранской организации, современный бюрократический канцелярит, холодный и пустой – у пиарщика Главного управления пожарной охраны. Так что и с музыкально-писательским слухом у автора всё в норме.

Автор пишет: «Охапка цветов в руках пьянила запахом забродившего меда и хмеля». Вот точно так пьянит медом и хмелем эта проза.

Удача, несомненная удача Виктора Коврижных!

...Бог весть, в какой замкнутой раковине зрел до времени прозаический талант нашего земляка, выбросивший тугую стрелу цветка – полевого, яркого и душистого, такого родного и знакомого, гипнотизирующего внимание тех, кто хочет видеть, ощущать, мыслить...

Валерий ПЛЮЩЕВ,

г. Кемерово

БЕРЕГА КАСМАЛЫ

«Берега Касмалы» – так называется новая книжная серия, которую начали издавать в 2011 году в Ребрихинском районе Алтайского края. Авторы проекта планируют публиковать в ней книги, вышедшие в разные годы из-под пера уроженцев района, или произведения тех авторов, кто долго жил на Ребрихинской земле, и воспринимаются его жителями как земляки. Не совсем понятное для слуха слово – Касмала – это название небольшой юркой речушки,

прорезающей район с запада на восток и впадающей в могучую Обь.

Серия «Берега Касмалы» уже имеет свою небольшую историю. Первая книга – «Катятся времена волны» – вышла в свет в 2011 году. Её автор местный поэт Николай Михеев (192–2010), лауреат премии Демидовского фонда Алтая 2007 года в номинации «Поэзия». Кстати, «Огни Кузбасса» не обошли вниманием это событие, и во втором номере журнала за 2012 год появилась подборка стихов поэта из этой книги. Совсем недавно вышел в свет второй поэтический сборник серии – «Сердце поэта», собравший лирику известного в Алтайском крае писателя Геннадия Панова (1942–1992). Книга издана к 70-летию со дня его рождения, а презентация сигнального экземпляра состоялась на краевом литературном празднике «Пановские чтения», ежегодно проходящем в Ребрихе и малой родине поэта – селе Панове, что в 15 км от райцентра. В настоящее время идет подготовка третьей книги – сборника повестей и рассказов известного сибирского, российского прозаика Владимира Сапожникова (1922–1998гг).

Книжная серия интересна для читателей журнала «Огни Кузбасса» не только тем, что на его страницах в разные годы публиковались произведения этих авторов, книги серии есть в Кемеровской областной библиотеке. Есть еще одна любопытная деталь: два автора из трех, о которых говорится выше, связали своей судьбой Ребриху и Кемеровскую область. Так, Геннадий Панов, называвший своей малой родиной село Паново Ребрихинского района, родился в Новокузнецке в 1942 году, куда уехали из Паново его родители. Однако когда ему не было и двух месяцев от роду, мама Геннадия вернулась в Паново. В этом богатом, большом сибирском селе поэт вырос, учился в школе, сюда он возвращался всю свою недолгую жизнь, здесь написаны многие его стихи и поэмы.

По-другому сложилась судьба Владимира Константиновича Сапожникова. Он родился в селе Клочки Ребрихинского района в семье крепких середняков. В 1929 году семья попала под раскулачивание и ее сослали в Нарым. Хотя ему было только семь лет, он запомнил на всю жизнь день, когда его семью вывозили на санях из Клочков к пристани в Барнаул. Об этом он упоминает в своем рассказе «Я – лагерная пыль». Из Нарыма удалось перебраться в Новокузнецк, где будущий писатель учился в школе. О Новокузнецке мы находим прямые автобиографические ссылки в его произведениях. В повести «Джентльмены восьмидесятых» он делится своими детскими воспоминаниями о городе: «...В очередь за «костями» мама стала меня будить, когда я перешел в третий класс. Какими-то путями она узнавала, когда на мясокомбинате «выбросят кости», и мы тремя трамваями, поднявшись в пятом часу, ехали на другой конец Новокузнецка. Ту первую в моей жизни бабью галдящую очередь я запомнил на всю жизнь, и, когда мы вернулись домой, вытащили из мешков дочиста

обглоданные машиной кости – ребра, позвонки, головы, я спросил: «А кто мясо съел?» Мама не знала, и соседка не знала. Я и теперь не скажу, кто...» Образ Новокузнецка предстает перед читателями и в другом рассказе, из которых состоит повесть: «Толкучка – начало моего трудового стажа. Я продавал холодную воду: пятачок – кружка, торговал папиросами «Ракета» – «закурить или целую купить», снегирями, которых ловил за городом таловым пестерем. На толкучке, которая каждое воскресенье гомонила на окраине Новокузнецка, я купил свою первую книгу».

Перед войной Сапожников попал в один из лагерей ГУЛАГа, где чудом выжил, оставив пронзительные строки о том времени: «Воры знали, не спящего человека клопы не трогают, и всю ночь играли в карты, а мы из кишашего кровососами барака разбредались кто куда: по чердакам, кочегаркам, подвалам. Я две ночи спал под крыльцом, но, искусанный крысами, прокрался в баню. Там играли в карты кресты-воры, я знал, что они играют «на замочку», то есть на чужую жизнь, и я попросил одного, чтобы он кому-нибудь проиграл меня...» Будущему писателю повезло, он вышел на волю, учился в институте, где его застала война. Кстати, известность как писатель В. Сапожников получил после публикации своих военных рассказов.

В 50-60-е годы он несколько лет работал учителем в школе села Сосновка Кемеровской области. Повести и рассказы Владимира Сапожникова печатались в журналах «Наш современник», «Знамя», «Сибирские огни», «Барнаул», изданы отдельными книгами в Москве, Новосибирске, Перми, переведены на иностранные языки. Остаток жизни писатель прожил в Новосибирске, где ему присвоили звание Почетного жителя города.

Если вспомнить еще одного нашего общего земляка – киноактера и спортсмена – Алексея Захаровича Ванина, также уроженца Ребрихинской земли (об этом смотри «Огни Кузбасса» № 2, 2012), то поневоле задумаешься об общей судьбе народа огромной страны, пережившей в прошлом веке одновременно и трагические и яркие времена.

Зачем появилась эта серия? Иные скажут: есть ранее изданные книги авторов, остались они в отдельных библиотеках (хотя, многие из них за ветхостью списаны, например, в 20 сельских библиотеках Ребрихинского района осталась 1 книга Сапожникова!), и вообще – это не классика, и не современность, нужны ли эти книги?

Нужны.

Во-первых, издатели серии наводят порядок в исследовании и сохранении духовного наследия своих земляков. Ведь, что получается: не прошло и полувека, а район забыл о своих выходцах – известных в стране писателях – В. Сапожникове и М. Гребенюке (книг этого автора-фантаста, издававшегося в Ташкенте, в районе вообще нет!). Таким образом, се-

рия фиксирует важный исторический факт – Ребрихинский район был всегда богат талантливыми творческими людьми, его жителям есть чем гордиться!

Во-вторых, публикуемые в серии произведения – настоящая добротная русская литература, дающая читателю мощный заряд духовности и нравственности. Так, стихи фронтовика Николая Михеева покоряют нас своей новизной, неповторимостью, искренностью, целомудренным отношением к народным традициям, прошлому, женщине. Достаточно только прочитать предельно лаконичное стихотворение из его цикла о войне, чтобы понять: перед нами настоящее, далеко не рядовое, литературное событие:

*Окопались бойцы... Передышка.
Поредел атакующих ряд.
Мглу колеблют далекие вспышки,
И знакомые звезды горят.*

*Стона раненых больше не слышно,
А на тех, кто ещё не убит,
Из-за звёздной вуали Всевышний
С укоризной и скорбью глядит.*

Или возьмём стихи Геннадия Панова – это песнь родной земле, где «пахнет утро землей, огурцами», где он слушал «музыку парного молока»: «пахнуло полынком с пригорка, легла малиновая мгла... и тугие струйки бьют в подойник – и обретают плоть сло-

ва: вязиль, пырей, медовый донник и богородская трава...». Как пишет о поэте алтайский писатель Александр Зуев, Геннадий Панов «купался в русской речи, как в родной речке детства». Недаром в прекрасной книге «Русская сибирская поэзия» Антология XX век, изданной в 2008 году в Кемерово С. Л. Донбаем и Б. В. Бурмистровым, нашлось достойное место для стихов нашего земляка.

В рассказах и повестях Владимира Сапожникова мы находим поэзию высокого, прекрасного, человеческого чувства – любви, стремление к углубленному исследованию жизни, сложных социально-нравственных конфликтов, философским обобщениям. Его повести и рассказы «Дорога на Коён», «Летняя метель», «Белые кони», «Вольная жизнь» и другие – настоящая русская проза, которую надо сохранить, сберечь для потомков, ее надо читать во все времена!

Проект «Берега Касмалы» не ограничивается авторами, имена которых упомянуты в этой статье. В портфеле редколлегии серии произведения ещё десятка земляков, ожидающих своей очереди. Пусть эти имена не так известны, но мы не можем забыть их вклад в развитие духовного пространства района и края. Работа над изданием книжной серии «Берега Касмалы» продолжается, у нее хорошее будущее.

Сергей ЧИКИЛЬДИК,

село Ребриха, Алтайский край.

КАК БЫЛА ЛИКВИДИРОВАНА ТРАХОМА В КУЗБАССЕ

Семидесятилетие Кемеровской области вызвало много воспоминаний старожилов нашего края. Этими воспоминаниями они делятся с учениками в школах, со студентами вузов, выступают по радио и, хоть не так часто, по телевидению. Такие воспоминания приходят и к нам в редакцию журнала «Огни Кузбасса». Поделится ими и наш читатель, Александр Фёдорович Шураев, заслуженный врач РСФСР, кандидат медицинских наук.

Сейчас даже молодые врачи знают об этой болезни только из учебников.

Трахома – заразное заболевание глаз с многовековой историей. В дореволюционной России она была главной причиной слепоты. У нас в Кузбассе трахомой болели как коренные жители (шорцы и телеуты), так и переселенцы из Европейской России, главным образом из Поволжья, где издавна был очаг трахомы (чуваши, татары, мордва, реже русские).

Борьба с трахомой велась и в дореволюционном Кузбассе. Сюда приезжали так называемые «летучие глазные отряды» из Томского университета, которые работали по несколько месяцев в населенных пунктах, наиболее пораженных трахомой уездов (Кузнецкий, Мариинский, Тисульский, Бачатский и др.). В советское время борьба с трахомой резко усилилась. К моменту образования области среди её жителей насчитывалось свыше 20 тысяч больных трахомой, а в 1957 их было 10,5 тысячи. Более чем в ста населенных пунктах болело свыше 10 % населения. Среди них Симбирка, Бекет и Нижегородка (Ижморский район), Беково, Теплая гора (Беловский район), Терехино или Канаш (Топкинский район), Молостовка, Иван Брод (Промышленновский район), Михайловка, Чапаево (Прокопьевский район), Чилису-Анзас (Таштагольский район) и другие.

Борьба с трахомой была очень трудной. И причиной тому являлись социальные факторы: нищета и тесно связанная с ней низкая санитарная культура. Привычка пользоваться общим полотенцем – главный путь передачи заразного начала от больного здоровому члену семьи. И чтобы прервать эпидемиологическую цепочку.

Особенностью трахомы является и то, что самый начальный и заразный период болезни протекает мало заметно для больного. Снижение зрения вплоть до слепоты наступает чаще всего через много лет после начала болезни. Поэтому для своевременного выявления больных приходилось проводить подворные обходы с осмотром глаз у всех членов семьи.

Наверное, поэтому я выучил по несколько слов на языках народностей, болевших трахомой. При подворных обходах чувашских сел, входя в избу, я говорил «Аваны!» (здравствуйте!). «Аван, аван!» – отвечали мне. «Кусь ирадаты?» (глаз болит?). «Ирад

масс» (не болит), обычно отвечают. «Кель кунда! Лар кунда!. Кус на усы!, Кусь на гоп!» (иди сюда, садись сюда, глаз открой, глаз закрой). Несмотря на то, что они знали по-русски, неизменно в общении возникала доброжелательность, что избавляло от конфликтов.

Не обходилось и без курьёзов. Однажды по привычке войдя в дом, я произнес «Аваны!», а мне в ответ: «Здравствуй, мил человек!». И слышу: «Девка, принеси спиЦки!». А у меня невольно вырвалось: «А Цгунок со Штями в пеЦке ёсть?». «Откуда же ты знаешь по-нашенски?». Оказывается, жители этого села (Междугорка, Крапивинского района) переселенцы из Смоленской области, Пречистенского района. А за время учебы в Смоленской медицинском институте мы выезжали в разные районы области на уборку урожая, там-то и слышал уже этот говор.

Лечение трахомы до появления антибиотиков было длительным и нередко болезненным. Из-за этого значительная часть больных уклонялась от него. Надо было не только убеждать, но и принуждать больных лечиться.

Особенно неохотно сельские жители соглашались лечиться в стационаре. Из участковых больниц сбегали прямо в казённом белье. В Чилису-Анзасе Таштагольского района мы уговорили около 10 человек полечиться в местной участковой больнице. Зная, что больные сбегут – вызвали вертолёт и прямо в выданной одежде отправили их в Таштагол, в районную больницу. А это почти 30 км. Оттуда не сбегут.

Положение коренным образом изменилось, когда 168
вышло постановление ЦК КПСС о борьбе и ликвидации трахомы в стране. Ведь трахома являлась убедительным свидетельством крайне низкой культуры значительной части населения. А это наносило урон престижу страны, законно гордившейся успехами в культурном строительстве. Вот почему ликвидация трахомы была поставлена в ряд политических задач.

В декабре 1958 года в обкоме КПСС было проведено совещание с руководителями партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций городов и районов области. Вёл совещание секретарь обкома партии В.И. Залужный. Выслушав выступления участников совещания, он внес разумные коррективы в подготовленный облздравотделом план мероприятий. В результате за состояние дел в борьбе с трахомой руководители партийных и советских органов стали отвечать так же, как за уборку урожая, поставки молока и мяса. С целью координации деятельности различных служб и ведомств была создана комиссия по борьбе с трахомой во главе с заместителем председателя облисполкома Миловым Е. Е. В состав комиссии вошли представители областных ведомств и общественных организаций: облздравотдела, облСЭС, аптекоуправления, народного образования, культуры, торговли, обкома ВЛКСМ, облсовпрофа, обкома Красного Креста. Комиссия заслушивала отчеты исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся о ходе ликвидации трахомы на местах. За крупные недостатки в работе

выносились взыскания вплоть до снятия с работы руководителей районных организаций.

Борьба с трахомой координировалась облздравотделом через областной трахоматозный диспансер. Ежеквартально издавался бюллетень о ходе ликвидации трахомы и рассылался городским и районным комитетам КПСС, исполкомам городских и районных Советов. На заседаниях медицинского совета, и совещаниях облздравотдела регулярно заслушивались отчеты о ходе работы. Выносились взыскания за недостатки, поощрялись лучшие. В условиях недостатка окулистов из областных лечебных учреждений в районы направлялись в длительные командировки врачи разного профиля. В сельских районах они и организовывали эту работу. Проводилась временная перепрофилизация больничных коек для лечения больных трахомой.

Областной совет профсоюзов разослал подведомственным структурам указания о формах их участия в борьбе с заболеванием. Обком ВЛКСМ обратился к комсомольцам включиться в работу по организации здорового быта в очагах трахомы.

Чтобы собрать население для проведения осмотра глаз, использовали радио. Радиоузлы были в каждом колхозе и совхозе, а радиоточки были практически в каждом доме. В селе Серебряково Тяжинского (теперь Тисульского) района я хотел выступить с беседой о трахоме по местному радио. Зав. радиоузлом оказался «бдительным»: потребовал от меня текст, заверенный в отделе пропаганды райкома партии. Ситуацию разрешил секретарь парторганизации, взяв на себя ответственность за моё выступление.

В клубах размещали наглядную агитацию в виде плакатов и памяток о трахоме. В селе Терехино Топкинского района стали исчезать эти материалы. Оказалось, что местная молодежь стеснялась «своей» трахомы перед посетителями клуба из других сел, где трахомы не было, и срывала эти плакаты.

Областное управление культуры и комитет по кинофикации по заявкам областного дома просвещения обеспечивали демонстрацию кинофильмов о трахоме и личной гигиене.

Через комитет кинофикации было приобретено 10 копий фильма о трахоме. Демонстрировали фильм перед началом показа кинокартин. Обычно фильм о трахоме вызывал неприятие зрителей, так как приходилось смотреть его несколько раз. Приезжая в село, я комментировал этот фильм, а кто-нибудь из руководителей колхоза (совхоза) переводил моё выступление на чувашский язык. И вдруг слышу чистый русский мат. Потом спрашиваю: «Зачем?». «А чтобы лучше доходило». Подобный же эпизод произошёл в Якутии, в Усть-Мае, где по заданию Минздрава РСФСР я проверял работу по трахоме.

Облпотребсоюз по разнарядке трахоматозного диспансера не только направлял дефицитные тогда дешёвые («вафельные») полотенца в неблагополучные по трахоме села для бесплатной раздачки семьям, где были больные, но и следил за бесперебойным наличием в магазинах сельпо умывальников,

мыла и других предметов личной гигиены. Областной отдел народного образования оказал большую помощь в организации специальных летних пионерских лагерей для лечения детей. Учителя школ знали своих учащихся, больных трахомой, контролировали их лечение, прививали навыки личной гигиены. На курсах, организованных обкомом Красного Креста, для лечения больных готовили сестер из жителей сел, где не было медицинских учреждений.

Конечно, основную тяжесть в борьбе с вековым бичом народа несли медицинские работники, прежде всего врачи и фельдшеры областного трахоматозного диспансера. Они проводили в командировках по 3-4 месяца в году, добирались до отдалённых сел попутным транспортом, обучали медицинских работников сельских фельдшерско-акушерских пунктов методикам выявления больных и их лечения.

Были прооперированы тысячи людей.

За два года напряженной работы количество больных уменьшилось в два раза, а в 1964 году трахома в Кузбассе (как и в стране в целом), была ликвидирована полностью.

Опыт борьбы с трахомой наши врачи использовали в командировках в зарубежные страны. Так, А. И. Колоткова работала в Йемене, Г. А. Плосконос в Ираке, Л. И. Иванова и Г. П. Чикинда – в Бурунди (Экваториальная Африка).

За успешную ликвидацию трахомы в области наиболее отличившиеся были удостоены государственных и областных наград. Звания заслуженный врач РСФСР удостоены Коровина С. С. (г. Анжеро-Судженск), Ю. Ю. Спасская (г. Киселевск), А. Ф. Шураев (г. Кемерово). Орденом «Знак Почета» награждены Н. А. Шаталова (Тяжинский район) и А. Ф. Шураев (г. Кемерово). Почетной грамотой облисполкома награждено 14 человек, в том числе председатель Бекетского сельского Совета Ижморского района Х. С. Абдурашитов, председатель Соломинского сельского Совета Топкинского района Л. А. Маркин, врачи окулисты И. С. Гончарук (г. Кемерово), Т. И. Игнатова (врач Драченинской участковой больницы Ленинск-Кузнецкого района), Е. С. Суханова (врач Мало-Песчанской участковой больницы Мариинского района), средние медицинские работники Н. А. Наумова (фельдшер, заведующая Джелсайским врачебным участком Таштагольского района), О. Ф. Павлова (медицинская сестра Терехинского медицинского пункта Топкинского района) и др.

Несомненно, что результаты этой работы не были столь впечатляющими, если бы во главе здравоохранения области в то время не стояла талантливый организатор здравоохранения и большой души человек – Мария Нестеровна Горбунова.

Сейчас принято осуждать весь советский период нашей истории, в том числе и так называемую командно-административную систему. Ликвидация трахомы в стране и Кузбассе – наглядное подтверждение эффективности этой системы.

Александр ШУРАЕВ,

г. Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

17–19 мая состоялось международное совещание молодых писателей в Каменске-Уральском. Кузбасс представляли: в качестве руководителя семинара поэт Б. Бурмистров, в качестве участников совещания В. Майданов (г. Новокузнецк), Ю. Сливина (г. Ленинск-Кузнецкий). По итогам совещания Ю. Сливина рекомендована в Союз писателей России.

17 июня в Городском классическом лицее прошла встреча лицеистов-филологов с поэтами Людмилой Чидилян и Дмитрием Мурзиным. Почти два часа шёл разговор о поэзии, любви к чтению, семейных ценностях, воспитании. Встреча не превратилась в монолог приглашённых поэтов. Лицеисты ответили чтением своих любимых стихов. Прозвучали строки Маяковского, Цветаевой, Донбая, Киселёва, Гейне, Вордсворта.

21 июня в Доме творчества посёлка Верх-Чебула состоялась встреча депутата Областного совета Г. Соловьёвой и поэтов Б. Бурмистрова и С. Донбая с библиотекарями, журналистами, музейными работниками и литераторами г. Мариинска и посёлков Тяжин и Верх-Чебула. Как сказала Г. Соловьёва, инициатором этой встречи стала Фаина Самойлова, автор книги «Гражданка начальница». Поэты читали свои стихи, отвечали на вопросы. Все собравшиеся поддержали предложение Г. Соловьёвой создать литературную студию объединяющую эти посёлки и город.

25–26 июня в Барнауле состоялся Всесибирский семинар молодых литераторов. В качестве руководителей одного из семинаров поэзии были поэты из Кемерово Б. Бурмистров и С. Донбай. Затем они же 27–28 июня приняли участие в работе выездного Всероссийского пленума Союза писателей России «Нравственность есть правда. Сбережение народа и современная русская литература». Некоторые выступления на эту животрепещущую тему будут опубликованы в журнале «Огни Кузбасса». Участники пленума, известные русские писатели, побывали с выступлениями в Шукшинских Сростках и на Рождественских чтениях в селе Косиха, на родину Роберта Рождественского.

В середине июля в Иркутске и Иркутской области прошёл 12-й Международный фестиваль поэзии на Байкале. 12-й фестиваль был организован с сибирским размахом: более двадцати мероприятий на тринадцати площадках, заинтересованная публика, гости-писатели из Москвы, Петербурга, Вологды, Казани, Харькова, Коктебеля (Украина), Халле (Германия). Гостями фестиваля стали Юрий Поляков, Владимир Берязев, Владимир Алейников, Евгений Чигрин, Ирина Евса, Станислав Минаков. Кузбасс на

фестивале представлял поэт Дмитрий Мурзин. Вместе с другими участниками фестиваля Д. Мурзин выступал в Иркутске, Саянске, Зиме. Завершился фестиваль пятичасовой прогулкой по Байкалу.

27 июля в старинном сибирском городе Мариинске прошли Чивилихинские чтения в честь 85-летия со дня рождения В.А. Чивилихина. Своими мыслями о творчестве писателя-земляка поделились поэты из Кемерово Борис Бурмистров, Александр Катков и Владимир Ерёмченко.

3 августа в селе Марьевка прошли очередные Федоровские чтения, посвященные 95-летию со дня рождения великого русского поэта Василия Дмитриевича Федорова. Радужные хозяева встретили, как обычно, хлебом-солью, дали отведать марьевских блинов и медовухи. У дома, где жил поэт, замечательный вид на озеро Кайдор и необозримые луга. Некоторые строки Василия Дмитриевича стали почти поговорками:

*По главной сути
Жизнь проста:
Её уста...
Его уста...*

На праздничном митинге выступили представители Яйской администрации. От писательской делегации взял слово поэт Борис Бурмистров – директор Дома литераторов Кузбасса. Бывший издательский работник Тамара Махалова поделилась воспоминаниями о Василии Дмитриевиче. Звучали стихи поэта и песни на них.

После митинга гости прошли на площадь у дома культуры. Там выступали народные коллективы, а в литературном кафе читали стихи все желающие.

В доме культуры состоялась основная программа. Была зачитана поздравительная телеграмма губернатора Кемеровской области Амана Тулеева. От Яйского управления культуры выступила Ирина Михайлова. Вручались грамоты и памятные подарки.

Праздничный двухчасовой концерт прошёл на одном дыхании. Значительная часть концерта была из выступлений поэтов. Каждый поэт дарил Марьевке свою книгу стихов. Замечательно выступили Борис Бурмистров, Александр Катков, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов, Владимир Шумилов (Кемерово), Галина Золотаина (Ленинск-Кузнецкий), Нина Глушкова (Полысаево), Николай Хоничев (Томск), Татьяна Колач (Юрга), Сергей Побоккин, Геннадий Горюнов (Анжеро-Судженск), представители кемеровской литературной студии «Притомье» Андрей Пятак, Юрий Дубатов, Виктор Киселев. Завершил концерт своей песней на стихи Василия Федорова кемеровский автор-исполнитель Виктор Егоров.

Праздник получился по-особому доверительный и сердечный.

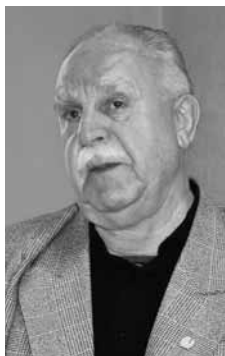
10 августа в деревне Юго-Александровке Кемеровского района прошел 9 литературный фестиваль Юго-Александровский родник. Всех гостей причастили водой из родника, звучали русские народные песни в исполнении хора «Веселуха». В рамках фестиваля прошло поэтическое состязание. Жюри в составе членов Союза писателей России А. Ибрагимова, Л. Гержидовича, И. Малковой, А. Русских, Д. Мурзина выслушали выступления участников из Новосибирска, Кемерово, Берёзовского, Новокузнецка, Прокопьевска. Первое место присуждено И. Тюниной (г. Кемерово), второе – О. Яковлевой (г. Кемерово), третье – Д. Сабининой (г. Прокопьевск). Обладатель первого места получил право на издание книги в издательстве «Союз писателей» (г. Новокузнецк). По традиции фестиваль завершился вечером у костра. Звучали стихи и песни.

В августе отмечают свои юбилеи наши коллеги из Новокузнецка члены Союза писателей России, авторы журнала «Огни кузбасса».

От души поздравляем с 60-летием прозаика Николая Николаевича Ничика, руководитель Новокузнецкого филиала СП Кузбасса! Его честные и достоверные рассказы о шахтёрах в своё время заметил и поддержал замечательный писатель Гарий Немченко. Его бурную энергию в отстаивании справедливости и поддержку ощущают на себе писатели и молодые литераторы Новокузнецка.

По товарищески, тепло поздравляем с 75-летием прозаика Владимира Максимовича Неунывхина! В прошлом профессионал в суровой работе, он стал профессиональным писателем, чьи рассказы о природе завоевали своего читателя.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В пятом номере журнала «Сибирские огни» за этот год опубликована подборка стихов Иосифа КУРАЛОВА «Про чёрный уголь, небо голубое...»

В поэтическом альманахе «Иркутское время» за 2013 год опубликованы стихи Дмитрия Мурзина.

В поэтическую антологию «Лучшие стихи 2011 года» вошли стихи Дмитрия Мурзина.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Виктор Арнаутов. Как слово наше отзовётся...: Очерки о жизни и творчестве писателей Кузбасса. Отзывы, рецензии, предисловия к книгам. / В. С. Арнаутов. – Кемерово: ООО ПК «Офсет», 2013. – 296 с.

Сергей Грущанский. «Приметы главного». Избранные стихи, проза, публицистика. Издательство «Altaspera» (Канада). 2013 г. – 292 стр.

Василий Федоров. Книга Веры / В. Д. Фёдоров; сост.: А. Северный. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 364 с.

Василий Федоров. Женитьба Дон Жуана. Неоконченная книга Души / В. Д. Фёдоров; сост.: А. Северный. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 347 с.

Василий Федоров. Книга Любви / В. Д. Фёдоров; сост.: А. Северный. – Изд. 4-е, доп. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 364 с.

Владимир Чивилихин. Серебряные рельсы: повести / Владимир Чивилихин. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 340 с.

Михаил Анохин. Только память: повести / М. П. Анохин – ООО ПК «Офсет», 2012. – 532 с.

Михаил Гоголев: Своевременно. Надёжно. Красиво: повесть / Гоголев М. П. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2013 г. – 168 с.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Всерусский Соборъ» и «Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» и «Новый енисейский литератор» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь», «Зеленая лампа» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Артём).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флэшки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

ISBN 978-5-202-01126-9

© ГУК «Дом литераторов Кузбасса», 2013
© ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор
Корректоры:
Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**

Подписано к печати 27.08.2013. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 279.
Цена свободная

Адрес изд-ва и типографии: ООО «Печатный двор Кузбасса». 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 67, тел. (3842)76-58-88.
E-mail: 89235111122@mail.ru